

12

НОВОБИТЪ МИТОСЪ

НОВОБИТЪ
МИТОСЪ

12

1954

1954

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXX

№ 12

Декабрь, 1954 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — Дядя Стёпа милиционер, поэма	3
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН — Сердце матери, поэма	9
БОРИС ГОРБАТОВ — Донбасс. Из второй книги романа	18
С. МАРШАК — Времена и люди. Из книги «Начало века». Стихи	87
ИЗ МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН. Перевод с марийского С. Поделкова	97
ПУБЛИЦИСТИКА	
ВЕЛИКИЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА. К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина	100
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ	
ЮЛИАН ТУВИМ — Из цикла стихов «Цветы Польши». Перевод с польского Николая Чуковского	106
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
С. ЗАЛЫГИН — Работа над очерком...	114
Г. МАКОГОНЕНКО — Против «тления слова-сырца»!	124
К. ГОРБУНОВ — Между Окой и Волгой	135
ЮРИЙ ДОЛГУШИН — Поговорим всерьёз	155
ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ	
МЕЖДУ ДВУМЯ СЪЕЗДАМИ. Окончание	162
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ	225
ДНЕВНИК ИСКУССТВ	
С. ГИАЦИНТОВА — У книжной полки	246
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Проф. Г. АБОВ — В борьбе за реализм. К 125-летию со дня рождения М. Налбандяна	258
ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ	
СЛОВО К ПИСАТЕЛЯМ	266
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	279
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1954 ГОД	283

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

★

ДЯДЯ СТЕПА МИЛИЦИОНЕР

Поэма

Кто не знает дядю Стёпу?
Дядя Стёпа всем знаком!
Знают все, что дядя Стёпа
Был когда-то моряком,

Что давно когда-то жил он
У заставы Ильича
И что прозвище носил он:
Дядя Стёпа-Каланча.

И сейчас среди великанов,
Тех, что знает вся страна,
Есть такой Степан Степанов —
Бывший флотский старшина.

Он шагает по району
От двора и до двора,
И опять на нём погоны,
С пистолетом кобура.

Он с кокардой на фуражке,
Он в шинели под ремнём.
Герб страны блестит на пряжке —
Отразилось солнце в нём!

Он идёт из отделения,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от изумленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»

Дядю Стёпу уважают
Все — от взрослых до ребят.
Встретят — взглядом провожают
И с улыбкой говорят:

«Да-а! Такому молодцу
Форма новая к лицу!
Если встанет на посту,
Все увидят за версту!»

* * *

Возле площади затор —
Поломался светофор:
Загорелся жёлтый свет,
А зелёного всё нет...

Сто машин стоят, гудят,
С места тронуться хотят,
Три, четыре, пять минут
Им проезда не дают.

Тут сотруднику ОРУДа
Дядя Стёпа говорит:
«Что, братишка? Дело худо?
Светофор-то не горит?»

Из стеклянной круглой будки
Голос слышится в ответ:
«Ни к чему такие шутки!
Что мне делать, дай совет!»

Рассуждать Степан не стал —
Светофор рукой достал,
В серединку заглянул,
Что-то где-то подвернул...
В то же самое мгновенье
Загорелся нужный свет.
Восстановлено движенье,
Никаких заторов нет!

Нам ребята рассказали,
Что Степана с этих пор
Малыши в Москве прозвали:
Дядя Стёпа-Светофор.

* * *

Что случилось?
На вокзале
Плачет мальчик лет пяти.
Потерял он маму в зале,
Как теперь её найти?

Все милицию зовут,
А она уж тут как тут!

Дядя Стёпа не спеша
Поднимает малыша,
Поднимает над собою,
Над собой и над толпою
Под высокий потолок:
«Посмотри вокруг, сынок!»

Смотрит Коля — видит: прямо,
У аптечного ларька,
Утирает слёзы мама,
Потерявшая сына.

Слышит мама голос колин:
«Мама! Мама! Вот где я!»
Дядя Стёпа был доволен:
«Не распалась семья!»

* * *

Шёл из школы ученик,
Всем известный озорник,
Он хотел созорничать,
Но не знал, с чего начать.

Шли из школы две подружки,
Две болтушки-хохотушки,
В сумках книжки и тетрадки,
Но в тетрадках всё в порядке.

Вдруг навстречу озорник —
В ранце с двойками дневник,
Нет эмблемы на фуражке,
И ремень уже без пряжки.

Не успели ученицы
От него посторониться,—
Он столкнул их прямо в грязь,
Издевательски смеясь.

Ни за что он их обидел
У прохожих на виду,
А потом трамвай увидел,
Прицепился на ходу.

На подножку встал ногой,
Машет в воздухе другой!

От дверей универмага
Дядя Стёпа в тот же миг
Сделал три огромных шага
Через площадь напрямик.

На трамвайном повороте
Снял с подножки сорванца:
«Отвечайте: где живёте?
Как фамилия отца?»

С постовым такого роста
Спорить запросто не просто!..

* * *

На реке и треск и гром —
Ледоход и ледолом.

Полоскала по старинке
Бабка в проруби простынки.
Треснул лёд — река пошла,
И бабуся поплыла.

Бабка охает и стонет:
«Ой! Бельё моё утонет!
Ой! Попала я в беду!
Ой! Спасите! Пропаду!»

Дядя Стёпа на посту —
Он дежурит на мосту.

Дядя Стёпа сквозь туман
Вдаль глядит, как капитан.
Видит: льдина. А на льдине
Плачет бабка на корзине.

Не опищешь, что тут было!
Дядя Стёпа руки — вниз,
Перегнувшись за перила,
Как над пропастью, повис.

Он успел схватить в охапку
Перепуганную бабку.
А старуха — за корзину:
«Я бельё своё не кину!»

На мосту народ хохочет:
«Ты бельё, бабуся, брось!»
А бабуся, знай, бормочет:
«Вместе вытащит авось!»

Так Степан и спас её,
И корзину, и бельё!

* * *

Дяде Стёпе, как нарочно,
На дежурство надо срочно.
Кто сумел бы по пути
Дядю Стёпу подвезти?

Говорит один водитель,
Молодой автолюбитель:
«Вас подбросить к отделению
Посчитал бы я за честь,
Но, к большому сожалению,
Вам в «Москвич» мой не залезть!»

«Дядя Стёпа! Я подкину! —
Тут другой шофёр позвал.—
Залезай ко мне в машину,
В ярославский самосвал!»

* * *

Шли ребята мимо зданья,
Что на площади Восстанья.
Вдруг глядят: стоит Степан —
Их любимый великан!

Все застыли в удивленье:
«Дядя Стёпа! Это вы?
Здесь не ваше отделение
И не ваш район Москвы!»

Дядя Стёпа козырнул,
Улыбнулся, подмигнул:

«Получил я пост почётный!
И теперь на мостовой,
Там, где дом стоит высотный,
Есть высотный постовой!»

* * *

Гладко залитый каток,
Как натянутый платок!

На трибунах все встают:
Конькобежцам старт дают,
И они бегут по кругу,
А болельщики друг другу
Говорят: «Гляди, гляди!
Самый длинный впереди!
Самый длинный впереди —
Номер «8» на груди!»

Тут один папаша строгий
Своего спросил сынка:
«Неужели эти ноги
У команды «Спартака»?»

В разговор вмешалась мама:
«Эти ноги у «Динамо»!
Очень жаль, что наш «Спартак»
Не догонит их никак!»

В это время объявляют:
Состязаниям конец!
Дядю Стёпу поздравляют:
«Ну, Степанов! Молодец!»

Дядей Стёпою гордится
Вся милиция столицы:
Стёпа смотрит сверху вниз —
Получает первый приз!

* * *

Как-то утром в воскресенье
Вышел Стёпа со двора.
Стоп! Ни с места! Нет спасенья:
Облепила детвора.

На начальство смотрит Витя,
От смущенья морщит нос:
«Дядя Стёпа! Извините!»
«Что такое?» «Есть вопрос!

Псечему, придя с Балтфлота,
Вы в милицию пошли?
Неужели вы работу
Лучше этой не нашли?»

Дядя Стёпа брови хмурит,
Левый глаз немного щурит,
Говорит: «Ну что ж, друзья!
На вопрос отвечу я!

Я скажу вам по секрету,
Что в милиции служу,
Потому что службу эту
Очень важной нахожу!

Кто с жезлом и с пистолетом
На посту зимой и летом?
Наш советский постовой!
Это тот же часовой!

Ведь недаром сторонится
Милицейского поста
И милиции боится
Тот, чья совесть не чиста.

К сожалению, бывает,
Что милицией пугают
Непослушных ребятишек
И капризных малышей.
Нам, милиции, обидно!
Нас не знают, очевидно!
И когда я вижу это,
Я краснею до ушей!»

У ребят второго класса
С дядей Стёпой больше часа
Продолжался разговор.
И ребята на прощанье
Прокричали: «До свиданья!
До свиданья! До свиданья,
Дядя Стёпа-Светофор!»

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

★

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Поэма

1

Пурга мела старательно и долго.
Была равнина снежная бела.
В притихший дом рабочего посёлка
Бумага похоронная пришла.

И комната всплыла легко и зыбко,
И лампа чёрным вспыхнула огнём.
И мать хотела крикнуть: — Здесь ошибка!
Не может быть! Ведь это не о нём!..

Хотела крикнуть, но не закричала.
Взяв осторожно лампу со стола,
Средь комнаты в раздумье постояла
И тихо к фотографиям прошла.

Одна к одной — их целая витрина,
Полжизни на бревенчатой стене.
И мать глядела пристально на сына...

Всё это было смутно, как во сне.

Потом сидела, не меняя позы,
Рукою по клеёнке проводя,
Как в этот миг нужны ей были слёзы!
Но тем и страшен зной, что нет дождя.

Она сидела, странно цепenea,
Ещё не понимая ничего.
А сын стоял весёлый перед нею,
И мать всю ночь глядела на него.

Она его на бой благословляла...
А нынче, сидя около стола,
То маленьким, то взрослым представляла
И лишь представить мёртвым не могла...

2

Кто жил в глуши, где тишина лесная,
Где дали неоглядно широки,
Где шум ветров,— тот, несомненно, знает,
Что значат здесь фабричные гудки.

Был перерыв. Безмолвно, как немая,
Стояла мать в пролёте у окна.
Смотрела, ничего не понимая...
И Нюру вдруг увидела она.

Она давно слыхала это имя:
Его упоминали всякий раз,
Когда, с друзьями встретившись своими,
Сын умолкал, на стол облокотясь.

Тут начиналось: — Есть такая — Нюра...
— Ты что, не объяснился до сих пор?.. —
А сын краснел, отмахиваясь хмуро:
— Давайте кончим этот разговор!..

Но в серый день — минувшею зимою,
Когда шумел запруженный вокзал,
Сперва простившись с матерью родною,
Он девушку при всех поцеловал.

И хоть была суровою разлука
И предстоял солдатам дальний путь,
Она и мать успели друг на друга
Тайком, как могут женщины, взглянуть.

И мать тогда взглянула суховато,
Как будто чем обидели её,
А девушка — немного виновато,
Но сохранив достоинство своё.

...А поезд шёл размашисто и круто,
Белёсый дым исчез уже вдали.
Они ещё стояли.. Почему-то
Друг к другу там они не подошли.

А нынче словно кто-то взял за плечи,
И подтолкнул, и вымолвил: — Иди! —
Мать поспешила девушке навстречу,
Удары сердца чувствуя в груди.

И та навстречу двинулась неловко,
Пошла быстрее, стараясь не бежать,
Застёгивая синюю спецовку
И глядя умоляюще на мать.

Мать замерла, не в силах сделать шага,
Сказать хотела что-то — не смогла,
Хотела вынуть страшную бумагу —
Не вынула, а Нюру обняла.

И, не пытаясь отойти в сторону,
А тут же, на проходе, у окна,
Увидев, как заплакала девочка,
Впервые зарыдала и она.

Как всё сложилось горестно и странно!
Входить бы ей впервые в этот дом
Под перебор весёлого баяна,
Шутя, смеясь... Но тихо всё кругом.

И, встреченная чуткой тишиною,
Она вошла с поникшей головой,
В свой век ещё не ставшая женою,
Она отныне сделалась вдовой.

Она стояла — бывшая невеста:
Что это я? Не плачу ли опять?
Для слёз найти другое можно место,
Другое время можно подыскать.

И вот уже, серьёзно сдвинув брови,
Как будто мужа добрая жена,
Хотевшая понравиться свекрови,
Всё прибирала в комнате она.

А через час они уже глядели,
Как за окном кружится синий снег,
И пили чай. Посмотришь, в самом деле,
Как будто вместе жили целый век.

Их горе небывалое сплотило,
Оно объединило их в пути.
...И каждый день к ней Нюра приходила,—
А разве можно было не прийти?

Вприкуску выпив жиденького чаю,
Они садились вместе на кровать.
Мела метель, дубы в саду качая.
И Нюра оставалась ночевать.

А как-то раз сказала мать со вздохом,
Рукою проводя по седине:
— Слыхала я, что в общежитье плохо.
Перебиралась, право бы, ко мне...

Иль правда в общежитье было худо,
Иль что другое этому виной,
Но только Нюра впрямь ушла оттуда,
Перебралась в ближайший выходной.

Гудел, и пел, и бился возле входа
Буран. И не хотелось говорить.
Мать думала: вернётся сын с похода —
Как станет он её благодарить...

Для них теперь всё общим в жизни было —
Одна и та же радость и тоска.
Ведь каждая из них его любила
И тем уже другой была близка.

4

Зима кончалась. Вешний тонкий запах
Струился вслед ликующим лучам.
А фронт всё дальше двигался на запад,
Уже светились окна по ночам.

Уже затихли зимние метели,
И под наплывом вешнего тепла
Снега сошли, сосульки облетели,
Земля чего-то нового ждала.

И льдины вниз прошли поодиночке,
Бурля, текли ручьи во все концы,
И крохотные дерзкие листочки
Наружу пробивались, как птенцы.

И день настал... До памятного года
Он был обычным, незаметным днём,
А стал великим праздником народа,
Веками будет память жить о нём.

И день настал. Вослед за Первым маем
Весеннее девятое число
Под гром стволов, что длился нескончаем,
Знамёнами победы расцвело.

...А мать ждала и слушала в волненье:
Приехал тот, вернулся тот и тот...
И вдруг явилось страшное сомненье:
Что если вправду мальчик не придёт?

...Нет, никому такое не под силу.
Пойми, что бесполезно стало ждать!
Но мать ждала. А что ей делать было?
На то она, наверное, и мать.

И в каждом взгляде, в каждом робком жесте
Сквозило ожидание одно.
Они, как прежде, жили с Нюрой вместе,
Казалось, так навеки решено.

В июле Нюра ездила два раза
На совещанья в город областной.
Мать выслушала нюрины рассказы
Без интереса, словно стороной.

Всё Нюра ловко делала, умело,
И, приглядысь внимательнее, мать
Заметила, что та похорошела,
И это стало глухо раздражать...

...Был тихий вечер на исходе лета.
Спокойно у раскрытого окна
Сидела мать, не зажигая света.
Светила ярко полная луна.

И вдруг вдали возникли две фигуры.
Шли под руку вдоль спящих тополей.
Вгляделась мать и угадала Нюру,
А рядом с ней... Но кто же рядом с ней?..

И на одно короткое мгновенье,
Как молния, в мозгу мелькнуло: «Он!..»
И мать привстала, напрягая зренье...
Но темнота ползла со всех сторон.

Опять луна равнину осветила.
И каждым нервом чувствовала мать,
Как Нюра что-то нежно говорила,
Не разрешая дальше провожать.

Вот попрощалась за руку... Не сразу,
Оглядываясь, медленно пошла...
Что ей сказать? Найти какую фразу?
И мать застыла около стола.

Так, словно что-то вдруг соображая,
Сидела мать, не подымая глаз:
«Откуда эта женщина чужая?..»

И обе промолчали в этот раз.

Но час пробил, когда, дыша неровно,
Шагнула Нюра прямо к рубежу,
Сказав: «Простите, Ксения Петровна,
Но только я... я замуж выхожу...»

Сказала и заплакала, как будто
Пришёл один из самых горьких дней.
Такие слёзы — ровно на минуту,—
Нет, мать не стала плакать вместе с ней.

А плача ночью, думала сурово:
«Пожалуй, песня старая верна,
Что, мол, жена найдёт себе другого...
Но, впрочем, Нюрка даже не жена...»

То вдруг по-детски думала серьёзно:
Вернётся сын, быть может, в этот год,
Спohватится она, да будет поздно,
А сын себе красавицу возьмёт...

Рассвет вставал, томителен и долог,
И было всё наполнено тоской...
А нюрин муж — слыхала мать — геолог,
Ну, в общем, человек не заводской...

5

Цвели цветы. Светило солнце ясно.
Росли дома — за новым домом дом.
Но мать смотрела как-то безучастно
На всё происходящее кругом.

Вновь по гудку вставала ранней ранью,
Шла на работу, как заведено,
И посещала общие собрания,
А иногда смотрела и кино.

Порой гулять ходила, и к знакомым,
И наводила в комнате уют.
Но дом её — он стал печальным домом,
Где больше никого уже не ждут.

Придёшь домой, и — вольно иль невольно —
К тебе воспоминания опять.
И так от них безрадостно и больно,
Что хочется из дома убежать.

Но это можно — убежать из дома, —
Куда бежать от горя своего?
Три раза приходили из завкома —
Хотят узнать, не нужно ли чего.

А что ей нужно? Ничего не нужно!
Она сидит и вздрагивает вдруг
И, вновь забывшись, смотрит равнодушно
На всё происходящее вокруг...

Её послали в лучший санаторий,
Хоть не хотела этого она.
И вот пред ней, шумя, предстало море,
Плеснула в берег звонкая волна.

И пляжи ей понравились сначала
И водяная острая пыльца.
Прошла неделя — мать уже скучала
И еле досидела до конца.

И поезд шёл, соперничая с тенью,
Бегущей рядом, около колёс...
И вдруг возникло скрытое волнение,
Неясное и сладкое до слёз.

Скорей, скорей! Ей тягостно в вагоне!
И вырос пред глазами городок.
Стоял дежурный на пустом перроне.
И ровно плыл над городом гудок.

Он плыл и плыл, подхвачен гулким эхом,
Миная Дом культуры и вокзал.
И всё цвело... Когда бы сын приехал,
Наверно, городка бы не узнал.

В росе горели солнечные блёстки,
А возле новой школы, под горой,
Росли беспечно юные берёзки
С ещё не побелевшею корой.

Клубился пар, и высыхали крыши.
Бежали дети в школу налегке.
А солнце поднималось выше, выше,
И радио звучало вдалеке.

И выступали, веря в правду свято,
Борясь за счастье Родины своей,
Поэты, ветераны, дипломаты
И матери погибших сыновей.

6

Прошло три года... Не было в помине
Войны... А мать на пенсии уже.
Она всё чаще думала о сыне
Не как о взрослом — как о малыше.

Гуляя в парке, на детей смотрела
И думала: «Таким же был и мой...»
Вот и сейчас увидела пострела,
Он упирался — не хотел домой.

И Ксения Петровна улыбнулась,
А мальчик засмеялся ей в ответ.
Мать мальчика случайно обернулась
И замерла... Подумать, сколько лет!

Мать подошла: — Скажите-ка на милость!
Да, столько лет прошло уже с войны,
А ты не очень, Нюра, изменилась... —
И были обе чем-то смущены.

— Как муж?
— Спасибо. Он сейчас в отъезде.
Домой к зиме вернётся, как всегда...
— Живёте где?
— Живём на новом месте —
В том сером доме, в центре, у пруда...

А что ещё сказать друг другу надо?
Неужто всё? Да, женщины молчат...

И вдруг они увидели солдата,
По солнечному парку шёл солдат.

Он шёл из увольнения, наверно,
Он шёл среди колясок и детей,
Руками в такт покачивая мерно,
Гордясь отличной выправкой своей.

Он шёл среди великого покоя,
Ему от силы было двадцать лет.
Он шёл, довольный жизнью и собою.
Он уходил... Они глядели вслед...

Потом переглянулись... Ранней ранью
Гудит гудок — навек прощай, покой!
И хлынули на них воспоминанья
Огромною бушующей рекой.
Гудит гудок... Тревожно на заводе...
Идут войска по улице... Война.
Гудит гудок... Две женщины в пролёте,
Обнявшись, тихо плачут у окна.
Метёт метель, дубы в саду качая,
Свистит метель, поёт всю ночь подряд.
Вприкуску выпив жиденького чаю,
Две женщины, задумавшись, сидят...

... А на песке дрожали веток тени.
Две матери сидели не дыша.
Малыш взобрался к старшей на колени,
И мать поцеловала малыша.

БОРИС ГОРБАТОВ

★

ДОНБАСС

Из второй книги романа

1

Человек невысокого роста, плотный, седой, в гимнастёрке со знаками полкового комиссара на петлицах, с алой звездой на рукаве, стоял у окна вагона и, грузно опираясь обеими руками на костыли, жадно глядел, как бежали мимо него украинские степи, хотя глядеть, собственно, было ещё не на что: всё вокруг черно и сыро.

Весна не успела ещё явиться во всей своей красе; она была пока работницей — в небрежно подоткнутой холщовой запаске, с босыми, забрызганными жидкой грязью ногами; она суетилась, хлопотала, весело выметала зимний сор с полей, ломала лёд на реках, торопила ручьи талой воды, работала от зари до зари, до поздних ночных заморозков. Пройдёт ещё две недели, и она управится, приберётся и тогда уж и принарядится, причепурится, как украинская молодлица, оденется в парчу и бархат, в зелень молодых берёз и серёжки верб, — вот тогда и любуйтесь ею, пожалуйста!

Но на обыкновенного человека, не ценителя природы, пейзаж действует не столько своими красотами и убранством, сколько теми мыслями и чувствами, которые он неожиданно и властно будит: воспоминаниями, ассоциациями, контрастами...

Раненому комиссару до умиления приятно было видеть именно эту черную, мирную, радостно-хлопотливую работу весны: как она расковыривала реки и освобождала землю и как, ликуя, просыпалась от зимнего сна земля и сладко потягивалась под добрым солнцем, как очнувшийся, нет, — как выздоравливающий...

И комиссару припомнился синий лёд на Тайполен-йоки, мёртвый лёд, не дрогнувший и не растаявший даже тогда, когда его обагрила горячая кровь комиссара и его товарищей. Вспоминалась вся эта оцепенелая, в снегах, лесах и студёных болотах, упрямая и злая чужая земля, где он недавно дрался и где каждый куст был ему враждебен, каждая кочка земли могла оказаться миной, каждый пенёк — надолбом, каждый холм — дотом, каждое дерево — гнездовьем финской «кукушки»...

А тут, за окном, мирно парили чёрные поля, ждали пахаря... Э, да вот уж и первый пахарь! Он возник вместе со своей сивой лошадкой где-то далеко на косогоре и медленно проплыл перед комиссаром — торжественный и одинокий, как разведчик.

И комиссар догадался, что это и есть разведка — разведка плугом, как бывает разведка боем, — и ласково и приветно кивнул пахарю головой: «Ну-ну! Ну, с богом! Теперь можно спокойно и пахать и сеять... Потому что мы победили на Тайполен-йоки и на Вуокси-вирта... И везде

победим, не бойтесь! А вы мирно трудитесь, добрые люди, покойно трудитесь, прошу я вас...»

Он проводил пахаря долгим любовным взглядом и подумал, что никогда теперь не забудет его, как не забудет ни этих мирных полей, ни тёплых, утешных дней необыкновенного апреля 1940 года, ни всего, что так остро, будто заново родившись, почувствовал он на родной земле, куда вернулся выздоравливать...

— Павел Петрович! — позвал его из купе женский голос.

Комиссар оглянулся. Ему не хотелось отходить от чудес в окне, он ещё не насытился. Но голос во второй раз, и уже нетерпеливо, позвал его, и он вздохнул и с покорностью больного взялся за костыли, чтобы итти...

Но как раз в эту минуту пейзаж вдруг волшебным образом переменялся: в окно полезли трубы, трубы, трубы, и комиссар догадался, что поезд вошёл в Донбасс...

Теперь уж нельзя было уходить от окна! Заводские трубы шли на комиссара, как пушки на параде — жерлами в небо, — в них было грозное, молчаливое спокойствие наведённых в цель артиллерийских стволов, но и они сейчас говорили комиссару не о войне, а о мире, ибо именно мира жаждала его душа...

«Экая мощь, экая силища, право! — восторгался он, любуясь корпусами заводов. — Кто же против такой силищи может?»

— Да что же ты с собой делаешь, Павел Петрович! — уже над самым его ухом раздался укоризненный голос, и немолодая женщина, с добрым лицом сельской учительницы, бережно, но настойчиво взяла его за плечи.

— Да ведь Донбасс, голубчик, Донбасс! — виновато отозвался Павел Петрович. — Донбасс, — повторил он так, словно бы это его оправдывало. — Ты в окошко-то взгляни, полюбуйся...

Женщина равнодушно посмотрела в окно.

— Дымно! — сказала она и решительным движением опустила стекло. Потом опять с беспокойством взглянула на мужа. — Ты бы прилёг отдохнуть, право. А?..

— Ну, ещё десять минут, голубчик... — жалобно попросил он.

Она засмеялась:

— Как маленький! Ну хорошо, десять минут! — и ушла в купе.

А комиссар опять жадно припал к окну.

За этой сценой чуть-чуть насмешливо наблюдал ещё один пассажир вагона — черноглазый молодой человек, лет двадцати восьми, в новеньком светлотабачном костюме и в галстук такого же цвета, но «с искрой»...

— Да, дымно, пыльно... — сказал он, подходя к окну и лениво затягиваясь папиросой. — Вечно дымно и вечно пыльно... Таков уж этот неприятный край — Донбасс! — и он искоса, но с вызовом посмотрел на комиссара.

Тот немедленно вступился за Донбасс.

— Зато всесоюзная кочегарка! Это если не чувствовать, то хоть понимать надо! — сказал он сухо и как бы даже обиженно. Светлотабачный молодой человек ему сразу не понравился. «Коммивояжёр какой-то! Франт! Хлыщ!» — неприязненно подумал он, разглядев не только «искру» в галстук, но и кокетливый джемпер под пиджаком.

— Да, кочегарка, — пофыркивая, согласился черноглазый. — А вам доводилось когда-либо плавать на пароходе? — неожиданно спросил он.

— Ну? — сдвинул седые брови комиссар.

— И, конечно, всегда на верхней палубе, в первом или втором классе?

— Всяко бывало...

— Так вот скажите по совести, — улыбнулся молодой человек, — думали ли вы, скользя по реке и любуясь, скажем, Жигулями, думали ли хоть раз о... кочегарах? Да, да, о кочегарах? О тех, кто как раз в эту минуту стоит где-то внизу, у жарких топок, ради вашего удовольствия? И испытывали ли хоть раз если не чувство благодарности, так хоть... чувство неловкости, а?

— Такого рода неловкость может чувствовать только барчук, пижон, бездельник... хлыщ... — сердито ответил комиссар. — Так же, как и умиление... А труженик не может, нет. У нас каждый на своём месте — кочегар. Ведь не требую же я от вас, — раздражённо прибавил он, — чтобы вы кланялись и умилялись на мои костыли, хотя я воевал, а вы нет. И нечего кланяться, нечего, нечего! Потому что, если надо будет, у нас каждый станет солдатом. Я имею в виду, конечно, настоящих советских людей, не пижонов... — и он, откровенно нахмутив брови, посмотрел на собеседника. Как все очень хорошие люди, комиссар любил казаться свирепым.

К его удивлению, пижон не обиделся и не смутился, а чистосердечно расхохотался, от всей души.

— А славно вы меня отбрили, товарищ комиссар! — воскликнул он. — Ей-богу, славно! Спасибо!

— Не за что, — смешавшись, буркнул тот.

— Ведь я всё это из ревности, из ревности... — смеясь, признался молодой человек. — Из проклятой донбасской гордости и ревности. Нам, донбассовцам, всё кажется, что нас, черномазых, недостаточно уважают.

— А вы что же, донбассовец? — удивился комиссар.

— Ну да!..

— И где же вы там работаете? То есть по какой части? — подозрительно спросил Павел Петрович.

— А как раз по этой самой... по углю... Видите ли, — доверчиво улыбнулся светлотабачный молодой человек. — Я только что окончил Горный институт. Как говорится, с пылу горячий. И сейчас возвращаюсь домой, в Донбасс, на работу.

— Инженером?

— Нет. Управляющим.

— Вот как! — удивился Павел Петрович. — Сразу управляющим шахтой?

— Даже семью шахтами, то есть трестом! — с лёгким, почти мальчишеским торжеством объявил черноглазый.

Комиссар недоверчиво посмотрел на него: врёт? Хвастает?

— Да-а... — покачал он головой. — Это как если б выпускнику военного училища вдруг сразу дали бы дивизию...

— А полагается роту?

— Взвод, — жёстко ответил комиссар.

Вновь испечённый управляющий довольно расхохотался.

— Ну, взводом-то я покомандовал, когда ещё на практике был! — сказал он. — Да и угольным солдатом тоже протрубил немало. Нет, — небрежно махнул он рукой, — с шахтёнкой-то с любовью я бы, конечно, справился!.. Тут и говорить нечего. Но трест! Поверите, я сам ахнул. И даже руки поднял: помилуйте, мол! Куда мне?.. А нарком похлопал меня по плечу и говорит: новые кадры надо выдвигать смело! Не вечно же на стариках ездить! Ты, говорит, человек молодой, отважный, инициативный, учился отлично, вот, говорит, теперь и руководи и учись!.. Я так это дело понимаю, — вдруг понизив голос, прибавил он, — это мне ради моей бывлой шахтёрской славы дали, не больше, — и он скромно улыбнулся.

Поистине этому молодому человеку суждено было сегодня удивлять Павла Петровича! Только сейчас комиссар разглядел его руки — руки шахтёра — и тут же, как честный человек, упрекнул себя: вот, искру в галстук разглядел, а рук-то и не приметил! А советского человека надо судить не по костюму, а по рукам.

Ему захотелось заглазить свою ошибку.

— Простите, — предупредительно спросил он, — как ваша фамилия, товарищ?

— Виктор Абросимов, — охотно ответил черноглазый молодой человек. — Не слышали?

— Н-нет... не припомню...

— А имя Стаханова слышали? — озорно усмехнулся Виктор.

— Ну, конечно!..

— А когда-то, пять лет назад, наши имена назывались рядом, — сказал Виктор и вдруг опять весело расхохотался. Смех у него остался прежний: звонкий, смелый, чистый, озорной; управляющему трестом так смеяться, пожалуй, уж и не пристало — не солидно.

Улыбнулся своей светлой ребячьей улыбкой и комиссар.

— Ну что ж! — ласково сказал он. — Обижаться нечего! Ведь Стаханов теперь не столько имя человека, сколько имя движения. Человека-то, возможно, и забыли б... У нас ведь героев много. Каждый день рождаются. Да и то сказать, — легонько двинул он плечами, — слава-то не навечно даётся! Только павшим в бою — вечная слава.

— Ну, а поскольку я ещё не пал в бою, — подхватил Виктор, — то и объявляю вам как комиссару: еду я теперь в Донбасс за новой славой!

— Вот как? В качестве управляющего?

— Именно!

— Д-да... — любуясь его молодым воодушевлением, раздумчиво сказал комиссар. — Это, пожалуй, потруднее будет... Командовать, товарищ Абросимов, куда труднее, чем геройствовать штыком.

— Согласен! — сказал Виктор. — А я попробую! — и он тряхнул головой тем лихим, бесшабашным движением, с каким когда-то вскричал: «А я один пройду лаву!» — А я попробую! — повторил он. — Тем более, что, как говорится, есть повод отличиться.

— А-а! Догадываюсь! Дело запущено, и вы...

— И я берусь его вытянуть.

— Что же, удачи вам! — тепло улыбнулся комиссар. — От всей души — удачи! Только... вы не обидитесь? — прищурился он вдруг. — Ведь это каждый юный лейтенант из училища свято уверен, что, кабы он командовал Бородинским сражением, Москву можно было бы и не отдавать...

— А может быть, и в самом деле можно? — беря комиссара за локоток, лукаво подмигнул Виктор. — Я б, например, не отдал...

И они оба, именно как юные лейтенанты, расхохотались.

Но тут появилась жена Павла Петровича, явилась с таким суровым и решительным лицом, что комиссар тотчас же поспешно взялся за кофты.

— Иду, иду, голубчик! — крикнул он. И виновато, словно он нашкольничал и теперь боится суда, улыбнулся Виктору. — Видите, какая история! Над каждым комиссаром есть ещё свой домашний комиссар.

— Ох! — спохватился Виктор. — Так и меня ведь жена ждёт...

— И идите, пока не влетело! — посоветовал комиссар и протянул руку. — Значит, не отдадите Москвы?

— А ей-богу же, не отдам!

Они расстались, оба невольно растроганные случайной встречей.

Виктор вернулся в купе. Даша читала. Услышав скрип двери, она бросила книгу и потянулась навстречу мужу. Он нежно обнял её, восторженно поцеловал. От неё пахнуло на него знакомым теплом. Бё тело было добрым, родным и покорным. Он бережно прижал её к себе и опять поцеловал — в затылок. Потом сел рядом.

— Ну, накурился? — ласково спросила она, беря мужа под руку и заглядывая ему в глаза.

— И накурился и наговорился... Ну, а ты как себя чувствуешь, Светик? — тревожно спросил он.

— Как и полчаса тому назад, — засмеялась она. — Нет, ты просто стал невыносимым, Витька! Каждую минуту ты требуешь бюллетень о моём здоровье. — Но ей было приятно, что он так тревожился о ней; это всегда приятно.

— Всё-таки ты береги, береги себя, дорогая! — сказал он бессмысленно, как всякий муж. — Теперь ты должна себя беречь.

— Теперь! О, каким ужасным тоном собственника ты это сказал!

— Собственника? Даша! — вскричал он.

— Ну хорошо, хорошо, мой господин! И ваша супруга и будущий наследник вашей фирмы — оба чувствуют себя превосходно. Итак, с кем же ты там разговаривал? — спросила она, опять ласково прижимаясь к нему, словно без него ей было зябко.

— А! — оживился Виктор. — Понимаешь, встретился один комиссар. Симпатичный такой. Раненый. Ну и я... Я, кажется, немного расхвастался перед ним, — смущённо заглядывая в глаза жены, признался он, как привык уже каяться ей во всех своих больших и малых грехах.

— Расхвастался? — засмеялась Даша. — Ну, это меня не удивляет!..

— Даша!

— Ты, разумеется, первым же делом сообщил ему, что назначен управляющим...

— Ну да... Но...

— И что ты сразу же, как приедешь, перевернёшь всё вверх дном...

— Но послушай, Даша...

— И выложил ему все свои прожекты, планы механизации и цикличности, идею нового непрерывного потока имени Виктора Абросимова?

— А вот это как раз не успел...

— Ка-ак? — с комическим ужасом воскликнула она. — Да неужели? Ну, тогда валяй! — Она вздохнула и покорно вытянула руки по швам. — Валяй, не стесняйся! Я готова слушать в трёхсотый раз...

— Так вот никогда же теперь не буду тебе ничего рассказывать! — проворчал немного обиженный муж. — Бессовестная ты...

Но она снова насмешливой кошечкой прильнула к нему, стала ластиться.

— Будешь, будешь... Будешь рассказывать! — зажмурилась она. — И я буду тебя слушать, лохматый мой, милый, смешной...

Но он всё ещё продолжал ворчать, хотя уже и укрощённо:

— Как не понять, что я просто стосковался по работе? Да восточертело мне без конца чертить учебные проекты для пополнения пыльных архивов деканата. Я живого дела хочу.

— Теперь уже недолго ждать... милый, нетерпеливый!

— Я ведь не отдыха после учёбы, понимаешь, не курорта хочу. Хочу сразу в самое пекло. С головою. Хочу покоя не знать. Хочу ночей не спать. И чтоб всё вокруг меня завертелось, ожило, встрепенулось...

— И чтоб все заахали: ай да Виктор Абросимов, ай, молодец!

— Ну и что ж? Да! Чтоб заахали! Что?! — бешено рявкнул он, вскакивая, великолепный в своей обиде и своём азарте. — А ради чего ж я

буду тогда в огне кипеть? Чтоб капиталы копить на старости? Да чихал я на капиталы! И на автомобиль чихал! И домика себе строить не буду, не надейся! Да! — неистово крикнул он, и в его чёрных глазах заметались золотые искры. — Да, хочу, чтоб заахали! Хочу! Гремела когда-то слава шахтёра Абросимова, так пусть же теперь загремит слава об Абросимове-инженере. Что?! — и он свирепо посмотрел на Дашу.

— Мальчишка, мальчишка ты мой!.. — только и смогла шепнуть она, как всегда покорённая силой его чувств, и влюблённо притянула его к себе, сразу же и обезоруживая.

Он тотчас сел, сам сконфуженный взрывом.

— Я и в самом деле совсем мальчишка, — неуклюже улыбнулся он. — Но ты посмотри, посмотри, Даша, — обнимая её и привлекая к окну, мягко сказал он. — Видишь?.. Вот она, наша донецкая земля!.. Нет, ты скажи, видишь?.. Чувешь? Бьётся сердечко-то?..

— Бьётся... — шепнула она.

— И у меня вот как бьётся! Ведь это же не просто земля, ковыль да глина, это — поле великой битвы!

— За уголь.

— За счастье человечества, — сказал он. — Помнишь, Менделеев называл Донбасс «будущей силой, покоящейся на берегах Донца»?

— Ну, мы уж обеспокоили эту покоящуюся силу, — засмеялась Даша.

— Да, конечно. Но достаточно ли? Да мы только слегка растормошили её... Мы только легонько поцарапали её сверху. А вглубь даже ещё и не сунулись. А меж тем какие великие дела может сделать здесь человек! С нашей-то техникой! С нашими-то современными знаниями! Да в нашем-то государстве! Менделеев и мечтать об этом не мог. Нет, ты слушай, ты, пожалуйста, выслушай меня, Дашенька!.. — умоляюще закричал он и, уже вновь загораясь, стал в сотый раз сбивчиво верить её своим мечтам, горячась и волнуясь, как и в первый раз. И она в сотый раз вновь невольно залюбовалась им, как любовалась и в первый...

Таким она его больше всего любила.

Вот таким он был и тогда, ночью в лаве, когда она с отчаяния призналась ему в своей любви, а он не услышал, не угадал, не понял и даже с досадой отмахнулся от неё и от её любви. Как она тогда его любила!

А сейчас любит ещё больше. Сейчас она любит в нём не только мужа, товарища, отца её будущего ребёнка. Она узнаёт и любит в нём своё творение, дело своих рук, частицу своей души. Сколько терпения и сил, сколько именно творческих мук вложила она в это беспокойное, непостоянное, милое косматое существо — это только она одна знает.

Только она знает, чего стоил ей первый год его учёбы в институте, когда он, даже и не подозревая о её любви, простодушно считал её только дорогой землячкой, доброй подругой.

Да, она была ему настоящим, добрым товарищем, тут ничего не скажешь! И товарищем, и нянькой, и наставником; кнутом — когда он ленился; уздой — когда он взвивался на дыбы; поводырем — когда он начинал спотыкаться; подушкой, в которую он мог досыта плакаться...

Нетерпеливый, непоседливый, капризный, уже избалованный славой и лёгкими удачами, он готов был тридцать раз на день бросить учёбу и институт и убежать обратно на шахту. «Та нехай она скажется, ваша наука! — бесновался он. — Так я лучше буду уголь рубать!..» Он приходил в отчаяние, что не может взять науку лихим шахтёрским рывком, и Даше приходилось напоминать ему, что у шахтёров есть ещё одна великая добродетель — терпение.

— Да неужели у тебя самолюбия нет? — бесстрашно дразнила она его, в душе цепenea от страха, что он ещё пуще обидится и действительно

сбежит. — Неужели ты сдашься, сдрейфишь, сбежишь? Ты, герой! — И она все вечера просиживала с ним над его книгами и лекциями, учила его работать, писать конспекты, учила правильно говорить по-русски, со вкусом сдеваться, держать руки в порядке, даже есть; она заставила его отказаться от глазастых галстуков и дрянных духов, отучила от разбойничьей привычки сплёвывать сквозь зубы; она осторожно и бережно мяла, лепила из него настоящего человека, действуя то лаской, то окриками, но чаще всего мягкой любовной насмешкой. Насмешка служила ей и оружием и щитом — за нею легче было скрывать свою безответную, взнузданную, но раскалённую любовь к нему.

Иногда он всё-таки обижался, дулся на неё, даже бунтовал, а потом, пристыжённый, сам же являлся к ней, покорно нёс повинную голову и добродушно говорил:

— Ну ладно, ладно, Светик! Ты не бери всерьёз. Я и сам знаю, что я непутёвый... Ты прости!

И тогда ей хотелось броситься к нему на шею, просто, по-бабьи прижаться к его могучей груди и — забыть обо всём на свете.

А он ничего и не подозревал. Он даже женщины в ней не видел. И когда друзья говорили ему: «Какая красавица эта Даша!», — он искренне удивлялся: разве?

Для него она была только добрым товарищем. И он доверчиво, как с парнем, как когда-то с Андреем, делился с нею всеми своими холостяцкими секретами, хвастался мимолётными успехами у девушек, даже советовался, какой галстук надеть, когда шёл, как он выражался, на «решительное randevu» с какой-нибудь очередной Катей.

Однажды Даша не выдержала. Это случилось весной, когда Виктор был уже на втором курсе, а Даша — на четвёртом.

Днём, за обедом, Виктор всё трещал о какой-то Ларисе-медицке, — Даша слушала его сначала насмешливо, потом вдруг разобиделась и приказала замолчать. Он удивлённо уставился на неё — что это с нею? — и умолк; он уже привык подчиняться ей. А вечером, совсем забыв о ссоре, он влетел к ней и пригласил в оперу.

— Ну, прямо из горла вырвал, — ликуя, шумел он, размахивая билетами. — Собирайся, Даша, живо!

Но она даже не пошевелинулась ему навстречу. Закуталась в белый пуховый платок и чужим, чёрствым голосом ответила:

— Я никуда не пойду с тобой, Виктор.

— Не пойдёшь? — растерялся он. — Да почему же?

— Иди со своей Ларисой! — сказала она, обиженно поджимая губы, и ещё непримиримее, ещё отчуждённое завернулась в платок, словно спряталась в раковину.

Он потоптался немного на пороге, ничего не понимая, не чуя вины за собой, потом вздохнул и ушёл.

Он пошёл в театр один. Почему-то вдруг никого не захотелось звать с собой. И в театре, помимо своей воли, думал только о Даше. Ему было без неё скучно.

Он уже привык всегда и везде быть вместе с Дашей, и, когда она была рядом, он часто забывал о ней, а сейчас её нет — и ему без неё скучно. Скучно. Пусто. Одиноко.

«Да за что же она рассердилась на меня? — в сотый раз спрашивал он себя. — Лариса... Ну при чём тут Лариса? Да я десять Ларис отдам, только б ты, Светик, не обижалась. Да разве ж можно девчонок равнять с дружкой? Дружба ж — это... это куда дороже!»

В антракте ему стало ещё горше. Как неприкаянный, слонялся он по фойе. Не находил себе места. Затосковал.

Раньше, бывало, в антрактах они с Дашей оживлённо и шумно спорили о спектакле и об актёрах; и все оглядывались на них и невольно им улыбались: их молодости, их румянцу, их радости. И все люди в театре казались тогда Виктору хорошими, добрыми, близко знакомыми...

А сейчас Даши нет, и он — как в пустыне. И никто не смотрит на него. Он всем здесь чужой. И Даши нет. И без неё на душе пусто. Холодно и пусто.

Он подошёл к буфету, спросил пива и вдруг заметил тянучки в узенькой жёлтой коробочке.

Он улыбнулся этой коробочке, как воспоминанию. Потом купил и, продолжая бессмысленно и разнеженно улыбаться, стал представлять себе, как принесёт Даше подарок — она тянучки любит — и скажет: мир, Дашок, мир, мир!..

«А она возьмёт да швырнёт мне эти тянучки в рожу! — тут же подумал он. — Разве её тянучками подкупишь?» Он хмуро сунул коробку в карман и пошёл в зал, продолжая думать о Даше.

«А что, как она всерьёз обиделась? Что, как навсегда?» Он сам ужаснулся этой мысли. И растерялся.

«Да как же я... как же я тогда — беспомощно заморгал он своими девичьими ресницами. — Как же я без неё? Да я без неё жить не могу! — чуть не застонал он. — Всё мне без неё тошно!»

Тошно! Вот и верное слово нашлось. Тошно. Не мило всё. И сладкая музыка не мила. И в театре холодно и неприютно. И Лиза не хороша. За что только Герман её любит? Вот Даша...

«Что же это выходит? — вдруг растерянно спросил он себя. — Выходит, что я... люблю Дашу? Люблю?» И едва только произнёс он про себя это колдовское слово, как сразу же и почувствовал: ну да, любит. Конечно же, любит! Всегда любил. Только слова подобрать не мог.

Он был сам потрясён этим открытием. Оно раздуло в нём такую бурю новых, небедомых чувств, что они сразу и смяли и оглушили его.

«Да нет, постой, постой! Тут разобраться надо! — попробовал он притормозить себя и тут уж совсем сорвался. — Да что разбираться! Люблю! Люблю!..»

— Люблю-ю! — чуть не закричал он на весь зал.

Нет, он уже не мог больше оставаться в театре. Он не Андрей. Он должен сейчас же бежать к Даше, он должен немедленно узнать свою судьбу! Жить ему или не жить, любит она или не любит.

Запыхавшись, прибежал он в общежитие.

— Даша! Даша! — нетерпеливо затарабанил он в дверь её комнаты. — Выйди на минутку, Даша!

Она не сразу появилась на пороге. Её глаза опухли, но он не заметил этого.

— Чего тебе, Витя? — слабым, безжизненным голосом спросила она.

— Мне надо поговорить с тобой, Дашенька... Немедленно...

— Ну, что случилось? — устало спросила она.

Он вдруг рассердился.

— Да не стану же я объясняться тебе тут, в коридоре!.. Идём!..

Он схватил её за руку, и они побежали. Побежали по этажам, лестницам и коридорам так, словно крылья выросли у них за плечами.

И двери сами распахивались перед ними...

В сквере подле общежития Виктор и признался Даше в любви.

— А теперь говори, говори! — дрожа от нетерпения и страха, приказал он. — Не любишь? Да? Не любишь? — и он почти с ненавистью заглянул ей в глаза.

.. Вот когда Даше следовало бы отомстить ему за свои долгие муки, заставить помучиться и его, заметаться в любовной лихорадке!

Она так и хотела поступить. И — неожиданно пала ему на грудь и заплакала от счастья...

Они поженились летом, когда были на «Крутой Марии» на практике, — так хотела Даша.

На свадьбе в родительском доме был и Андрей.

Он подошёл к Даше и улыбнулся ей своей светлой улыбкой.

— Люби его, Даша! — шепнул он ей. — Он большой любви достоин. И прощай ему. Понимаешь? Ему надо прощать.

— Я знаю... — тихо ответила она.

Они жили с Виктором дружно, хоть и не покойно. Но Виктор ни в чём спокойным быть не мог — ни в учёбе, ни в работе, ни в любви.

Он и сейчас, в поезде, не находил себе места. Метался. Поминутно бросался к окну. Ему всё казалось, что поезд идёт слишком медленно, неохотно, на станциях стоит слишком долго, лениво. В окно уж врвался терпкий, знакомый запах угля и колчедана и тревожил Виктора, как запах пороха тревожит боевого коня.

— Как счастливо вышло, — вдруг задумчиво заметила Даша, — что ты именно в родной район получил назначение...

Он быстро обернулся к ней.

— Ты думаешь? — с сомнением спросил он.

— А разве нет?

— Н-не знаю... — сказал он. Подошёл и стал рядом. Взял её руки в свои. Но с ответом медлил.

— Тебя что-то мучает, дорогой? — спросила она.

— Д-да... — неохотно признался он. — Там, в Москве, в суматохе, не думалось. А сейчас...

— Но что ж это, что? — уже с тревогой спросила она.

— Ну, понимаешь, — с трудом, словно винясь в чём-то постыдном, выдавил он, — ведь тут все... все... и инженеры и шахтёры... все помнят меня молокососом, шахтарчонком, понимаешь? Ну, какой я для них управляющий трестом?! — с отчаянием вскричал он.

Даша не выдержала и расхохоталась.

— Вот ты смеёшься... — обиженно сказал он. — А стань на моё место. Вот, например, Светличный... Это особенно меня тревожит. Ведь всю жизнь Федя Светличный был у нас вожаком, старшим. А теперь... теперь что же выходит? Ведь как завшахтой он вроде должен подчиняться мне? Понимаешь?

— Не понимаю.

— Нет, ты понимаешь, понимаешь... — уныло сказал он. — Или Пётр Фомич. Он у меня будет главным инженером треста. Даже страшно! Не я у него, а он у меня. Ну, теперь понимаешь?

— Теперь понимаю... — с намеренной лукавинкой сказала она. — Ты просто трус.

— Трус. Согласен. Но я докажу им — и очень быстро, — что я уже не щенок! — вскричал он. — Я с первого же дня... Нет, с первой же минуты круто возьму дело в свои руки. Я их ошарашу!

— Вот это голос уже не отрока, а мужа... — засмеялась Даша.

— А что ты думаешь? Я покажу, что меня недаром четыре года мяли в институте! — Он уже снова затрепетал, запламенел, взвился, как скакун на дыбы; у него легки были такие переходы. — Ну, что ж, что Пётр Фомич! Да если правду сказать, так старикан порядочно-таки отстал. Стал провинциалом. Дальше кровли ничего не видит. А меня вооружили последним словом науки. Да, да! — заторопился он. — Горное дело больше не искусство колдунов да знахарей... Я с первого же дня возьмусь за механизацию. Механизация всех процессов — вот тот гаечный ключ, ко-

горым я поверну всё дело. Ты, как конструктор, должна меня понимать. Механизация...

Она слушала его с тихой, молчаливой завистью, с завистью, которую она тщательно прятала от него. Напрасно он помянул, что она инженер-конструктор. Она грустно усмехнулась. Она жена. Муж едет в Донбасс работать, а она — рожать...

— Подъезжаем! — вдруг, перебивая самого себя, завопил Виктор и бросился к окну.

До станции оставалось ещё добрых три километра. Но в окне уже показались знакомые шахты. «Мои шахты!» — не мог не подумать он. Он узнавал их, как приятелей молодости. «Здорово, ребята!» — едва не крикнул им он.

Вот «София». Вот «Красный партизан». Вот имени Сталина. А там, за холмами, — отсюда не видно — должна быть и шахта «4-бис». А вон вдалеке закурился и древний террикон «Крутой Марии».

Но вот и перрон.

— Ого, сколько народу привалило нас встречать! Даже не ожидал! — не без удовольствия воскликнул Виктор. — Смотри, Даша!

Даша подошла к окну.

И сразу же увидела торжественно-тревожное лицо отца. Вытянув шею, он следил за вагонами, искал дочку...

«Постарел он, нет? — спросила себя Даша и сама не могла решить; но слёзы уже готовы были ринуться из глаз. — Нет, не постарел, такой же, батя ты мой!»

— И Светличный тут!.. И Пётр Фомич!.. — всё восклицал Виктор. — А-а! — вдруг просиял он, завидев Андрея. — Сам секретарь горкома пожаловал, кореш ты мой дорогой! Смотри, какой он ладный стал, солидный!..

— Но пришёл один, без супруги... — заметила Даша.

— Одевайся же скорее, Дашенька! — сказал Виктор и подал пальто.

Она мелко взглянула на себя в зеркало. «Какая же я некрасивая стала... — безразлично подумала она. — И пятна на лице... И живот».

Поезд медленно терял ход. Последний толчок — и он остановился.

И только с этим последним толчком, только тогда, когда вдруг перестал скрипеть и качаться вагон, поняла Даша, что она приехала. Вернулась. И только теперь вдруг почувствовала настоящую, живую и полную радость.

Вот она и вернулась!..

Вернулась на родную землю, на землю отцов... На землю, где когда-то она родилась. Где её родила мать. Где сама мать родилась от донецкой женщины, которую Даша никогда не знала и никогда не смогла назвать бабушкой.

А теперь пришёл черёд Даше рожать. Здесь, на этой земле. Здесь, на «Крутой Марии». И нигде больше.

Иначе и быть не могло...

3

Виктор Абросимов сказал жене правду: он стосковался. Стосковался по живому, самостоятельному делу, по весёлому, трудовому общению с людьми, по кипению и трепету горячей горняцкой жизни, просто по шахте стосковался. Ему не терпелось поскорее, да притом с головою нырнуть в дела и заботы. Руки чесались...

Не отдохнув как следует с дороги и предоставив Даше устраиваться в новом, директорском доме как знает, он ранним утром следующего же дня поехал в город представляться начальству.

Начальник комбината, тоже горячий, крутой и ещё молодой человек, но уже прогремевший на весь Советский Союз как талантливый и сме-

лый горняк, встретил Виктора радостно и по-товарищески; так в авиаполку встречают нового лётчика, которого хоть и не знают ещё лично, но зато знают, где и у кого он учился, какой он школы, с кем летал, а следовательно, и чего можно ждать от него в полёте. И у Абросимова и у начальника комбината учителя были общие, а школа — одна.

Абросимов с первого взгляда понравился начальнику; он угадал его молодое нетерпение — это тоже понравилось — и немедленно поехал вместе с ним в трест, собрал аппарат, представил нового управляющего и, так сказать, ввёл Виктора «во владение».

— А теперь владей и действуй! А мы тебе, друг, поможем!

Начальник уехал, а Виктор стал осматриваться в своих «угодьях и владениях».

Ещё в Москве знал он, что трест в прорыве, но это не испугало его, а даже... втайне обрадовало. Теперь никто не скажет, что он пришёл на лёгкое, на готовенькое. Труднее задача — слаще и победа.

Впрочем, и ребёнок тоже, прежде чем сложить картинку из кубиков, все кубики сам сперва смешает и разбросает. Видно, самой природе человека свойственна жажда преодоления.

Трест был в прорыве. Но это, разумеется, не означало, что шахты попятились вспять, стали работать хуже, чем они когда-либо раньше работали; тогда это был бы не прорыв, а катастрофа, впрочем, почти невыслымаемая в нашем хозяйстве. Даже находясь в прорыве, «Крутая Мария», например, давала сейчас куда больше угля, чем в самые лучшие, стхановские дни Виктора когда-то. Раньше за такую добычу ордена бы давали. А сейчас казнили. И это было и справедливо и понятно. Каждый день оснащались шахты новыми механизмами, входили в строй новые мощности, новые горизонты, новые стволы; по-новому работали и люди. И требования к шахтам предъявлялись новые.

Нет, трест не покотился назад, в позавчерашний день, но он топтался на месте, во вчерашнем дне, а следовательно, и отставал от общего бега и роста. Это и был прорыв.

Виктору Абросимову и предстояло вместе со своим трестом сделать прыжок из вчерашнего в сегодняшний день, догнать товарищей.

Для этого ему нужно было прежде всего осмотреться. Он поехал по шахтам.

В эти дни Даша совсем почти не видела мужа. Он редко бывал и дома и в тресте. Иногда он даже ночевать оставался на шахтах. В первые дни из треста сунулись было к нему с тысячью каждодневных мелочей, которые всякому работнику аппарата всегда представляются самым главным делом, но Виктор, почти физически почувствовав, как двинулась на него громада «текучая», сразу же круто, даже грубо отмахнулся от неё.

— К главному инженеру! Все — к главному инженеру!

А сам продолжал изучать шахты. Он исползал все лавы, сунул нос во все «помойницы», часами просиживал в электровозных депо, в мастерских, кочегарках, без усталости ходил по участкам, влезал во все щели и углы, ворошил маркшейдерские планы, подолгал беседовал с людьми. При этом он сам ничего не говорил, только спрашивал. И хмурился.

Теперь ему некогда было думать о том, как отнеслись к его назначению подчинённые, смеются над ним или трепещут. Сам собою установился и стиль его первых сношений с ними: он ещё ничего не требовал от людей, но ничего и не обещал; он не кричал на них, не грозился всех и вся снять с работы, даже не хвастался, что всё перевернёт вверх дном. Он сам вдруг притих, увидев, какое огромное и трудное дело дали ему в руки. И всё спрашивал, спрашивал, доискиваясь правды и пытаясь в ней сам разобраться...

И то, что он был немногоречив, понравилось людям. А то, что не кричал, некоторых даже испугало. Заведующие шахтами не успели ещё почувствовать его руку, но уже догадывались, что рука будет крутая, шахтёрская...

— Слава богу! — сказал старик Горовой, заведующий шахтой «4-бис». — Кажется, наконец дельного хлопца дождались...

Только с Андреем отводил Виктор душу. Они часто, хоть и ненароком, сталкивались где-нибудь на шахте, под землёй или в конторе. А иногда, поздно ночью, возвращаясь с шахты, Виктор просто вваливался к Андрею домой, как был, в пыльнике и грязных сапогах, и они засиживались до утра, беседа.

— Ох, тяжёлое, тяжёлое досталось мне наследство! — ему одному жаловался Абросимов. — Плохо вы тут хозяйничали...

— Куда хуже! — соглашался Андрей, хоть к этому хозяйничанию имел касательство малое: всего месяц как приступил он к исполнению обязанностей первого секретаря горкома. До этого всё работал парторгом на «Марии».

В последнее время секретари горкома партии менялись часто. Уже давно уехал на учёбу Нечаенко, давно работал в обкоме партии Харитонов. Предшественник Андрея был человек новый, плохо знающий угольное дело; его сняли вместе с управляющим трестом.

На пленум приехал секретарь обкома и, к общему удивлению, порекомендовал возложить исполнение обязанностей первого секретаря горкома не на Швыркова, второго секретаря, а на Андрея Воронько. Швырков остался вторым и сразу же сделался тайным и непримиримым врагом Андрея.

Но Андрею тоже некогда было думать об этом; он, как и Виктор, «ползал по лавам», знакомился с людьми.

— Куда хуже! — соглашался он, слушая Виктора, и, в свою очередь, рассказывал ему, что сам видел на шахтах, освещая неожиданным светом уголки, оставшиеся тёмными для Виктора, метко характеризовал людей. Он словно опять, как тогда в лаве, в ночь рекорда, светил Виктору лампочкой, чтобы легче было ему рубать, опять подбадривал:

— Давай, Виктор! Давай, родной! Давай...

Он и сейчас говорил ему смеясь:

— Ничего, ты выдюжишь. Ты, чёрт, двуличный! Мы в тебя все верим.

Вместе с Андреем Виктор пошёл в первый раз после приезда и на «Крутую Марию». Пошёл не как управляющий, как сын. И невольный трепет почувствовал он, едва переступил порог нарядной.

Шахтёры встретили его тепло. Они уже узнали его имя-отчество, но попрежнему говорили ему «ты» — с дружбой и лаской.

В нарядной Виктор неожиданно столкнулся с дядей Онисимом. Они обнялись. У старика даже невольно слеза рванулась, он её и не устыдился.

— Дядя Онисим, да что ты тут делаешь, в нарядной? — удивился Абросимов. — Ты что, уж не комендант?

— А я, милок, на пенсии, на пенсии... — торопливо ответил старый крепильщик. — Персональный я пенсионер, как же! — не без гордости прибавил он.

— Так зачем же в шахтёрках?

— Как зачем? А в шахту еду.

— Так ты ж говоришь — на пенсии!

Все засмеялись вокруг. С хитрецей усмехнулся и сам дядя Онисим.

— А это... это, сынок, так... — ответил он. — Это чтоб, значит, дома

не скучать. Да и врачи советуют; говорят, моим лёгким горный воздух нужен.

— Выходит, перехитрил ты своих «выдвигателей», дядя Онисим? — улынулся Виктор. — Всё-таки вернулся на шахту?

— Вернулся! Как не вернуться? — растроганно сказал старик. — Мне, милоч, и умирать тут, в шахте...

Он и не знал тогда, что слово его — вешее.

Подошли Светличный и Прокопий Максимович. Вот они снова собрались все вместе на «Крутой Марии», в нарядной, как и десять лет назад, в «день рогожи», как и пять лет назад, в ночь рекорда, как и два года назад, в утро после свадьбы Виктора... И нарядная всё та же, что была. И стены, хоть, видно, и побелённые недавно, но уже в тех же знакомых пятнах... Да и измазали их, видно, всё те же знакомые спины — забойщиков, крепильщиков, проходчиков, старых товарищей Виктора.

Ему захотелось узнать, кто сейчас из забойщиков гремит на шахте, кто является теперь наследником и преемником его шахтёрской славы.

Он спросил об этом Светличного.

— Да всё Митя Закорко, — ответил тот. — И Великанов Алексей. Этот — новый... Они и гремят...

Виктор поискал глазами Митю Закорко, своего давнего конкурента, и не нашёл. Зато в толпе, густо окружавшей его, разглядел Сергея Очеретина. И весело подмигнул ему.

— А ты что ж, Серёга, позволяешь? — крикнул он ему через головы. — Допускаешь, чтоб новички тебя обгоняли?

Очеретин смущённо высунулся вперёд.

— Да ведь что сделаешь? — своим певучим, комариным голосом отозвался он. — Сам знаешь, какое у меня образование. Полторы-две нормы я, конечно, даю... А за образованными угнаться где же? — И он даже лампочкой махнул.

— Кто ж это образованные? — усмехнулся Абросимов.

— А хоть бы и Великанов. Он и училище кончил. И на курсы ходит. И книжки запросто, как профессор, листает. Ну ясно — все секреты ему и известны.

— Какие секреты? — спросил заинтересованный Виктор. — Любопытно узнать...

— А секретов никаких нет! — неожиданно сказал шахтёр, стоявший совсем близко от Виктора. Это и был Великанов.

Он оказался совсем не похожим на свою фамилию — молодым паренком, белобрысым и застенчивым, похожим на девушку. Виктор угадал в нём новый и мало знакомый ему ещё тип шахтёра — из училища — и невольно вспомнил себя, каким он был в его годы. «Нет, я, пожалуй, был крепче и победвей», — самодовольно подумал он.

— Никаких нет секретов, — повторил Великанов застенчиво, но совсем не робко. — Я и Очеретину советовал... И другим... Просто интересуюсь я геологией, вот и всё...

— Ну и как же вы применяете вашу геологию? — спросил Виктор, сам не заметив, что вместо обычного здесь приятельского «ты» говорит этому мальчику «вы».

— Изучаю структуру пласта, на котором мне работать... давление боковых пород... В общем, ничего особенного! — вдруг совсем застенялся Великанов.

— Ты про свою теорию отжима расскажи, Алексей! — ласково сказал ему Светличный. Видно, Великанов был его любимцем, а может быть, и питомцем; у Светличного всегда есть питомцы.

— Видите ли, это так... — объяснил Великанов. — Я заметил, что если сделать подбой и так оставить до завтра, то назавтра уголь становится

мягче... рыхлее, что ли... Боковые породы как бы выжимают его, и тогда его совсем легко брать. Я всегда к концу упряжки подбой делаю и оставляю... И ребятам советовал...

— Вот как! — удивился Виктор и уже внимательнее присмотрелся к парню. «А он тоже... бедовый, по-своему! Мне в своё время такие теории в голову не приходили. И говорит чисто, культурно. И шахтёрки у него аккуратные, словно он не в угле возится, а во фруктовом саду...»

— И сколько ж вы таким манером угля «выжимаете»? — спросил он Великанова.

— А когда как! — скромно отозвался забойщик. — Вот вчера триста тонн взял...

— Триста?!

Да, это втрое больше знаменитого рекорда Виктора! Выходит, и следа и пыли не осталось от былой абросимовской славы. Триста тонн! А в газетах — никакого шума. И сам герой не шумит, стоит скромно, потупясь... как красна девица... как мимоза... «Интеллигент какой-то, чёрт его побери совсем! И на шахтёра-то не похож», — подумал Абросимов почему-то с неприязнью и даже с обидой.

— Ну, а водку-то ты пьёшь? — грубо и для самого себя неожиданно спросил он.

Шахтёры дружно захохотали, а Великанов резко вскинул голову и вдруг прямо в глаза посмотрел управляющему и ничего не ответил. И Виктор смутился под этим быстрым, чистым и, как сталь, светлым взглядом, в котором даже и упрёка не было, ни укоризны, ни оскорблённого юного самолюбия, а было что-то такое, что сразу переменяло их роли, сделало мальчика Великанова судьёй, а Абросимова — ответчиком, заставило его смутиться и покраснеть. И он сам почувствовал, что краснеет, и рассердился на себя за это. А рассердившись на себя, тут же, как это всегда бывает, захотел сорвать своё зло на других.

— Вот видите, какие у вас на шахте орлы! — хриплым, каким-то уже начальническим тоном крикнул он. — А сидите по уши в прорыве, как черти в болоте...

— Так ведь это ж случай, случай... — обиженно зашумели шахтёры. Тут уж не Великанова, тут их общую честь задел управляющий.

— Что же сделаешь, когда сброс случился?! — раздались изо всех углов голоса.

— На природу управы нет. Прокурору не пожалуешься.

— Шахта — она шахта и есть...

— Один третий участок и не выполняет плана. Поскольку у них сброс. А у нас — все сто, как часы, каждый день.

— Ведь тут какое дело вышло, сынок... — высунулся вперёд дядя Онисим. — Стихия! Наткнулись на нечаянный сброс, что сделаешь! — Он покачал головой. — Крутая наша Мария, ох, крутая! То выбухнет, то выпучит, то выбросит — страсть!

— А сбросы надо предвидеть! — нетерпеливо перебил его Абросимов. — На то карты есть...

Но тут он вспомнил, что это шахта Светличного, вспомнил, что сам он управляющий и ему кричать нельзя. Остановился. Передёрнул плечами. И сказал уже мирно:

— Ладно! И со сбросами разберёмся. Давайте лучше закурим, хлопцы!

Он достал из кармана коробку папирос и, раскрыв её, протянул.

И когда со всех сторон потянулись к коробке бесцеремонные, дружеские руки, он опять почувствовал себя сыном, вернувшимся в отчий дом.

Сыном, на плечах которого теперь вся забота за отчий дом.

Только в предмайские дни вызвал наконец Виктор Абросимов к себе в трест всех заведующих и главных инженеров шахт. Пришёл на совещание и Андрей.

— Рассаживайтесь, товарищи! — хмуро пригласил Виктор, продолжая стоять за своим столом и роясь в бумагах так, как, по его мнению, должен был рыться в бумагах большой начальник.

Люди поспешно и молча расселись. Ожидалась гроза. Даже скрип стульев был какой-то тихий, подавленный.

Только старик Горовой равнодушно позёвывал: он к грозам привык, а на совещаниях ему всегда было скучно.

Виктор быстрым взглядом окинул собравшихся: все в сборе. Вот они все тут, все командиры шахт, его командиры полков: Светличный, Голубев, Посвитный, Горовой, Беловежа, Шумилов, Ангелов. Любо́й из них старше Виктора, мудрее и многоопытнее; только русский красавец Беловежа ему ровесник. А работают они все плохо!.. Мудрецы! Ишь, сидят, в усы отдуваются... Усы завели. Побрить бы их всех!

Но он твёрдо решил держать себя в руках. Он и сейчас не станет кричать, брызгаться не будет. До этого он не унижится. Но будет беспощаден.

Он опять, но уже исподлобья поглядел на всех. Потом взял какую-то бумагу со стола и поднёс к глазам.

— Я думаю,— хрипло начал он,— что каждому из вас будет интересно узнать итоги вашей работы за апрель. Извольте, я оглашу.

Все шеи вытянулись. И хотя каждый заведующий знал свои итоги назубок (до ночных кошмаров), все напряжённо слушали, словно надеялись услышать что-то новое.

А итоги в самом деле были печальны. Ни одна шахта не выполнила апрельского плана. И в новый месяц трест вступал с длинным хвостом долга.

— Таково зеркало вашей работы! — сказал Виктор. — Так сказать, наш первомайский подарок родине...

— Не срами! — тихо попросил Горовой, вдруг сразу и неожиданно вспотевший. — Самим стыдно...

— Стыдно? — звонко подхватил Виктор, но тотчас же и взял себя в руки крутым усилием воли. Только сжатый кулак его задрожал на настольном стекле. — Хорошо, хоть стыдно... — пробурчал он. — А то люди со стороны думают, что мы и вовсе стыд потеряли.

Все попрежнему молчали. Андрей смотрел в окно. Там, на площади, перед самым трестом, плотники сколачивали первомайскую трибуну. Вероятно, им самим нравилась эта весёлая, почётная работа; было видно, как они, оживлённо смеясь меж собой, споро и охотно постукивали молотками.

— Хорошо! — сказал Виктор вставая. — Я не буду попрекать вас прошлым. За прошлое вы, а не я в ответе. А вот за будущее, — чуть повысил он голос, — за будущее нам уж вместе придётся отвечать. И крепко отвечать! — Он вышел из-за стола и крупными шагами пошёл по комнате. Его проводил не один встревоженный взгляд. У двери Виктор остановился, потом почти бегом вернулся к столу.

Но не сел. Больше он уже вообще не садился.

— Посмотрим же, с чем мы в май идём,— сказал он. — Начнём... — Он обвёл взглядом собравшихся, и под этим колючим, недобрым и в то же время где-то в самой глубине неуловимо робким взглядом все невольно поёжились. — Ну, вот с вас, Иван Гаврилович, начнём! — сказал он Посвитному. — Поскольку вы и есть главный именинник.

Посвитный тотчас же готовно подался вперёд и даже улыбнулся, словно ему было приятно, что баня начинается именно с него. Виктор почти с ненавистью глянул в это умильно расплывшееся лицо, на эти седые усики торчком, на волосы ёжиком. «Чёрт его знает, какой-то у него вид... старорежимный! — уже не в первый раз удивившись, подумал он. — И как только могут сохраняться такие ихтиозавры? Заморожены они, что ли?» Уж этого-то он не будет щадить!

— Всех хуже ваша «София» работает! — отрывисто и зло сказал он Посвитному. — Безнадёжно плохо. Что у вас с горизонтом 620?

— Стараемся, Виктор Фёдорович, изо всех сил стараемся!.. — прижимая руки к сердцу, ответил Посвитный.

— Плохо стараетесь. Я ведь был, видел. Ковыряетесь вы на этом горизонте, а не стараетесь. Когда горизонт должен был войти в строй? — обернулся Абросимов к Петру Фомичу, главному инженеру треста.

— Около двух месяцев назад, — нахмутив брови, ответил тот.

— Не около, а точно! — воскликнул Виктор. — Ровно два месяца фигурирует этот злополучный горизонт в плане добычи, и ровно два месяца с него ни единого грамма угля! Ну, как же тут выполнять план по тресту, скажите, пожалуйста?

— Справедливо, совершенно справедливо, Виктор Фёдорович! — потопорпился улыбнуться и даже хихикнуть Посвитный.

— А ваш действующий горизонт? 500? Разве он даёт то, что должен давать? Что ни день — аварии, простои, безобразия...

— И это совершенно точно вы заметили! — опять охотно закивал головой Посвитный, как японец, который кланяется, когда его бьют, да ещё благодарит: «Спасибо вам за то, что вы меня учите!» И нельзя было понять, действительно ли смиренно кается и сокрушается Посвитный или юродствует, издевается над молодым начальником.

«Ах, вёрткий, вёрткий, скользкий какой! — невольно восхитился Горовой, наблюдая, как разнимает Посвитного по косточкам управляющий, а Посвитный всё крутится, всё юлит, вывёртывается головой и ускользает и ускользает... — Да неужто опять целым уйдёт? — даже взволновался старик; как и большинство заведующих, он Посвитного терпеть не мог. — Неужто и сейчас не подцепят его под жаберы? Та где там! У него и жабер-то нет. Кожей дышит. Уйдёт!» — решил он и громко, ожесточённо хмыкнул.

Виктор тотчас же, словно только этого трубного звука он и ждал, обернулся к нему.

— А теперь вы, Сидор Трофимович! — сказал он тоном, который ничего доброго не обещал.

Горовой сразу же принял свой обычный, защитный, равнодушный вид. Только чуть приосанился да ногтем большого пальца молодецкато тронул свои дремучие запорожские усы: мол, пожалуйста, критикуйте, я готов. И стал слушать.

— У вас, Сидор Трофимович, пласты пологие, надёжные, с хорошей, устойчивой кровлей. Золотые пласты! А что вы с ними делаете? — выговаривал ему молодой управляющий. — И коллектив у вас надёжный, старый, золотой. Замечательный коллектив! А как работаете?

— Сам знаю — никуда! — добродушно согласился Горовой и тут же пожаловался: — Неполоадки нас губят, то да сё.

— Не неполадки вас губят, — строго сказал Виктор, — а вы шахту губите. Самое слабое место у вас — механизмы. Варварски вы наши золотые машины используете...

— Что-о? — взревел Горовой, разом потеряв свой равнодушно-снисходительный вид и даже приподымаясь с кресла.

— Варварски! — брезгливо повторил Виктор.

У Горового обиженно задрожали губы под усами.

— Это ты зря, зря обижаешь, Виктор Фёдорович! — со стариковским укором сказал он. — Это ты мне в самое дорогое попал. Я машину обожаю. Я с каждой новой машиной, как с дитём, нянчусь, хоть сам и не механик. Я, если хочешь знать, первый механизатор по нашим местам, это пусть все подтвердят.

— Вот ты и живёшь этой старой славой первого механизатора, — усмехнувшись, ответил Абросимов. — А от славы-то уже одни лохмотья остались... Одни дыры... Ну, какие у тебя сейчас лавы, в каком они виде? Ведь все, как на подбор, скособочены, покривлены...

— Это верно... — шумно вздохнул Горовой. — Лавы — это я согласный...

— А отчего лавы покривлены?

— Ну, причин много... — развёл руками Горовой.

— Одна причина: плохая работа врубовых машин! — строго сказал Абросимов. — Не берут твои врубовки верхний куток, оставляют... То есть полной цикличности нет. А косая лава — косой и конвейер. А где косо — там и рвётся. Вот и рвутся конвейерные решетки... вот тебе и твои неполадки...

— Так главная причина — напряжение низкое в моторах... Что тут сделаешь? Оттого и врубовки не доходят... не берут верхний куток...

— А отчего напряжение низкое? — охотно подхватил Виктор.

— Я так мыслю, что моторы старые, — нерешительно объяснил Горовой.

— Неверно! Я видел ваши моторы. Им ещё, как солдатскому котелку, служить да служить. А напряжение низкое у вас оттого, что трансформаторные камеры отстают...

— Не поспевают, это верно... — крикнул Горовой. — Так ведь не много... — и он уже, как школьник на учителя, робко посмотрел на бедоугого управляющего.

— Не намного! — зло передразнил Абросимов. — Всего на десять — двадцать метров... Так? А ты знаешь ли, первый механизатор, сколько ты на каждом метре теряешь? Считал? А я у тебя на шахте подсчитал. Ты тридцать процентов напряжения теряешь на зажимах мотора из-за отставания трансформаторных камер...

Горовой беспомощно взглянул на него и вдруг густо-густо покраснел.

— Постой-ка! — Он, кряхтя, полез в карман и извлёк оттуда клеёночатую записную книжку и толстый карандаш. — Дай-ка я запишу себе на память. Скажи, пожалуйста! — удивился он. — Такую простую вещь, а упустил.

— Запиши, запиши! — улыбнулся Виктор, следя за стариком повеселевшими глазами. Но потом вдруг круто повернулся, чтобы обрушиться уже на следующего завшахтой, на этот раз на Голубева, человека с простодушным, добрым, приятным и каким-то точно всегда обрадованным лицом жизнелюба и хлебосола.

Ругать его было невозможно — такое у него было лицо.

— Вот и у вас, Яков Афанасьевич, — тоже невольно улыбнувшись ему, сказал управляющий мягко, — все лавы искривлены. Не лавы, а балерины какие-то! На носочках стоят. «Лебединое озеро»!

— Мазурка, — неожиданно вставил Пётр Фомич.

— А с чего бы вам плясать? — насмешливо спросил Абросимов. — С какой такой радости? Что план не выполняете? Так тут пляски печальные... Нет, лавы надо выправить! — уже без улыбки сказал он. — Выправите!

— Слушаю, Виктор Фёдорович, — пробормотал Голубев.

— Вот у вас, кажется, на «Куцем Западе», лаву просто положили веером, почти по простиранию. Ну, куда это годится? Нет, выправить, выправить!.. — отрывисто повторил он. — В первую очередь выправить. Тогда и уголёк пойдёт!

— Будет исполнено, Виктор Фёдорович...

— А чего ж раньше не было исполнено? И с механизмами у вас тоже, как здесь выражались некоторые руководители, неполадки. А отчего неполадки, отчего аварии? — вдруг рассердился Абросимов, глядя уже не на Голубева, а на всех. — Оттого, что нормальное понятие, которое в наши дни каждому колхознику ведомо, — что механизмам нужен планово-предупредительный ремонт, — будто выветрилось у всех из головы. Предупреждаю: за ремонтом буду следить лично! — сказал он, всё так же сердито и исподлобья глядя на всех. Достал папиросу и строго постучал ею по коробке. Потом закурил. — Неполадки! Мелочи! — зло пыхнул он дымом. — А каждая такая неполадка тысячи тонн угля стоит. Об этом не вредно бы помнить. Вот вас, товарищ Беловежа, что вас тормозит? — неожиданно обратился он к голубоглазому гиганту с русой окладистой бородой, более похожему на полярника-медвежатника, чем на донецкого инженера. Во время совещания он старательно всё записывал себе в блокнот, как ещё недавно записывал в тетрадь лекции в институте.

Вопрос управляющего застал его врасплох; он смутился, вспыхнул, зарумянился, и теперь никакая, даже самая густая борода не могла скрыть его желторотой молодости.

Впрочем, управляющий уже сам ответил на свой вопрос:

— Ваша главная болячка — нижний штрек на втором участке, и вы это отлично знаете. Знаете — и терпите. А нужно всеми силами, сколько есть, навалиться на этот растреклятый штрек, дать настоящее опережение и расширить, к чёрту, узкое место. Так? Так! Отчего ж вы этого не сделаете?

— Так ведь добыча, товарищ управляющий... — пролепетал сконфуженный, но самолюбивый, как все молодые инженеры, Беловежа.

— А добычу надо давать! А как же? Нам с вами не за то зарплату платят, что мы породу на-гора даём да на террикон её вышвыриваем. Уголь надо давать! И столько, сколько родина требует. Вот я и спрашиваю вас: когда будем стране настоящий уголь давать?

Но смотрел он теперь не на Беловежу, а на Светличного, и тот понял, что это вопрос ему, и тотчас же почтительно встал.

— Как у вас на «Крутой Марии» дела, товарищ Светличный? — сухо и даже как бы намеренно официально спросил Виктор.

— Как вам известно, Виктор Фёдорович, мы в прорыве из-за неожиданного сброса на третьем участке, — спокойно, но тоже с подчёркнутым вниманием к вопросу начальника доложил Светличный.

— Ну, а когда же вы этот сброс пройдёте?

— Обещаю, что через десять дней «Крутая Мария» будет давать план, Виктор Фёдорович.

— Через десять дней? — вздохнул Виктор. — Долго, долго... — Но подумал он сейчас не о «Крутой Марии», а об остальных шахтах, которые и через десять дней план выполнять не будут, и ему стало вдруг тоскливо и тошно, как уже часто бывало в последние дни, словно он попал в липкую, тянущую трясины, а выкарабкаться оттуда ему не дают, барахтаться же в тине противно... — Ну, а остальные когда обещают? — хрипло спросил он и посмотрел при этом в окно, словно оттуда, а не от заведующих должен был прийти правдивый ответ.

— Да ведь вы, Виктор Фёдорович, такую нам программу начертали, такую программу-максимум, — разведя руками, а потом с хихиканьем потерев ими, ответил Посвитный, — что для её реализации время, время

надобно! Но приложим. Всё усердие приложим. И в кратчайший же срок...

— А между тем, — поморщившись, перебил его Пётр Фомич, — управляющий требует, и в этом я его целиком поддерживаю, только одного: наведения элементарного, обязательного порядка на шахте. Для этого никаких особенных подвигов не надо.

— Ну, — улыбнулся Андрей, — чтоб теперь да быстро навести порядок, как раз подвиг нужен. И, как на подвиг, надо поднять людей на это дело. Так прямо и сказать им: от каждого требуется подвиг.

А Виктор всё смотрел в окно.

«Долго, ох, долго!» — думал он, и только одно это тоскливое слово и дребезжало в его ушах. Вот и деревья зазеленеют, и акации зацветут, и весна в срок выполнит свой радостный план, а Виктор всё ещё будет барахтаться в трясине... А долг будет расти да расти...

После совещания, когда они остались втроем — Виктор, Андрей и Светличный, — Андрей сказал молодому управляющему:

— Ну, брат, ты прямо, как художник, нарисовал картину состояния шахт.

— Да, но картина-то невесёлая... — вздохнул Виктор.

— Зато, зная болезнь, её лечить легче.

— Долго, ох, долго!

— Ничего. Мы тебе все поможем. Обещаю, что два месяца никто тебя клевать не будет. Не дадим! А ты спокойно выправляй дело.

— Тем более, что курс ты наметил верный, — прибавил Светличный.

— Ты думаешь? — рассеянно пробормотал Виктор. Как на совещании, так и сейчас он избегал встречаться взглядом со Светличным: ему казалось, что тот смотрит на своего молодого начальника чуть-чуть насмешливо. Виктора давно уже мучило, что так и не удалось ему поговорить со Светличным откровенно и по душам. Не пора ли всё-таки это сделать?

— Ты извини меня, Федя, — хрипло и опять не глядя на Светличного, сказал Абросимов. — Мне перед тобой, ей-богу, неловко...

— Почему? — изумился тот.

— Ведь если по правде, по справедливости, так тебе бы здесь руководить, а мне бы тебе подчиниться...

— Вот ты о чём? — чистосердечно расхохотался Светличный. Но потом, увидев, что для Виктора это слишком серьёзно, придвинулся ближе к нему и сказал, свирепо нахмутив свои косматые брови: — Ты это выбрось, выбрось из головы! Партия лучше знает, кого из нас куда ставить. А я тебе дорогою душою, слышишь? Дорогою душою готов и подчиняться и помогать, — и он протянул Виктору руку.

Тот растроганно схватил её.

— Ну, спасибо! Слушайте, хлопцы! — вдруг, сразу повеселев, вскричал он. — А давайте-ка все ко мне в гости. Ведь мы за этими чёртовыми делами так ни разу по-человечески и не встречались.

Друзья охотно согласились, и они шумной, ребячьей ватагой ворвались в новый, директорский дом.

Даша обрадовалась им. Обрадовалась гостям, обрадовалась тому, что Виктор рано пришёл домой, — не часто она теперь его видела. Она сразу же засуетилась, захлопотала, забегала.

— Сейчас, сейчас буду вас кормить! — посулила она на бегу. — Ведь вы же, как черти, голодные?..

А Виктор стал показывать гостям свой новый дом. Ему самому здесь не всё было знакомо. Каждая картина на стене, каждая безделушка на

буфете была для него самого открытием. «И когда только Даша успела? — восхитился он. — Она наладила дом быстрее, чем я — трест...»

— В этом доме жить можно! — изрёк Светличный, когда, осмотрев все закоулки вплоть до веранды и сада, гости вернулись в кабинет.

— И хорошо можно жить, — прибавил Андрей, но тотчас же и заметил: — Э, а книг-то у тебя маловато!..

— Ну, совсем как Нечаенко! — расхохотался хозяин. — Помнишь, как он раз перетряхнул нашу библиотечку?

И они, словно сговорившись, в этот вечер предались роскоши воспоминаний.

5

Только тот, кто, как добрый хозяин, знает настоящую цену каждому рабочему дню, кто в итогах трудового месяца коллектива привык видеть и своё личное счастье или несчастье, для кого мёртвые цифры в сводке не мертвы, а исполнены жизни, борьбы и треволнений, — тот знает, как круто даются последние дни месячного плана и как у иных ротозеев легко, вскачь, словно мелочь из дырявого кошелька, сыплются первые дни: не успеет оглянуться, а уж рассорил, растерял добрую половину...

Вприпрыжку, медяками, лёгкими гривенничками покатались первые майские дни, и хотя Виктор старался каждый пятак поставить ребром, из каждого дня выжать все капли, он и сам не заметил, как растаяла первая неделя. А сделал он, как ему казалось, мало, совсем мало, почти ничего.

Но ночью пятого, точнее, ранним утром шестого мая его разбудил телефонный звонок. Виктор тотчас же схватил трубку. Он всё ещё никак не мог привыкнуть к этим тревожным ночным звонкам: за каждым из них ему мерещилась катастрофа.

Звонил Посвитный. Каким-то незнакомым, не своим, спокойным, деловым голосом, без обычного хихиканья, он извинился за то, что так рано потревожил начальника, и Виктор, холодея, догадался, что стражлось нечто необыкновенное.

— Да что, что случилось-то? — нетерпеливо крикнул он в трубку.

— Докладываю, — медленно и с достоинством отвечал голос, совсем не похожий на голос Посвитного. — Только что мы выдали на-гора последние вагончики угля и тем самым выполнили суточный план на сто три процента...

— Что? Что? — ушам своим не поверил Виктор.

— Выполнили суточный план на сто три процента, — повторил Посвитный.

— Да как же это... как же ты, дорогой ты мой! — откидывая прочь одеяло и касаясь босыми ногами пола, закричал потрясённый Абросимов. — Да быть этого не может!

— Приглашаю приехать, убедиться...

— Приеду! Дорогой ты мой! Да немедленно же приеду! Да уж не обсчитались ли вы? — вдруг встревожился он.

— Нет, — успокоил Посвитный. — Точно. Как в аптеке. Не извольте сомневаться... — и больше уж не выдержал: захихикал.

Через полчаса Абросимов катил по дороге на «Софию». Ему не терпелось самому удостовериться в правде слов Посвитного, он готов был сам пересчитать все вагончики с углем.

Сомнения не оставили его. Он до деталей знал все свои шахты, знал, чем каждая дышит; то было дыхание тяжелобольного. И вдруг ему говорят, что большой лихо вскочил с постели, взял одр свой подмышку и поскакал на майскую лужайку играть в футбол. Да быть этого не может!

«Но, с другой стороны, не станет же Посвитный меня разыгрывать? Такими вещами с управляющим не шутят! Не первое апреля. Значит, правда, правда!.. — ликовал он. — Началось, сдвинулось... Вот тебе и Посвитный! Ну, молодец, ну одарил сюрпризом... Вот это подарок так подарок!»

— Что вы сказали, Виктор Фёдорович? — обернулся к нему шофёр.

Оказывается, Виктор, сам того не замечая, уже вслух воскликнул: «Сюрпризец, да, сюрпризец!»

Он засмеялся.

— Погодка, говорю, отличная!

— Да уж чистая благодать! — охотно отозвался шофёр, щурясь от нестерпимого солнца.

А утро и в самом деле было необыкновенное. Во всяком случае таким оно казалось Виктору сейчас. Да кто это выдумал, будто в Донбассе небо низкое, дымное, серое? Оно — вот оно какое: и дна в нём нет! И не голубое оно, не синее, а какое-то нежносветлое, чистое и озарённое; в природе и колера к нему не подберёшь! И кажется, что оно всё время подымается, подымается куда-то ещё выше, словно улетает... И вслед за ним, с землёй, тоже тянется ввысь всё живое: и юные всходы, и первая зелень озимых, и тополиные ветки с трепетными листочками, и даже сама дорога, круто взвивающаяся ввысь...

«Да-а, весна лихо выполняет свой план! — усмехнулся Виктор. — Ну, да и мы, кажется, начинаем!»

Посвитный встретил его на крыльце конторы: вероятно, увидел машину из окна. Абросимов нетерпеливо рванулся к нему, схватил за руку.

— Значит, правда? Точно?

— А вы всё не верите? Не доверяете нам? — укоризненно сказал Посвитный и, ласково взяв начальника за локоток, ввёл его в свой кабинет.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте же, как достигли, как добились? — жадно потребовал Абросимов, плюхаясь без разбору на первый попавшийся стул.

— А поднатужились! Поднатужились, Виктор Фёдорович! — жидким тенорком ответил Посвитный и потёр руки. — По совести сказать, отношу я наш первый успех в ваш адрес. Уж не сочтите за подхалимство, сроду этим не грешил, да и стар, а прошибли вы меня тогда на совещании, да как прошибли, прямо вам скажу! — проговорил он, придвигаясь вместе со своим стулом ближе к Абросимову.

— А-а! — довольно ухмыльнулся Виктор — Значит, дошло?

— И ещё как дошло-то! — с каким-то рьяным восторгом подхватил Посвитный и, схватив обеими руками коленки управляющего, тихонько и нежно потиснул их. — Как дошло! До самого нутра. Тогда-то и пригляделся я к вам, — прибавил он, подвигаясь ещё ближе. — Вижу: дерзкой отваги человек! Смелый, находчивый, нетерпеливый. Рискованный человек, а такие мне всегда по душе. Я ведь, голубчик, Виктор Фёдорович, — уже захлёбываясь от избытка чувств и дыша Абросимову в лицо, шептал он, — я на своём веку много начальников перевидал! Начальники-то надо мной часто меняются! Они, как тучки, приходят и уходят... А я всё сижу. Даже сам чувствую: засиделся на шахте! — прибавил он, конфузливо улыбаясь и пожимая плечами. При этом он бросил косой, осторожный взгляд на Виктора.

Почему-то вдруг стало Виктору неловко. «Действительно, старый, опытный человек, — подумал он, — а я мальчишка... И несправедлив я к нему был, нехорошо даже...»

Он спросил как можно ласковее и предупредительнее:

— Как же вы всё-таки успеха добились, Иван Гаврилович? Мне это интересно.

— А единственно в подарочек вам, — радостно отозвался Посвитный. — В подарочек! Знал ведь, чем вас обрадовать можно! — захихикал он и опять нежно коснулся рукой колени начальника.

— Да что же вы, маг, чародей? Добрый гений?

— А как видите... — скромно улыбнулся Посвитный, но тотчас же и встрепенулся. — Конечно, наш успех — это только первая ласточка, не больше. И, разумеется, одна ласточка весны не делает, но... — многозначительно потряс он рапортничкой, в самом деле похожей на ласточку в полёте, — но весну предвещает!

— А завтра, значит, опять девяносто три? — нахмурился Абросимов. — Или и того меньше?

— А это уж как вы прикажете... — тихо ответил Посвитный.

Виктор недоуменно вскинул на него глаза.

— То есть как это: как я прикажу? — вскричал он. — У нас с вами, Иван Гаврилович, один приказ, приказ родины: добычу давать!

Что-то нехорошее начиналось между ними, и Виктор вдруг это почувствовал. Он в упор посмотрел на Посвитного, словно хотел дознаться: да что ж у этого человека на дне, что он меня мутит? Но Посвитный молчал.

Потом, после нестерпимо долгой паузы, наконец проговорил глухо:

— А это на свою совесть... я один взять не могу... Не смею...

И Виктору всё стало ясно.

— А-а, так вот оно что! — разочарованно протянул он. И сразу померкла для него вся радость этого необыкновенного утра, небо упало на землю.

А ведь он это предчувствовал, предчувствовал! И когда мчался сюда на шахту, предчувствовал, не верил. Ласточка-то оказалась куцехвостой.

— А ну, дайте-ка мне рапортничку! — отрывисто приказал он и почти вырвал её из рук Посвитного. — Та-ак... — пробурчал он, привычно разбираясь в колонке цифр. — И ни одного вагончика породы на-гора?

— А ведь вы сами, сами, Виктор Фёдорович, — заглядывая через плечо, заискивающе сказал Посвитный, — сами изволили высказаться, что нам зарплату не за породу дают!.. — и он захихикал, но уже опасно.

— А вы со мной шутки шугить бросьте! Слышите? — разозлился Абросимов. — Вы что ж, совсем прекратили подготовительные работы на горизонте 620?

— Только на сутки... На одни суточки... Ради ласточки. Единственно с тем, чтобы шахтёрам перспективу показать. Чтоб, так сказать, весну материально обозначить...

— Ну, а дальше как?

— А дальше? А это уж как вы прикажете. Видите ли, Виктор Фёдорович, я ведь своим местом не дорожу.

Но управляющий продолжал хмуро рассматривать рапортничку.

— Ни местом, ни службой, ни состоянием, поскольку такового и не имею. Чистый пролетарий. Даже коровкой и той не обзавёлся.

— К чему вы мне это говорите? — тихо спросил Виктор.

— А единственно к тому, — оживился Посвитный, — что как ничем, кроме чести своей, не дорожусь, я и риска не боюсь. И всегда самый смелый манёвр предпочитаю позиционной канители.

— Где ж тут манёвр?

— А у умного человека манёвр всегда под рукой. Вот, изволите ли видеть, мой замысел, — наклонился Посвитный над столом, как военачальник над картой, и стал пальцем водить по пыльному настольному стеклу. — Где у меня сейчас слабое, так сказать, самое уязвимое место? План добычи! Так? Вот я сюда все силы и бросаю. На направление главного удара. И выполняю план и выигрываю время. А тем временем входит в строй и мой новый горизонт, так сказать, подтягиваются резервы...

— Как же «тем временем» войдёт в строй ваш новый горизонт, когда вы его забросите? Чудом, что ли?

— Справедливо, справедливо... Увлёкся, — засмеялся Посвитный и даже головой виновато покрутил. — Так ведь у меня и поле-то для манёвра узенькое: одна шахта. И то, как видите, сманеврировал. Положено мне из трёх смен одну иметь ремонтную. А я вчера все три смены сделал добычными, а ремонтник на сутки и отложил. И выиграл! Не скрою от вас, снял я вчера проходчиков с горизонта 620 и всех на добычу бросил. На сутки. Единственно на одни сутки. Ради манёвра. И вот — обрадовал вас подарочком, выполнил план. И время выиграл. Сманеврировал в моих тесных обстоятельствах. А ведь у вас-то, Виктор Фёдорович, — вкрадчиво пршептал он, — у вас-то для манёвра — плацдарм! Трест! Ватерлоо!

Виктор вздрогнул. А ведь эта мысль уже пришла ему и самому в голову! Уже сам подумал он о том, что в масштабах треста действительно можно маневрировать... Манёвр, риск, выигрыш времени — какие заманчивые, какие соблазнительные и опасные слова! Нет, надо подумать, подумать, взвесить...

А Посвитный, словно разнюхав, словно угадав, что творится сейчас в душе Виктора, продолжал шептать да шептать. Он уже, как червяк, вполз в мозги управляющего и точил, и точил, и точил...

— Удивляюсь, как Пётр Фомич раньше не подсказал вам! Опытный горняк. Ходы-выходы знает. Да что греха таить — куцей, куцей, трусливой души человек! Не такой бы вам главный инженер нужен. Он ведь всё норовит, чтоб осторожненько, да аккуратненько, да по инструкции! Конечно, чего бы лучше! — снисходительно засмеялся он. — Починить бы всё полегоньку, да подвинтить, да наладить, а уж тогда, с божьей помощью, и план выполнять. Не спору — хорошо-о! Благодать! — и вдруг угрожающе надвинулся на Виктора. — Да только нам-то, грешным, никто такой воли не даёт. Нет! Нет-с!.. — с каким-то злорадством, даже с присвистом произнёс он. — Нет, не даёт!.. На ремонт-то нас не остановили. Обязательств-то с нас не сняли! А время-то идёт! А долг-то растёт! А худая слава-то не лежит, по дорожке бежит, на весь свет. Глядь — а тебя уж и сняли за невыполнение плана добычи. И все твои плоды и надежды — всё, что ты от саженцев своих ждал, от росточков, — всё не тебе, а уж твоему преемнику достанется, а он, подлец, и спасибо не скажет!

Он видел, какое смятение раздул в душе начальника, какой переполох там поднял, и — обрадовался. Он и сам ещё не знал, что за корысть ему, Ивану Посвитному, в этом душевном переполохе, но уже наслаждался им, наслаждался, как мелкий пакостник, который в любой кутерьме видит свою радость. «Теперь только подогреть да подогреть. Накалить!»

Но Абросимов вдруг встал и одним властным, нетерпеливым жестом сразу осадил Посвитного на место.

— Хорошо, хорошо! — небрежно и не глядя на него, сказал управляющий. — Об этом — в другой раз, в свободное время...

— Как вам угодно, Виктор Фёдорович.

Иван Гаврилович Посвитный сам любил называть себя «последним из могикан»: молоточки на фуражке он носил ещё до революции. Его однокашники, птенцы Лисичанского училища горных штейгеров, давно уже стали солидными, важными, даже облезлыми птицами, свили себе гнёзда — уютные и долговечные. Иные из них прогремели как крупные специалисты, другие покойно доживали свой век во всяких инспекциях и технических отделах.

Только он один, Иван Посвитный, едва ли не самый жаждущий, самый честолюбивый из всех, прозябал на шахте. Он и сам не понимал, почему так вышло. Уж он ли не алкал, он ли не вожделем, он ли не продирался? Нет, себя он ни в чём не мог винить. Виноваты были люди, обстоятельства, судьба.

Иногда он сам вопрошал себя: да где же я ошибся, когда прозевал, когда упустил своё? Начало карьеры было многообещающим: сразу же после училища он стал заведовать шахтой, правда, маленькой, купца Харченко, но всё же шахтой. Об этом безветренным житье он и теперь вспоминал часто, рассказывал охотно, но всегда по-разному. Иногда так: «Да, погнул-таки и я выю на хозяйина-самодура!» А иногда иначе: «Мой купчишка-то простой был человек, малограмотный. В дело не входил, проживал в Харькове и только одного от меня требовал: давай, говорит, мне рубль прибыли на каждого шахтёра, а больше от тебя ничего и не требуется». И Посвитный аккуратно отсылал хозяину его рублики, при этом не забывал и себя.

Революцию Иван Посвитный встретил со смешанным чувством страха и надежды. Несмотря на молоточки, он белой костью не был: дед его ещё пахал землёю. Он вспомнил о деде кстати. Революция сдула с шахт баричей и иноземцев; однокашники Посвитного круто пошли в гору. Он увязался за ними, но с оглядкой: а вдруг да Харченки ещё вернутся!

На первых порах он затесался в толпу горных чиновников ЦПКП¹; стал служить в каком-то секторе какого-то подотдела. Он долго считал это место временным — никто ведь не будет полагать жилищем случайный шалаш во время грозы, — и он жил в своём подотделе, как в шалаше, отсиживался, чистил пёрышки для грядущих полётов да изредка тревожно высывал на волю свой птичий клюв: не прояснилось ли уже, не успокоилось ли?..

Он и сам не заметил, как привык к своему убежищу. И все вокруг привыкли, что он занимает именно это место, а другого занимать и не может. Однажды Посвитный спохватился — да было поздно. Его однокашники давно уж ушли вперёд, стали инженерами, иные даже доцентами и профессорами; он один оставался штейгером-недоучкой.

Всё-таки он предпринял судорожную попытку взлететь и для этого приложил все свои таланты особого рода. Но они одни уже не могли помочь ему: к ним надо бы ещё диплом инженера или по крайней мере опыт долгодетней работы на шахтах. Ни того, ни другого у Посвитного не было. У постаревшего птенца не оказалось крыльев.

Даже Шахтинское дело, в котором Посвитный запачкан не был, не послужило ему для выдвижения. Вредителей быстро заменили новые люди. Страна уже имела свою молодую техническую интеллигенцию. Посвитный, разумеется, не принадлежал к ней. Не принадлежал он и к старой интеллигенции. Он был просто маленький служащий вечно реорганизуемого главка. От долгодетнего прозябания в канцеляриях из него окончательно выветрились черты горняка. Теперь он был только конторщик — в длинной толстовке и потёртых штанах.

— Не повезло, ах, как обидно не повезло! — оскорблённо сокрушался он. Но и тут себя не винил. Опять виноваты были люди, обстоятельства, время.

Как все неудачники, он был суеверен, верил в везение и невезение, в чёт-нечёт; в случай — счастливый или несчастный; и, как все завистники, ни в ком, кроме себя, ни талантов, ни знаний не признавал. Тогда-то и появилась у него манера, хихикая, издеваться над всем и вся, юродствовать, кривляться. Никогда нельзя было угадать, шутит он или обижает

¹ Центральное правление каменноугольной промышленности.

всерьёз, и, ловко пользуясь этим камуфляжем, Посвитный осторожно, но едко язвил удачников, сплетничал, наушничал, даже клеветал. Его стали избегать и побаиваться.

Но только, жала других, больше всего мучился он сам. Никто и не подозревал, какие скорпионы копошатся в душе этого маленького Бонапарта из подотдела шахтного оборудования. Он сам тиранил себя зрелищем триумфа счастливиц, ночей не спал из-за каждого нового назначения, во всяком удачнике видел личного своего врага. И всё доискивался: да отчего же это, отчего на одних так и льётся золотой дождь удачи, а его, Посвитного, обходит стороной?

— Да как же ты, голубчик мой, из грязи да прямо в князи? — зло хихикая и приятельски подмигивая и даже ласково трепля ладошкой по коленке, спрашивал он кого-нибудь из своих однокашников, спрашивал в той увёртливой своей манере, за которую можно было и не обижаться на него, а можно и дать по роже.

— Да зедь не прямо, не прямо, не сразу! — простодушно отвечал удачник. — Я ведь с сединой в висках да с кучей детей на руках сел за институтскую парту. Стал инженером. Стал долго работал на шахте. Как видишь, не сразу. И ты бы мог!..

Но Посвитный только недоверчиво и ехидно посмеивался:

— Тётушка тебе ворожит, что ли? Или жена-красавица? Ну, не завидую, не завидую — поздравляю!.. — А сам готов был лопнуть от зависти.

Размышляя над своей незадавшейся судьбой, он решил однажды, что всё могло бы быть иначе, будь он коммунистом. Эта мысль сначала ошарашила, а потом восхитила его. «Ну, конечно, конечно же, вот она где, заковыка! — воскликнул он, словно Архимед, нашедший наконец точку опоры. — Будь я партийным — ого-го!»

Эта мысль, явившись нежданно, теперь уже не оставляла его. Он обсасывал её медленно, исподволь, на все лады. Принохивался, приглядывался. И хотя большинство однокашников-удачников коммунистами не были и хотя ливень удачи и славы равно падал и на партийных и на беспартийных, — Посвитный твёрдо уверил себя, что без партийного билета ходу в гору нет!

Стало быть, следовало обзавестись партийным билетом, раз уж инженерным дипломом не обзавёлся.

Посвитный сознавал, что для этого ему придётся круто переменить всю свою жизнь. И прежде всего — уйти из главка. В главке ему ни за что в партию не пролезть. Здесь его знали и не любили. Этого он не скрывал от себя. Он даже гордился этой нелюбовью. «Не любят потому, что боятся! Меня — маленького, безоружного, безвластного человечка — боятся! А кабы мне да власть в руки!»

Значит, надо уйти из главка. Сперва это показалось ему невероятным! «Как! Покинуть насиженный шалаш, своё, пусть маленькое, но нагретое и надёжное местечко?» Наконец он решился. Кстати, и благородный повод подвернулся. Уже по всем отделам главка шумел клич: «Специалисты, из канцелярий — на шахту!» И Посвитный вызвался добровольцем.

Этот поступок всех в главке изумил. Многие просто не поверили, ждали очередного фокуса. Но когда, торжественно-грустный, томный и уже как бы отрешённый от всего земного, Посвитный и в самом деле пришёл прощаться с сослуживцами, все искренне пожелали ему счастливого пути. И невольно подумали вслед: «А может быть, он и впрямь не плохой человек?»

Очувтившись на шахте, Посвитный действительно стал другим человеком: добрым, ласковым, обходительным. Он умел очаровывать людей,

когда хотел этого. А теперь он хотел, страстно, нетерпеливо хотел, чтобы его полюбили, чтобы все ему поверили. И, однако, ему пришлось много истратить времени, прежде чем далась в руки желанная цель. Нет, он даже не вступил — он примазался к партии; примазался так ловко, так искусно и незаметно, что даже его начальники удивились, узнав о свершившемся факте. Впрочем, тут же и доверчиво одобрили: «Это хорошо, что старый специалист накрепко связал свою судьбу с партией». Теперь это редкостью не было.

Получив заветный партийный билет, Иван Посвитный стал ждать и чудесной награды: продвижения вверх! Тут он уже не мог быть терпеливым. Он и дня не хотел больше ждать. Он и так ждал слишком долго.

И — опять не дождался.

Не дождался! Тут было от чего прийти в отчаяние.

Оказалось, что принадлежность к партии, не дав ему никаких перед другими особых прав, только наложила на него новые обязанности и обязательства. Со страхом узнал он, что быть коммунистом совсем не легко: теперь с него спрашивали втрое. Но пятиться назад было уже поздно. Оставалось вихомолку роптать на проклятую судьбу, да зло юродствовать и хихикать, да надеяться на счастливый случай, на чёт-нечет...

Таким и застал Виктор Посвитного, когда впервые приехал на шахту: постаревшим, съёжившимся, с усиками торчком и сединой ёжиком...

«Старорежимный» вид, так поразивший Абросимова, не был, разумеется, сознательной манифестацией Посвитного против незадавшейся судьбы; он и сам не подозревал, что у него такой вид, а если б узнал — первый же и испугался бы.

Он отрастил усики торчком просто потому, что они показались ему самыми милыми, самыми симпатичными и самыми подходящими к его толстогубому лицу из всех усиков в мире; а причёску ёжиком он позаимствовал у старичка-инженера, крупного шахтостроителя и ворчуна, перед которым даже в наркомате трепетали; а очки завёл потому, что стал слаб глазами, но роговая оправа представилась ему несолидной для горняка, слишком модной, и он разыскал где-то старинную оправу для узких стёкол, металлическую и тусклую, каких теперь нигде и не носят; а привычка ехидно потирать сухие ладошки взялась чёрт его знает откуда, он и сам её не замечал...

Человек, особенно мужчина, вообще редко лепит свой внешний облик сознательно. Тут действуют иные силы: время, воспитание, вкус, среда и те, часто самому человеку неизвестные, потаённые, закоулочные черты его характера, о существовании которых он сам может и не подозревать.

Оттого-то внешний вид и является верным зеркалом человеческой души, — если уметь в это зеркало взглядеться. В нём вдруг неожиданно, как прыщи, проступают даже те черты характера, которые сам их владелец не прочь бы и спрятать. Но ему не дано замечать их, он к ним давно-давно привык и чаще всего своим внешним обликом доволен.

Так и странный, «старорежимный» вид Посвитного являлся только точным зеркалом его уязвлённой души, души, озлобленной и взъерошенной, заблудившейся на перекрёстке двух эпох; души маленького человека с большими претензиями, с гремучей амбицией и худой амуницией, неудачника и завистника.

Назначение молодого Виктора Абросимова, ещё пять лет назад бывшего простым шахтёром, на должность управляющего трестом Посвитный принял как прямое и личное оскорбление себе, как, впрочем, принимал и все новые назначения. Но ещё большей ужалило его душу неожиданное назначение Петра Фомича Глушкова главным инженером треста. Это уже был удар под ложечку...

Как, беспартийный Пётр Фомич, тихий, не прыткий Пётр Фомич, тоже бывший штейгер, тоже, как казалось, «неудачник», становится трестовским начальством, а он, Иван Посвитный, опять в дураках?! Да как проглотить всё это, как такое пережить?! Воистину, выносив человек, если после такого удара Посвитный ещё мог улыбаться!

А он именно улыбочкой, не то льстивой, не то издевательской, но во всяком случае бесстрашной встретил впервые приехавшего на шахту Абросимова, прикинулся замысловатым стариканом-чудаком, пытаясь заинтересовать, а если удастся, то и запугать собой молодого человека, а сам цепко приглядывался к нему, пробовал пронизать до дна, раскусить, выведать, разгадать. Все заведующие шахтами увидели в Викторе молодость, иные догадались и о крутом нраве молодца. Но только один Посвитный разглядел главное в новом управляющем — нетерпение. Нетерпение, тоскливую жажду скорой славы.

В расчёте на эти качества и построил Иван Посвитный свой первый «психологический эффект», потому что только психологическим эффектом и ничем больше было неожиданное перевыполнение суточного плана тяжелобольной «Софией».

Этим эффектом Иван Посвитный хотел сразу же заявить о себе новому управляющему: вот я какой! Я всякое могу! Хотел удивить, поразить, заинтриговать Абросимова, а себе придать веса и таинственного значения. Назвал ведь уже Виктор его магом и чародеем! Именно на своё знание «магии сводок и алхимии руководства» и намекал Посвитный своим сюрпризом.

Это был тонкий и точный расчёт. И он оправдался. Прискакал же Абросимов стремглав ни свет ни заря на шахту! Кинулся же он Посвитному на шею! Даже разочарование управляющего тонко предугадал ловкий алхимик, даже это входило в «игру»: разочаруется — значит, ещё больше возжаждет!

Нет, всё-таки он растревожил, растревожил молодца! Растревожил почти бескорыстно, не строя для себя никаких расчётов и иллюзий, просто играючи эффектами, как жонглёр цветными шарами. И только когда почувствовал, как, сверх ожидания, забился, затрепетал Виктор в его руках, как юный перепел в тенётах, зароились в нём смутные, но уже дерзновенные замыслы и надежды... Недаром же обронил он предательское словечко: «Эх, Виктор Фёдорович, не такой бы главный инженер нужен вам в тресте!» Не зря же попенял на то, что «засиделся на шахте». Не напрасно же так откровенно предложил самого себя в опекуны и советчики.

Правда, Абросимов не сказал в ответ: «да». Но и «нет» не сказал тоже. Как принято говорить, вопрос остался открытым. Ну что ж, Посвитный подождёт. Он уже привык ждать. Встреча ещё состоится.

Глядя, как клубилась на дороге пыль, встревоженная голубым автомобилем, он уже предчувствовал, уже воочию видел надвигающийся на него сладостный вихрь страстей, тревог и треволнений, знакомую бурю хитро сплетённых интриг, смакование которых, даже независимо от результатов, само по себе было для Посвитного неизъяснимым наслаждением...

7

Посвитный угадал верно: душу Виктора он встревожил.

Правда, и до этого Виктор покоя не знал. Не знал с той самой минуты, как увидел, сколь плохи дела в тресте. Но то было беспокойство капитана, отправляющегося в дальнее плавание; сейчас же Посвитный искушал его надеждами и сомнениями игрока над картой: рискнуть или не рисковать?

Ещё вчера смирился Виктор Абросимов перед мыслью, что до заветной цели надо идти долгим, каменистым, трудным путём. Правда, он при этом ворчал, порой даже беспокоился: «Ох, долго, долго, противно!» Но был готов, зубы стиснув, пройти весь путь до конца.

И вдруг Посвитный указал ему дорожку куда более короткую: тропинку. Напрямик. Или, как говорят на Украине, «навпростец».

«Манёвр» — одно только это магическое слово и произнёс Посвитный, — и перевернул им всю душу Виктора.

Конечно, то, что предлагал Посвитный, любому горняку сперва показалось бы чудовищным. Предлагалось «отодвинуть» на второй план подготовительные работы и все силы бросить только на добычу. Никаких добрых плодов от этой затеи и нельзя было ожидать, как нельзя ожидать урожая осенью, не засеяв поля весной.

Подготовительные работы и предшествуют и сопутствуют работам очистным, то есть добыче. Чтобы приступить к углю, надо прежде всего убрать с пути породу; чтобы взять в свои руки пласт, надо сперва его вскрыть, разрезать; прежде чем дать сжатый воздух отбойным молоткам, надо дать свежий воздух людям, вентиляцию; чтобы добытый уголь доставить на гора, надо пробить углю дороги — штреки. А чтобы откаточные штреки были действительно дорогами, а не мышеловками, надо, чтобы они всё время опережали движение лавы... И так далее и так далее.

Есть строгий порядок горных работ, законы плавления по каменным подземным рекам, куда более строгие, чем даже правила судоходства по морям и океанам. Безнаказанно нарушать эти законы ещё не удавалось никому.

«Но ведь в данном случае, — так размышлял Виктор, катя в своём «глубом экспрессе» по знакомым пыльным дорогам, — речь идёт только о временном манёвре. Только о манёвре!» — заклинал он сам себя. Манёвр и морякам известен. Никто и не предполагает отменить подготовительные работы, глупо даже подозревать Виктора в этом. Речь идёт только о том, чтобы сейчас, в горькие дни прорыва, все основные силы бросить на добычу. На штурм угля! Разумно сманеврировать средствами и резервами.

А такие резервы есть, есть! Вот у Светличного скоро новый горизонт войдёт в строй — выручит. Можно и поторопить Светличного: ввести горизонт досрочно. Найдутся и другие резервы. Надо лишь поискать! Надо только ловко маневрировать. Выигрывать время! Время! Время!

Пусть сейчас одна группа шахт, поднатужившись и даже сократив временно подготовительные работы — временно, только временно! — станет перевыполнять план и этим прикроет отстающие шахты и даст желанную Виктору среднюю по тресту — 100 процентов. А тем временем подтянутся отстающие шахты, выйдут на линию огня и, в свою очередь, заслонят собой тех, кто отойдёт зализывать раны. И опять будет желанная средняя — 100. Что тут плохого, преступного? Сочетание огня и манёвра — этому Виктора ещё на допризывной подготовке учили.

«Ведь не для себя, не себе же я угля хочу! — беспокоился метался он на кожаной подушке сиденья. — Мне углем не торговать. Уголь нужен родине».

А родина властно требует от Виктора Абросимова этого угля не завтра, не послезавтра, а сейчас, сейчас, сейчас, сию минуту. Какое дело пароводным котлам, паровозным топкам, кочегаркам и доменным печам бесчисленных советских заводов до того, что на шахтах Абросимова нет порядка, искривлены лавы и отстали штреки? Топкам нужен уголь, и Абросимов должен его дать. Любой ценой. И — сегодня!

«И я дам его, будь я трижды проклят, дам! — зло клялся он себе. — Выверну себя наизнанку, а дам! И теперь никому от меня покоя не будет. Пусть и не ждут!»

— К Горовому! Живо! — закричал он шофёру вдруг.

Шофёр удивлённо посмотрел на него: они уже подъезжали к тресту.

Машина отразила колебания своего водителя — замедлила ход, неуверенно вильнула из стороны в сторону и наконец вовсе остановилась, словно спрашивая: ну, а дальше что?

— Ты что же, не слышал? — нетерпеливо рявкнул на шофёра Виктор. — К Горовому! Давай! — И чуть ли не сам схватился за баранку.

К Горовому! А потом к Голубеву, к Беловеже, к Шумилону! Он всех возьмёт за глотку! Он из них душу вытряхнет! Он им усы-бороды сбреет!..

Машина сделала крутой разворот со свистом и опять покатила прочь из города.

В конторе на «4-бис» Абросимову сказали, что заведующий под землёй.

— Прикажете вызвать?

— Нет, я сам поеду в шахту!..

Он нашёл Горового в откаточном штреке на старом участке. Старик просиял, увидев управляющего: он Виктора полюбил.

— А, милости просим, милости просим! — радушно сказал он, словно приглашал Абросимова к столу.

Виктор поздоровался.

— Ну, как дела?

— Да вот, воюю с моими барбосами! — бодро ответил Горовой и метнул лампочкой в сторону молодого кучерявого десятника с выбившимся из-под «надзорки» лихим чубом. — Доложу я тебе, Виктор Фёдорович, не люди, а турки... Ей-богу! Русского языка не понимают.

Но «турок» мало смутился, только зубы оскалил.

— Зря вы ругаетесь, Сидор Трофимович! — весело и без обиды отозвался он. — Мы ведь тоже крещёные: сами в бой рвёмся!..

И в том, как он молодцевато это сказал, как сдвинул на затылок свою каску-надзорку, и в том, как охотно заулыбались вокруг люди и как сам Горовой загрохотал своим гулким, могучим басом, почувствовал Виктор, что в этой шахте уже воцарилось то приподнятое, радостно-раздражённое настроение, какое всегда охватывает людей, твёрдо положивших сокрушить преграду.

Он и сам невольно заулыбался.

— А ну, ведите, показывайте, какие у вас тут чудеса-перемены! — сказал он и пошёл по штреку.

Однако видимых перемен оказалось мало; было только предчувствие перемен, как в слабом, но ровном дыхании очнувшегося после кризиса больного уже есть надежда на выздоровление. Главные же перемены произошли пока только в людях и прежде всего — в самом Горовом. Он помолодел!

Сидора Трофимовича Горового уже много лет, к полному его удовольствию и, как кажется, не без его инициативы, все величали «стариком», хотя едва ли было ему больше пятидесяти двух лет. Но он давно, очень давно заведовал шахтой — всё одной и той же, — рано поседел, рано обзавёлся пышными белыми усами, рано оброс солидным жирком и, главное, рано приобрёл ту равнодушно-важную, горделиво-спокойную, мудрую стариковскую осанку, которая даётся только годами, прожитыми с пользой и со вкусом.

Просуевившись без толку всю свою жизнь, Посвитный и постарев остался таким же суетливым и вертлявым. А Горовой в свою раннюю, серебряную старость вошёл так же спокойно, уверенно и осанисто, как и всегда жил: высоко подняв красивую седую голову, ни перед кем не сгибаясь и никому не кланяясь.

Он считался хорошим заведующим шахтой, хотя тоже инженерского диплома не имел, выдвинулся из забойщиков.

Какие качества необходимы хорошему заведующему шахтой? На это сам Горовой любил отвечать так: три — знание дела, знание людей, трудолюбие.

Он имел эти качества. Он отлично знал дело. Знал и любил людей. Умел трудиться, когда хотел.

Да, когда хотел. К сожалению, хотел-то он не всегда. Он любил-таки полёживать на лаврах и часто залёживал эти лавры до дыр. В его жизни всякое бывало: и взлёты и падения, и дни громкой славы и недели жестоких «проработок». Во всех этих перипетиях он, как истый украинец, неизменно сохранял свой равнодушный, даже скучающий вид: мне, мол, всё едино — хвалят меня или ругают. Всякое видели!

Незнакомый человек и не догадался бы, что под этой вечно ленивой флегмой бьётся неукротимое, гордое, беспокойное сердце. «Горового надо только почаще дразнить. Обижать его надо почаще! — говаривал, бывало, Василий Сергеевич Харитонов. — Ему не канифоль, ему скипидар нужен. Его хвалить вредно, а ругать просто даже необходимо. Главное, в покое его нельзя оставлять. Нельзя давать старику обрастать жиром».

А Горовой как раз очень любил, чтобы его хвалили. Он был большой и добродушный хитрец, лукавый до наивности. Когда его шахта прочно покоилась на вершине славы, он с охотой, хоть и небрежной, ленивой походкой шёл в президиум любого слёта, садился в первый ряд и, прикрывшись своей обычной маской сонного, безразличного ко всему человека, с удовольствием слушал, как его хвалят. А когда шахта по уши сидела в прорыве, он даже и в зал заседаний не являлся.

Однажды, на слёте ударников, его долго и со вкусом, на все корки критиковал секретарь обкома партии и вдруг заметил, что виновника торжества нет ни в президиуме, ни в зале. Это совсем уже возмутило секретаря.

— Вот! — сказал он. — Горовой даже на слёт не соизволил явиться. Не удостоил.

— Нет, я тут, Леонид Петрович! — вдруг откуда-то сверху, с галёрки, отозвался неохотный басок. И все увидели Горового и расхохотались.

— А-а! Вот ты куда забрался? — улыбнулся и секретарь. — Что, стыдно?

— Стыдно, Леонид Петрович...

— А коли стыдно, так спускайся с небес, иди в президиум, садись и слушай, как тебя люди критикуют...

Виктор, сам того не подозревая, в самую точку угодил, когда на совещании круто высмеял Горового, «первого механизатора здешних мест». Больше ничего и не надо было старику. Прямо с заседания, весь в мыле, прискакал он домой на шахту и тотчас же вызвал к себе всех «барбосов» — так, любя, величал он своих помощников: техников, десятников, горных мастеров. Давно уж не видели они старика таким: он повеселел и помолодел. И люди сразу смекнули, в чём дело. И тоже повеселели, хотя в этот вечер всем им солоно пришлось.

— Ну, теперь держись, хлопцы! — радостно говорили они друг другу после совещания. — Теперь старик никому жизни не даст!

— Ну и слава богу! Самим осточертело в грязи сидеть. Бабы и те смеются.

Этот счастливый ветер всеобщего радостного ожесточения и пахнул на Виктора в шахте Горового. Пахнул, но не увлёк, не подхватил самого Абросимова. «Ох, долго ещё, долго, долго до победы!» — тоскливо думал он, бродя по штрекам и ползая по всё ещё искривлённым лавам.

— А когда ж вы всё-таки думаете план выполнять? — наконец спросил он у Горового.

Тот только руками неопределённо развёл:

— Да вот, стараемся...

— Стараетесь! — раздражённо проворчал Абросимов. — А Посвитный вчера уже дал суточный план. Слыхали?

— Как не слышать, наслышаны! — ухмыльнулся Горовой. — Иван Гаврилович — фокусник известный... Куда уж мне за ним!

— А ты присмотрись, присмотрись... Перейми опыт.

— Да к чему присматриваться-то, Виктор Фёдорович, дорогой ты мой! У нас ведь тоже своя информация есть — друг о дружке знаем. Фокус-то не новый, известный! Нет! — махнул он рукой. — Я на эти штучки не пойду, не сомневайся! — И он опять потащил управляющего: показывать ему перемены.

И всё, что он показывал, было разумным, верным, мудрым, именно тем, чего сам Виктор требовал на совещании от Горового. И вчера всё это, вероятно, обрадовало бы Виктора и даже наполнило бы его доброй надеждой... А сейчас он только хмурился и думал своё: «Ох, долго, долго, долго!»

Горовой заметил наконец состояние своего молодого начальника и тоже обиженно приумолк.

Из шахты на-гора выехали молча.

На шахтном дворе, у фонтана, работал садовник: охаживал клумбы, высаживал рассаду. Вокруг стояли и сидели — прямо на земле — шахтёры второй смены. Молча следили за тем, как трудится садовник, и на всех лицах тихим радостным светом брезжила та немного застенчивая, удивлённая и счастливая улыбка, которая невольно является у каждого человека, когда он смотрит на всё новорождённое: на травку или на ребёнка.

Загляделся на садовника, заулыбался и Горовой, даже остановился на секунду. Но Виктор быстро прошёл мимо фонтана, зло уронив на ходу:

— Фонтанчики... цветочки... — И Горовой, потушив улыбку, прошёл за ним.

Прямо в шахтёрках, измазанных углем, ввалился Виктор в кабинет Горового. В баню идти не хотелось. К чёрту баню, фонтанчики, цветочки! Он раздражённо опустил в кресло и, сняв с головы тяжёлую каску, швырнул её на стол.

На столе лежал свежий номер областной газеты. Виктору сразу же бросилась в глаза собственная фамилия, хотя упоминалась она всего один раз, в скобках и обычным шрифтом. В статье трест Виктора назывался самым отстающим.

«Ну вот и начинается! — невольно комкая газету, словно желая расправиться с ней, как с укусившим комаром, подумал Виктор. — Теперь каждый день будут благословлять!»

Он сердито швырнул газету Горовому.

— На! Любуйся! Читай!

— А что, ругают? — полюбопытствовал старик и, бережно расправив смятый лист, стал медленно и, как показалось Виктору, со вкусом читать статью. — Ну, ну! — добродушно усмехнулся он, прочитав до конца. — Пускай! Мы к этому привычны.

— А я непривычен. Нет! — вдруг каким-то петушиным голосом закричал Виктор. — И привыкать не хочу! Слышишь? Когда будешь план давать, ну? — уже не чувствуя всего безобразия этой сцены, набросился он на старика, словно хотел взять его за горло.

Горовой невольно попятился от него.

— Так ведь ты же сам видел, Виктор Фёдорович? — почти умоляюще, стыдясь за начальника, пробормотал он.— Раньше месяца, ну, никак невозможно.

— А почему Посвитный может? — взвизгнул Виктор, потеряв последние остатки дорого дававшегося ему в последние дни спокойствия. Но тут уж статья в газете была виновата. Это она выбила Виктора из колеи. Его ругали в печати впервые в жизни.— Посвитный может, а ты не можешь? Или не хочешь? Не хочешь, да?

Горовой выпрямился во весь свой богатырский рост и высоко поднял седую голову.

— Нет! — с гордой обидой, прямо в лицо управляющему, ответил он.— Как Посвитный.— не хочу!..

Он был оскорблён. Оскорблён в самых дорогих своих чувствах. И кем же? Человеком, полюбившимся ему с первого взгляда, полюбившимся именно за то, что он, мальчишка, пристыдил его, старика, и, пристыдив, вдохнул в его жилы новую молодость.

Горовой не обиделся на Виктора, когда тот срамил его при всех на совещании: этим обидеть нельзя. А сейчас, в уединённом кабинете, один на один, управляющий кровно оскорбил его; и не безобразным криком своим — он и это простил бы молодому, горячему человеку, хоть и не привык, чтобы на него кричали,— обидел, предложив ему, старому горняку, вместо трудного, но верного пути, на который он добровольно встал, путь лёгкий и бесчестный...

— Нет! — упрямо повторил он.— Я на это не пойду! И официально прошу вас, Виктор Фёдорович, вы меня к этому и не понуждайте!

Что-то такое было в тоне, каким сказал он эти слова, что сразу остановило и даже смяло Виктора. Он отступил. Устало опустился в кресло и ничего не ответил.

Теперь они оба молчали: Горовой — непримиримо, Виктор — устало. В тишине было слышно, как за окном шумит и живёт шахта. Особенно явственно доносилось сиплое всхлипывание пара. И откуда-то, совсем издалека — песня. Это, вероятно, девочки на сортировке поют. Они всегда или поют, или озорно ругаются: так веселее работать.

Виктору опять попала газета на глаза. Назойливо выползла вперёд строчка с фамилией... Каждая буква в этой строке казалась колючей. Каждая жалила. И Виктору вдруг вспомнились жирные, добрые заголовки, которыми когда-то ласкали и баловали его газеты: «Рекорд Виктора Абросимова», «Славный почин Виктора Абросимова», «Работать по-абросимовски!» Он невесело усмехнулся и вздохнул.

Отчего не остался он шахтёром-забойщиком? Забойщику легче!

Он вспомнил Алексея Великанова. «А пожалуй, и я б теперь какую-нибудь теорию отжима выдумал бы. И опять бы гремел!» Он грустно задумался, и Горовому стало жаль его, жаль по-человечески.

«А ведь ему, небось, тяжелей, чем мне! — великодушно подумал он.— Он один за всех в ответе!»

— Эй, Виктор Фёдорович, не обижайся на старика! — ласково сказал он, склоняя непокорную голову и уже всё прощая хорошему хлопцу.— Ты ведь сам шахтёр, понимаешь! Не знаю, как там у металлистов водится, — засмеялся он, — а для нас, горняков, шахта — существо живое, родственное... Кому — мать, кому — сестра, а мне, старику,— дочка. Так-то! — и он осторожно, именно по-отцовски, погладил ладонью плечо молодого начальника.— Потому и обязан, как отец о дочке, о ней своё попечение иметь! — продолжал он, стараясь как можно деликатнее, притчами, на которые он был великий мастер, до конца и без обиды выяснить щекотливую тему. — Должен я о её будущем думать, придансе сй богатое приуготовить. И за её девичьей честью обязан я строго, ой, как строго

наблюдать! Как же ты хочешь,— мягко улыбнулся он,— чтоб я по примеру Посвитного дочку свою на панель, на улицу вытолкнул бы, своей рукою, за-ради лёгкого хлеба... Э, нет! — покачал он головой.— Не стану я дочкой-то торговать, Виктор Фёдорович, пойми ты меня, старика... Не дам я её поганить...

Но Виктор, казалось, его и не слушал; думал о своём. Вдруг он слабо усмехнулся.

— А ведь меня не за мои, за ваши грехи ругают! — сказал он, опять придвигая к себе газету.— А отвечать приходится мне.

— Так разве ж мы не понимаем, не сочувствуем? — с жаром подхватил Горовой.— Да, Виктор Фёдорович, да мы же дорогой душой...

— Ну, ну! — равнодушно сказал Виктор и пошёл к двери.— Где у тебя баня?

8

Снова, как и пять лет назад, жил Виктор Абросимов, повинувшись главному канону шахтёрской веры: дай добычь! Дай уголь на-гора! Вся жизнь Виктора теперь была в этом.

В Донбассе говорят «дббычь», «дббыча», а не «добыча». И хотя слово «добыча» точно определяет производственный процесс — каменный уголь не производят, не плавят, не выжигают, его именно добывают из недр земли,— всё же есть в этом словце нечто промысловое, охотничье, что-то от фарта, от случайной удачи, от приискательского счастья...

И в глазах Виктора Абросимова уже тоже появилось это тоскливо-охотничье выражение, ищущее и голодное. Как сокол на добычу, хищно бросался он каждый день на рапортчики и потрошил их; но добыча была тщедушной, худосочной, он разочарованно утягивал когти.

Даша с беспокойством наблюдала мужа в те редкие минуты, когда он бывал дома; Виктор похудел, осунулся, был вечно озабочен и расстроен, ел тревожно и на ходу, плохо спал... Но Даша не решалась приступить к нему с расспросами, боялась.

Однажды только спросила она в тоне своей обычной, доброй, товарищеской насмешки:

— Ну, как дела, дорогой Менделеев? Не легко, видно, осуществлять грандиозные замыслы?

— Какие там замыслы? — в досаде отмахнулся Виктор.— Не до жиру, быть бы живу!

И Даша больше не трогала его.

Виктор и сам не успел заметить, как и когда отступился от своих планов внедрения новой механизации, полной цикличности и непрерывного потока. Да он и не отказался, он только временно отодвинул мечты в сторону. Мечты — мечтами, а жизнь — вот она!

Текучка, от которой так успешно отбивался он в первые дни, всё-таки наконец настигла его и раздавила. Целый день вертелся теперь Виктор в суете мелких дел, подписывал какие-то бумаги, накладывал какие-то резолюции, отдавал какие-то распоряжения по пустякам. Но жил он — всей душой жил — только одним суточным планом. Не кварталным, не месячным, только суточным.

— Как добычь? Как добычь? — беспрерывно звонил он по телефону Посвитному, Горовому, Беловеже... И Посвитный — ехидно, Беловежа — виновато, Голубев — добродушно, а Горовой — даже бодро докладывали начальнику, что «дело понемногу улучшается, сегодня дали на три— пять — восемь десятых процента больше, чем вчера».

— Да разве это добычь? — взрывался Абросимов. — Это ж температура больного гриппом! — И он в ярости швырял телефонную трубку, проклиная упрямого Горового, ленивого Голубева, юного Беловежу.

А больше всех — Посвитного: зачем раздражил, зачем поманил «сюрприцем», зачем шепнул в ухо ядовитое словечко «манёвр»? Оно-то и лишило Виктора покоя.

Часто по вечерам, оставшись один в своём большом и пустынном кабинете, принимался он вновь и вновь изучать рапортчики. До боли в глазах вглядывался он в колонки цифр, словно пытаясь что-то разглядеть за ними. Но если в первые дни за цифрами ещё виднелись ему живые коллективы людей, знакомые лица шахтёров, бригадиров, забойщиков, то сейчас каждая цифра означала только одно лицо: заведующего шахтой. Семь было шахт, семь цифр и семь лиц.

И все семеро нарочно, назло Виктору не выполняли плана!

Иногда он всерьёз так думал. В самом деле, отчего они плохо работают? Оттого, что не хотят. Не хотят! Всё в их руках — шахты, машины, люди, уголь. Но они сговорились погубить молодого начальника и не дают добычи. А он бессилен против них. Он может только рычать да брызгаться слюной в телефонную трубку!

Как он ненавидел их всех в эти вечера, когда сидел за рапортчиками! Каждый, кто не выполнял суточного плана, уже был его, Виктора Абросимова, личный враг. А тот, кто дал бы желанные 100 процентов, сразу же стал бы разлюбознейшим другом. И выходило, что врагами были все, даже Светличный, а дорогим другом оказывался иногда один Посвитный.

К Посвитному после «сюрприца» Виктор больше ни разу не ездил: он словно бежал искушения. В ушах ещё звучали гневные слова Горюго: «Нет, я на это не пойду!»

Но зато Посвитный сам каждый день напоминал о себе: цифрами. В покое Виктора он не оставлял.

На другой день после сюрприза — седьмого мая — он, как и следовало ожидать, дал совсем низкую добычу. Зато восьмого опять выдал 103,5, словно спрашивал: ну, как, пойдём на манёвр? Потом два дня ждал, план не выполнялся. А одиннадцатого мая Посвитный опять высунулся, показал язык — 104 процента.

Он словно дразнился. А у Виктора не находилось сил ни запретить ему баловаться фокусами, ни протянуть руку — на риск и на грех! И он всё сидел да сидел по вечерам за бумагами, не ведая покоя и не находя решения...

Кто сказал, что Виктор перестал мечтать? Нет, он мечтал. Даже, задумавшись, чертил какие-то расчёты, делал выкладки. Но мечтал он теперь не о непрерывном потоке, а о... 100 процентах суточного плана.

«Вот если б Беловежа да дал бы ещё 200 тонн, всего 200, да Светличный, пройдя сброс, прибавил бы свои 300, да Голубев подкинул бы ещё 250, да кабы выполнил бы опять план Посвитный... вот тогда бы!» — и он чертил да чертил цифирки на листе. А из-за них уже выглядывало, уже высывалось знакомое лицо с усиками торчком и подмигивало: ну, как, рискнём на манёвр?

А посоветоваться было не с кем!

С Петром Фомичём? Но какой же он советчик? Робкой души человек. Посвитный прав. Да и отношения между управляющим и его главным инженером сразу склеились как-то кособоко. Нетерпеливый, горячий Виктор просто ошеломил старого инженера своей быстротой и скоропалительностью. Пётр Фомич терялся. Нет, это не советчик!

С Дашей? Милая жёнушка, она и не подозревает даже, как её нелепый муж мучится! И пусть не подозревает. Пусть спокойно моего ребёнка носит, — незачем её тревожить, впутывать! Да и что может посоветовать Даша? Это не институт — это жизнь! Даша и нынешнего состояния-то шахт не знает!

С Андреем? Эта мысль тоже часто приходила Виктору, — каждый раз он тут же её и отшвыривал. Он знает, что скажет Андрей. И спрашивать нечего. Андрей всегда был человеком осторожных, верных дорожек; ни фантазии в нём, ни риска. Он скажет то, чего не хотел бы слышать Виктор, что он и сам отлично знает. Довольно с него и обидных слов старика Горового! «Они все только одно и умеют: подрезать крылья! — с несправедливостью, столь свойственной ему в горькие минуты, думал Виктор. — Окрылять человека не их дело!»

Оставался один Светличный — вечный советчик, вечный учитель.

«Да, надо, надо потолковать со Светличным!» — часто говорил себе Виктор и всё откладывал да откладывал беседу.

Он сам злился на себя за это. «Да что я, боюсь его, что ли? С какой стати? Не о разбое же хочу потолковать с ним?» Но тут же, как всегда, немедленно себя и оправдывал. «А зачем мне к нему на поклон итти? Что он мне может сказать? Сам по уши в прорыве сидит, не знает, как выбраться!»

Виктор принадлежал к той счастливой и одновременно несчастной породе людей, которые легко, без всяких усилий со своей стороны, приобретают друзей и так же легко их и теряют. Люди охотно брали Виктора в приятели, полюбив с первого взгляда — его нельзя было не полюбить! — и с первого же взгляда угадав в нём душу честную, прямую, открытую, на подлость и лукавство не способную.

Терял же друзей он сам, из-за нетерпеливости и шершавости своего характера.

Чтобы ладно жить в коллективе, надо уметь притереться друг к дружке, как притираются в спорной работе одна к другой все части сложной машины. Как раз этого Виктор и не умел! Он не умел быть снисходительным к товарищу, не умел уступать, не терпел руки над собой; был вспыльчив, переменчив, заносчив, ершист, порой даже просто несправедлив. Правда, как никто другой, умел он сам, по доброй воле, прийти к обиженному и, глядя прямо в лицо, сказать: «Бей! Я виноват!» Но для таких порывов ему всегда нужно было время.

Сейчас оно ещё не настало. Виктор и сам не почувствовал, как отстранился от своих старых товарищей, как легко и беспечно, хоть и на время, потерял их и оказался совсем одиноким. Один — в своём пустынном кабинете, один — в своём «голубом экспрессе», один — в шумной и вчера ещё родной шахтёрской семье. Но ему недосуг было даже замечать это одиночество: он, как шкив на ободу, был вечно в движении...

Пятнадцатого мая произошло новое событие в жизни Виктора Абросимова и его тресте: «Кругая Мария» выполнила суточный план. Светличный сдержал слово.

Он сам же первый и доложил об этом управляющему.

— А-а! Вот это хорошо! — обрадовался Виктор, но тотчас же и постарался скрыть свою радость. Не мальчишка же он в самом деле! Выполнили план, ну и правильно! И должны выполнять. Закон службы. Он ворчливо спросил: — А завтра что будет?

— И завтра и послезавтра будет то же, — не обижаясь, ответил Светличный.

— Это твёрдо?

— Твёрдо.

— Ну-ну! — притворяясь равнодушным, сказал Виктор. — Поживём — увидим!

Он хотел на этот раз выдержать характер, который сам себе задал: характер крутого и скупого на похвалу начальника. Он даже на шахту к Светличному не поехал.

Но дома, за обедом, не утерпел и похвастался:

— Сегодня «Крутая Мария» выполнила суточный план. Найдётся у нас рюмка водки, Дашенька?

В первый раз за весь тревожный май видела Даша мужа улыбающимся.

— Найдётся! — ответила она. Потом вдруг прижалась к Виктору и чуть не заплакала.

Это был маленький, нечаянный праздник в семье Абросимовых. Праздник не только Виктора, но и его жены. И хотя Даша сама и не работала сейчас на шахте, и этот уголь, вокруг которого так много было и хлопот и тревог, ни ей, ни её мужу лично и не принадлежал, и хотя то, что «Крутая Мария» выполнила суточный план, ни единой копейки не прибавляло к доходам семьи Абросимовых, — Даша была счастлива, потому что счастье наших женщин прежде всего в успехе того дела, которому служит муж.

Только на третий день Виктор приехал наконец на «Крутую Марию». Нашёл Светличного на наряде и при всех обнял его и поздравил.

Затем перешли в контору.

— Теперь тебе, Федя, надо свой долг погашать! — нетерпеливо потирая руки, сказал Абросимов, когда они оказались одни.

— К концу квартала обещаю долг полностью ликвидировать.

— А больше? — осторожно спросил Виктор.

— Что больше?

— На большее у тебя охоты нет?

— Не понимаю я тебя, Виктор Фёдорович! — откровенно сознался Светличный. — Объяснись!

В этом кабинете когда-то шёл Виктор Абросимов с товарищами в дружную атаку на Деда. Шёл, упоённый верой в свои богатырские силы, и казалось ему: всё легко, всё достижимо. Один лаву пройду, один горы сворочу!

В этом кабинете всё так и осталось по-старому, как было в патриархальные времена Деда. Тот же простой, некрашенный стол. Стулья и лавки вдоль стен. Несгораемый шкаф почему-то буро-зелёного цвета. Телефон. Да большая сиреневая калька на стене — план горных работ. Впрочем, калька новая...

Итак, пришло время для откровенного разговора со Светличным.

— Плохи мои дела, Федя! — садясь за стол и устало опуская руки, сказал Виктор. — Очень, очень плохи! — и он печально покачал головой.

Эта неожиданная и горькая откровенность сразу озадачила и даже встревожила Светличного, знавшего гордый норов приятеля. «Да что это с ним? — удивился он и только сейчас заметил, как осунулся, как подался Виктор. — Неужто так быстро укатили нашего сивку крутые горки? Надо Андрею сказать...»

Сам, однако, он слов утешения не нашёл: на такие слова он мастером не был.

Он ничего не сказал.

А Виктор продолжал медленно и грустно качать головой. Он, видимо, сочувствия ждал: оно дало бы ему возможность тотчас же и прямо заговорить о «манёвре» и потребовать от друга поддержки. Не дождавшись, он обиженно встал и зашагал по кабинету. Пол был цементный, шаги отдавались гулко, сердито...

— Завидую я тебе, Федя Светличный! — криво усмехнувшись, сказал он на ходу. — Ты теперь чистенький. Сброс прошёл — и чист перед государством. А я? — вдруг остановился он перед Светличным. — Как мне-то чистеньким стать? — язвительно спросил он. — Ты дошлый, научи! Как мне сброс-то пройти, который вы во главе с моим предшественником мне в наследие подкинули? Как? Как? — зарычал он с болью.

— А ты сам знаешь как! — спокойно пожал плечами Светличный. — Ты сам на совещании курс наметил. — Он говорил теперь не как подчинённый с руководителем, а как товарищ с товарищем.

Но Абросимов остался начальником.

— Курс! Курс! — со злым хохотком подхватил он. — Вот вы и обрадовались и плетётесь по курсу. А мне не курс надо было взять, а... дубину! И шкуру, шкуру с вас, подлецов, спустить!

Светличный невольно улыбнулся, но Виктор не заметил этого: он снова метался по комнате. И всё, что переполняло его в эти тошнотно-тоскливые дни и, невысказанное, мутило и мучило, сейчас поднялось и с раздражением и болью выплёскивалось, выхаркивалось им, словно он не говорил, а исходил жёлчью и кровью. А облегчения не было!

— Горовой тоже скоро чистеньким станет! Даст свои сто — и сложит ручки на брюхе. Вот вы какие! А я... Я! Я! Я один грязный. Я один виноватый. Меня одного в газетах бьют. И вам всем на мою честь плевать! Что мне в твоём успехе? Тебе — слава, а мне — новый укор. Почему, мол, остальные мои шахты так не могут? Я один за всё в ответе. Один! Один! Один!.. — и, выкрикивая это, он продолжал бегать по кабинету.

«Я! Я! Мои шахты! Моя честь! — поморщился Светличный, будто попало ему на зуб что-то несъедобное — неприятное и кислое. — Не те слова. Не те...»

Но он продолжал молчать. Оскорблять товарища не хотел, а чем успокоить — не знал. И это молчание ещё пуще обидело Виктора. Оно показалось равнодушием.

— Э! — с горечью махнул он наконец рукой. — И что я, в самом-то деле, распинаюсь перед тобой? Сытый голодного не разумеет. Только вот что я тебе скажу, Фёдор: рано ты в кулаки записался. Рано мешанином стал. Рано!

Светличный удивлённо вскинул на него глаза.

— Постой, постой... — растерялся он. — Да ты о чём? Не понимаю я... — Он действительно не понимал — ни обиды товарища, ни его туманных, неожиданных обвинений.

— Ах, не понимаешь? Моя шахта с краю — ничего не знаю? Сам сыт — до других дела нет? Ну, как же не мешанин? — И Виктор захохотал каким-то деланным, деревянным смехом.

— Нет, ты объяснись, пожалуйста! — сдвигая лохматые брови, попросил Светличный. — Ругаться будем потом.

Странно складывалась их беседа в этот день удачи на «Крутой Марии» — удачи, которая радовала обоих и вот приводила к ссоре.

— Ты объяснись! — сдерживаясь, но уже темнея лицом, тихо потребовал Фёдор.

— Изволь!

Они стояли друг против друга: товарищи? Враги? Или просто начальник и подчинённый? Они сшиблись в этом споре не из-за денег, не из-за бабы, не из-за тёплого местечка на службе, даже не из-за взглядов на жизнь; они оба были люди одной веры, члены одной партии, и оба хотели только одного: дать больше угля, и не себе — родине. Но уже говорили они на разных языках, друг друга не понимая, и им суждено было после этого разговора разойтись надолго, может быть, навсегда.

— Изволь! — резко повторил Абросимов и властным жестом указал Светличному на стул.

Тот сел. Сел и Виктор. Разговор начался.

— Ты сброс прошёл?

— Ну?

— Что тебя ещё жмёт?

— Больше ничего.

— Значит, можешь уголь давать?

— Я и даю.

— Сколько? — вскричал Виктор и нетерпеливо пристукнул кулаком по столу.

— Сколько план требует, — спокойно ответил Светличный. — Мы в плановом государстве живём.

— А-а! План! Вот ты какое словцо вытащил! — точно обрадовавшись находке, воскликнул Абросимов и хитро прищурился. — А ведь я уж слыхивал это словечко когда-то, здесь, в этом же кабинете! Помнишь? Дед от нас этим словцом оборонялся. Помнишь? — зло торжествуя, спросил он.

— Помню.

— А мы словца-то не убоялись да к чёртовой бабушке и опрокинули вверх тормашками весь старый план и старые нормы! Было это? Ну, говори — было?

— Было! — невольно улыбнулся Светличный.

— Было! — повторил Виктор с волнением. И им обоим вдруг стало тепло от этого воспоминания. Было, да, это было — дни молодой отваги, беспечного задора, горения без корысти и оглядки...

— Вот я и говорю, — отходчиво, уже другим, добрым голосом и с доброй же улыбкой сказал Виктор, — что рано ты, Федя, в деда записался. Ведь я чего от тебя хочу? — прибавил он, придвигаясь ближе и заглядывая другу в глаза. — Одного хочу! Дай больше плана! Выручи! Помогите мне вытащить остальные шахты! Помогите сманеврировать! — Теперь он готов был просить, а не требовать, взывать к дружбе, к воспоминаниям. Только дай больше угля, друже!

Но Светличный, казалось, не тронулся ни воспоминаниями, ни смиренным товарища.

Глядя бесстрашными тёмными глазами прямо в лицо Виктору, он стал сурово его отчитывать.

— Ты не зря напомнил о Деде, Виктор, — сказал он. — Вспомню и я. С чем ты пришёл тогда к Деду, чем его опрокинул? Ты пришёл к нему с новым, революционным методом труда, со стахановским методом, и именно этим, а не криком, не руганью опрокинул его, и старый план, и старые нормы. А с чем ты пришёл ко мне? Где твой новый, революционный метод? Давай! Я жду. Опрокидывай меня!

— Да ты что — шутишь, издеваешься? — даже побагровел от ярости Абросимов, сразу вспомнив, что худой ли, хороший, но он, а не Фёдор тут начальник.

— Нет, не шучу. Я жду, — бесстрастно ответил Светличный, продолжая глядеть на начальника-друга своими строгими, немигающими глазами. — Давай! Давай свой новый, революционный метод труда! Давай новую машину, которая заменила бы устаревший отбойный молоток и дала бы более высокую производительность. Давай новую систему крепления, проходки, откатки... Одним словом, давай новое, новаторское и тогда — требуй! И бей меня, как бил Деда. А без этого, — брезгливо махнул он рукой, — все твои требования — чепуха. Авантюра. Ребьячья игра. А мы не мальчишки, нам государство шахты доверило.

Светличный никогда не обладал искусством выбирать слова... поаккуратнее. Именно этих двух слов — «авантюра» и «мальчишки» — и не надо было говорить Виктору. После этих слов никакая добрая беседа уже состояться не могла.

Оскорблённый Виктор круто поднялся на ноги. Он уже не слышал, что говорил ему Светличный. Он уже ничего не понимал. «А! Авантюра! Вот вы как! — в этом «вы» объединяя всех — и Светличного, и Горового, и почему-то даже Андрея, горячечно думал он. — Вот вы теперь каким словцом страшаете!.. Да я-то не из пугливых!.. А что как «авантюра» да

удастся? А? Что вы тогда-то?.. Труссы! Труссы! Жалкие душонки!» И в эту минуту он вдруг и окончательно решил для себя, что рискнёт, пойдёт на манёвры. Всем назло пойдёт! И победит! И пристыдит критиканов! Всех пристыдит. Всех поставит на колени.

Странно, что не набросился сейчас он на Светличного с бранью и угрозами! Странно, что сдержался. Его трясло. Его всего корёжило, как в лихоманке. А он только скривился и презрительно бросил Светличному в лицо:

— Спокойной жизни хочешь, Федька?

— Со спокойной совестью жить хочу! — пожав плечами, возразил Светличный.

— Ну, живи! Жирей! — и, не попросившись, руки не подав, выбежал из конторы.

Светличный его провожать не пошёл.

«Победить! Победить! Любой ценой победить! — только одно это слово, как заклинание, как молитву, и твердил Виктор, трясась в машине. — Победить, а там... победителей не судят!»

Но в тресте Виктора ждал ещё один неприятный разговор. Прибежал встревоженный Пётр Фомич и сразу же кинулся к управляющему:

— Виктор Фёдорович! Да что же это Посвитный творит!

— А что? — отрывисто спросил Абросимов.

— Я только что был у него. Помилуйте, за весь день ни единой вагонетки породы на-гора!

— А что ж он на-гора выдаёт?

— Как что? — даже опешил главный инженер. — Уголь.

— Ну и что ж в том худого, что человек уголь даёт? — попробовал отшутиться Виктор, хоть сердце его сжалось новой тревогой: вот и ещё один противник! Да что они, сговорились, что ли, сегодня?

— То есть как — что в том худого? — обиделся Пётр Фомич. — Не мне ж вас учить... Даже странно! Вы сами инженер... Должны же понимать...

— И понимаю, понимаю! — устало отмахнулся Виктор. — Завтра же и разберёмся.

Он чувствовал, как вновь находит, накатывает на него, словно туча, тупое, остервенелое бешенство, желание рвать и метать, ломать и крушить... Он уже устал бороться с этим! Пощадите его! Он не хочет сейчас ни рвать, ни метать — не дразнитесь же и вы, не искушайте! Оставьте его в покое, старики. Завтра, завтра...

— Завтра, завтра... — бессознательно повторил он.

— Обязательно надо разобраться, — проворчал всё ещё не успокоившийся главный инженер. — И чем скорей, тем лучше. Мой долг — честно предупредить...

«Честно!» — вот то слово, которое требовалось, чтобы туча разразилась градом.

— Честно! Честно! Да что вы все своей честностью кичитесь! — испуганно заорал Абросимов. — Ну да, вы все честные! Один я жулик. Жулик! Государственный план не выполняю. Угля не даю! Жулик! Да? Да? — кричал он, наступая на инженера.

Пётр Фомич в испуге попятился от него, даже руками прикрылся. Он ещё никогда не видел управляющего в такой истерике.

Но Виктор уже овладел собой. Бешенство не прошло, но оно стало холодным, как осеннее небо после дождя. С ненавистью глядел он теперь на своего главного инженера: ну, кто за ним следующий? Давай! Какие ещё противники встанут на многотрудном абросимовском пути? Какие ещё рогатки и ежи натащат? Но он уже упрямо прикусил свою разбойничью губу, и теперь никакая сила не заставит его отступить.

Он должен победить! А победителей не судят...

Победителей не судят! Как много горя принесла людям эта крылатая фраза...

9

И опять — один в знойной пустыне кабинета — сидел Виктор Абросимов над сводками, как игрок над картами, непрерывно пил сельтерскую воду из большого железного сифона и всё гадал, гадал, гадал...

Семь карт было в его пасьянсе: Светличный, Посвитный, Горовой, Беловежа, Голубев, Шумилов, Ангелов. Из всех карт только одна, с точки зрения Абросимова, была вполне надёжной, да и та с роковой усмешкой дамы пик на устах: Посвитный. Горовой и Светличный наотрез отказались участвовать в игре. Остальные карты были тёмные. Виктор ещё не раскрывал их, трусил...

Неожиданно одна карта сама первая улыбнулась ему, правда, карта мелкая, незначительная, даже не семёрка — двойка: Ангелов. Третий день подряд без всякого нажима со стороны Абросимова шахта Ангелова выполняла суточный план.

Эта шахта была самой маленькой в тресте. Виктор и был-то на ней всего один раз, вскоре же после своего приезда. В его пасьянсе она почти не принималась в расчёт — она ничего не решала.

Она и называлась как-то странно, по-птичьи: «Чигири». Даже «Чигири-Вторые», потому что где-то в другом районе были ещё одни «Чигири» — первые и настоящие.

И вот эта-то шахтёнка-недомерок, для которой даже новое, революционное имя подобрать забыли, третий день кряду выполняла план!

Это заинтересовало Виктора. Заинтересовало как симптом. Внутренне твёрдо решившись на риск, на смелый манёвр, он всё-таки игры ещё не начинал; просто не знал, как к ней приступить. Не объявить же во всеуслышание: давайте на время отложим подготовительные работы в сторону и навалимся на добычу! Такое ни приказать, ни даже вслух произнести нельзя. Оставалось ждать, пока заведующие шахтами сами поймут нетерпение начальника, сами догадаются, что делать.

Неужто этот тихий, нешустрый Ангелов, эта «божья коровка с тараканьими усами», как при первой же встрече мысленно окрестил его Виктор, неужто он первый и догадался? Виктор решил тотчас же поехать к нему, проверить.

«Чигири-Вторые» стояли в стороне от больших шахтёрских дорог. Они ютились где-то на окраине великого угольного поля и совсем затерялись среди густых балок, холмов и хуторов, забытые, как никому не надобный сторожевой, инвалидный пост на вечно мирной границе. Дальше, за «Чигирями», уже начинались могучие массивы колхозного чернозёма; считалось, что угля под ним нет.

Когда-то «Чигири-Вторые» были крестьянской шахтой; окрестные мужики артельно, бадейкой тягали из шурфа уголь и с подвод продавали его в городе, на базаре. Затем за бесценок шахта досталась купцу, человеку нетерпеливо хищному и скупому. Он, как червь, жадно пополз вглубь земли и стал глотать, глотать, хватать уголь, но конный привод оставил. И весь день, от зари до зари, одурело бродила по кругу полуслепая и унылая, как сама судьба, кляча, вертела скрипучий деревянный барабан и то наматывала, то разматывала канат, бесконечный и однообразный, как жизнь шахтёра...

После революции конный привод заменили машиной, барабан — копром; но ни углублять, ни расширять шахту не стали: она перспективной не считалась.

— Вот тут-то и кроется ошибка! Ах, какая обидная, какая нелепая ошибка! — восклицал Ангелов всякий раз, когда случался к тому повод. И всякому новому начальнику, всякому приезжему человеку с жаром доказывал, что «Чигири» вовсе не конец, а только начало Донбасса, нового, Большого Донбасса будущего, что свиты угольных пластов тянутся и тянутся далеко на север, до Дона, а может быть, и до самой Волги! И Ангелов голову готов положить под топор на том, что это правда.

Он был родом грек, но грек мариупольский, то есть здешний. И о том, что он грек, он вспоминал редко, только тогда, когда писал анкеты. А о том, что он коренной донбассовец, помнил всегда. И гордился этим по праву. Здесь он родился, здесь вырос, работал шахтёром, потом много лет маркшейдером; здесь же, в Донбассе, закончил и институт. «Чигири» были первой шахтой, которой он самостоятельно заведовал.

Существует давний спор о том, какой заведующий шахтой лучше: тот ли, кто вышел из маркшейдеров, или тот, кто прежде был механиком, как металлурги спорят, какой доменный мастер лучше — из бывших горновых или из газовщиков, а авиаторы — какой пилот надёжнее: из штурманов или бортмехаников. Чаще всего спор этот беспредметен: хороший пилот тот, кто знает ремесло механика и искусство штурмана; хороший доменный мастер должен понимать и печь и газовое хозяйство. Заведующий же шахтой должен знать тысячи разнообразных вещей: слишком сложный это механизм — шахта.

Как старый маркшейдер, Ангелов, разумеется, питал особую слабость к разнохищению пластов; когда он говорил, что угольные реки текут дальше, на север, к Волге, его носу можно было верить. Но теперь он был не только маркшейдер — он был начальник шахты! И многие люди считали Ангелова отличным заведующим, несмотря на его действительно тараканьи усы. Андрей Воронько, например, уже говорил в горкоме, что Ангелова пора выдвинуть на более крупную шахту.

Но о другой шахте сам Ангелов вовсе и не мечтал! У него были иные мечты, куда более смелые и бескорыстные. Далёкий потомок аргонатов, он и не мог не мечтать о золотом руне. Это золотое руно лежало в степи, за «Чигирями». В будущем «Чигирей» была и судьба самого Константина Ангелова.

Странной любовью полюбил он эту маленькую, несправедливо обиженную наукой и людьми шахтёнку с птичьим именем: то была нежность наседки к гадкому утёнку.

Но Ангелов свято верил в лебединую судьбу «Чигирей».

— Придёт, придёт время, и скоро! — не уставал твердить он. — Геологи пожалуют и сюда!

И тогда всё преобразится вокруг. И «Чигири-Вторые» из забытой сторожевой вышки в степи превратятся в форпост великого наступления угольных шахт на север. Тогда-то и обретёт шахта настоящее, достойное имя. Может быть, даже имя Сталина.

Пока же «Чигири-Вторые» оставались «Чигирями», и Виктор Абросимов, брезгливо морщась, глядел, как по улице, более похожей на деревенскую, чем на рудничную, метались встревоженные автомобильным гудком куры, собаки, козлята и поросята; как из-за плетней удивлённо выглядывали казачки, а мужики останавливались и с патриархальным добродушием и старинной вежливостью снимали шапки и здоровались с незнакомым человеком в автомобиле.

И всё вокруг казалось мирной сельской идиллией. Подле одной хаты две молодые девки, подняв подолы, месили босыми ногами кизяк. Заслышав сирену «голубого дьявола», они разом, как гусыни, повернули головы и работу оставили — загляделись. Но подолов не опустили, так

и стояли,— ноги у них были загорелые, обожжённые крутым степным солнцем; у шахтёрок такого загара не бывает.

Здесь и запахи были не рудничные. Пахло кизяком, стадом, парным молоком и сушёным сеном, а привычных запахов угля и дыма не было. И сама шахта выглянула из-за купы деревьев как-то нечаянно и сконфуженно, словно сознавая, что она тут некстати, невпопад в этом краю хлебобобов. И копёр-то у неё низкорослый, и кочегарка — старая пыхтелка, и террикон — не более как рыжий бугор.

— Ну, как дела у вас на хуторе? — с насмешливой бесцеремонностью начальника спросил Виктор, едва только поздоровался с Ангеловым.

— А ничего, ничего, тянемся! — как всегда, уже робея перед начальством, ответил тот. — Тянемся! — повторил он и незаметно подкрутил усы.

Это был маленький, тщедушный человек в синей спецовке и резиновых сапогах, с бледноматсывым лицом и светлыми, негреческими глазами. Усы у него тоже были светлые, тощие, жиденькие, но зато лихо, поччаевски, закрученные вверх. Очевидно, этим усам придавался специальный смысл: им назначено было рекомендовать Ангелова человеком забубённым, бравым, независимым, то есть таким, каким он вовсе не был. Но усы никого и не обманывали. Люди верили глазам Ангелова.

— Тянемся, как же, тянемся! — ещё несколько раз повторил он, не то потому, что это словцо ему полюбилось, не то оттого, что не находилось другое. Нежданное явление Абросимова застало его врасплох.

— Сколько думаете сегодня дать? — спросил Абросимов, по-хозяйски усаживаясь в кресло.

— Предполагаем сто процентов, никак не меньше.

— Не меньше? — зачем-то нашёл нужным усомниться Виктор.

— Уверенно сто, не меньше! — заволновался Ангелов.— Как же? Нет, нет, непременно сто, непременно... — И он как бы за поддержкой обернулся к людям, толпившимся тут же у стола. Тут были главный инженер шахты, механик и какой-то мрачный чернобородый мужик в шахтёрках и с лампочкой. Этого Виктор принял за десятника.

— Ну-ну! — добродушно усмехнулся Виктор. Он знал, что на следующий его вопрос им будет уже труднее ответить.

И он задал его прямо и грубо, давая понять, что для него в горном деле тайн нет и он насквозь всех их видит, со всей их чигирёвской, хуторской хитростью, видит — и не осуждает.

— Значит, отставили подготовительные работы, забросили? Так, что ли?

Ангелов испуганно взглянул на него.

— Нет, почему же? — пробормотал он, и его лицо сделалось по-детски обиженным; теперь ещё более маскарадными, приклеенными казались усы.

Всполошились и его помощники. Виктор задел честь шахты, стало быть, и их честь. Горячо и наперебой стали они доказывать начальнику, что это напраслина, что шахту просто оклеветали в его глазах, вот и рапортчики, можно документально доказать... Только один чернобородый молчал и глядел на Виктора исподлобья — укоризненно и недружелюбно. И Виктор почувствовал себя неловко, как человек, зря обозвавший честных людей ворами.

— Ну ладно, ладно! — проворчал он, стараясь всё обернуть в шутку.— Ишь, как всполошился ваш курятник! Верю! Верю! — замахал он руками, точно отбиваясь от рассерженной квочки.— Слушаю! Рассказывайте-ка про ваши подвиги! Хвастайтесь!

— А подвигов тоже нет. И хвастаться нечем!.. — простодушно и как бы извиняясь за то, что подвигов нет, ответил Ангелов и посмотрел на своих

товарищей: что, не так я говорю? Чувствовалось, что на этом «хуторе» люди живут ладно, одной семьёй, всё полюбовно деля меж собой — и славу и огорчения.

— Подвигов, конечно, нет, а порядочек маленько навели! — подхватил механик, человек рыхлый, рябой, по всем приметам весельчак и балагур. Он собрался тут же и отмочить очередную шутку, но вовремя, хоть и с неохотой удержался; только узкие весёлые его глаза заблестели хитро и нетерпеливо.

— Не навели — наводим! — поправил его Ангелов. — Согласно ваших указаний, Виктор Фёдорович, — прибавил он. — Красиво вы тогда сказали: за каждой мелочью — тонны угля! — без всякого оттенка лести, а просто как зритель сказал он. — Действительно «мелочи»: то лес во-время не согнали в лаву, то конвейер косо положили, то путя не почистили — вот и простои, вот и пропали тонны... Ну, мы и взялись за эти неполадки!

— То есть объявили форменную войну мелочам! — вставил главный инженер.

— Впрочем, об этом Степан Алексеевич лучше нас расскажет, право, если уж вам любопытно. Он народ подымал, — сказал Ангелов и уважительно указал на чернобородого, который, к великому удивлению Виктора, оказалась не десятником, а секретарём шахтпарткома.

— Прошу. Пожалуйста, — пробормотал Абросимов, и Степан Алексеевич неохотно выдвинулся вперёд.

Секретарём шахтпарткома он стал совсем недавно и в этой новой должности ещё чувствовал себя стеснительно и неловко. Суровая шахтёрская простота, какая раньше всегда отличала его, за что люди его и любили, теперь вдруг отлетела, исчезла сама собой, а иная простота — мудрого, доброжелательного партийного руководителя — ещё не явилась, и Степан Алексеевич всё время чувствовал себя неуверенно и неестественно. Ему казалось, что и ходит он, и говорит, и кашляет, и держится не так, как должен бы ходить, говорить, кашлять, держаться настоящий партийный секретарь; и он мучился сознанием того, что и люди это видят. За последние дни он прочёл всякой всячины больше, чем за всю свою жизнь, он читал всё подряд, нужное и ненужное — газеты, брошюры, «блокноты агитатора», справочники, даже календари — и ходил, обременённый неперевавленными цитатами и облепленный шелухой газетных слов и выражений, как старый корабль — ракушками. Такой стала и его речь. Он изъяснялся косно, туманно, витиевато, порой даже вовсе не понятно, но за всем этим — наносным и временным — чуялась в его словах верная, живая мысль, а в нём самом — могучая и упрямая сила.

— По мере того, — стал объяснять он Виктору, — как информировал меня Константин Никитич, то есть товарищ Ангелов, об установках, каковые, то есть, будем так говорить, директивно дали вы на известном совещании. А также, поскольку на сегодняшний день товарищ Воронько, со своей стороны, будем так говорить, именно потребовал того же. То мы искренне и от всей души откликнулись на зов партии. И мобилизовав силы... А также расставив людей... Во главу угла поставили вопрос о борьбе с неполадками...

Но, видно, не этими заочневшими словами подымал он народ в шахте, раз сумел заечь и действительно поднять. И Виктор отлично понимал это. Бородатый секретарь не казался ему ни косноязычным, ни смешным, а Ангелов больше не был «божьей коровкой с тараканьими усами». Виктор... оробел перед ними! Да, оробел! Они не кричали ему в лицо, как Пётр Фомич и Горовой, что они честные, чистые люди. Они и без крика, в самом деле, были и чистые и честные. Они свято верили новому управляющему и с усердием следовали его «установкам», даже не подозревая, что сам он в душе уже отрёкся от них и стал вероотступником. Довер-

чиво и простодушно рассказывали они ему о своих делах, и каждое их слово больно хлестало его.

В великом смятении уехал он с «Чигирей». На прощание долго тряс всем руки — Ангелову, Степану Алексеевичу, механику, главному инженеру — и бессвязно восклицал:

— Ну, молодцы! Ну, спасибо!.. Значит, договорились: так и держать! И, приехав в трест, прямо прошёл к Петру Фомичу.

— А что, Посвитный всё фокусничает? — спросил он и, не дожидаясь ответа, взялся за телефонную трубку.

10

Но на следующее утро он уже пожалел о том, что обидел старика. Весь день это его мучило. «А в конце концов не ради себя же хлопочет Посвитный. Старается по-своему, за дело болеет душой... А я его... Ах, нехорошо!»

В полдень он заехал к нему на шахту.

— А я к вам обедать, Иван Гаврилович! — сказал он, как мог добрее и веселее. — Накормите?

— За честь почту! — удивился и обрадовался Посвитный. И тотчас же забегал, засуетился, стал куда-то звонить по телефону, хлопотать...

В одном, во всяком случае, он не обманул управляющего: никакого хозяйства он не имел — ни коровы, ни козы, ни курицы, ни просто приличной мебели в доме. Его казённая квартира так и осталась казённой. Чувствовалось, что человек тут жить не хочет, задерживаться здесь не собирается. Не было ни гардин на окнах, ни ковров на полу, ни кружевных дорожек на буфете, ни картин на стене, ни фотографий, ни горшка с геранью на подоконнике, ни безделушек — ничего, что обычно придаёт дому вид человеческого жилья, а не случайного привала. Только тяжёлые сундуки да чемоданы — очень много чемоданов! — громоздились вдоль галых стен. Хозяева давно уж собрались в дорогу, — кареты не было!

И жена у Посвитного была какая-то... неудобная, костлявая. Захлопотавшись с обедом, она так и не успела причесаться. Её седые космы и клыки во рту сперва даже испугали Виктора, потом он привык.

И вероятно, и она когда-то была хороша собой, и любила наряжаться, и мечтала о детях, о доме, о тихом человеческом счастье... Но дети не появились (раньше благоразумно откладывали: «Вот окончательно устроимся, тогда и дети!», теперь было поздно), и дома не было, и отрезы, грудой скопившиеся в сундуках, так и не превратились в наряды, и вся жизнь прошла — прошла в ожидании жизни.

Это ожидание продолжалось и сейчас, оно давно уже стало самой жизнью для этой неудобной четы.

Но Виктору в том виноватом настроении, в каком он сюда приехал, это неустройство даже понравилось, оно показалось ему свидетельством бескорыстия Посвитного. «Значит, не жулик, не халуга, не себялюб; вся жизнь у него — в шахте...»

К удивлению Виктора, обед, однако, оказался и вкусным и обильным; видно, в этом чета не отказывала себе. Впрочем, все дорожные люди любят хорошо поесть.

За обедом Виктор не хотел подымать разговора о вчерашнем. Он решил только извиниться перед Посвитным за то, что давеча нашумел. Но хозяин перебил его на первом же слове:

— И, Виктор Фёдорович, голубчик! — вскричал он. — Да вы меня именно этим извинением и обижаете-то!.. Да ругайте, ругайте, прошу вас, ругайте меня, старого дурака, сделайте милость!.. Разве ж обижусь на вас? Разве я не понимаю? Да я всей душой изболелся за вас... Всё голову ло-

маю, как бы вам подсобрать... А там хоть ругайте, хоть сымайте, хоть в тюрьму сажайте — я ничем не дорожусь! — И он показал на голые стены.

Виктор был растроган.

— Спасибо! — сказал он с чувством и чокнулся с хозяином и хозяйкой. — От всей души спасибо! Не привык я плакаться, а трудно, трудно мне! Вам прямо скажу — трудно!

— Да разве ж я не чувствую? — подхватил Посвитный. — Знаете, кого вы мне напоминаете, Виктор Фёдорович, — только не поймите превратно — орла-подранка, с перебитым крылом...

— Обстоятельства такие, Иван Гаврилович!

— Отлично я соображаю ваши обстоятельства. Оттого и болею за вас. Иная птица клетке даже рада — канарейка, например, — а другая в неволе и не поёт. Так-то, дорогой вы мой!

Оттого ли, что Посвитный был у себя дома, хозяином и кормил гостя — начальника — обедом, по другой ли причине, но в этот раз он не был похож на обычного Посвитного в конторе, казался совсем другим человеком. Он держался с грустным достоинством, не хихикал, не ёрзал, не лебезил, был серьёзен и даже сердечен и хотя, как всегда, говорил много, но тоже как-то по-другому — не велеречиво, а искренне, «с душой».

— Я ведь вас с первого же взгляда ощутил, — признался он Абросимову. — С первого, так сказать, полёта. Хоть крыло-то и подранено, а орёл всегда остаётся орлом. Я так и Клавдии Пантелеевне своё впечатление объявил. Так, Клава? — обратился он к жене.

Хозяйка улыбнулась Виктору былой улыбкой.

— Возьмите ещё кусочек курочки, Виктор Фёдорович, умоляю вас!

— И полюбил я вас тоже с первого взгляда! — продолжал Посвитный. — Не как начальника. Хоть мы и обязаны всех начальников непременно обожать, — усмехнулся он с горечью старого и несчастливого служаки, — я в вас свою дерзкую молодость вспомнил. Свою былую отвагу. Да! — вздохнул он. — Не удалась мне жизнь, не удалась! Теперь в этом пора уж признаться. Маленького счастья я и сам не пожелал, а большое — не выпало. Замыслы были грандиозные, наполеоновские, а обстоятельства жизни — мизеральные. Всё заморозки, да суховея, да непреклонные ветра... Вот и засох. Э! Да не обо мне речь! — вдруг перебил он себя с досадой. — О вас речь, дорогой вы мой! Вы ещё только начинаете свой полёт. И всё у вас есть: молодость, образование, диплом, характер, талант, положение... Сверх меры одарила вас природа! Смотрите же — не продешевите себя! Великий грех на душу возьмёте!

Он был похож в эту минуту на проповедника из штунды «ловца человеков»: его лицо воодушевилось, голос стал вдохновенным, в нём появились криливо-страстные, сектантские ноты; словно он не говорил, а «радел». Виктор слушал его тревожно, ковыряя вилкой в салате. Эти речи ему было и приятно и почему-то жутко слушать. Это был уже не застольный разговор. Виктор чувствовал себя у прорицателя на сеансе.

— Не давайте же себя запугать! Остерегайтесь! — гремел меж тем хозяин. — Будут и у вас завистники, недруги, клеветники, даже враги... Воспарите же выше их! Великому всё позволено. Наполеон через трупы шагал ради единой цели бессмертной. Петра Первого при жизни проклинали как антихриста, а по смерти нарекли Великим. Так-то! Не блохам же в самом-то деле критиковать парение орла.

— Но блохи кусаются! — хрипло засмеялась хозяйка. — И больно!

— А блох надо давить, давить! — вскричал Посвитный. — Кто станет жалеть о блохах? Даже из миллиона блох не слепить одного орла.

Было жарко и тревожно за этим столом, в этой комнате без мебели, но с горой чемоданов на полу, в этой компании честолюбцев, сгорающих от неоправдавшихся надежд и несбывшихся мечтаний... Виктор заметил, как странно переменялась хозяйка дома: пятна жёлтого, большого румянца проступили на её скулах, скулы заострились, а глаза заблестели лихорадочными огнями. Разумеется, она не похорошела, но что-то сильное, дьявольское, волевое вдруг обнажилось в ней. Впрочем, она пила водку наравне с мужчинами и тоже захмелела. Костлявая и взерошенная, с носом, как клюв, с колючими ключицами вместо крыльев, она была очень похожа сейчас на старую птицу — общипанную, но всё ещё хищную. Её короткий, хриплый, гортанный смех напоминал птичий клёкот. Так выпь хохочет на болотах ночью...

Странно, но ни за обедом, ни после него и Посвитный и Виктор совсем не говорили о шахте, о делах, о «манёвре». Они так и расстались, не поговорив на эту щекотливую тему, но у обоих было ощущение, что они условились обо всём.

Этот разговор имел великое значение для Абросимова, и он вернул ему энтузиазм.

Светличный, Горовой, Пётр Фомич и особенно давеча Ангелов совсем обескуражили Виктора. Они, сами того не желая, запугали его. Они лишили его самого главного — веры в себя и в свою правоту. Виктор сделался нерешительным, вялым, неуверенным, непохожим на себя. В этом состоянии он уж ничего не мог свершить — ни хорошего, ни худого.

Посвитный вернул ему самоуверенность. Что греха таить — Виктор Абросимов любил лесть. Он не стал долго раздумывать над тем, сколько правды было в восторгах Посвитного. Он просто снова пришёл в кураж, в то единственно необходимое ему восторженно-хмельное состояние духа, в котором он только и мог творить чудеса, не зная ни усталости, ни сомнений...

Возвращаясь от Посвитного с хмельной — не столько от вина, сколько от речей хозяина — головой, Виктор чувствовал, что теперь он горы может своротить!

Теперь уже он откладывать не будет! И спрашивать никого не станет! И жалеть никого не надо! Теперь он покажет всем!

Он не станет больше мучительно гадать над тем, какой технической политики ему держаться, как маневрировать искуснее и хитрее, как сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы... Он просто всей грудью, всеми средствами, что есть у него, навалится сейчас на добычу. Он всё мобилизует, всё подымет на ноги. Он всех, как карасей на сковородке, заставит завертеться. Он из каждого работника «пустит юшку»... Он никого не пощадит и прежде всего — самого себя.

Любой ценой, любыми способами, а он добьётся выполнения плана добычи. Да он просто возьмёт этот план — грудью, натиском, штурмом! Вот как. Как берут крепость.

А на блошиную критику ему наплевать!..

В этом настроении он и приехал в трест, и оно его больше уже не покидало.

Настроение командира в бою — великая сила: это любой солдат знает. С начальником нерешительным, робким, сомневающимся в успехе трудно итти в атаку: ноги не идут, веры нет, смерть мерещится всюду. Зато какая радость бежать на штурм вслед за отважным, уверенным, удачливым, счастливым командиром — с ним и смерти нет и неуспех невозможен!

Каким путём узнаётся солдатами настроение самых высших военачальников перед боем — трудно сказать! Но оно узнаётся. Оно чувствуется. Оно в том, как движутся на марше колонны, машины, орудия;

в том, как скачут адъютанты, как поют зуммеры, каким голосом отдаются команды, — во всём воля командира или его сомнения, его вера или его неверие, его сила или бессилие.

Так и в великой битве за уголь, которую под командованием Абросимова ежечасно вели угольные солдаты в недрах земли, новое настроение Виктора немедленно докатилось до самых дальних выработок, до самых глухих забоев и тотчас же привело в движение всю пятнадцатитысячную шахтёрскую «дивизию». И в тресте, и в рудничных конторах, и в складах, и в мастерских люди забегали быстрее и проворнее, засуетились, задвигались, словно какой-то новый ток, внезапно пробежавший по их жилам, подхлестывал и подбрасывал их теперь.

Возвращаясь от Посвитного, Виктор поклялся, что больше никому не даст покоя. И он своё слово сдержал. Теперь он не щадил ни себя, ни других. В абросимовском тресте больше не существовало мирного деления суток на день и ночь, больше не было выходных дней, обеденных часов, пауз и «перекурок». Виктор мог нагрянуть на шахту в любое время — и ночью и на рассвете. Он безжалостно будил нетерпеливым телефонным звонком любого работника в самые сладкие часы предутреннего сна. При этом он даже не извинялся. Он всех своих помощников затормошил, задёргал. Он сам не знал отдыха и им его не давал.

Он без конца собирал в тресте оперативные совещания-«летучки», как любил он их называть, и здесь задавал головоломку всем и каждому. Он охотно выступал на рабочих собраниях, на производственных совещаниях, на наряде. Для них у него была одна речь, одна песня: «Дай добычи!» Он даже не варьировал её.

— Добыча! Дать добычу во что бы то ни стало! Любой ценой! — гремел он. — Хоть умри — дай! Любыми способами!

При этом, разумеется, он не говорил, что надо отставить или запустить подготовительные работы, — о подготовительных работах он вообще редко вспоминал. Он даже слова «штурм» не употреблял; оно годилось для тридцатых годов, в 1940 году оно уже стало запретным.

Но он так напористо, так страстно требовал «выполнить план добычи любыми средствами», что все отлично понимали, чего он хочет от них.

Посвитный не слишком переборщил, сказав своему гостю, что природа его одарила щедро. Да, у Виктора Абросимова всё было: и талант, и характер, и умение управлять людьми, и даже знания, большие, чем можно было предположить у столь молодого горного инженера. Часто он приводил в восхищение самого Петра Фомича: отдавал распоряжения верные и тонкие, брал меры мудрые, дальновидные. Но тут же, ради лишней тонны угля сегодня, нетерпеливо отшвыривал прочь то, что могло дать сотни тонн только через месяц.

Дать добычу сегодня, сегодня, сейчас, сию минуту — вот куда был направлен теперь весь неукротимый темперамент Абросимова, все его недолгожизненные душевные силы, весь его энтузиазм.

Это был энтузиазм слепой, нерасчётливый, даже безрассудный, но, как всякий энтузиазм, он был заразителен. И он действительно воспламенил всех вокруг.

Первой жертвой этого энтузиазма пал молодой заведующий шахтой имени Сталина Вячеслав Беловежа, узкоплечий гигант с русой бородой и застенчивыми глазами.

Этого и следовало ожидать.

Беловежа сам был энтузиаст, правда, несколько иного толка, чем Абросимов, и иного темперамента. Горел он торжественно-тихим, святым пламенем и людьми командовать не умел. Ему суждены были подвиги солдата, а не военачальника. Но зато его энтузиазм был ещё чище

абросимовского: в нём и тени не было корысти или даже честолюбия. Он был романтик.

С детских лет мечтал Вячеслав Беловежа о героической профессии, и родился он в Севастополе — он был бы моряком, в Архангельске — полярником, в Ташкенте — покорителем пустынь, в Сибири — золотоискателем. Но он умудрился родиться в тихих Лубнах, в семье землемера, старого земского интеллигента, человека строгих житейских правил и деспота, причём самого страшного деспота для своей семьи. — деспота любящего и поэтому несправедливого.

Юному Беловеже пришлось выдержать жестокий бой с отцом за своё будущее. Отец хотел, чтобы Вячеслав пошёл в Межевой институт, стал землемером; сын собирался в академию, мечтал стать штурманом дальней авиации. Они долго спорили. Наконец сын уступил небо, выбрал море; пошёл на уступки и отец — предложил лес.

Помирились на Горном институте; Беловежа-сын потому, что и в профессии горняка видел героическое, Беловежа-отец оттого, что положение горного инженера всегда казалось ему солидным и обеспеченным.

Учился молодой Беловежа в Сталино и учился хорошо. Профессия горняка ему полюбилась. Он с нетерпением ждал месяцев летней практики — каждый раз встреча с шахтой была для него тихим и светлым праздником.

Но в нём, однако, совсем не было административной жилки, ни следа её. Перед людьми он робел, подчинённых стеснялся. Его приказания всегда звучали, как просьбы. Там, где следовало рассердиться, даже прийти в ярость, он только обижался. Упрекая виновного, он краснел сам. Шахтёры звали его меж собой «красной девицей». Его никто не боялся...

Ему с руки было бы место технического советника при администраторе, но уж никак не начальника. Собственно, на эту скромную роль он и был прислан сюда после института, но вскоре заведующий шахтой тяжело заболел, и Беловеже волей-неволей пришлось исполнять его обязанности. Исполнял он их и сейчас, к своему искреннему горю...

Меж тем шахта ему досталась трудная — старая. От ствола очистные линии ушли далеко, на восемь километров, и для поддержания выработок надо было много сил и средств. Всё время приходилось крепить, крепить, крепить, тревожиться о кровле... Уголь здесь был хороший, коксующийся, длиннопламенный, но лежал он в слабых боковых породах. В нескольких лавах почва была «дующей». И это тоже делало ночи Беловежи бессонными. Каждый час можно было ждать несчастья.

Однако с горными стихиями он бы ещё справился, перед ними он не робел. Он умел понимать молчаливые речи пластов, стоны, скрипы штреков и лав, знал повадки, капризы, характер этих каменных рек... Тут он был дома.

Труднее было с людьми — в них Беловежа разбирался плохо.

Так обстояло дело, когда в трест был назначен Виктор Абросимов.

Вячеслав Беловежа был, может быть, единственным из всех заведующих шахтами, который встретил это назначение с безоговорочным восторгом.

Имя Виктора Абросимова слишком много говорило его душе.

Впервые он услышал это имя среди имён других прославленных стахановцев ещё в те дни, когда сам он сидел на студенческой скамье.

Сразу же явилось искушение бросить институт и итти к Стаханову или Абросимову проситься в их бригаду.

«К чему учиться по устаревшим уже учебникам, — взъерошенно думал он, — когда там, в лаве, а не тут, в институте, настоящая теория, настоящая жизнь, настоящая слава?»

А к славе юный Беловежа был очень и очень равнодушен.

Есть глубокая разница между честолюбцем и искателем славы. Честолюбец добивается почёта и высокого места на лестнице единственно ради удобств и наслаждений жизни. Бескорыстный же — искатель славы, каким был и остался Беловежа, — ни о каких удобствах и не думает; он жаждет только подвига. Он охотно и не задумываясь пойдёт на смерть ради бессмертия. Он готов даже на безымянный подвиг, на подвиг, которому заведомо суждено остаться неизвестным. Ему нужно славное дело, а не звон славы; ему нужна слава не для мира, а для самого себя; не затем, чтобы восхищать толпы, а затем, чтобы спокойно сказать одному себе: я свершил!

Разумеется, Беловежа не оставил институт: эти ребячьи мечты ему самому скоро показались смешными. Но имя Виктора Абросимова навсегда осталось в душе одним из самых дорогих имён.

И вдруг этот Виктор Абросимов оказывается его прямым и непосредственным начальником! Какая удача! С робостью и волнением влюблённого ждал Вячеслав Беловежа первой встречи. Она состоялась, и Вячеслав был окончательно покорён.

Всё в герое импонировало ему: властность Абросимова, его умение командовать людьми, его решительность, его крутой нрав, даже его грубость, которую для себя Вячеслав тут же наименовал мужественностью, — всего этого в самом Беловеже ни капли не было, несмотря на его густую бороду и гигантский рост. После этой встречи герой стал кумиром.

Для мечтательного Беловежи ничего не стоило создать из Виктора живой идеал горняка. Ведь Абросимов не только учился, он и сам уголь рубал! Да, он был простым шахтёром, а стал управляющим трестом. Не каждому же выпускнику дают сразу трест. Значит, Виктор человек особенный! Он сумел прославиться, рубая уголь, — один среди миллиона шахтёров. Какая же слава ждёт его теперь? Это даже предсказать трудно... И скромный Беловежа только об одном и мечтал сейчас: стать верным оруженосцем при этом славном рыцаре.

Указания, которые дал ему на первом совещании управляющий трестом, немедленно стали для Беловежи законом. Он старательно записал их в свою ученическую тетрадь. Вернувшись на шахту, он рьяно начал их выполнять. Подражая Виктору, он даже прикрикнул несколько раз на нерасторопных или ленивых десятников и при этом не смутился, не покраснел! Он взялся за продвижение штреков так горячо, что даже проходчики изумились — такого они ещё не видавали! Он вложил в эти штреки всю свою душу. Ведь сам Абросимов указал на них как на главное звено.

С добычей на шахте между тем стало ещё хуже, чем было. Но и это не привело Беловежу в панику. Главное — штреки! Главное — навести порядок в шахте! И он наладил этот порядок с такой любовью, словно готовил гнёздышко для новобрачных. При этом он втайне мечтал: вот заглянет на шахту Виктор, посмотрит и, может быть, похвалит. Он этой встречи нетерпеливо ждал.

Но Абросимов приехал, посмотрел и ничего не сказал. А когда выехали на-гора, свирепо напустился на бедного Беловежу:

— А добыча? Добычь где?

— Вот наведём порядок... — пролепетал Беловежа. — И тогда...

— Порядок? А что мне в твоём порядке? — взревел управляющий. — Мы не милиционеры, мы горняки. Мы не порядок должны на улицах наводить, а уголь давать. Где уголь?

Беловежа только руками испуганно развёл. Он был совершенно сбит с толку.

— А вот я научу тебя, как уголь брать! — внезапно успокоившись, сказал Виктор. — Садись! — И он откровенно выложил, каких мер от него ждёт: штурма, натиска!

Что-то тревожно ёкнуло в эту минуту в инженерской душе Беловежи, на секунду явилось даже сомнение. Но он тут же и подавил его. Кумир не может быть неправ. Он знает, что делает.

И он преданными, влюблёнными глазами посмотрел на Виктора. За ним он готов был и в огонь и в воду.

Виктор заметил эту влюблённость и оценил её. Они расстались друзьями.

Скоро Беловежа сделался ему необходим, как и Посвитный. В минуты тревожных сомнений и треволнений — а они всё-таки случались у Виктора, и даже ещё чаще, чем прежде, — он приезжал то к одному, то к другому на шахту. И Посвитный тотчас же угощал его тонким букетом льстивых слов, ахал, пророчил, ворожил... А Беловежа не говорил ничего. Он только смотрел на Виктора восхищённо и преданно. И Виктор возвращался к себе в трест успокоенным.

«Ничего-о! — говорил он себе в эти минуты. — Ничего-о!.. Победителей не судят! А я, я должен победить!..»

11

Наконец суточные сводки начали улыбаться Виктору.

Ежедневно и уверенно выполняли план Светличный и Ангелов. Из кожи лезли вон Посвитный и Беловежа. Глядя на них, смекнул обстановку и Шумилов, дал сто процентов и он. Только Горовой упрямо держался своей линии; казалось, он даже гордился тем, что не выполняет плана, не идёт на фокусы. И в хвосте всех уныло плёлся Голубев.

Этот Голубев долго оставался загадкой для Виктора. «Чёрт его знает! — злился управляющий. — Круглый он какой-то — не ущипнёшь!»

Действительно, Голубева ничто не могло растормошить или встревожить — ни упрёки, ни угрозы, ни выговоры. Он только добродушно-виновато улыбался в ответ да покорно складывал на животе пухлые пальцы — это была его любимая поза. Мол, воля ваша, делайте со мной что хотите!

Этого безобидного толстяка с рыхлым, добрым, бабьим лицом было невозможно и бесполезно ругать: всё тотчас же и скатывалось с него, как с жирного гуся вода.

— Да когда же ты план будешь выполнять? — в отчаянии спрашивал его Абросимов.

— А скоро, скоро! — неизменно отвечал Голубев; он был щедр на обещания и посулы — они ему ничего не стоили. — Вот увидите: скоро сяду на план!

— Сядешь? — взрывался Виктор. — Ляжешь ты на план, это возможно! Окончательно ляжешь, этого от тебя ещё можно ждать...

Существовало три ходячих выражения, образно, но совершенно точно характеризующих состояние дел: «сидеть на плане», «стоять на плане» и «лежать на плане».

«Лежать на плане» — было выражение насмешливое. Оно означало долгое, хроническое прозябание на мёртвой точке, без всякого просвета впереди. «Стоять на плане» — это уже лучше. Это значит — с превеликими усилиями вскарабкаться на пик плана и стоять там, судорожно балансируя: может, устоишь, а может, и опять свалишься в пропасть. «Сидеть на плане» — это твёрдо сидеть в седле.

Голубев именно «лежал на плане», лежал дохлой, громоздкой тушей, но в этом плачевном состоянии, к великой ярости Виктора, чувствовал себя превосходно: с аппетитом ел, спокойно спал и даже ласково зазывал

к себе в гости управляющего, отобедать... Обеды Голубева славились на весь район.

Однажды совершенно распалённый Абросимов нагрянул на Голубева в предобеденный час. В это утро трестовская сводка была особенно обнадеживающей. Если бы не Голубев, желанные сто процентов по тресту уже были бы, даже несмотря на упрямство Горового.

Виктор решил на этот раз круто обойтись с Голубевым.

— Я этому ресторатору задам обед! Сыт будет.

Он нашёл Голубева в конторе. Голубев был в каске, в шахтёрках и с лампочкой, словно он или только что выехал из шахты, или собирался туда. Но на его румяном лице угольной пыли не было, и шахтёрки были чистые...

— Что, в шахту собираетесь? — спросил Виктор, проходя вперёд и с усилием сдерживая себя, осаживая, как наездник чуть осаживает горячего скакуна перед тем, как взять барьер.

К тому же и людей в кабинете было слишком много.

Голубев радостно поднялся к нему навстречу.

— Да вот собирался... Всё утро собирался... Да всё дела, дела, мелочи... А теперь уж и время обеденное. Здравствуйте, Виктор Фёдорович! Душевно рад, что заехали. — Он действительно был рад ему, как и каждому гостю: он гостей любил. — Как здоровьице супруги? Н-ну! А у меня сейчас как раз поросёночек к обеду и свежая рыбка... Так не обедаем ли, а? — И он с надеждой посмотрел на управляющего.

На него положительно нельзя было рассердиться всерьёз. Виктор даже улыбнулся невольно, но тотчас же спохватился и, вспомнив утреннюю сводку, насупил брови.

— А мы ещё с вами не заработали на обед! — хмуро сказал он, разглядывая слишком чистые шахтёрки Голубева. — Вы когда в последний раз в лаве были?

— Да когда же? — забеспокоился Голубев. — Часто бываю... Да вот... Ну, разве упомнишь?

Но Виктор продолжал настойчиво добиваться точного ответа и заметил, что в кабинете все исподтишка и деликатно заулыбались.

— Якову Афанасьевичу трудно в лаве поворачиваться. Как бегемоту в проруби... — шутиливо заметил кто-то.

В общем выяснилось, что Голубев не был в шахте давно, две или даже три недели.

Но шахтёрки надевал каждое утро. И каждое утро брал лампу. А затем весь день крутился в конторе, будто важные и неотложные дела задерживали его, и наконец шёл завтракать или обедать. Завтракал он всегда дома. Он не терпел есть на ходу.

— Да как же можно шахтой руководить, не бывая в шахте? — даже не возмутился, а удивился Абросимов. Пристально посмотрел на внезапно смутившегося и покрасневшего Голубева и всё понял: этот человек не любил шахту. Это не Горовой, не Ангелов, не Светличный.

Зачем же он тогда стал горняком?..

В самом деле, зачем?..

Это вышло совершенно случайно, по инерции: отец был горняк, братья — горняки, стал горняком и Яков Голубев. Стал, не думая, не выбирая. В институте он учился средне. не худо и не хорошо. Ни в чём дурном замечен не был. И диплом получил. А по окончании института на шахту не поехал, а устроился в комбинат, в один из его многочисленных отделов. И зажил припеваючи. Сослуживцы и начальники скоро полюбили его за весёлый, общительный характер, часто ходили к нему в гости обедать и хвалили эти обеды; слава хлебосола быстро утвердилась за Голубевым, об инженерской славе и помину не было.

В те поры Яков Афанасьевич и раздобрел. Он округлился, зарумянился, стал тяжёл на подъём, появилась одышка от ожирения и изжоги по утрам.

И, однако, когда нечаянно-негаданно, просто подвернувшись под горячую руку новому начальнику комбината, угодил Яков Афанасьевич на шахту, он протестовать и биться не стал. Только поморщился, словно нечто кислое проглотил, крикнул и — поехал.

Впрочем, он и на шахте устроился недурно — такой уж счастливый характер был у него. Появился собственный домик с садом, наладилось хозяйство, а с ним и знаменитые голубевские обеды. «От Голубева ещё никто голодным не уходил!» — любил с гордостью повторять Яков Афанасьевич. И он был прав. Шахту же он с лёгкой душой передоверил главному инженеру, человеку тощему и честолюбивому. Сам Яков Афанасьевич в шахте действительно бывал редко.

Он не то чтобы боялся шахты — он на ней родился и вырос, — а ему было просто скучно в ней, неинтересно, тяжело, душа к углю не лежала.

Душа Якова Афанасьевича Голубева тянулась совсем к иному. В этом рыхлом и с виду ленивом человеке таилась великая страсть, она одна только могла сделать его и деятельным, и подвижным, и даже азартным. Он любил скот.

Ради того, чтобы добыть или даже только поглазеть на прославившуюся новую племенную породу, он мог пешком исходить десятков ярмарок или воскресных базаров. Он мог без усталости вертеться подле полюбившейся ему пегой или пёстрой красавицы, любоваться могучим выменем и до хрипоты в глотке уговаривать хозяина поменяться с ним коровами — с приплатой, разумеется.

Меняться он любил. Он барышничал бескорыстно — чаще всего себе же в ущерб, — менял ярославку на горбатовку, горбатовку на костромчанку, находя радость именно в этих переменах.

— Вот какая красавица, а! — совсем по-детски восторгался он, вводя к себе во двор новую корову. — Рекордистка! Фантастические удои, ей-богу, не вру!

Сам он, впрочем, пил только козье молоко, уверяя, что оно умножает мужскую силу.

Он любил и держал у себя всякую животину: бугая, коров, коз, свиней, птицу... Были у него и собаки, у крыльца всегда вертелись щенки, с визгом гонялись за курами... На дворе Голубева вечно стоял птичий и собачий гам. А Яков Афанасьевич с наслаждением глядел на всё это мычащее, блеющее и кудахтающее добро и с восторгом похлопывал себя по животу: он был счастлив!

И, однако, не инстинкты собственника двигали им. С ещё большим усердием пестовал бы он и умножал общественное стадо. Он просто ошибся призванием. Ему бы не заведующим шахтой быть, а начальником орска или директором совхоза. Отличный, заботливый был бы директор!

Но, разумеется, никому и в голову не могло бы прийти назначить горного инженера в совхоз.

А горняк он был плохой. И Виктор теперь это ясно увидел. Больше не хотелось ни кричать на Голубева, ни ругаться, ни злиться — бесполезно. «Что ж теперь делать? — думал Абросимов, с истинно шахтёрским презрением глядя на потного толстяка в каске. — Снимать его, что ли?.. Да, надо бы снять! Надо. А пока? Пока кто? Кто на самом-то деле управляет шахтой?» Он обвёл взором всех людей в кабинете и остановился на главном инженере. Тот встрепенулся, заметив этот взгляд. Они молча смотрели друг на друга.

— А что же поросёночек? С кашей? — неуверенно пробормотал Голубев. — А? — Он снял каску, вытер вспотевшую лысину и с надеждой по-

смотрел на управляющего. — И рыбка свежая, мариупольская... — прибавил он.

Абросимов резким движением встал из-за стола.

— Хорошо! — сказал он, усмехнувшись уголком рта. — Отведаем и рыбки! Надеюсь, вы с нами? — обратился он к главному инженеру.

— А как же, как же! — подхватил обрадованный Голубев. — Милости прошу!

Теперь он был в своей роли. Да и каска больше не мешала. Торжественно повёл он гостей к себе домой, предвкушая обеденные радости. Он не хвастал: и поросёночек с кашей и свежая рыбка имелись налицо. Обед был на славу хорош.

Но управляющий и тут расстроил хлебосольного хозяина: он ел оскорбительно. Не глядя, брал всё, что ему предлагали, торопливо жевал, без вкуса и без смака, и разговаривал только с главным инженером шахты, Арсением Ивановичем, и всё на угольные темы. Поросёночка же так и не похвалил.

За обедом не следует говорить на неприятные, колючие темы — в этом отношении Яков Афанасьевич Голубев, сам того не зная, придерживался этикета японской чайной церемонии. Но тщетно пытался он направить беседу в доброе, обывательское русло. Виктор круто поворачивал её по-своему.

— Какие вы угольщики! — с презрением фыркал он, тыкая вилкой в поросёнка. — Угольщики должны уголь давать. А вы?

— Приходится согласиться с вами, Виктор Фёдорович! — уклончиво отвечал инженер. — Прорыв!

— А почему прорыв? Почему? И до каких пор? Ваша шахта весь трест в болото тянет. Если бы не вы...

— Сознаём. Да что поделаешь! — печально кивал головой Арсений Иванович. — Как говорится, выше головы не прыгнешь, — а сам с тревожным интересом всё время смотрел на управляющего, словно ожидал услышать главное и сокровенное.

Наконец Абросимов упомянул имя Посвитного. Стал расхваливать его.

— Вот с кого вам бы пример взять! — с упрёком сказал он.

Арсений Иванович осторожно усмехнулся.

— Отважный человек Иван Гаврилович! — сказал он и пылливо посмотрел на Абросимова. — Где уж нам!

— А я трусов не терплю! — круто отрезал Виктор.

И они поняли друг друга.

Собственно, этим и был исчерпан весь разговор между управляющим трестом и главным инженером шахты. Но через два дня шахта Голубева выполнила суточный план. Это была великая минута в жизни Виктора-управляющего. Впервые в трестовской сводке появились желанные 100 процентов. Даже сто и три десятых.

Он смотрел на эту круглую, пузатую, чем-то очень похожую на Голубева, благодушную цифру и — насмотреться не мог. Потом вдруг поднял рапортничку над головой и тихо, торжественно потряс ею. И — засмеялся. Он был один в кабинете.

Что он чувствовал сейчас, в эту минуту? Вероятно, то же, что чувствует альпинист, взобравшись на недоступный людям пик, — счастье и усталость. Но зато какое могучее счастье! Пусть продлится оно одну минуту, всего одну минуту, пока стоишь на сияющей снегами вершине и смотришь вниз, — ради этой минуты стоило карабкаться!

Но альпинист, взяв пик, уже обеспечил себе вечную славу, его имя навсегда останется на географической карте. А для Виктора это, в лучшем случае, слава на один день. Каждый день должен он карабкаться и брать пик.

Каждый день, всю свою жизнь. И если он наконец прочно укрепитя на завоеванном пики, ему тотчас же пришлют новый план. Зададут новые высоты... Ну и пусть! И пусть! В этом и есть скромное, бескорыстное счастье хозяйственника. В чём же ещё? Он не капиталист, не акционер, не биржевой маклер...

Сейчас не хотелось ему вспоминать, какими способами и манёврами добился он этого торжества. Всё равно! Он дал уголь. Не себе — родине. Металлургическим заводам, паровозным топкам, электрическим станциям. Семь с половиной тысяч тонн угля в сутки. Кто упрекнёт его за это?

Он спохватился вдруг: надо немедленно же позвонить начальнику комбината, доложить о первой победе. Доложить тихо, скромно, даже сухо. По-деловому. Он знал, что начальник комбината обрадуется. Обрадуется именно за него, за Виктора. Начальник питает к нему слабость, это он уже знал. Знал и о том, что давно уже отдал он команду своему аппарату: не тормозить, не дёргать молодого управляющего-выдвиженца, дать ему возможность самостоятельно похозяйничать, показать себя. Да, начальник любит его. И все его любят. Все ласково и с надеждой смотрят на молодого хозяйственника, ждут, что он и в тресте покажет себя, как когда-то в лаге...

Ну что ж, вот он начинает показывать. Не будем преувеличивать, это только первая ласточка, как говорит Посвитный. Виктор отлично понимает это...

Он снял трубку и позвонил... Андрею. Он сам не знал, почему именно Андрею первому позвонил. Хотел ведь начальнику комбината?..

— Да! — услышал он негромкий голос товарища. — Кто говорит?

— Послушай, Андрей, — сказал Абросимов, — у тебя из окна вид хороший?

— Что? — не понял тот.

— Вид, говорю, хороший? Кругозор большой?

— Ну, по занимаемой должности... — улыбнулся Андрей.

— А звёзды видно?

— А-а! Вот ты о чём?.. — засмеялся секретарь. — Хвастаешься?

— А что, нельзя?

— Да как тебе сказать! Не рановато ли?

— Да ты в окно погляди! Погляди! — вскричал Виктор. — На всех шахтах звёзды горят! Сто процентов по тресту!

— А-а, тогда поздравляю! От всей души поздравляю, дорогой.

— Спасибо! — растроганно ответил Виктор. — Под вашим, так сказать, идейным руководством...

— Да, кстати! — спохватился Андрей. — Хорошо, что ты мне позвонил. Слушай, что там у Посвитного творится?

— А что?

— Да есть тут у меня сигнал от парторга. Говорят, вовсе Посвитный забросил проходку нового горизонта...

— Ну, уж и вовсе! — темнея лицом, пробурчал Абросимов. — Ты, будь добр, не очень-то доверяйся подобным сигналам.

— А ты разберись, разберись... — добродушно посоветовал Воронько. — Вообще подозрительны мне успехи Посвитного. Уж не Сакко ли и Ванцетти помогают ему?

— Какие Сакко и Ванцетти?

— А карандаши есть такие, неужели не знаешь? — засмеялся секретарь. — Фабрики имени Сакко и Ванцетти.

— Хорошо, я разберусь, — сказал Виктор и положил трубку.

Но праздник был уже испорчен.

Праздник был окончательно испорчен. И кем же? Андреем!

.....

По тому, как встретила его Даша, когда он пришёл обедать домой, Виктор сразу понял, что она уже прочла статью Гриши Мальцева. В Даше всё дышало сейчас счастьем и гордостью, гордостью за мужа. Она прямо с порога порывисто рванулась к нему и протянула руки на встречу. Потрясённый и благодарный, он обнял её и расцеловал...

Так они и стояли в передней, обнявшись, словно после долгой разлуки. Потом рука об руку, тихо и торжественно пошли в столовую.

И Даша вспомнила, что вот так же под руку шла она с Виктором и пять лет назад, в утро его первого триумфа. Так же влюблённо и покорно прижималась она к нему, так же заглядывала в глаза. И все подруги ей завидовали!.. В то утро она впервые узнала, как сладко быть спутницей героя, и только потом — как это тревожно. Она так и осталась на всю жизнь просто спутницей.

Но сейчас ей не хотелось думать ни о себе, ни о своей судьбе. Сейчас она была счастлива счастьем мужа-товарища.

— Ну, хвастайся, хвастайся! — сказала она, едва сели за стол. — Теперь ты можешь дать себе волю.

— Да нечем ещё хвастаться, Светик...

— Нечем? Тебе-то и нечем? — удивилась она.

— Право же нечем. Я пока халиф на час.

— Нет, ты не увиливай! Ты хвастайся, хвастайся. Ну, я очень прошу тебя, хвастайся! И ешь, — сказала она, бережно подвигая к нему полную тарелку.

— А что же сначала: есть или хвастаться? — лукаво спросил он.

Она засмеялась.

— Сначала есть.

— А-а! Пожалела всё-таки! — засмеялся и он. — Значит, можно кидаться?

— Кидайся!..

Он взял стопку, подмигнул Даше, как приятелю, выпил, крикнул и жадно накинулся на еду — он проголодался.

— Ух! Отличной варки борщ! — тотчас же с удовольствием воскликнул он, обжигаясь горячим и круто наперченным варевом. — Сердитый! Коксующийся. — Он любил, чтобы борщ был горяч, как кипяток.

А Даша ничего не могла есть, только ухаживала за мужем. Ей нравилось, как он ест: грубо, по-мужски, нетерпеливо. Правда, он вовсе не разбирался в деликатностях кухни и не ценил их, но и сама Даша в этом не шибко понимала. Слишком долго они оба были на студенческих харчах. Они оба привыкли к еде всухомятку и на ходу, оба были работники, кочевники, холостяки по натуре...

Только сейчас, ожидая ребёнка, Даша впервые начинала чувствовать себя матерью и хозяйкой. Ребёнок, ещё не родившись, уже наполнил её новой, неведомой жизнью, незнакомыми и острыми переживаниями, радостями и тревогами. И, однако, он не мог ещё завладеть ею целиком, безраздельно. Она всё ещё оставалась горняком. По крайней мере половина её души была там, на шахтах мужа.

— Знаешь, — сказала она, когда обед уже подходил к концу, — эта статья была для меня полной неожиданностью. Ведь ты ж ничего, ничегошеньки не рассказывал мне! — прибавила она с лёгкой обидой. — Ты совсем меня забросил.

— Ах, Дашенька, да когда же мне? — вскричал он виновато.

— Нет, нет, я не упрекаю...

— И потом, я не хотел зря волновать тебя. В твоём положении всякая, даже пустая тревога опасна.

Он говорил сейчас правду. Он действительно боялся её тревожить. С тех пор, как она забеременела, он стал ей ещё ближе как муж, но зато дальше как товарищ...

Она грустно покачала головой.

— А я так люблю твои тревоги! — вздохнув, сказала она.

Но тут же и спохватилась.

— Ну, не буду, не буду! Ты прости меня, дорогой! Видно, правду говорят, что все брюхатые бабы ужасные эгоистки, — виновато засмеялась она. — Больше не будет никаких упрёков! Сегодня — твой, твой день! День твоего первого успеха!

— Нашего успеха, Дашенька, — великодушно поправил он.

— Да. И знаешь, что надо сделать, милый? — оживилась она. — Надо устроить кутёж! Пир на весь мир! А? Правда! Позовём друзей, Андрея, Федю Светличного, они что-то давно у нас не были... И этого Гришу Мальцева тоже позовём. А? — И она посмотрела на Виктора вдруг заблестевшими и помолодевшими глазами. Она знала: ему понравится это предложение.

Но муж весь окутался папиросным дымом и ответил не сразу.

— Что же? Это чудесно... — наконец сказал он, однако без всякого воодушевления. И тут же торопливо прибавил: — Но, разумеется, не сегодня. Сегодня я хотел бы побыть с тобой вдвоём, Светик!..

Но только сказал это — почувствовал, что действительно этого хочет. В конце концов одна Даша его настоящий, верный друг — и в беде и в радости. Все остальные умеют только критиковать да поучать.

— Хочешь, проведём этот вечер одни, вдвоём? — сказал он, ласково и бережно обнимая жену и заглядывая ей в глаза. — Я никуда не поеду — ни в трест, ни на шахты...

— Правда? — вскрикнула она.

— Правда. Сегодня я не управляющий, хватит! Сегодня я только муж и... отец. Где мой халат и стоптанные туфли?

...Это был чудесный вечер. Только телефонные звонки изредка нарушали их добровольное и радостное уединение. Но и звонки были приятные: всё поздравления. Статью Гриши Мальцева уже прочитали все.

В конце концов Виктор всё-таки расхвастался.

— Если б ты знала, Дашенька, — сказал он смеясь, — сколько воронья каркало над бедной головушкой твоего мужа! Сколько пророков предрекало ему полный провал!

Но он не сказал, кто это «вороньё».

Он ходил по кабинету в своей пижаме, похожий на милого, прилежно-го мальчика-отличника, много курил, роняя повсюду пепел, и всё говорил, говорил, говорил... И от его слов вдруг пахнуло на Дашу знакомымдыханием шахты, её влажным и тёплым воздухом, её запахами угля и газа, грибной плесени и сырости, всей той поэзией каменного леса, которую только горняк понимает и любит и по которой только он один способен тосковать.

Уже давно не была Даша в шахте. Даже в погреб за квасом спускается не она, а работница. Дашу все берегут. Она много гуляет. Знакомый доктор-старичок, поклонник натуральной медицины, советует ей «набирать побольше озона в лёгкие» — и на себя и на ребёнка.

— Дышите! Больше дышите свежим воздухом! — твердит он.

Но ни он, ни Виктор, ни отец — никто не знает, как стосковалась она по «свежей струе», с каким восторгом и жадностью глотнула бы оттуда. И, вероятно, сразу захмелела бы от крепкого настоя. В этом глотке было бы куда больше озона, чем здесь во всей атмосфере.

А слабые, полузадушенные запахи степи и леса, трав и даже цветов, вдруг неожиданно проникающие — или это только чудится? — по трубам

вентиляции в шахту, разве они не слаще всех ароматов дашиного сада?! Эти запахи так дороги там, под землёй! А здесь их и не ценишь вовсе, здесь они приторны.

Она неожиданно сказала:

— Если у нас родится сын, он, конечно, тоже будет горняком. Непременно! Но если дочь...— она не докончила и задумалась.

Но Виктор не понял ни её тона, ни горькой улыбки. Он был слишком полон собой в этот вечер.

— Конечно, будет сын! — сказал он так, словно и это зависело от него.— В честь его рождения я устрою небывалый день повышенной добычи. Грандиозный сабантуй!

— Дни повышенной добычи не рекомендуются,— улыбнулась Даша.— Это штурмовщина.

— Кто тебе это сказал? — засмеялся он.— Мне всё позволено!..

Поздно вечером, перед тем как идти на покой, он позвонил в трест и потребовал последнюю сводку. Тут же, присев на краешке стола, он и записал её. Все шахты, кроме Горового, шли отлично...

— Сто процентов будет! — сказал он, внимательно изучая сводку.— Ну, жёнушка, кажется, я твёрдо сел на план.

— Да? — обрадовалась она.— И прочно?

— Кажется, прочно! — ответил он и опять склонился над сводкой.

Отчего же всё-таки не чувствовал он себя так покойно, уверенно, как настоящий кавалерист в седле? Дорога ли была в ухабах, конь ли с норовом или сам наездник слишком горяч?

Он сказал жене:

— Завтра я уеду чуть свет, Дашенька! Дашенька, ты завтракай без меня...

Рано утром, по гудку, он уехал из дому: хотелось побывать на нарядках.

Снова заметался его «голубой экспресс» по угольным дорогам, с шахты на шахту. Но теперь Виктора везде ждали хорошие вести. Даже на шахте Голубева всё оживилось и повеселело. Непрерывно качал ствол; казалось, неистощимый угольный фонтан бьёт из недр земли и конца ему нет и не будет!

Виктор не поехал в шахту — пошёл на эстакаду. Как раз подали эшелон под погрузку, и Виктор стал с удовольствием наблюдать, как потекли, побежали в вагоны угольные реки...

— Хороший уголёк! — сказал оказавшийся рядом десятник.— Исключительный!

Утренняя заря играла на гудах — уголь искрился и казался золотым, словно он уже пылал в топках.

«Девять таких эшелонов каждые сутки,— подумал Виктор,— и можно смело смотреть людям в глаза!»

В полдень он добрался до Посвитного. Ивана Гавриловича в конторе не оказалось. Вообще не было никого из администрации, кроме старика-бухгалтера, страдающего астмой. Задышав, он торопливо выбежал на встречу Виктору и объявил, что все в шахте.

— Что у вас, авария? — встревожился Абросимов.

— Нет. Гость у нас.

— Кто?

— Андрей Павлович.

— А-а!

— Он на горизонте 620! — почему-то шёпотом прибавил старик.

Виктор нахмурился. Вот как? Ревизия? Но он ни о чём больше не спросил, молча прошёл в баню, переоделся и пошёл на шахту.

Ему показалось, что рабочие на шахтном дворе проводили его насмешливыми взглядами, что даже рукоятчица как-то по-особенному усмехнулась, когда он приказал дать в машинное отделение сигнал, что едет на горизонт 620. Вероятно, всё это только мерещилось ему. Просто он был очень рассержен — рассержен на Андрея. «Зачем он так демонстративно поехал именно на горизонт 620? Зачем приехал вообще? Это уж не по-товарищески! Мог бы позвонить мне — поехали б вместе...»

Он отлично знал, что делается или, вернее, что не делается на горизонте 620, но даже его неприятно поразила тишина здесь, какая-то особенно тоскливая, нерабочая тишина — тишина запустения. Ни людей, ни огонька, ни стука, ни шороха... Только где-то в темноте попискивали напуганные крысы да булькала вода.

«Что же Посвитный совсем забросил горизонт? Ну, это действительно чёрт его знает что! Хоть бы выработки поддерживал, старый дурак! — выругался он, сгибаясь в три четверти под свесившейся балкой. — Совсем горизонт завалит! Нечего сказать, хорошо я буду выглядеть сейчас перед Андреем».

Он до боли прикусил нижнюю губу. А, чёрт! Легко представить себе всё, что скажет Андрей! Да он просто ткнёт его, как щенка мордой в блевотину, — и в ответ ему ничего не тявкнешь. Теперь Виктор уже жалел, что поехал в шахту. Лучше было бы встретиться с Андреем в конторе, а не здесь, «на месте преступления».

Наконец он увидел огоньки — они медленно двигались ему навстречу. Но голосов он не услышал: люди шли молча. Было что-то очень тоскливое и пристыжённое в этих обычно весёлых огоньках. Казалось, они мигают... воровато, как глаза нашкодившей кошки. Который из них огонёк Посвитного? Андрей там, вероятно, идёт впереди. И молчит. И все вокруг него молчат тоже. И Виктор вдруг понял, что он... боится этой встречи.

Но он тут же рассердился на себя: «Да что это со мной? Вот глупости! Да чего мне бояться?» Некстати вспомнились слова Посвитного: «Я ничем не дорожусь — ни местом, ни службой, ни состоянием, поскольку такового и не имею!» «А я, я-то чем дорожу? — злобно подумал Виктор. — Я шахтёр! Мне ничего не страшно. Меня в Донбассе знают! Обо мне газеты трубят! Зря, что ли?!» Он нетерпеливо замахал лампой, и какой-то один огонёк весело ответил ему. Чей?

Он ускорил шаги.

— А-а! Вот это кто! — приветливо встретил его секретарь горкома. — Сам хозяин! — Подозрительное ухо Виктора не смогло уловить и тени насмешки в его голосе.

Всё же он поздоровался с Андреем сдержанно и сухо.

— Здравствуй, Андрей Павлович! — и тут же набросился на Посвитного: — Что у вас тут за мёртвое царство? Крепильщики где?

— Да день такой неудачный, Виктор Фёдорович! Прямо как нарочно!.. — жалобно ответил Посвитный поёживаясь; даже в темноте было видно, какая у него виноватая, встревоженная спина. — Невыходов много. Грипп... Ну, просто повальная эпидемия гриппа!

— Ладно уж! — брезгливо перебил его Виктор. — Эпидемия! Молчали б лучше!

Посвитный обиженно смолк. Андрей не сказал ни слова. Некоторое время стояли молча.

— Прикажете вернуться, Виктор Фёдорович? — нерешительно спросил главный инженер шахты. — Осмотрите работы?..

— А зачем? И так всё ясно! — махнул рукой Абросимов. — Поехали уж на-гора!

Андрей опять ничего не сказал, и все молча пошли квершлагом к стволу. Молча выехали и «на-гора». Здесь Посвитный приободрился. Он успел бросить осторожный взгляд Виктору, и тот прочёл его: «Что ж это вы, Виктор Фёдорович, а? Грешили-то вместе...» — и отвернулся. Только один Андрей Воронько был невозмутимо спокоен. Выйдя из клетки, он с удовольствием выпрямился и потянулся всем телом — отводя руки назад и с силой сводя лопатки, — и Виктор узнал это ребячье, благодушное движение. Оно слишком много напомнило ему: молодость, дружбу, прошлое... Но даже оно не успокоило, не примирило его с Андреем, а разозлило ещё больше. «Да что он играет со мной, как кошка с мышью? Лучше б уж сразу, прямо и поскорей!» Главное — поскорей!

Ему захотелось, чтобы разговор с Андреем состоялся немедленно, раз уж он неизбежен.

— В шахтоуправление пойдём? — спросил он хрипло, нетерпеливо.

— Нет, зачем же? — улыбаясь, ответил Андрей. — В баню.

И они пошли в баню.

Техническая баня у Посвитного была хорошая, новая. Старуха-уборщица принесла свежие берёзовые веники, тазы с парной, мыльной водой, мочалки и, примолвив: «На доброе здоровье!», — вышла. Андрей тотчас же бросился под горячий душ, за ним — остальные. Скоро вокруг раздавалось только довольное криканье, фырганье да сопение, и у всех — даже у Посвитного — само собой появилось то возбуждённо-счастливое и немного дурашливое настроение, какое всегда бывает у человека в бане, когда вместе с одеждой сбрасывает он с себя и свои чины, и звания, и все мирские заботы и когда кажется, что вместе с потоками грязной от угля и пыли воды скатывается с тебя и всё нечистое, случайное, бог весть где и когда к тебе приставшее и ты становишься юным и невинным, как новорождённый...

— А ну, Виктор, дай-ка я тебе спину потру! — закричал Андрей и, намывив мочалку, весело подошёл к товарищу.

Тот молча подставил спину, а Андрей стал усердно её тереть.

— А ты не жиреешь, чёрт! — говорил он, крепко похлопывая ладонью по разгорячённому телу приятеля. — Красив!

— А это что ж: хорошо или плохо?

— Сверхъестественно.

Потом Виктор тёр спину Андрею, тоже хлопал по ней, яростно мылил шею, а затем вдруг окатывал приятеля горячей водой из шайки, и при этом оба беззаботно ржали и дурачились, словно они всё ещё были ребятами из комсомольской лавы, забойщиками и товарищами...

Разопревшие и благодушные, вышли они наконец из бани, и Андрей предложил Виктору ехать домой вместе.

— Хочешь — в моей машине, а хочешь — в твоей.

— Лучше в моей.

— Ну что ж! — согласился Андрей. — Твоя, директорская, богаче!

Они попрощались с Посвитным — Андрей так ничего и не сказал ему о горизонте 620 — и поехали.

Виктор понял, что неприятный разговор состоится в дороге, в машине.

И он состоялся.

— Слушай, Виктор, как ты относишься к статье Мальцева? — неожиданно спросил Андрей, всем корпусом поворачиваясь к товарищу.

Как раз этого вопроса Виктор и не ждал. Он думал, что разговор пойдёт о горизонте 620.

На всякий случай он неопределённо пожал плечами.

— Ну что ж, статья как статья...

— А по-моему, плохая статья, вредная.

— Почему? — встревожился Виктор, словно он сам был автором этой статьи. — Разве в ней смазана роль горкома партии?

— Нет, не смазана! — усмехнулся Андрей. — Даже напротив.

— Так чего же ты хочешь? — уже с досадой спросил Виктор.

— Правды.

— А в статье что же?

— А в статье — фальшь... — спокойно ответил Андрей.

Виктор нервно заёрзал на сиденье. Разговор принимал ещё более неприятный оборот, чем он ожидал.

Всё же он сдержался.

— В чём же ты видишь фальшь, Андрей? — хмуро и недружелюбно спросил он.

— А в том, что в статье написано: в тресте — крутой перелом...

— А это неверно?

— Нет. Неверно.

— Но ведь трест же стал выполнять план.

— Какой? И как?

— А у меня один план — государственный! — рассердился Виктор. — А как я его выполняю — это уж моё дело. Главное, выполняю. — Он отодвинулся в угол и нервно закурил.

— Ну, это как сказать! — покрутил головой Андрей. — Допустим, дало тебе правительство план заготовки дров. А ты, вместо того чтоб итти в лес, взял бы да спокойненько и вырубил все деревья в нашем городском парке. И рапортуешь: план выполнил, дрова заготовил, а как — моё дело!

— Нелепое сравнение! — фыркнул Виктор.

— Хорошо! — послушно согласился Андрей. — Возьмём другое. Из военной области. Скажем, приказали тебе форсировать реку, взять высоту и создать предместное укрепление. Ну, ты высоту взял! Штурмом! Ты это словечко любишь. А укрепления не создал, не окопался, резервов не подтянул, мер должных не принял — и наутро противник преспокойно вытряхнул тебя с твоей высоты...

Виктор нетерпеливо подскочил на месте.

— Послушай, Андрей! — вскричал он, ломая папиросу и вышвыривая её за окно. — К чёрту художественные сравнения! Ты зачем приезжал на шахту к Посвитному? Проверять меня, да?

— И тебя и себя... Мы оба за уголь отвечаем.

— Ты прямо говори, не хитри! Не доверяешь мне?

— Не то! — поморщился Воронько. — Боюсь я за тебя.

— А за меня не надо бояться! Я не мальчишка! Когда вы это наконец поймёте? — в отчаянии заметался Виктор. — Ведь ты же обещал меня два-три месяца не трогать! Обещал? Ну?

— Ну, обещал...

— Так зачем же ты ко мне сейчас в душу лезешь? Ну, потерпи, погоди ещё немного, дай мне время, чтоб доказать...

Андрей только слабо пожал плечами. Этот разговор был нелёгким и для него.

Но он сам его захотел.

— Я б и не трогал тебя, Витя, если б ты верной дорогой шёл... — задумчиво и как-то очень грустно сказал он, медленно покачивая ногой, и в его словах вдруг невольно вылилась вся его обида за Виктора, за товарища, которого он так любил и в славную судьбу которого так верил, больше, чем в самого себя.

Он и сейчас хотел говорить с ним, как с товарищем.

В любой дружбе, даже в дружбе равных, один всегда ведущий, дру-

гой — ведомый. Долгие годы ведомым был Андрей. Даже ошибки и сбой Виктора не меняли положения: Андрей их тут же оправдывал и прощал. Он считал Виктора человеком особенным, может быть, даже исключительным, заранее отмеченным судьбой, и он относился к нему так, как относится покорно-влюблённая мать к своему странно гениальному сыну, — трепещет от любви и страха за него, благоговей и не понимая.

Себя же Андрей всегда считал обыкновенным человеком, дюжинным, как все; ему увлечения и ошибки не положены. Не по чину.

Он и сейчас продолжал считать себя зауряд-человеком, просто притёртым рабочим винтиком машины, не больше. Но зато и Виктора в гении уже не производил. Что-то изменилось, сдвинулось в их отношениях: он и сам не знал, когда и как. Старше он стал, что ли? Он попрежнему нежно любил товарища, часто думал о нём (и всегда с тёплой, доброй улыбкой), но теперь его любовь стала горче и придирчивее. Это была любовь, которая уже видит пятна и морщинки и знает их происхождение. В этой любви стало больше боли и тревоги, меньше восхищения...

Андрей и раньше сознавал слабости приятеля, но прежде они... умиляли, да, умиляли его, как слабости великого человека; сейчас они стали его раздражать и даже злить. Главное, тогда это были просто слабости Виктора, хорошего, но трудного парня-героя, и страдал от них он один, да ещё, пожалуй, Андрей или Даша; сейчас это были уж слабости управляющего трестом, от них зависела судьба тысяч людей под землёй и на земле. То, что мог простить товарищ товарищу, уже не мог простить управляющему трестом секретарь горкома партии.

Разговор должен был произойти.

Но Виктор не услышал в словах товарища ни любви, ни боли; он заметил только: «неверной дорогой» — и обиделся.

— А кто ж тебе сказал, что я неверной дорогой иду?

— Я был на горизонте 620, — кротко ответил Андрей.

— Ну и что же? И что же?

— А вчера я всю ночь анализировал твои сводки.

— Зачем? Думаешь — вру? Очки втираю?

— Нет. Просто хочу твою техническую политику понять.

— А моя техническая политика проста: дать уголь!

— Сегодня?

— Да. Сегодня!

— А завтра?

Но Виктор только с досадой махнул рукой.

— Нет, ты не отмахивайся! — вдруг рассердился Воронько. — Не отмахивайся! Ты отвечай: а завтра? Или о завтрашнем дне пусть уж будущий управляющий думает?

— Что-о? — резко отпрянув от него, прошептал Виктор и обеими руками вцепился в подушку сиденья. — Ах, вот как! Пугаешь?

— Нет!..

— Снимать меня хочешь? Ну, рано, брат, да и руки короткие, вот что я тебе скажу!

— А я и не думаю, что тебя надо снимать! — улыбнулся Андрей. — Это ты сам об этом думаешь. А ты б лучше не о своей судьбе думал, а о шахтах, которые тебе доверили... Что завтра с этими шахтами будет?

— Завтра, может быть, будет война!.. — неожиданно сказал Виктор.

— Может быть... — согласился Воронько. — Ну, и что же? Угля потребуется меньше?

— Не меньше...

— А где ж ты тогда уголь возьмёшь? Ведь ты, как хищник, съедаешь сегодня всю готовую линию забоев, а о новой линии и не печалишься!

После меня хоть потоп! Ишь, какой Людовик выискался! Заготовитель дров в городском парке!

Виктор промолчал.

— А наши люди думают о завтрашнем дне! — взволнованно продолжал Андрей. — Им на этих шахтах и жить и работать! И они верят в наш завтрашний день. Пусть даже война. Они в коммунизм верят. А ты у них этот завтрашний день воруеть...

Никогда ещё Андрей Воронько не разговаривал так резко с товарищем. Но Виктор опять промолчал.

Он хмуро смотрел в окно, на дорогу. Мимо бежали, зелenea, поля, бахчи, огороды, но и в них покоя не было, несмотря на безветренный, знойный день. Была тревога материнства, душная жажда жизни и какая-то злая, иступлённая тоска по влаге. «Пить! Пить! — казалось, шептали растрескавшиеся губы подсолнухов. — Пить, не то пропадём!» И Виктору вспомнилось весеннее, майское утро, когда он этой же дорогой ехал к Посвитному любоваться «ласточкой». Тогда поля только-только зазеленели; они утопали в росе, и лёгкий холодок шёл от них, как от реки... В то утро Виктор верил в свой завтрашний день.

Верит и сейчас. Что, в самом деле, пугает его секретарь горкома!

Сейчас зелёное море вокруг чуть побурело и запылилось. В нём нет уже весенней, беспечной свежести, есть нетерпение и тревога. Кое-где проглядывает жёлтый лист, как ранний седой волос у человека. Картофель уже цветёт фиолетовыми, беспокойными огоньками. Кукурузные початки выбросили наружу свои султаны, ещё нежные и зелёные, но и они быстро грубеют под нестерпимым солнцем. Подсолнухи с сухим, нервным хрустом тянутся вверх и протягивают к небу золотые блюдца: дай, дай, дай!.. А беспощадно щедрое небо вместо дождевой мелочи швыряет им пригоршни солнечных червонцев.

В волнениях и заботах зреет завтрашний день земледельца. Ведь не ради же цветов картофеля трудится он весной? Нужно терпеливо ждать, ждать, ждать... Ждать, пока в назначенные сроки поспеет всё, и нежные кукурузные султаны станут рыхими и жёсткими, как конские хвосты, и с подсолнухов облетит ненужное золотое оперение, и поля станут некрасивыми, но тучными, а семена нальются маслом, клубни — крахмалом и соки земли станут земными плодами...

Но ведь от земледельца никто и не требует урожая сейчас, в июне. Все согласны терпеливо ждать осени. А от Виктора сбора урожая требуют сжечасно, ежеминутно, каждый день и в любую погоду. Его урожай созрел миллионы лет назад.

— Чего же ты хочешь от меня, Андрей? — тихо и устало спросил он.

Андрей встрепенулся.

— Перелома хочу! — сказал он, невольно хватая своими руками руки товарища. — Настоящего, действительного перелома, а не крутого надлома, как сейчас...

— То есть ты хочешь, чтоб во имя завтрашнего дня я отказался от выполнения плана сегодня? Ты на это меня ориентируешь?

— Нет, зачем же? — отнял руки свои Андрей. — План надо выполнять и сегодня.

— Как? — спросил Виктор. — Как? — и с тоской посмотрел в окно. Вдоль дороги попрежнему бежали сухие, шершавые подсолнухи и, как нищие, протягивали к Виктору свои расписные блюдца: дай, дай, дай!

Андрей жёстко усмехнулся.

— А ты, оказывается, неверующий! — насмешливо сказал он. — Вот никогда бы не подумал! Значит, ты считаешь, что сегодняшней плап невозможно выполнить, не воруя у завтрашнего?

— Послушай, Андрей Павлович! — обиженно вскричал Виктор.

— Нет, стой! — остановил его Воронько. — Ты в душе считаешь, что план невозможно, но нужно выполнить. Так? А я считаю, что его не только нужно, но и возможно выполнить. В этом — вся разница...

— Но как? Как? Научи, сделай милость, в ножки поклонюсь!

— Научу. Изволь. Вот как: мобилизовав все резервы и наведя порядок. Так нас партия учит.

— Да какие ж у меня резервы? — нетерпеливо воскликнул Виктор. — Где они?

— Люди! — строго ответил Андрей. — Наши люди. Вот где твои резервы, Виктор.

— А-а... — разочарованно протянул Абросимов и захохотал тоскливо. — Наглядная агитация, соцсоревнование, массовая работа? Ну, это по твоей части!

— По моей, — спокойно согласился Воронько. Он любил соглашаться, чтобы потом ещё увереннее напасть. — А разве и не по твоей? Что же ты, Форд какой-нибудь, для которого человек — только деталь конвейера? Ты коммунист, хозяйственник... И люди...

Но Виктор со злостью перебил его:

— А, знаю, знаю, слышал! Надоело! — и отвернулся к окну.

Скоро ли кончится эта проклятая дорога? Ему только одного хотелось теперь: чтобы дорога скорее кончилась, а с ней и этот разговор.

А Андрей, сказав «люди», этим словом, будто заветным ключом, вдруг отворил какие-то двери у себя в мозгу, и оттуда пёстрой, возбуждённой толпой хлынули на него знакомые шахтёрские лица и тотчас же обступили его, взяв в тесный и душный круг, как всегда обступали на наряде, на улице, в лаве на разминке — всюду, где появлялся Воронько. И, как всегда, были они все раздражённые, недовольные и строгие, как хозяева.

Откуда они взялись, откуда пришли? Где были сейчас? А тут же, с ним, на дороге, в машине. Они всё время были тут — невидимые. Они слушали его спор с Виктором. И властно, беззвучно вмешивались. Они подсказали Андрею слова и факты. Они всегда были с ним и никогда его не покидали. Они жили в нём. И это от их имени он говорил. А они, молча кивая головой, придавали вес каждому его слову.

Они были всё время тут — под этими полями и кукурузниками, на глубине шестисот — восьмисот метров, под этой дорогой и этой сухой балкой — границей между шахтными полями Посвитного и Голубева, — под этими скифскими курганами и голубым небом, которого они днём не видели... И Андрей мог почти точно указать, где, под каким кукурузником какая лава, кто в ней лежит, что делает и что думает. Он их всех знал, всех любил и помнил.

Но сейчас они теснились в его памяти все вместе, гурьбой, заслоня друг друга и мешаясь, все одинаковые в своём чёрном, рваном, шахтёрском «бархате», и каждый — особенный, и Андрей сначала никак не мог задержаться на ком-либо одном из них, единственном, — его тут же вытеснял новый, другой...

Но вот, словно растолкав всех, выдвинулся вперёд невысокий, приземистый, чёрный человек — чёрный и глазами, и усами, и бородой — и стал перед Андреем глыбой. Андрей сразу узнал его — Иван Конев, вруб-машинист. Таким он видел его вчера, в лаве на «Куцем Западе».

Он стоял на коленях, головой упираясь в кровлю, молча и недружелюбно смотрел на Андрея, ничего не говорил, а только тяжело дышал, и нижняя губа у него была влажная и нестерпимо красная, она отвисла и дрожала мелкой, лихорадочной дрожью, как у гончей, которую нелепый охотник вдруг остановил и вернул на самом удачливом гоне.

И гаечный ключ нетерпеливо вздрагивал в его тугом кулаке.

— Он со знаменитым Кретовым соревнуется, вот что! — тихонько шепнул Андрею парторг шахты и показал на мёртвую лаву, неготовую к зарубке. — Обидно ему!

А Конев... молчал...

Но Андрей и без слов понял его рабочую ярость, его обиду и то, отчего так нетерпеливо дрожит в его кулаке случайный гаечный ключ. Человек хотел работать! Работать, резать уголь, а кто-то чужой и злой не давал ходу ни ему, ни его машине.

Нет ничего подлее, как схватить и остановить руку работающего с азартом и вдохновением человека: лесоруба, когда он замахнулся, чтобы ударить; охотника, когда он прицелился, чтобы стрелять; лётчика, когда он уже взялся за ручку и дал газ, чтобы лететь...

И Андрей понял также, что Конев именно его, Андрея Воронько, начальника, считает тем чужим и подлым человеком, что остановил его жадную к работе руку. И остро ненавидит его.

Ну что ж! Так оно и есть! Когда-то и сам Андрей Воронько, ворочаясь в карликовом уступе, винил одного Рудина. Когда-то и Виктор, задыхаясь без воздуха, проклинал весь свет. Неужели Виктор забыл это? Сейчас Андрею часто приходится слышать в уступах это отчаяние: «воздуха-а!», «тока-а!» Он то и дело встречает в шахтах Абросимова стреноженных людей, орлов со связанными крыльями, добытчиков, изнемогающих в тоскливом простом из-за бесчисленных и беспричинных аварий, давно ставших уже не чрезвычайными происшествиями, а унылым бытом.

Эти люди, беспокойно мечущиеся в безделье на прохладных плитах, как на смятых в бессоннице простынях, казались Андрею похожими на здоровяков, которых кто-то безумный и ненавидящий насильно швырнул на больничную койку. И связал, чтобы не убежали. А они здоровы! Они не хотят лежать! Они работать хотят. Им не манную кашку — им кровавое мясо надо рвать зубами. Им не на простынях, а на породе лежать в забое да брюхом чувствовать, как ползёт под тобой уголь... А их привязали к койке и — держат. И они бьются, рвутся, мечутся, скрипя зубами, и, обессилив, плачут оттого, что равнодушные сиделки не хотят их выслушать и понять.

А Виктор ещё спрашивает: где резервы?

Вспомнился навалотбойщик Лёша Замковой и вся их бригада. Это было третьего дня, на шахтном дворе, у фонтана. Андрей сам напросился на беседу, и навалотбойщики откровенно и охотно взялись говорить с ним, как всегда говорят шахтёры: без опаски, не жалуясь, а критикуя всех и вся, по-хозяйски. И только самый молодой из всех, как девчонка, хорошенький Лёша Замковой, всё время тоскливо и невпопад канючил:

— И не заработаешь вовсе. Какие тут заработки? Зарботка нет...

— Да тебе-то что заработки? — наконец в сердцах прикрикнул на него пожилой бригадир, депутат райсовета. — Ты ж одинокий, холостой! Тебе-то деньги зачем?

Лёша смущённо смолк и больше уж в беседу не вмешивался. А Андрею вдруг захотелось непременно узнать: зачем же этому мальчику деньги? А они были ему очень нужны — это читалось в его жадно-тоскливых, ищущих, даже алчных глазах. И Воронько не поленился — нашёл вечером Лёшу в общезитии и всё выяснил.

Хотел Лёша Замковой купить себе аккордеон. Он и играть-то на нём ещё не умел и никогда раньше о нём и не думал. Но увидел однажды, случайно, в окне магазина — новенький, нарядный, праздничный и солнечные зайчики на перламутре — и покоя лишился.

— Понимаете, замечательный такой аккордеон! Ну — сказка! И не дорого. Мне вполне по силе, — и вздохнул уже, как взрослый. — Если б, конечно, заработки были, как раньше, когда выполняли план...

И ради этой перламутровой мечты готов был Лёша Замковой самозабвенно работать в лаве — сколько угодно, вы не смотрите, я сильный! — как и его сосед по койке, тоже холостяк, Всеволод Нечаенко — ради мотоцикла.

— Как мотоциклетку куплю — сейчас же в выходной день на Азовское море! Факт! Купаться!

Ещё вспомнился Андрею крепильщик Коля, в танкистской бархатной фуражке со звездой и в гимнастёрке без петлиц и пояса: шахтёры поясов не любят, без них просторнее.

Этот сам подошёл к Андрею на улице. Сам представился:

— Николай Зубков. По жилищному вопросу.

— Давно из армии? — заинтересовался Андрей.

— Линию Маннергейма брал. Самолично три дота, — браво доложил Зубков. — А сейчас наметил себе для жизни долговременный дот получить. Имею право? — с вызовом спросил он: видно, уже долго ходил по жилищному вопросу. — А может, я жениться хочу? Имею право?

— Имеете... — улыбнулся Андрей.

— А если домов у вас нету, так дайте лес. Я себе сам для своего семейного счастья блиндаж оборудую, — сказал он, чуть дотрагиваясь рукой до топора на плече. Видно, этим крепильщицким топором он и надеялся вырубить себе счастье.

— А что, Виктор, — усмехнувшись, спросил Андрей, — к тебе не приходил крепильщик Зубков по жилищному вопросу?

— Зубков? Н-нет... Не помню! — отозвался Виктор, отмахиваясь от пчелы, вдруг залетевшей в машину.

— Ну, придёт! Я ему записку дал. Ну, а переносчика конвейера Родиона Савчука с шахты «4-бис» знаешь? Встречался с ним?

— Савчук? Это какой же Савчук? — насторожённо следя за пчелой, ответил Виктор. — Впрочем, нет... Не помню...

— Жаль! Он предлагает новый метод переноски конвейера. Очень любопытно!.. Следовало бы поддержать. Захара Ильича Гайдученко ты, конечно, знаешь?

— Гайдученко? Постой! Это у Голубева?

— Нет. У Беловежи. Да, действительно люди не по твоей части! — насмешливо заметил Андрей. — А Гайдученко следовало бы знать. Известный на шахте человек. Мужик умный! Группарторг. Вот посмотри-ка, что он мне тут дал. — Андрей вытащил из кармана узенькую записную книжку в чёрном коленкоре; когда-то у артельщиков были такие книжечки. — Это его дневник. Сам он, впрочем, называет это метеосводками. Вот слушай! «11 июня: вышла из строя врубовка. Простой — 8 часов. 12 июня: сгорел мотор на врубовке. Простой — 8 часов. 13 июня: из-за неполадок на бремсберговой лебёдке стояли 2 часа. 15 июня: сгорели розетки контроллера. Простой — 3 часа. Порвалась цепь транспортёра. Простой — полтора часа. 16 июня: сорван редуктор. Простой — 2 часа...» Да, плохие метеосводки! Пасмурно, пасмурно, слякоть, грязь...

Пчела, обезумев, металась по кабине, встревоженно и тоненько жужжа. Она заблудилась, потерялась в этом незнакомом мире. То кидалась вверх, в простор, в небо — небом оказывалась крыша кабины; то, спасаясь, бросалась к знакомой земле, к цветам и травам — землёй оказалась подушка сиденья. Она уже несколько раз больно ударилась о стёкла; её дважды чуть не прихлопнул с досадой водитель... С помятыми крылышками и совсем одурев, металась она, не находя выхода; она уже обессилела, а жужжание становилось всё жалобнее и тоньше.

Виктор рассеянно следил за её судорогами. Зачем она залетела сюда, в «голубой экспресс»? Здесь цветов нет, здесь только бензиновые запахи, да жаркий стук мотора, да два рассерженных, жёлчных гражданина, — с них сейчас мёду не соберёшь!

— У тебя под землёй сотни коммунистов работают, — продолжал между тем Андрей. — Ты прислушивался к ним? А ты послушай, о чём в партгруппах на участках говорят. Слишком много безобразий, неполадок, мелких ежедневных аварий... Там сломался вал на лебёдке. Там вышла из строя роторная шестерня привода. Там рештаки дырявые...

— Да-а! — промолвил Виктор. — Это верно! — Он сказал это равнодушно, вяло, не для того, чтобы согласиться, не для того, чтобы поспорить, а просто чтобы сказать что-нибудь. Скорей бы уж кончилась эта дорога, а с ней и разговор!

Зачем-то он всё-таки прибавил:

— Что поделаешь! Механизмы изношены...

— Чепуха! — немедленно возразил Андрей. — У нас и новые механизмы в три счёта выходят из строя. Просто отменили повсеместно планово-предупредительный ремонт, вот и авария. Всё штурмуем! В три смены добычу рвём! А от ремонтной смены и следа не осталось...

— Да-а... — опять промышал Абросимов. — Квалифицированных рабочих мало. На лебёдках — девчонки, слесаря — мальчишки... Что сделаешь?

— А девчонок и мальчишек надо учить. Учить! Как у тебя с производственным обучением? Ты интересовался? Нет. А я заглянул. Вот материалы. Слушай!

Теперь пчела вилась у самого носа Виктора. Он отмахнулся от неё — она не улетела: сил не было. Так и жужжала над головой, как муха.

А Андрей всё продолжал говорить... И всё, что он говорил, было справедливо и... нудно, как жужжание пчелы. И на это нечего было возразить. Андрей кругом прав. Виктор кругом виноват, гол и пуст. И оттого, что ответить было нечего, от сознания голой нищеты своей и унижения стал ещё более злиться Виктор. Теперь его раздражали не только слова Андрея, но и тон, и насмешливый, так казалось, прищур его глаз, и брезгливая, прокурорская складка у губ, точно Виктор уже стоял перед партколлегией, а Андрей его судил.

— Как видишь, о крутом переломе к лучшему говорить ещё рано! — сказал Андрей. — Поспешил Гриша Мальцев.

— Ну и что же? — раздражённо спросил Виктор.

— Мне кажется, — строго сказал Андрей, — что следовало бы честно обсудить эту статью на бюро горкома и признать её неверной, дезориентирующей...

— Вот как! И для чего это тебе?

— Мне? — удивился Андрей, но всё-таки улыбнулся. — Мне — для того, чтобы знать, как правильно помочь делу. Тебе — для того, чтобы не упиваться мнимыми успехами...

— А ты не тревожься, не тревожься за меня! — враждебно вскричал Виктор. — Сделай милость, не тревожься!

— Как же мне не тревожиться, Витя? — мягко сказал Андрей.

Но этот мягкий и добрый тон только лучше распалил Виктора. Ага! Знаем эти «дружеские», чуткие, нежные лапки! Знаем эту заботу, эти благочестивые, елейные слова! Не на статью Мальцева — что статья! — на успех, на славу, на триумф Виктора Абросимова, вот на что замахнулся его бывший товарищ! Завидует! Хочет триумф обернуть позором.

— А я не нуждаюсь, слышите, не нуждаюсь ни в вашей помощи, ни в ваших наставлениях! — каким-то самому себе противным, срывающим-

ся, визгливым голосом закричал он и вдруг яростно прихлопнул пчелу — уже беспомощную и молчаливую, но некстати подвернувшуюся под руку. — Не нуждаюсь! Я сам! Сам! Слышите, сам! Один!

— Что ты, Виктор? — изумлённо и испуганно посмотрел на него Андрей.

Но Виктор уже сорвался со всех якорей.

— Это зависть, зависть! — не помня себя, кричал он, а машина меж тем уже въезжала в город. — Ты всегда завидовал мне! Всегда! За всё! И за то, что я удачливей тебя! И за то, что я, а не ты учился в Москве! И за то, что я, а не ты управляющий! И за то, что Даша моя, а не твоя... — но тут он уже сам осекся.

Андрей молча и неподвижно смотрел на него, и взгляд его становился всё холоднее и холоднее...

Машина остановилась...

Они приехали.

Андрей молча взял кепку с сиденья и вышел.

...Когда Виктор, смятённый и взъерошенный и так странно непохожий на счастливого, утреннего Виктора, пришёл домой, Даша в ужасе отшатнулась от него. И тотчас же бросилась к нему тревожно:

— Витя! Ради бога! Да что же случилось?

Он глухо ответил:

— Я, кажется, навеки поссорился с Андреем...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикуемые главы из второй, незавершённой книги романа Бориса Горбатова «Донбасс» по времени действия относятся к предвоенным годам. По замыслу писателя вторая книга должна была открываться главой «Прощание» (уже напечатанной в № 7 журнала «Новый мир» за 1954 год).

Борис Горбатов, как это можно заключить из его авторского плана, предполагал посвятить вторую книгу событиям предвоенной жизни, войны и восстановления.

В третьей, завершающей части романа писатель хотел показать наши дни — борьбу за механизацию Большого Донбасса.

Горбатов прекрасно знал Донбасс, однако он считал, что работа над второй и третьей книгами романа требует от него большой дополнительной подготовки. Едва закончив первую книгу, он одну за другой совершает длительные поездки в Донбасс, встречается там с шахтёрами, горными инженерами, партийными работниками, учёными. Он глубоко изучает материал будущих книг, стремясь как художник заново представить себе с наибольшей широтой и точностью время, уже успевшее стать для нас историей: лозунги сороковых годов, планы и практические задачи, на какие партия тогда нацеливала нашу страну, весь советский народ.

Собственный жизненный опыт всегда играл важную роль в писательской работе Горбатова. Не будет преувеличением сказать, что в судьбах героев романа «Донбасс» Виктора Абросимова и Андрея Воронько писатель отражал свою жизнь и жизнь своего поколения.

Как это видно из коротких дневниковых записей, относящихся к периоду работы Горбатова над второй книгой романа, писатель тщательно обдумывал судьбы своих героев, определяя для себя, как может и должна сложиться их жизнь в военные и послевоенные годы.

Размышляя над жизнью Андрея и Виктора, Горбатов записывает в своём дневнике: «Война прервала все их замыслы, начинания, планы».

Согласно авторскому замыслу Виктора и Дашу осенью сорок первого года направляют на работу в угольные бассейны Востока. Андрей Воронько до последнего дня

остаётся в Донбассе, эвакуирует оборудование, а затем уходит в армию и сражается в рядах шахтёрской дивизии. Впоследствии политработник Андрей Воронько участвует в прорыве Миусфронта. Небезинтересно отметить, что писатель задумывает военную биографию Андрея Воронько, как близкую к своей собственной. В качестве политработника, корреспондента фронтовой газеты «Во славу Родины» он сам был в Донбассе в сорок первом году, в дни отступления, а впоследствии участвовал в боях по прорыву Миусфронта.

В этой же второй книге Горбатов намерен был широко показать борьбу за восстановление родного Донбасса.

«Андрей и Виктор у меня поработают,— записывает он.— Разрушенное восстановят и будут строить новые шахты — шахты будущего».

Большой Донбасс — вот та народнохозяйственная проблема, которая особенно интересовала писателя, занимала его воображение. Этой темой Большого Донбасса Горбатов овладевал настойчиво и постепенно. Ему хотелось прежде всего и больше всего выразить в своих книгах всю силу поэзии труда.

— Если мы не на словах, а на деле вместе с Горьким действительно считаем,— говорил он,— что основным героем наших книг должен стать труд, то откуда моя, например, писательская задача — знать горный труд и людей, творящих этот труд. Знать не вообще, не приблизительно, а с наибольшей точностью; только зная это точно и глубоко, наилучшим образом постигнешь самый дух, поэзию труда.

Очень поучительны скупые записи в дневнике писателя, идущие под рубрикой: «Поговорить, посмотреть...»

Вот как выглядит, например, одна из страничек такого блокнота.

«Поговорить, посмотреть...»

Новая машина проходческая на шахте 17/17-бис.

Проходка ствола.

Закладка шахты.

Работа механика участка.

Маркшейдер на новой шахте.

Врач шахты.

Секретарь горкома (Судейко).

Механик комбината Хорунжий.

Конструктор Хорин.

Профессор Гейер.

Материалы по истории откачки из шахт воды.

Эвакуация из Донбасса.

Горноспасатели.

НИИ (научно-исследовательский институт горного дела в Макеевке).

Мариуполь — музей.

Хомутовская степь».

Этот план писатель выполнил. Подле каждого задания стоит педантичная отметка: сделано.

Он отмечает в блокноте те или иные профессии, которые ему надо изучать: «Работу проходчика. Работу органщика. Работу врубамашиниста».

Рядом с этим — записи, свидетельствующие о всестороннем изучении писателем шахтного хозяйства, разных его участков: «Водоотлив. Кочегарка. Закоулки шахты». И снова чаще всего против этих записей стоит отметка: сделано.

Хорошо, досконально знать то дело, каким живут его герои, было для Горбатова азбукой писательского труда. Живые наблюдения и встречи были основой его творческой работы.

Один из героев романа, горячий, талантливый и честолюбивый Виктор Абросимов, выдвигается по ходу романа в руководителя треста. Горбатов считает, что создание в романе живого образа Абросимова — управляющего трестом — во многом зависит от того, насколько он, писатель Горбатов, будет реально представлять себе всё это сложное хозяйство в масштабе треста. И писатель берётся за изучение этого

хозяйства. Может быть, по ходу романа ему, Горбатову, и не придётся подробно описывать работу шахтёра-органищика, но знать профессию смелого и бесстрашного шахтёра, ставшего органичной крепью, писатель всё равно считает для себя необходимым. Когда потом в романе появится это слово «органищик», оно будет на месте, именно там, где ему и надлежит быть. Ему, писателю Горбатову, очень важно встретиться с донецким профессором Гейером — учёный поможет писателю понять, как именно откачивали затопленные шахты после освобождения Донбасса от гитлеровской оккупации, как и какие механизмы работали на откачке. Ему, человеку, пишущему роман «Донбасс», очень важно встретиться с начальником комбината К. Поченковым, чтобы услышать от него подробный рассказ, с чего начались восстановительные работы в Донецком бассейне. Ведь этим будут заняты Виктор Абросимов и Андрей Воронько!

Из записей в дневнике писателя явствует, что Андрея Воронько снова избирают после войны руководителем городской партийной организации. Писателю Горбатову необходимо знать, какие особенности в работе, какие специфические трудности были у партийного работника в первые годы восстановления. И он записывает себе задание: побывать в Горловке у секретаря горкома партии товарища Судейко. Скупая отметка в дневнике свидетельствует: писатель был, беседовал.

Опыт работы писателя над романом «Донбасс» настолько интересен и поучителен, что, быть может, заслуживает особого и гораздо более широкого освещения, чем в этом кратком послесловии. Здесь мы отметим только одну важную черту в писательском облике Горбатова — он никогда, в противоположность некоторым другим литераторам, не удовлетворялся ни приблизительными, ни обветшалыми знаниями. Родившись и выросши в Донбассе, десятки раз наезжая туда и подолгу живя там, он, однако, считал, что как писатель обязан постоянно пополнять свои знания и наблюдения, не полагаясь на прежние запасы. А это, в свою очередь, значило, что писатель глубоко понимал, какое большое и всё растущее место занимает творческий труд в духовной жизни людей социалистической страны, хорошо видел, как растут и меняются люди, и не желал жить старым капиталом знаний, не желал отставать в своих представлениях о людях от нового, изменяющегося и обогащающегося содержания их жизни.

Тридцать два года назад напечатав свою первую юнкоровскую заметку и свой первый рассказ в донбасской «Кочегарке», Борис Горбатов и последние написанные им в жизни строки посвятил родному краю, гордым именем которого — «Донбасс» — названа последняя, самая зрелая, но, к несчастью, оборванная смертью работа писателя.

**Борис ГАЛИН,
Константин СИМОНОВ.**

С. МАРШАК

★

ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

Из книги „Начало века“

ВЛАДИМИР СТАСОВ

Пыль над Питером стояла,
Будто город дворник мёл.
От Финляндского вокзала
Дачный поезд отошёл.

Закоулочки невзрачные,
Крик торговцев городских
И цветные платья дачные
Петербургских щеголих.

В переулках мало зелени.
Поглядишь — невдалеке
Меж домами, как в расселине,
Дремлет дачник в гамаке.

Но сильнее веет хвойною
Крепкой свежестью в окно.
С косогора сосны стройные
Смотрят вниз на полотно.

Вот и Парголово. Здание
Неприметное на взгляд.
Таратайки в ожидании
Чинно выстроились в ряд.

Не извозчик с тощей клячею
Ждёт у станции господ,—
Тот, кто сам владеет дачею,
Возит с поезда народ.

Гонит мерина саврасого
Мимо сосен и берёз.
— Далеко ли дача Стасова? —
Задаю ему вопрос.

Кто не знает седовласого
Старика-богатыря!
Только дачи нет у Стасова,
Откровенно говоря.

— «Вы племянник или внук его?» —
 — Нет, знакомый.— «Ну так вот.
 Он на даче у Безрукова
 Лето каждое живёт.

Человек, видать, заслуженный.
 Каждый день к нему друзья
 Ездят в дом к обеду, к ужину.
 А Безруков — это я!»

Сосновый двухэтажный дом.
 Стеклянная терраса.
 Здесь наверху перед окном
 Сидит и пишет Стасов.

Громит он недругов в статье,
 Ударов не жалея, —
 Хотя на отдыхе, в семье,
 Нет старика добрее.

Дождь барабанит в тишине
 По зелени садовой.
 А он племянницам и мне
 Читает вслух Толстого.

Или в гостиной, усадив
 Кого-нибудь за ноты,
 Знакомый слушает мотив
 Из «Арагонской хоты».

Во дни рождений, именин
 На стасовском рояле
 Когда-то Римский, Бородин
 И Мусоргский играли.

Тревожил грузный Глазунов
 Всю ширь клавиатуры,
 И петь весь вечер был готов
 Под шум деревьев и кустов
 Шаляпин белокурый.

Сосновый двухэтажный дом,
 Что выстроил Безруков,
 В иные дни вмещал с трудом
 Таковую бурю звуков.

Открыты были окна в сад
 И в полевые дали.
 И все соседи — стар и млад —
 Под окнами стояли.

Вечерний свежий шум берёз
 Был слышен в перерывах
 Да раздавался скрип колёс
 Пролёток говорливых.

Шумел на улице раёк —
Под окнами, у двери.
А тот, над кем был потолок,
Был в ложе иль в партере.

Сидела публика кружком,
А у рояля Стасов
Стоял, узорным кушаком
Рубаху подпоясав.

Смотрел он из-под крупных век,
Восторжен и неистов.
Он прожил долгий, бурный век.
Родился этот человек
В эпоху декабристов.

Он никогда не отступал
В неравном поединке.
Он за «Руслана» воевал
С гонителями Глинки.

Могучей кучки атаман,
Всегда готовый к спорам,
С врагом он бился, как Руслан
С коварным Черномором.

Он был рождён на белый свет,
Когда войны великой след
Был свеж в душе народа:
Прошло всего двенадцать лет
С двенадцатого года.

При этой жизни в даль и глушь
Был сослан цвет России.
При ней страницы «Мёртвых душ»
Печатались впервые.

Ей рубежами служат две
Немеркнувшие даты —
Год двадцать пятый на Неве
И год девятьсот пятый.

Публичная библиотека.
Щитами огорожен стол
Перед окном. Почти полвека
Владимир Стасов здесь провёл.

Осанистый, в сюртук одетый,
Сидит он за столом своим.
Стеной петровские портреты
Стоят на страже перед ним.

Вот бюст Петра. Вот вся фигура.
Внизу латинские слова
О том, что тиснута гравюра
В такой-то год от рождества.

Вот на коне перед Сенатом
Застыл он, обращён к Неве,
В плаще широком и крылатом,
С венком на гордой голове.

Спокоен лик его недвижимый,
Но столько в нём таится сил,
Что этот зал палаты книжной
Он в бранный лагерь превратил.

Недаром меж бессчётных полок,
Похожих на рельефы гор,
Поэт, историк, археолог
Ведут ожесточённый спор.

И убелённый сединами
Хранитель этих тысяч книг
Воюет, боевое знамя
Не опуская ни на миг.

Сейчас он прочитал газету
И так на критика сердит,
Что всем пришедшим по секрету
О чём-то громко говорит.

Вокруг стола стоит ограда —
Щиты с портретами Петра.
Но в этот угол без доклада
Народ является с утра.

Тут и художник с целой шапкой
Задорно вьющихся волос,
И композитор с толстой папкой:
Сюда он оперу принёс.

Но гаснет в небе цвет медовый
Холодной питерской зари.
Внизу — на Невском, на Садовой —
Заговорили фонари.

И Стасов, бодрый и весёлый,
Как зимний день седоволос,
В старинной шубе длиннополой
Выходит в сумрак, на мороз.

Пешком доходит до Фонтанки
И, поглядев на лёд реки,
Садится, не торгуясь, в санки
И долго едет на Пески.

Скользят по Невскому полозья.
В домах зажётся робкий свет.
И лихо пляшут на морозе
Мальчишки с кипами газет.

Бежит седая лошаdёнка,
Бросая снег из-под копыт.
А замороженная конка
На перекрёстке ей грозит.

Но слышен бас: — Правей, разиня! —
И два могучих рысака
В блестящей сбруе, в сетке синей
Взметают снега облака.

Ворча: — Куда вас носит, леших! —
Извозчик убавляет рысь
И тут же сам орёт на пешех:
— Чего заснул? Поберегись!

Просторы Невского покинув,
Он едет улицей немой,
Где двери редких магазинов
Скрежещут яростно зимой.

Но вот подъезд большого дома.
Выходит из саней седок,
Идёт по лестнице знакомой
И сильно дёргает звонок.

Проехавшись по первопутку,
Он стал румяней и бодрей
И, как всегда, встречает шуткой
Своих домашних у дверей.

Ложится в тесном кабинете
На узкий дедовский диван.
Но сна не любит он, как дети, —
Неугомонный великан...

За много месяцев до смерти
Прослушав реквием в концерте,
Он мне сказал, что умирать
Он несогласен. Так ребёнок
На близких сердится спросонок,
Когда ему отец и мать
Напомнят, что пора в кровать.

Хотел он жить и слушать Баха,
И Глинку, и Бородина
И ставить в тот же ряд без страха
Неведомые имена.

Полвека нет его на свете,
Но он такой прорезал путь,
Что, вспомнив прошлое столетье,
Нельзя его не помянуть...

НАЧАЛО ВЕКА

Шумит-бурлит людской поток
На площади вокзальной.
Солдат увозят на Восток,
И говорят, на Дальний.

Дрались их деды в старину
Не раз в далёких странах,
Вели за Альпами войну,
Сражались на Балканах.

Но дальше этих дальних стран
Восточный край державы.
Через Сибирь на океан
Везут солдат составы.

Далёким пламенем война
Идёт в полях Маньчжурии.
И глухо ропщет вся страна,
Как роща перед бурейю.

А здесь — у входа на вокзал —
Свистят городовые...
В те дни японец воевал
Со связанной Россией.

Я помню день, когда войне
Исполнилось полгода.
Кого-то ждать случилось мне
Среди толпы народа.

Ломились бабы, старики
К вокзальному порогу.
Несли мешки и узелки
Солдатам на дорогу.

Вдруг барабан издадека
Сухую дробь рассыпал.
И узелок у старика
Из рук дрожащих выпал.

И, заглушая плач детей,
Раздался у вокзала
Припев солдатский «Соловей»
И посвист разудалый.

Под переливы «Соловья»
Идут — за ротой рота —
Отцы, мужья и сыновья
В открытые ворота.

И хлынул вслед поток живой
Наперекор преградам,
Как ни вертел городской
Конём широкозадым.

Коня он ставил поперёк,
Загородив дорогу,
Но путь пробил людской поток
К воротам и к порогу.

Скользя глазами по толпе,
Бежавшей вдоль перрона,
Смотрел полковник из купе
Блестящего вагона.

Взглянув с тревогой на народ,
Стекло он поднял в раме.

Был пятый год, суровый год,
Уже не за горами.

МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ

Он сухощав, и строен, и высок,
Хоть плечи у него слегка сутулы.
Крыло волос ложится на висок,
А худобу и бледность бритых щёк
Так явственно подчёркивают скулы.

Усы ещё довольно коротки,
Но уж морщинка меж бровей змеится.
А синих глаз задорные зрачки
Глядят в упор сквозь длинные ресницы.

На нём воротничков крахмальных нет.
На мастера дорожного похожий,
Он в куртку однобортную одет
И в сапоги обут из мягкой кожи.

Таким в дверях веранды он стоял,
Поглядывал застенчиво-сурово
И на привет хозяина седого
Басил смущённо: — Я провинциал!

Провинциал... Уже толпой за ним
Ходил народ в театре, на вокзале.
По всей стране рабочие считали
Его своим: «Наш Горький, наш Максим!»

Как бы случайно взятый псевдоним
Был вызовом, звучал программой чёткой.
Казался биографией короткой
Тому, кто был бесправен и гоним.

Мы, юноши глухого городка,
Давно запоем Горького читали,
Искали в каждом вышедшем журнале,
И нас пьянила каждая строка.

Над речкой летний вечер коротая
Иль на скамье под ставнями с резьбой,
Мы повторяли вслух наперебой
«Старуху Изергиль» или «Пиляя».

Товарищ мой открытку мне принёс,
Где парень молодой в рубашке белой,
Назад откинув прядь густых волос,
На мир глядел внимательно и смело.

И вот теперь, взаправдашний, живой,
В июльский день в саду под Петроградом,
Чуть затенён играющей листвою,
Прищурясь, он стоит со мною рядом.

Тот Горький, что мѣрешился вдали
Так много лет, — теперь у нас всецело.
Как будто монумент к нам привезли
И городская площадь опустела.

О нет, не монумент!.. Глухим баском,
С приятным оканьем нижегородца
Он говорит и сдержанно смеётся —
И точно много лет он мне знаком.

Не гостем он приехал в Петроград,
Хоть и зовёт себя провинциалом.
Вербует он соратников отряд
И властно предъявляет счёт журналам.

Так было сорок девять лет назад.

ШАЛЯПИН

В тот зимний день Шаляпин пел
На сцене у рояля.
И повелительно гремел
Могучий голос в зале.

«Шаляпин». Вижу пред собой,
Как буквами большими
Со стен на улице любой
Сверкает это имя.

На сцены Питера, Москвы
Явился он природным
Артистом с ног до головы,
Беспечным и свободным.

Всего себя он подчинил
Суровой, строгой школе,
Но в каждом звуке сохранил
Дыханье волжской воли.

Дрожал многоэтажный зал,
И, полный молодёжи,
Певцу раёк рукоплескал,
Партёр, балконы, ложи.

То — Мефистофель, гений зла, —
Он пел о божестве злата,
То пел он, как блоха жила
При короле когда-то.

— Блоха.
Ха-ха-ха-ха!

Казалось нам, что мы сейчас
Со всей галёркой рухнем,
Когда величественный бас
Затягивал: — Эй, ухнем!

Как Волга, вольная река,
Катилась песня бурлака.
И, сотрясая зданье,
В ответ с балконов, из райка
Неслись рукоплесканья.

Печален был его конец.
Он стал бездомной птицей.
В чужих краях менял певец
Столицу за столицей.

Несли венки из римских лож,
Шумел партёр в Нью-Йорке,
Но не гремела молодёжь
Ладонями с галёрки...

И всё ж ему в предсмертный час
Мерещилось, что снова
В последний раз в Москве у нас
Поёт он Годунова,

Что умирает царь Борис,
И перед ним холсты кулис,
А не чужие стены,

И по крутым ступенькам вниз
Уходит он со сцены.

ЯЛТА

Вот набережной полукруг
И городок многоэтажный,
Глядящий весело на юг,
И гул морской, и ветер влажный.

И винограда желтизна
На горном склоне каменистом —
Всё, как в былые времена,
Когда я был здесь гимназистом,

Когда сюда я приезжал
В конце своих каникул летних
И в белой Ялте замечал
Одних четырнадцатилетних.

Здесь на верандах лёгких дач
Сидел народ больной и тихий.
А по дорогам мчались вскачь
Проводники и щеголихи.

Я видел Ялту в том году,
Когда её покинул Чехов.
Осиротевший дом в саду
Я увидал, сюда приехав.

Белеет стройный этот дом
Над южной улицей узкой,
Но кажется, что воздух в нём
Не здешний — северный и русский.

И кажется, что, не дыша,
Прошло здесь пять десятилетий,
Не сдвинув ни карандаша
В его рабочем кабинете.

Он умер, и его уход
Был прошлого последней датой...
Пришёл на смену новый год —
Столетия нынешнего пятый.

И тихий Ялтинский курорт
Забушевал, как вся Россия.
И Ялтой оказался порт,
Суда морские, мастерские.

Идёт народ по мостовой.
Над набережной вьётся знамя.
И «Варшавянку» вместе с нами
Поёт у пристани прибой.

Пусть море грохает сердито
И город обдаёт дождём, —
Из Севастополя мы ждём
Эскадру под командой Шмидта.

Она в ту осень не придёт...
Двенадцать лет мы ожидали,
Пока на рейде увидали
Восставший Черноморский флот.

ИЗ МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

С марийского

ЗЕЛЕНА В ЛЕСУ БЕРЕЗ ЛИСТЫ..

Зелены в лесу берёз листы —
Всё же лент не заменили.

Белые черёмухи цветы
Жемчугов не заменили.

Мягкость мака, нежность лепестков
Шёлка всё ж не заменили.

А пушинки одуванчиков
Пуха для перин не заменили.

Нам неграмотный жених — на кой!
Мы его учёным заменили.

ВОЗЛЕ РЕЧКИ

Утром к реченьке сошла я,
Ради ландыша сошла я,
К быстрой вечером сошла я,
Ради мил-дружка сошла я.

Что ж, давай, друг, рядом встанем,
Так пойдём — мостки чтоб пели,
Так друг другу в очи глянем,
Чтобы очи потемнели.

ЧУДО

Лишь ветвистый вяз средь поля
Снег осыпал...
Что за чудо?

Лишь черёмуху средь сада
Дождь обрызгал...
Что за чудо?

Лишь в одной избе средь лета
Лёд на окнах...
Что за чудо?

Год любила — вдруг остыло
Сердце к парню...
Что за чудо?

А к другому — так, со взгляда,
Вдруг пристало...
Что за чудо?

ЧЕМ ЖЕ ПОСИДЕЛКИ ХОРОШИ?

Чем же посиделки хороши,
Уж не тем ли, что поют там песни?
А меня как раз из-за тебя
Посидеть, попеть не отпустили.

Чем вся улица так хороша,
Уж не тем ли, что по ней гуляют?
А меня как раз из-за тебя
Погоулять по ней не отпустили.

Чем же ярмарка так хороша,
Уж не тем ли, что товаров много?
А меня как раз из-за тебя
В косу лент купить не отпустили.

Чем же угол улицы хорош,
Уж не тем ли, что с тобой там встреча?
А меня как раз из-за тебя
На свиданье и не отпустили.

С НАСТУПАЮЩЕЙ ВЕСНОЙ...

С наступающей весной
Листья распускаются,
И про нас, мой дорогой,
Толки начинаются.

Летом все цветы цветут,
На ветру качаются,
И про нас, мой дорогой,
Слухи распускаются.

Осень тронет лес едва —
Листья осыпаются,
И на свадьбе, как листва,
Сплетни разлетаются.

КОЛЬ ГУЛЯТЬ — ТАК УЖ ГУЛЯТЬ...

Коль гулять — так уж гулять,
С парнем стоящим гулять,
Чтобы сплетни никакие
Не могли огня унять.

Коли жить — так надо жить,
 С настоящим мужем жить,
 Чтоб завидовали бабы,
 Чтоб самой весь век любить!

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ...

Если говорить о лучшей жизни,
 Где найдёте лучше нашей?
 И дышать легко и жить привольно —
 Хочется нам жить и жить на свете!

Если говорить нам о работе,
 Где найдёте лучше нашей?
 Кровь кипит, поёт душа хмельная —
 Хочется работать и работать!

Если говорить о разных странах,
 Где найдёте лучше нашей?
 Родину, как сонимак¹ прекрасный,
 Хочется нам славить — славить песней!

Перевод С. Поделкова.

¹ Сонимак (горно-марийское наречие) — чудодейственный, сказочный цветок.

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЕЛИКИЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА

К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина

Отмечая семидесятипятилетие со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, ученика, ближайшего соратника и великого продолжателя дела гениального Ленина, советский народ, а вместе с ним трудящиеся всего мира, всё свободлюбивое человечество обращают свои взоры к славной Коммунистической партии Советского Союза, верным сыном которой он был.

Вся жизнь и деятельность И. В. Сталина неразрывно связана с историей Коммунистической партии, с её героической борьбой за освобождение трудящихся от эксплуатации, за избавление человечества от угрозы истребительных войн, за светлое будущее и счастье народов на всём земном шаре.

В. И. Ленин впервые в истории марксизма разработал цельное, стройное учение о партии как руководящей организации пролетариата, основном оружии, без которого трудящиеся не могут завоевать и укрепить диктатуру пролетариата, добиться торжества социализма и коммунизма. В. И. Ленин строил партию большевиков как партию нового типа, отличную от партий II Интернационала, как партию пролетарскую, боевую, революционную, способную повести рабочий класс на свержение капитализма и обеспечить построение коммунизма.

Творчески развивая марксизм, В. И. Ленин далеко вперёд двинул марксистскую науку о законах общественного развития, о законах классово-борьбы пролетариата. Он прозорливо видел пути дальнейшего развития человечества в условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций. В. И. Ленин дал гениальный анализ международной обстановки и особенностей исторического развития России, вооружил партию новой теорией и тактикой победоносной социалистической революции.

На основе глубокого изучения закономерностей развития империализма В. И. Ленин обогатил марксизм великим научным открытием: сформулировал и обосновал гениальный вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Эта новая, законченная теория социалистической революции стала всепобеждающим оружием в руках большевистской партии.

В строительстве партии В. И. Ленину неутомимо помогал И. В. Сталин. С юношеских лет вступив на путь революционной борьбы за интересы трудящихся, он стал верным последователем В. И. Ленина, пропагандистом его идей. «Что касается меня, — говорил И. В. Сталин, — то я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником». Высоко неся знамя ленинизма, И. В. Сталин неуклонно защищал идеологические, организационные, тактические и теоретические основы партии от

покушений явных и скрытых врагов марксизма, неустанно боролся за единство и сплочённость партийных рядов.

Созданная и выкованная гением революции Лениным, партия большевиков возглавила и повела наш народ на штурм царизма, на борьбу против гнёта помещиков и буржуазии. Благодаря партии, под её руководством, эта борьба завершилась всемирно-исторической победой Великой Октябрьской социалистической революции. Партия организовала союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась установления диктатуры пролетариата в нашей стране, подняла к сознательному творчеству широчайшие народные массы. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма.

В. И. Ленин разработал программу строительства социализма в нашей стране, определил перспективы социалистического переустройства России, задачи партии и народа, обеспечивающие достижение этой великой цели. Развитие индустрии, приобщение крестьянства к социалистическому строительству с помощью кооперации и культурная революция — таковы основные звенья ленинского плана строительства социализма.

С первых лет советской эпохи И. В. Сталин был ближайшим соратником В. И. Ленина в деле строительства и укрепления первого в мире государства трудящихся. В тяжёлую пору гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции И. В. Сталин выполнял многие ответственные поручения Коммунистической партии и лично В. И. Ленина, отдавая все свои силы, энергию и волю на благо Родины, советского народа.

После кончины В. И. Ленина Коммунистическая партия под руководством Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным повела наш народ по ленинскому пути.

Верная знамени В. И. Ленина, Коммунистическая партия направила революционную энергию народа на воплощение в жизнь ленинской программы превращения экономически отсталой России в могучую социалистическую державу. Взяв решительный курс на построение социализма в СССР, партия сокрушила всех врагов ленинизма, врагов народа — троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов, пытавшихся свернуть партию с ленинского пути, расколоть её, подорвать в рабочем классе веру в его могучие творческие силы.

Развивая ленинскую теорию о возможности построения социализма в одной стране, партия доказала, что рабочий класс в союзе с крестьянством может собственными силами построить социалистическое общество, может утвердить новую жизнь без буржуазии и против буржуазии.

Коммунистическая партия Советского Союза — мудрый коллективный вождь и боевой организатор народа, могучая вдохновляющая и организующая сила советского общества. За короткий исторический срок советский народ под руководством Коммунистической партии и её Центрального Комитета, возглавляемого И. В. Сталиным, покончил с многовековой политической и экономической отсталостью нашей страны. СССР стал могущественной индустриально-колхозной социалистической державой, возглавляющей мировой социалистический лагерь, стал прочным оплотом мира и демократии во всём мире.

Источником крепости и непобедимости Советского государства является нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Ленин и Сталин видели в союзе рабочего класса и крестьянства высший принцип диктатуры пролетариата.

Основой основ многонационального Советского государства является дружба народов. Руководствуясь ленинско-сталинской национальной политикой, Коммунистическая партия сплотила все народы нашей Родины в единую братскую семью — великий Союз Советских Социалисти-

ческих Республик. Дружба народов стала могучей движущей силой развития социалистического общества. Коммунистическая партия неутомимо воспитывает трудящихся в духе дружбы и братства народов, в духе пролетарского интернационализма.

Серьёзнейшей проверкой силы и жизненности социалистического общественного и государственного строя явилась Великая Отечественная война. В годы войны Коммунистическая партия выступила как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. В условиях тяжёлых испытаний она действовала как единая боевая организация, крепкая монолитной сплочённостью своих рядов и своим нерасторжимым единством с народом. Решением Центрального Комитета партии и Советского правительства во главе Вооружённых Сил Советского Союза был поставлен И. В. Сталин.

Под руководством Коммунистической партии и её Центрального Комитета народы нашей Родины отстаивали завоевания социализма от фашистских агрессоров, спасли человечество от угрозы фашистского порабощения.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда и во всём побеждала и побеждает верностью свяшенным принципам марксистско-ленинской теории. История партии — это марксизм-ленинизм в действии. Марксизм-ленинизм вооружает партию и народ знанием объективных законов развития общества, законов классовой борьбы и социалистической революции. Он научно выражает потребности материальной жизни общества, коренные жизненные интересы народных масс. Выводы и положения марксистской теории, являясь итогом развития всех областей знания и обобщением революционного опыта трудящихся, позволяют партии вырабатывать правильную, научную политику, дают массам ясность цели, ясность реальной перспективы.

Коммунистическая партия — боевой знаменосец идей великого всепобеждающего учения — марксизма-ленинизма. В документах партии, в работах её руководящих деятелей марксизм-ленинизм получает дальнейшее развитие.

И. В. Сталин, обобщая опыт партии и народа, творчески развил марксистско-ленинское учение применительно к новым условиям и в ряде вопросов обогатил революционную теорию новыми положениями. Он дал ответы на многие важнейшие вопросы, которые выдвигались практикой социалистического строительства.

В трудах И. В. Сталина получили развитие и конкретизацию марксистско-ленинские положения о закономерностях социалистического этапа общественной жизни, о переходном периоде от социализма к коммунизму, о государстве при коммунизме, об изживании существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

В произведениях И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм» дана дальнейшая разработка национального вопроса. И. В. Сталин указал на значение экономических условий жизни общества в образовании наций и национальных государств, разработал вопрос о нациях буржуазных и нациях социалистических.

И. В. Сталин обосновал методы осуществления социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Развивая ленинский кооперативный план, И. В. Сталин раскрыл роль и значение различных форм кооперации в подготовке коллективизации сельского хозяйства, значение сельскохозяйственной артели как главной формы производственного кооперирования мелкого крестьянского хозяйства, роль машинно-тракторных станций и совхозов в социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Опираясь на исходные положения, данные в трудах основоположников марксизма-ленинизма, И. В. Сталин сформулировал основной экономический закон социализма и закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства при социализме.

Исходя из классических указаний Ленина об экономической и политической сущности империализма, И. В. Сталин в своих работах «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма», «Экономические проблемы социализма в СССР» доказал, что современный капитализм находится в состоянии общего всестороннего кризиса, охватывающего как экономику, так и политику капиталистической системы. Он дал подробный анализ особенностей развития этого кризиса, составной частью которого явился кризис колониальной системы империализма, сформулировал основной экономический закон современного капитализма.

И. В. Сталин развил взгляды классиков марксизма-ленинизма по ряду важных вопросов культуры и культурной революции, сформулировал положение о советской культуре, социалистической по содержанию, национальной по форме.

Утверждение классового характера культуры — одно из главнейших положений марксизма-ленинизма. Ленинский принцип партийности литературы и искусства является важнейшим вкладом в науку об обществе. Ленинская теория отражения — это тот фундамент, на котором покоятся главные положения современной научной теории искусства. Отражение жизни в искусстве рассматривается как один из важнейших элементов общественной практики.

Исходя из ленинского положения о партийности литературы, И. В. Сталин указывал, что писатели в своих произведениях должны правдиво отображать социалистическую действительность, смело и честно показывая жизненные противоречия и конфликты, способствуя своим творчеством достижению победы нового над старым, отживающим.

Ленин указывал, что правдивая, реалистическая литература должна быть тесно связана с народом, с его жизнью. Народ не только имеет право на искусство — он является его создателем, творцом. Утверждение неразрывной связи передового искусства с народом закономерно вытекает из ленинского понимания природы искусства и литературы.

Марксистско-ленинское учение о происхождении и преобразующей роли общественных идей получает дальнейшее развитие в работах и выступлениях И. В. Сталина. Своими трудами и указаниями он способствовал формированию принципов метода советского искусства — метода социалистического реализма, — разработке важных проблем, проблем марксистского языкознания, правильному пониманию вопроса о базе и надстройке.

В своей деятельности Коммунистическая партия руководствуется великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Горячую любовь и безграничное доверие всего многомиллионного советского народа партия завоевала своей самоотверженной борьбой за дело трудящихся. Партия коммунистов — подлинно народная партия, она крепко связана с массами трудящихся, верит в силы народа и выражает его интересы.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия и Советское правительство выработали и неуклонно проводят в жизнь научно обоснованную и практически проверенную политику, определяющую цели и задачи советского народа в борьбе за коммунизм.

Решающее условие перехода от социализма к коммунизму В. И. Ленин видел в мощном подъеме производительных сил страны, в росте и совершенствовании материально-технической базы социализма. В. И. Ленин указывал, что поднятие производительности труда в конечном счёте яв-

ляется самым главным условием для победы коммунизма. Осуществляя это ленинское указание, Коммунистическая партия и советский народ добились немалых успехов в повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Достижение новых, ещё более значительных результатов в этой области партия рассматривает как важнейшую задачу, от решения которой зависит наше дальнейшее продвижение к коммунизму.

Преобразующая, творческая роль марксизма-ленинизма ярко проявляется в решении новых насущных задач коммунистического строительства, поставленных перед партией и советским народом историческими решениями XIX съезда КПСС. Успехи, достигнутые в развитии основы основ социалистической экономики — тяжёлой промышленности, — подготовили условия для крутого подъёма производства предметов народного потребления. Коммунистическая партия и Советское правительство выработали широкую программу развития сельского хозяйства, лёгкой и пищевой промышленности, с тем чтобы уже в ближайшие годы в достатке удовлетворить растущие материальные и культурные потребности трудящихся масс.

Главным звеном в решении этой исторической всенародной задачи является обеспечение всемерного подъёма всех отраслей социалистического сельского хозяйства. В решениях сентябрьского (1953), февральско-мартовского и июньского (1954) Пленумов Центрального Комитета КПСС намечены необходимые и неотложные меры, позволяющие добиться быстрого роста сельского хозяйства.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, с исключительным энтузиазмом ведёт борьбу за проведение в жизнь этих мероприятий.

Коммунистическая партия неустанно заботится о расцвете социалистической культуры, об умножении духовных богатств нашего народа, о дальнейшем развитии народного образования, науки, литературы, искусства. Она всегда вела и ведёт упорную и непримиримую борьбу против буржуазной идеологии в области науки, философии, литературы, искусства.

Труды В. И. Ленина, И. В. Сталина, исторические решения Центрального Комитета нашей партии по вопросам литературы и искусства определяют основные задачи работников идеологического фронта. Вся идеологическая работа в нашей стране направлена на дальнейшее повышение коммунистической сознательности советских людей, на достижение новых успехов в коммунистическом строительстве.

Наша партия сильна тесным единством с народом. Исходя из признания роли народа как творца истории, партия коммунистов не только учит массы, вооружая их научно обоснованной теорией и практической программой действия, но и сама учится у масс. Она внимательно изучает опыт трудящихся, выявляет всё новое, передовое и способствует его развитию.

Коммунистическая партия Советского Союза неуклонно проводит в жизнь ленинский принцип коллективности руководства. Коллективная мудрость Центрального Комитета КПСС, использующего в своей деятельности широкую инициативу кадров и колоссальный опыт, накопленный партией, обеспечивает правильность руководства страной.

Успехи строительства коммунизма в СССР имеют огромное международное значение. Они ярко демонстрируют превосходство социализма над капитализмом, укрепляют демократический лагерь, выросший после второй мировой войны. Коммунистическая партия и Советское правительство борются за всемерное развитие экономических связей и установление дружеских отношений Советского Союза со всеми странами земного шара. Советское государство последовательно осуществляет миролюбивую

вую внешнюю политику, которая была разработана В. И. Лениным и настойчиво проводилась в жизнь И. В. Сталиным.

Наша внешняя политика — политика мира и дружбы между народами — служит решающим препятствием для развязывания новой мировой войны, отвечает кровным интересам всего человечества. Она исходит из ленинского положения о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической. Мысль о сотрудничестве двух систем, говорил И. В. Сталин, была впервые высказана Лениным: «Ленин — наш учитель, а мы, советские люди — ученики Ленина. Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина».

Под знаменем великого, всепобеждающего марксистско-ленинского учения советский народ, руководимый Коммунистической партией, уверенно идёт вперёд, к коммунизму. Под этим знаменем трудящиеся народно-демократических стран в Европе и Азии победоносно строят основы социализма. Идеи Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина овладевают сознанием всё новых и новых миллионов людей. Они освещают всем народам мира путь к свободе и счастью.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЮЛИАН ТУВИМ

★

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ „ЦВЕТЫ ПОЛЬШИ“

С польского

..*

О лимфатические дети
Балут!¹ О лиц их острота!
(Как будто вырезаны эти
Черты из серого листа.)
О призрачные человечки,
О маленькие старички,
Пускающие челночки
Бумажные по грязной речке,
Что от фабричных сточных вод
Так жирно, радужно цветёт!
Мечты плывут за челночками,
Плывут и крысы за мечтами...

.
Иных не нужно мне чудес.
Признаться, если сердце здесь²
По европейским водам тужит,
Так только по вонючей луже,
В которой детская рука,
Мелькая в сумерках, пускает
Корабль нежнее мотылька...
Но вот уж золотарь въезжает
Во двор на бочке; во дворе
К зловонной, мерзостной дыре
Детей он сразу увлекает.
Затем является во двор
Артист блистательный — жонглёр,
Всегда, повсюду окружённый
Детей толпою восхищённой.
Линялый расстелив ковёр
И сняв пальто, он остаётся
В телесном, с пестрядью, трико;
И вот по воздуху легко
Бутыль восьмёрками несётся,
За ней вторая. Посмотри —
Теперь уже их целых три!

¹ Предместье Лодзи.

² Стихи написаны в годы войны, в Южной Америке.

На небе дети. Я же ниже.
Я на земле. Стою, застыв,
Среди полей. Вокруг колышет
Летучий вихрь колосья нив,
Ласкает их, играет ими,
А вместе — мыслями моими:
Что нету хлеба у людей,
Что голод в их глазах лучистых,
Что, несмотря на ширь полей,
Таких богатых, колосистых,
То золотых, то серебристых,
На щедрость добрых летних дней,
На свет небес лазурных, чистых,—
Для бедняков, для их детей
Осталась вонь балутской грязи,
Да стая крыс, укусы вшей,
Да той клоаки безобразье!..
Так где же, наконец, ответ?
Ужель ищу его напрасно?
Нет, непонятен божий свет —
Зловещий, жалкий и прекрасный.

Промчалось двадцать восемь лет,
А мне, как прежде, всё неясно.

Бродяга, царь дорог, в пыли
Стою я у крестьянской хаты.
Соломою стрехи покатою
Она касается земли.
Она в лишайники одета;
Мох серый из щелей торчит,
Как волос на груди у деда,
Который на крыльце сидит
И тянет дым махорки чёрной...
В сенях же — допотопный жёрнов
И поросёнок, он упорно
В помои лезет и хрипит.
А в хате на столе стоит
Похлёбки жидкой, постной миска —
Одна на шестерых. И низко
Над внука головой склонясь,
Старуха ищет... Дым, вонь, грязь,
А на полу — младенцы, куры,
Хлеб кисел, жёсток и тяжёл,
И весь такой же чёрствый, бурый,
Как этот глинобитный пол...
У доброй пани Михаловой
Я выпиваю молока
И — в путь. Дорога далека.
И снова думаю, и снова
Рвёт, мнёт, крошит моя рука
В негодовании и злости
Густые спелые колосья.
Внезапной яростью объят,
Что я топчу и истребляю?
Несчастье? Счастье? Я не знаю.

Но в гневе мчусь я, как снаряд,
 Детей из Лодзи вспоминаю
 И всей мужицкой жизни ад!
 А, глянь, от краю и до краю
 Поля так щедро хлеб родят,
 Так в золоте лучей горят!
 Да, я снаряд! Снаряд, готовый
 Взорваться нынче поутру!
 Разрушу! И построю новый!
 Я вырву зло! Сотру!

..*

Из синева возник дворец
 И окнами пылает.
 Король Варшавский наконец
 На троне вопрошает:
 «Как в Лодзи у меня живут
 Мальчишки славные с Балут?»

Открыл гофмейстер двери вдруг,
 Подходят к трону ближе
 Пила и Соня, Мышь и Лук,
 И Хромоног, и Рыжий.
 «Мои!» — король провозгласил.
 «Твои!» — весь хор их подтвердил.

«Как вы живёте, расскажите, —
 Стал их расспрашивать король. —
 Обиды, жалобы несите,
 Поможем вам, излечим боль».

Так затрещали в тронном зале,
 Что все министры убежали.

Так говорили, как пятьсот
 Пичуг чирикают с высот.

Твердили жалобы свои,
 Как мартовские воробьи.

С владыки не спускали глаз...
 И вот король прочёл приказ:

«Мы, божьей милостью, Варшавы
 Король великий, и маркграф
 Балутский, герцог Лютомерский,
 Бжезинский, Радогоский, Эгерский,
 Граф Хойновиц и Побяниц,
 Роговы, Рудзы, Жаковиц,
 Горы Вишнёвой и Крашевы,
 Стрыковы, Гловни и Видзеви¹
 И прочих лодзинских застав, —
 Навек мальчишеское право
 Провозглашаем:

I. Все дворы
 Свободны для любой игры.
 II. Даём мальчишкам во владенье

¹ Здесь перечислены названия рабочих предместий Лодзи.

Из шлангов улиц орошение.
III. В уборную свободный вход
Теперь имеет даже тот,
Кто на чужом дворе живёт,
А злой обычай вековой,
Что «ключ у дворника», — долой!
IV. Свободно плавать по канавам
И лужам. V. Обладают правом
Все мальчики в подвал входить
И там добро своё хранить.
VI. В мороз все могут невозбранно:
1) Влезть в сени дома № 6 —
Горячая там стенка есть
И пахнет хлебом; 2) У Гриншпана
Набрав рогож, под ними спать;
3) Со всех телег таскать солому;
4) С платформ мешки и тряпки брать,
Чтоб ими плечи укрывать;
5) Кокс поджигая, возле дома
Сидеть на корточках; 6) Ломать
Заборы на растопку. VII. Стены,
Сад стерегущие кругом,
Отныне посыпать стеклом
Не смеют, — надо непременно
Доступным сделать сад для всех,
Чтоб всякий лазил без помех.
VIII. На козлы лезть, брать в руки вожжи
Отныне детям разрешить.
Хромого же — он влезть не может —
Возница должен посадить.
IX. Плоды от дерева любого —
Тому, кто дерево тряхнёт.
X. Коль чижик дыбом встал, весь счёт
В игре начать должны все снова.
XI. Игре же «в классы» много зла
Принесено той мыслью вредной,
Что, мол, черта, что стала бледной,
Необязательна была.
(«Я говорил!» — взглянув победно
На Рыжего, шепнул Пила.)
XII. По делу прятки: 1) Лишь последний
Водить обязан; 2) Выручать
Лишь так: рукой в окно стучать.
Всё остальное незаконно.
XIII. Коль змей, едва начав взлетать,
Вдруг, зацепясь за край балкона,
Застрянет, можете пройти
Через квартиру и спасти.
XIV. Нуждающимся в изученье
Вопрос о «блошках» признан. Рад
Его б решить, но ваш доклад
В душе у нас родил сомненья:
Ведь пальцы не одной длины
Природой игрокам даны,
Отсюда правил прежних лживость
И всей игры несправедливость —

Кто очень молод, ростом мал,
 Тот непременно проиграл.
 XV. О сюртуках. В своём прошенье
 Вы ждёте Нашего решения.
 Да, ваши доводы умны
 И справедливости полны.
 Насмешки вытерпеть не просто,
 А мальчик маленького роста
 В отцовском сюртуке до пят
 Смешит и взрослых и ребят.
 Когда шагает он из школы,
 Ему кричат: «Спектакль весёлый!»,
 «Потеха!», «Шутовской наряд!»
 Портным отныне повелят
 Обрезать ребятам полы.
 XVI. На перья ныне курс такой:
 За два рондо — одно простое.
 XVII. Вы просите, чтоб чаще втрое
 Жуки ловились. Всей душой
 Мы чтим желание такое.
 Но не у короля в руках
 Жуки, он тут не полномочен,
 Давайте же попросим очень
 Весну-царевну о жуках.
 XVIII. По Нашей Королевской воле
 Отныне Нами утверждён
 Статут Трамвайный и Закон:
 1) Никто теперь не смеет боле,
 Покинув на «кольце» вагон,
 Бросать билет. Билетом этим
 Владеть уже не вправе он,
 А должен быть билет вручён
 Немедля проходящим детям;
 2) Коль на «кольце» трамвай стоит,
 В него мальчишкам вход открыт;
 К машинам можно им пробраться;
 Никто не смеет запретить
 Им «трогать ручку» и «звонить»;
 3) Но запрещается: а) кататься
 На буферах, б) и прицепляться
 К прицепу, в) на ходу влезать,
 г) на рельсах бегать и играть.
 Вы говорите, что успеем,
 Мол, выпрыгнуть. Таким затеям
 Не верим. (Стукнул о порог
 В знак подтвержденья Хромоног.)
 И сильно сомневаться смеем,
 Чтоб в золото порою мог
 Затвердевать на рельсах ток.
 XIX. Мы бесконечно сожалеем,
 Но выполнить не удалось
 Нам ваших некоторых просьб:
 1) Чтобы пожарные вас брали
 С собою на пожар; 2) Чтоб вас
 С лесов строительных спускали
 В пустых ведёрках. (Что «не раз

Уж это было», что «покажем
Мы это королю» — для нас
Нисколько не резон. Мы скажем,
Что вовсе не хотим смотреть,
И с этим приставать — не сметь!);
3) Решеньем Нашим непреклонно
Да будет вам запрещено
Взрывать на улицах пистоны,
На пасху ль, в будни — всё равно.

Мы этим пунктом завершаем
Огромный список ваших прав.
Мы вам лишь мелочь запрещаем.
Так много привилегий дав,
Мы верим вам и уповаем,
Что вы, столь щедрый дар приняв,
Его достойны. Обещаем
Щедрот монарших новый рой
И много милостей и ласки.
Вот подпись собственной рукой:
Добрейший Ян, король Варшавский.
Печать же ставим Мы Зарёй
Свободы, что глядит в оконце
И уж выводит за собой
Спасенья солнце.

Ну, юность, счастьем стань! Пора!
Ну, мальчики, виват, ура!
Пусть грянут ваши восклицанья
Во славу радости!»

Молчанье.

Стоят насупившись. В паркет
Глядят с угрюмою тоскою.
Весь мир для них покрылся тьмою.
Нет, этого не ждали. Нет!..
И кажется — под плач и стоны
Они сейчас покинут свет!..
Ужасный, тягостный запрет —
Пистоны!

Вздохнули Лук, Пила и Мышь,
Хромой и Рыжий: «Тоже! Ишь!
Как быть теперь? Скажите честно.
Уж если в праздник не палить,
Так то не праздник. Как же быть?
Нам так не интересно».

.
.

Король, сурово жмуря глаз,
Так им сказал с усмешкой тайной:
«В такой печали чрезвычайной
Неплохо и утешить вас.
В мой сад гулять вы отправляйтесь!
Ворота, шире открывайтесь!»

ПИКНИК

По траве блестящей,
По свежему лугу
В снежных юбках ходят панны,
Гуляют по кругу.

Панны не простые —
Мастеровы дочки,
Поверх кофточек сверкают
Бусы на шнурочке.

Облачком тумана
Подлетели к милым,
Розовым благоухая
Над лугами мылом.

— Паны кавалеры,
Мы вас просим, просим,
На траве белеет скатерть,
Кушанья подносим.

На скатерти — булки,
Огурцы и кильки.
Сели есть — и не осталось
Ни шкурки, ни жилки.
От бубликов, от баранок
Проглотили дырки.

Кушали колбасы,
В горчицу макая,
В полную заедут банку —
И она пустая.

С громким треском, с хрустом
Грызли корнишоны,
Шкварки прыскали, шипели
В капусте тушёной.

Воблы и селёдки,
Копчёные рыбы,
Если б у вас ножки были,
Всё же не ушли бы.

Масло золотое
На слипшихся шпротах,
Есть в роульмопсах деревяшки —
Что ж, туда же, в рот их!

Ох, вишни, черешни!
Прекрасные панны
Вас трясли, трясли с деревьев,
Наполняя жбаны.

Воробьи слетятся,
Чтоб склевать остатки,

Но и косточек не сыщут,
Так черешни сладки.

После подносили
Кавалерам панны
Вафли, пончики с повидлом,
Крем благоуханный,

Маковки, ириски,
Мягкие тянучки,
Ломтики рахат-лукума,
Сахарные штучки.

Мёда ком рубили
Топором на части,
Пальцы липнут, зубы вязнут —
Вот какие сласти!

Эти яблоки на палках
Сладки и пригожи!
Леденцы ещё послаще
И на палках тоже.

Запивали хлебным квасом,
Содовою с соком:
Малиновый, апельсиновый
Хлынули потоком.

Если ложкой помешаешь,
Зашипит в них пена,
Пузырёчки в нос ударят,—
До чего отменно!

Перевод Николая Чуковского.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

С. ЗАЛЫГИН

★

РАБОТАЯ НАД ОЧЕРКОМ...

Когда вы делаете какое-нибудь дело, увлечены им, спешите, даже если вас и не торопят, вы, наверное, помните, как это бывает: хочется не потерять и одну мысль, пришедшую во время работы, и другую, что-то додумать до конца по поводу возникших у вас сопоставлений, даже давно известные вам, устоявшиеся факты во время такой работы нет-нет да вдруг и получают какой-то совсем новый, неожиданный оттенок, даже вспомнившиеся случаи из собственной жизни вдруг иногда предстанут перед вами, как совсем новые, незнакомые, чужие. Надо бы всё это запомнить, записать, что ли, но некогда, вы спешите к цели...

А когда цель достигнута, плохо ли, хорошо ли, но работа сделана, вы, оказывается, уже не помните или помните не совсем точно, как это было. Что это были за мысли, какие рождались сопоставления?..

Но всё-таки что-то запомнилось. Это не система мыслей, фактов, наблюдений, это, скорее всего, впечатления, но, может быть, и они дадут что-то для дальнейшей работы?

Мне кажется, в жизни есть целый ряд таких специфических фактов и событий, которые при литературном изображении не укладываются ни в какие другие рамки, кроме очерка. Наличие таких фактов лишний раз свидетельствует о правомерности очеркового жанра.

Что же это за факты?

На строительстве Цимлянской ГЭС работали в одном отряде три водолаза. И вот какая судьба у этих людей.

Три товарища донской станицы Романовской учились в девятом классе. Когда наступила война и эта территория была оккупирована, они нашли подпольный райком комсомола, вступили в комсомол. Райком перебросил их через линию фронта, они вступили в действующую Советскую Армию. Потом все трое попали в школу военных водолазов, все трое кончили её и вместе воевали. Воевали и героически работали, поднимая со дна Азовского и Чёрного морей затопленные корабли. Все были награждены орденами. После войны вместе были демобилизованы.

Вернулись в родную станицу на две-три недели, отдохнуть. В самом деле, что делать водолазам в степи? Отдохнуть, а потом в какой-нибудь портовый город.

Но вот встретил их старый школьный учитель Василий Васильевич Шевченко. Учитель посоветовал друзьям остаться на Дону: и здесь найдётся для водолазов работа. Ещё старый учитель поведал друзьям о таком событии.

Когда несколько лет назад, рассказал он, друзей перебросил через линию фронта подпольный райком, секретарь этого райкома Иван Смолин, юноша, прихрамывающий на одну ногу, возвращался домой по степи.

По следам на только что выпавшем снегу оккупанты выследили Смолина, схватили и жестоко с ним расправились: они много раз опускали его в прорубь, неподалёку от того места на Дону, где гордо высятся сейчас Цимлянская ГЭС. Местные жители нашли труп Ивана Смолина и тут же похоронили его. Там и сейчас его могила. Три товарища пошли на эту могилу и поклялись работать на строительстве ГЭС так, как будет велеть им их комсомольская совесть.

И вот, когда при перекрытии Дона покосился один из ряжей и над работами по засыпке прорана с эстакады, которая опиралась на ряжевые опоры, нависла страшная угроза, эти три человека по очереди опускались на дно, чтобы выправить ряж на домкратах.

Но нужно видеть бушующий проран — это узкое, метров в восемьдесят—девятьюсто отверстие в дамбе из каменной наброски, через которое устремляется с рёвом мутная лавина Дона!

Водолазов выносило течением. И только тогда они удержались на дне, когда их стали привязывать к рельсам весом в пятьсот килограммов. Вот эти факты, эти события — разве они уложатся в рассказ? Нет, прочитав такой рассказ, читатель скажет: «Это выдумка писателя!» И только очерк вызовет полное доверие читателя к материалу, потому что он знает: очерк — это повествование о реальных фактах, о живущих людях. Очерк выбрал из общей массы, очертил своими рамками какие-то определённые, значительные факты — вот они, читайте о них, думайте, учитесь на них жить! Герои этого события — Сергей Веселовский, Михаил Лесин, Александр Назаренко.

Другой случай.

Писатель Алексей Кожевников написал роман «Живая вода». В одном из его героев я узнал инженера Александра Георгиевича Турбина. Это мой товарищ, пять лет мы прожили с ним в одной комнате студенческого общежития.

Он приехал к нам в институт в бакилах, этот крестьянин, и поражал нас своей усидчивостью, работоспособностью, упорством. После окончания института он воевал. Его рота была отрезана, и много дней он оставался на поле, на котором не было ничего, кроме снега и капустных кочерыжек.

Потом он рассказывал мне, что самым простым и даже желанным выходом была смерть. Она была здесь, рядом, манила, соблазняла... Стоило встать, выпрямиться во весь рост — и конец жестоким испытаниям, конец голоду, конец этой дрожи коченеющего человека... Участок простреливался противником во всех направлениях.

Но люди были горды и сильны духом, поэтому они не выпрямлялись в рост, а ползали по земле, грызли мёрзлые кочерыжки и всякий раз, как противник пытался захватить этот кусок земли, они встречали его огнём.

Потом пришла выручка.

После тяжёлого ранения, год пролежав в госпитале, с больным сердцем и отекающими ногами, Турбин вернулся в тыл, в Хакассию, и ради того, чтобы быть рядом с научной работой, поступил техником на опытную станцию, техником по ремонту сети, то есть оросительных каналов.

Потом стал младшим научным работником, старшим, заведующим отделом гидротехники.

И вот Турбин пришёл к выводу о необходимости замены малых постоянных каналов временными, которые не стесняли бы так движение механизмов — комбайнов, тракторов, сеялок, — которые меньше фильтровали бы, меньше зарастали сорняками, не отнимали бы полезную площадь... Эти преимущества временных малых каналов перед такими же постоянными если не совсем, то во многом были известны и раньше, но Турбин первым

поставил свой опыт на массивах колхозных полей, а не ограничился исследованиями на малых опытных участках, как это делали научные работники и до него.

Саша Турбин ходил и, я не знаю, но мне думается, может быть, даже ползал по каналам, как когда-то на фронте; у него опухали ноги, и, чтобы снять сапоги, иной раз приходилось разрезать их вдоль, по голенищу.

Новая система орошения уже жила, существовала, внедрённая Турбиным в колхозах Хакассии, но официально она всё ещё не была признана, всё ещё ведомства и научные учреждения не хотели её признать.

И вот однажды приземлился самолёт, на котором Турбин должен был лететь в Москву, в Кремль, для доклада о новой системе орошения.

Эта система была не только признана, — узаконена.

Что же случилось?

В ЦК нашей партии прочитали роман Алексея Кожевникова, роман, который поначалу, так же как и новая система орошения, был не признан критикой, роман, заслуга которого заключалась в том, что автор рассмотрел элементы нового в технике орошения.

Так писатель помог инженеру, инженер — писателю, а вместе они помогли огромному делу, помогли нашей партии в её борьбе за изобилие продуктов в стране.

Что эти факты о помощи писателя инженеру, а инженера — писателю, куда они лягут лучше всего: в повесть, в рассказ? Нет, в очерк!

Что же это за факты и события, которые лучше всего ложатся в очерк?

Героические? Да. Подлинная героика — это самый благородный и благородарный материал всей литературы, а очерка — тем более. Героические дела людей живых, сотворивших своё дело, так и надо называть своим именем: это сделал советский гражданин Петров, там-то, такого-то числа. Суметь бы только рассказать о том, что он сделал, хорошо рассказать, помня, что жизнь и люди богаче на самом деле, чем самое умелое и вдохновенное их изображение!

Ещё какие свойства тех фактов и событий, которые сами по себе, кажется, очерчиваются в очерк?

Их необыкновенность, неординарность, может быть, даже случайность?

Вспоминается мне такой случай.

Однажды в своём городе я зашёл пообедать в ресторан. На улице было уже темно, а в ресторане тихо и пусто, только на одном из стульев лежал рыжий, раскормленный кот, который лениво повёл на меня глазом...

Я сел за столик, а через несколько минут зашёл ещё один посетитель, пожилой, по виду — педагог, может быть, уже и пенсионер, и, попросив разрешения, тоже сел за мой столик.

Внимательно рассматривая меню, он попросил меня прочесть кое-какие названия блюд, так как не взял с собой очков, а по поводу жареной баранины заметил:

— Дороговато! Что и говорить... Вот ежели бы барашек был приготовлен по-касимовски! А вы, молодой человек, знаете, что значит барашек по-касимовски?

Я сказал, что нет, не знаю.

Он впал в отеческий тон и, слово за слово, рассказал, что вот он бухгалтер, из Москвы, приехал ревизовать какое-то учреждение, что когда-то он окончил гимназию в городе Н., что думает купить в Сибири какой-нибудь подарок внучатам и старшей дочери ко дню рождения, но не знает, что бы такое купить, чтобы и не так дорого и хорошо.

Между прочим, пока он говорил обо всём этом, он всё упрекал меня, что вот, мол, мы, молодые, мало заботимся о своих родителях, мало ими интересуемся, не знаем их жизни...

— У вас отец жив? — спросил он.

— Умер...

— Вот то-то и есть... А спросить вас поподробнее, как жил ваш отец в молодости, чем он жил, с кем дружил — вы, небось, и не помните... Вот то-то...

Я был обижен... Может быть, потому, что я действительно не так уж много знал о своём отце, больше всего помнились мне разные рассказы о его проделках, когда он был мальчишкой, но я очень любил своего отца — доброго и мягкого, всегда чем-то увлекающегося продавца книжного магазина, с удивлённо приподнятой левой бровью, с большим сердцем и возбуждёнными нервами... Ещё я любил его за какую-то необыкновенную любовь ко мне...

«Хорошо! — подумал я, глядя на своего соседа за столиком. — У меня есть возможность отомстить тебе, старик. Сейчас ты это увидишь!»

Я так повёл разговор, чтобы мой сосед коснулся своих гимназических лет, — это не составляло особого труда, — а потом спросил его:

— Вот вы говорите, вас хорошо учили в гимназии, вы до сих пор помните математику, а тогда скажите: зачем же вы своего учителя математики прозвали «египетским фараоном», пригласили его покататься на лодке, оставили на острове, а сами вернулись на берег и кричали ему: «Фараон! Фараон! Плыви к нам!»?

Пожалуй, я не в состоянии описать выражение лица моего собеседника... Он выронил ложку и судорожно принялся искать что-то в карманах, должно быть очки, чтобы лучше рассмотреть меня...

Но я был неумолим:

— А учителя греческого прозвали «Фунтиком» и насовали ему в шляпу глины? А инспектора прозвали «Прошкой», чтобы он был заодно со швейцаром, и ходили по ночам к его дому, и писали мелом на дверях: «Здесь живёт Прошка — инспектор гимназии». Вот вы говорите — у вас была дружба между собой, а скажите: как же это вы просмотрели горе своего друга? Как? Отвечайте!

— Друга... К-как-кого друга?.. — прошептал мой сосед. — Н-не понимаю. Не помню... Напомните, пожалуйста...

— Да ваш друг, весельчак Катилев, ведь он повесился?

Признаюсь, я немножко насладился видом своего собеседника, но потом понял, что пора кончать эту игру, потому что, чего доброго, придётся мне бежать за каретой скорой помощи...

И я назвал свою фамилию, имя и отчество...

Старик вскочил, бросился обнимать меня и целовать, и, к удивлению посетителей, которых к этому времени уже много появилось в ресторане и некоторые из них знали меня, он кричал:

— Сын Пашки Залыгина! Сын Павлика! Сын Павлика!

Да, перед ним был сын того самого Павлика Залыгина, с которым он вместе учился в гимназии.

Потом мы ходили с ним по магазинам и выбирали его дочери лисий воротник... Я говорил ему, что такие вещи мы, местные жители, предпочитаем покупать в Москве, там больше выбор...

— Нет уж, извините! — говорил старик сияя. — Купим лису здесь, это будет и для дочери подарок и для меня тоже... Обязательно купим здесь!

Вот ещё один, тоже необыкновенный случай.

А может ли он послужить темой очерка? Конечно, нет.

Это — для рассказа.

Значит, факты и события, которые как бы самой природой предназначены для очерка,— это прежде всего факты большой социальной и общественной значимости. Если в таких фактах будет элемент случайности — вроде того, например, что три товарища-водолаза так тесно связали свою судьбу, или такое стечение обстоятельств, при которых писатель оказал помощь инженеру, а инженер — писателю,— они, эти случайности, только подчёркивают общий ход развития явления. Так или иначе, но новая система орошения должна была прийти на смену старой, так или иначе, а проран был бы засыпан на Дону и ряжи были бы выправлены, может быть, только не этими, так другими водолазами. И очерк вскрывает эту закономерность в развитии явления. Тут и место очерку.

Вот про встречу старика с «сыном Пашки» этого не скажешь — она могла быть, могло её и не случиться, и такого рода случай может лечь только в рассказ.

Умелый автор-новеллист и из такого небольшого случая может сделать хороший рассказ, рассказ высокой морали и принципиальности,— но он делает это уже не столько за счёт самого жизненного факта, сколько за счёт своего домысла.

Однако очерки пишутся не только об исключительных фактах и событиях, но чаще всего — об обыкновенных вещах: о том, как мы выращиваем хлеб и животных, как работаем на заводах и как учимся в институтах.

Такого рода материал не специфически очерковый, он может быть использован любым литературным жанром. Значит, тем более в построении очерка здесь должна быть некая особенность.

Эту особенность, пожалуй, лучше всего замечаешь, когда пишешь очерк и рассказ и там и здесь пытаешься уяснить роль фактического материала и роль домысла в произведении.

То, что в очерке должен быть домысел,— это бесспорно! И дело не в количественном соотношении фактического и вымышленного, а в качестве факта и домысла.

В рассказе факт, событие могут быть изменены по желанию автора, а свой домысел автор широко осуществляет посредством созданных им образов и через них.

В очерке факт остаётся точным, а домысел совершенно чётко и недвусмысленно высказывается от лица автора.

И тогда, в силу вот такой незавуалированности, прямоты и независимости домысла, автор беспредельно свободен. Его не ограничивают больше даже характеры героев, их возраст, образование и профессия, не ограничивают ни время, ни место действия, он может пуститься в любую фантазию, сделать экскурс в прошлое или в будущее.

Если, например, я буду писать очерк о свинарке, о том, как она выращивает поросят, я могу в этом очерке говорить о египетских пирамидах. Конечно, могу! Можно ведь провести хотя бы такое сопоставление: свинарка, которая выращивает много «деловых», как мы говорим, поросят от одной свиноматки, становится героиней труда в своей великой стране, её имя известно миллионам.

А люди, построившие пирамиду Хеопса, погибли рабами.

Почему бы не построить на этой мысли очерк?

Всё дело в том, чтобы очерковый домысел служил призыву самого очерка, его цели, его назначению.

При этом такой свободный домысел, рассуждение должны быть в очерке обязательно. Это не отступление в романе, которое может быть, а может и не быть, и если отступлений не будет, роман всё равно останется романом.

Если же домысла, рассуждения не будет в очерке, он перестанет быть очерком, а станет или корреспонденцией, или статьёй.

У очерка вообще много опасностей сделаться статьёй, и первая опасность — это потеря образа, характера самого героя очерка.

Автор в своём замысле хотя и может сделать какие угодно отступления от времени, места действия и самой личности героя очерка, это порой будет и интересно, но иногда едва ли поможет раскрыть образ героя. Возвращаюсь к тому же примеру: мы ведь хотим рассказать о свинарке, а не о пирамидах, хотим создать очерк, а не статью, хотя бы и очень интересную и очень нужную.

И вот здесь особенно необходима очеркисту выдумка — в отличие от домысла или вымысла, ещё и выдумка композиционная: как, каким образом связать рассуждения о пирамидах с образом героя?

Это трудно, но вполне возможно.

Ведь речь идёт в очерке о самом большом и значительном в жизни нашего героя — о труде, об отношении к труду, понимании труда, удовлетворении трудом, о поисках в труде нашего героя, — и какими бы ни были далёкими по отношению к герою авторские отступления, они обязательно должны работать на развитие вот этих личных качеств героя.

У автора очерка всегда ведь имеется возможность обратиться непосредственно к своему герою.

Если автор хочет свой очерк о той же свинарке связать ещё, скажем, и с прочитанными ею книгами, так он прямо и спрашивает её:

— Помните, Мария Ивановна, как там написано о краснодонцах?

— Помню...

Завязывается разговор. В нём участвует героиня, может быть, её подруги и товарки, можно теперь сопоставить их мнения, — да мало ли какие подробности, какие оттенки схватит тогда автор, какие он сделает наблюдения?!

Тут дело в том, что очерк лучше всего до последнего слова писать в присутствии героя, если хотите — при его непосредственном участии, тогда есть возможность всегда задать любой вопрос своей героине или герою, вопрос, который возникает в процессе работы над очерком, в любое время пойти и посмотреть, какая у героини косынка, как она надевает халат, приступая к работе, как она выходит из дому и что взяла с собой на завтрак.

Непосредственное наблюдение героя — вот сила очеркиста и его преимущество перед рассказчиком.

Правда, если очеркист приехал, занёс в записную книжку свой разговор с героем будущего очерка, а пишет где-то, вероятнее всего дома, и в процессе работы не видит уже своего героя, тогда он теряет самое большое преимущество своего жанра, всю силу его, его специфику.

Очерк, помимо того, что он пишется, ещё и организуется автором.

Эта работа автора должна проявиться в самом малом и в самом большом — в том, как автор схватит какую-то деталь, например, возглас или реплику своего героя, и в том, что организуется, например, книга очерков, посвящённых той или иной проблеме.

Можно, скажем, проехать в наши дни по маршруту путешествия Чехова на Сахалин и наметить и осуществить создание книги очерков, построенных на сопоставлении прошлого и настоящего. Какие кроются в этом возможности!

Общение автора со своим героем больше всего даст, если автор выступает перед героем не как писатель или корреспондент или не только как таковой, а ещё и как участник дела, к которому привержен герой.

Конечно, не может автор встать за станок или сесть на трактор, но, скажем, как лектор в сельской местности, как временный пропагандист

райкома, как участник бригады по проверке социалистического соревнования между двумя колхозами или предприятиями он выступить может всегда.

В год своей смерти Чехов говорил:

— Поеду на Дальний Восток в качестве врача...

И нам тоже следует подумать: в каком качестве мы поедем к своим героям?

В общении с героем нужен большой такт, нужна глубокая гражданственность. Трудно представить себе, например, что в присутствии своего героя автор совершает какой-то неблагоприятный поступок — что уж после этого даст общение между героем очерка и автором?

К этому же авторскому такту относится и безупречная точность фактического материала, излагаемого им. Цифры, даты, имена — всё это должно быть проверено и раз и два. Здесь должна быть точность и объективность в самом лучшем смысле этого слова. Вот недавно я рассказал в одной из газет об опытнике Чубынине, который, по моим словам, вывел сорт картофеля «клон 1822». А он вывел на самом деле сорт из «клона 1822». Маленькое слово «из» потерялось, а как исказился смысл!

Очеркиста контролирует самый придирчивый, самый суровый читатель — не только тот, для которого он пишет, но и тот, о котором пишется очерк.

И как же нужно тонко наблюдать и написать, чтобы рассказать о герое очень много, раскрыть его и сделать это тактично, так, чтобы очерк не мешал вашему герою жить и работать, а трудно, просто невозможно представить себе очерк, даже критический, о нашем советском человеке, в котором автор ставил бы своей целью помешать жить и работать своему герою.

Вот здесь-то мы — писатели, газетчики, журналисты — и показываем степень своей зрелости, показываем, как мы на практике, в буднях, в самом малом умеем верить в Человека с большой буквы и понимать его. Это бывает иногда труднее, чем любить отвлечённого, несуществующего героя своего рассказа или романа, зато уж если вы полюбили своего живого, реального героя — как это радостно и насколько это ярче, богаче, чем любовь к литературному образу!

Очерковый жанр требует от автора ещё одной особенности — быстрой, моментальной реакции, осмысливания всего виденного, всего, что должно лечь в очерк. Для рассказчика, видимо, наоборот, нужна какая-то дистанция во времени между наблюдением и созданием изображения. По крайней мере я сужу об этом по себе.

Первые рассказы я написал такие, героями которых были известные мне жители небольшого городка. Из этого города я уехал задолго до того, как стал писать.

Потом мне пришлось жить на севере, за Полярным кругом, и пока я там жил — не написал ни строчки, а спустя тоже несколько лет принялся за северные рассказы.

Теперь я работаю со студентами, и студенты иногда обращаются ко мне с вопросом, почему у меня ничего не написано о вузе. Не знаю. Не могу им ответить.

Этот недостаток — требование такой вот дистанции — надо преодолевать прежде всего потому, что уходит время и уходят из памяти детали виденного, краски, запахи. Рассказчику нужно учиться у очеркиста быстрому восприятию, он от этого только выиграет.

Очеркисту присуще отыскивать всё новое, открывать для всех новые дела и мысли отдельных людей, отдельных коллективов, рассказывать о проблемах так, чтобы заглянуть в завтра этой проблемы.

И когда ищешь, то есть пишешь, — находишь.

Я работал вместе с метеорологом Дмитрием Мартиниановичем Чубыниным за Полярным кругом на одной станции целый год, давно знал его, а вот не знал об одном его открытии.

Мне было известно, что он вывел новый сорт ячменя. Но как он это сделал, я не знал.

Оказывается, Дмитрий Мартинианович заметил, что на севере под влиянием двадцатичетырёхчасового дня зерновые из самоопыляющихся становятся перекрыстноопыляющимися. Он посеял рядом несколько полосок различных ячменей, и произошло то перекрыстное опыление, которое он ожидал, причём растения имели возможность выбрать самую жизнеспособную пыльцу. Так он создал новый сорт, причём сам не придал большого значения замеченному восемнадцать лет тому назад изменению в биологии цветения.

В журнале «Агробиология» № 3 за 1954 год научная сотрудница Курганской станции напечатала сообщение, в котором рассказывает, что она наблюдала точно такое же явление. В этом году и я узнал от Дмитрия Мартиниановича подробности его работы по селекции ячменя, узнал только потому, что решил написать о нём очерк. Как жаль, что я не написал о нём раньше, наверное, я смог бы и раньше рассказать об интересных наблюдениях Чубынина! Именно этот случай помог мне убедиться, что писать очерк — это значит искать новое.

Сейчас много пишется об освоении целинных земель. И вот какие мысли появляются по этому поводу.

Разве мы не слыхали раньше у себя в Сибири, как крестьяне, рабочие совхозов говорили: «Эх, распахать бы вот ту землю, что у нас напрасно пропадает!»? Слыхали. Эта идея, эта потребность в народе жила, но мы, пишущие люди, её не замечали, прошли мимо неё. Эту насущную потребность народа нашего и хозяйства выразила партия в решении об освоении новых земель, и только тогда и мы, писатели, заговорили об этом.

А вот сейчас у нас в Сибири колхозники северных районов, лучшие специалисты, беспокойные руководители МТС и совхозов говорят: мы хотим, мы должны поднимать, осваивать болота. И они правы, когда требуют вот сейчас, сегодня же, организовать на севере несколько опорных МТС, которые занимались бы осушением и накапливали опыт для будущего, когда освоение новых земель развернётся на севере так же широко, как сейчас на юге, в степях.

Чьё дело поддержать это требование? Писателя.

В каком жанре? В жанре очерка прежде всего... О чём же может рассказать такой очерк, какие вопросы поставить?

Ведь только одна треть суши земного шара — это более или менее освоенная в сельскохозяйственном отношении полоса, а две трети — пустыни, полупустыни и тундры. Эти две трети — резерв земледелия будущего, резерв, который наряду с другими средствами и обстоятельствами опровергает реакционную мальтузианскую теорию «перенаселения» земного шара, «теорию» о том, что человечество якобы не в состоянии само себя прокормить.

Сейчас мы поднимаем целинные степи, освоение же болот требует значительно больших затрат. Но, конечно, недалёк тот день, когда северные районы Сибири будут переживать такой же бурный период освоения, какой переживают сейчас наши степи. Земли там дадут высокий, устойчивый, не подверженный сильным засухам урожай самых различных культур, дадут корма. Поезжайте на пароходе от Тобольска до Салехарда по Иртышу и Оби — сотни, тысячи километров тянется пойма, коренных берегов часто и не видно, и вся она покрыта густой, прекрасной травой в рост человека. Эти травы гибнут каждый год, не принося никакой пользы.

Поймы затапливаются весной, и это служит препятствием для их освоения. Но так ли велико это препятствие? Мы имеем мощную технику, которая позволит нам произвести обвалование поймы на большом протяжении.

Наконец, можно заготавливать сено в этой пойме и вывозить его на юг.

Другая проблема — это проблема строительства грандиозных сооружений на наших реках.

Как бы хорошо очеркистским взглядом вернуться к этой теме, именно вернуться, так как уж очень быстро мы потеряли к ней острый, пристальный, не ординарный, а выдающийся интерес, ещё не создав по-настоящему ярких и сильных очерков об этих стройках, о строителях.

Я часто спрашиваю: похвалят ли нас потомки за всё то, что в нашу эпоху мы построили на своих могучих реках? И отвечаю себе уверенно: «Похвалят!»

Скажут: в XX веке на советской земле жили люди-строители!

Но в то же время не пора ли нам уже сейчас создать науку, которая называлась бы, ну, скажем, «архитектурой природы», чтобы, проектируя новые моря, каналы, лесные насаждения, мы создавали некий ансамбль из воды, полей, гор, лесов, подобно тому, как создаёт ансамбль города архитектор? Эта новая архитектура должна учитывать бытовые нужды людей, их эстетические потребности, изменения климата, она должна осуществить принцип, высказанный ещё В. В. Докучаевым о выработке для разных природных зон правильного соотношения между водой, сушей и лесом.

Эта работа ведётся у нас, но в разных отраслях науки и по-разному, а между тем, мне кажется, это должен быть предмет самостоятельной отрасли знания.

И не только научную проблему должен показать по-своему, по-новому очерк, он должен ещё показать читателю зрительно масштаб строительства.

Вспоминается такой случай.

При мне начальник одной очень крупной стройки спросил прораба района:

— Много ли у вас будет земляных работ?

— Шесть миллионов! — последовал ответ.

— Я знаю, что шесть. Это известно из проекта. Я спрашиваю: много или мало?

Общее замешательство. Ну, конечно же, шесть миллионов кубометров — это очень много... Начальник спрашивает, имея в виду что-то, о чём мы все не догадываемся. И тогда он сам разъясняет свой вопрос:

— Вот, предположим, у меня шесть папиросных коробок... Я знаю, что они войдут ко мне в карманы. Шестидесят коробок? Пожалуй, их в один ряд можно разложить вот на этом столе. А шесть тысяч коробок? — Начальник оглядывается по сторонам соображая. — Я думаю, можно сложить в этом помещении... Теперь скажите, что такое шесть миллионов папиросных коробок? Какой это объём?

Никто из нас не знает, что же это такое, что за объём...

И начальник требует от прораба, чтобы тот без расчёта на бумажке сказал ему — какой ширины, длины и высоты будет дамба или какой глубины будет выемка объёмом в шесть миллионов кубометров.

Вот так и очеркист зрительно должен вводить читателя в пейзаж нашего недалёкого будущего.

К очерку как к жанру, наиболее точно изображающему жизнь, нередко могут обращаться взгляды и представителей других жанров.

Идёт у нас спор о положительном герое в литературном произведении.

И вспоминается случай, о котором я узнал из книги Л. Никулина «Фёдор Иванович Шаляпин».

Однажды в присутствии Шаляпина зашёл спор о том, что такое искусство. Спорили долго и безрезультатно... Шаляпин незаметно вышел, потом снова появился в дверях комнаты, испуганный, всклокоченный, и произнёс:

— Пожар!

Кто-то вскрикнул, с кем-то случилась истерика...

Шаляпин засмеялся и сказал:

— Вот что такое искусство!

И очерк далеко не со всеми, но со многими его героями может прийти к спорящим и сказать:

— Вы спорите о герое? Так посмотрите на меня!

Очерк рассказывает о труде, о делах людей, а у нас говорится — мы судим о людях не по их словам, а по делам. Когда мы научимся в полной мере руководствоваться этим принципом в создании художественных образов, очерк разрастётся во всю скрытую в нём мощь.

И ещё: чем больше живёшь в своей стране, чем больше узнаёшь своих сограждан-современников, тем меньше хочется домысливать, когда говоришь о них. Они велики без выдумки, нужно научиться показать это.

Г. МАКОГОНЕНКО

★

ПРОТИВ „ТЛЕНИЯ СЛОВА-СЫРЦА“!

1

Для каждого из нас произведения художественной литературы делятся на две различные группы: одни мы прочитываем, другие постоянно, с неизменным волнением и трепетом перечитываем.

Давно уже известны тайны сюжетного развития такого перечитываемого романа или рассказа, герои не только знакомы, но и любимы, мы знаем все их дела, ошибки и правильные поступки, все неожиданные удары судьбы, выпавшие на их долю. Больше! Мы помним высказанные ими в важные минуты их жизни мысли, помним даже жест, даже выражение глаз... При перечитывании мы лишены неожиданности узнавания — ведь нам открылись все излучины сердца любимого героя. И всё же нас вновь и вновь влечёт к этим, почти наизусть известным книгам, мы перечитываем их в который уже раз и в который раз испытываем величайшее наслаждение, порой острое, будоражащее всю душу счастье.

В чём же сокрыта неодолимо влекущая сила таких произведений? Мне думается, в том, что большие идеи и могучие образы выражены в них истинно художественным языком.

Советский писатель — выразитель дум и чаяний своего народа, летописец его деяний, пропагандист партийных идей. Писатель живёт народной жизнью, её радостями и горестями, он черпает свои силы в народе, ему отдаёт всего себя.

На основе единой жизни с народом, на основе глубокого проникновения в эту жизнь, осмысления её рождается в глубине сознания художника определённая тема, конкретная идея; чем более она созревает, тем настойчивее ищет она выхода, художественного воплощения в образе. Для художника, живописца этот образ воплощается посредством краски, линии, для композитора — в звуке и т. д. Для писателя основным средством и материалом является слово, слово-мысль, слово-правда. Чем точнее будет найдено это слово, тем богаче и глубже будет изваянный из него образ, воплощающий идею.

Точный образ и точное слово, «жгущее сердца людей», идут от продуманности и глубины познания жизни, от степени органического внутреннего освоения идеи писателем. Но бывает и так, что идея уже обняла всю душу писателя, осознана им, дорога ему, но, торопясь её выразить, он не даёт себе труда отыскать соответствующее ей слово, выразить её в слове так, как она того заслуживает. И, беря первые приходящие на память слова, забывая о том, что «нет на свете мук, страшнее муки слова», писатель снижает, компрометирует, а иногда и просто губит собственные же глубокие мысли и чувства, взятые из жизни образы и ситуации. Поэтому, говоря о слове — о языке художественной литературы, — мы говорим, в сущности, об её идейности, о наилучшем выражении жизни в литературе.

Партия неустанно, год от году всё решительнее призывает писателей к повышению мастерства, истинное мастерство немислимо без совершенного владения словом.

Язык, не обладающий энергией, богатством, изобразительностью и пластичностью, простотой и ясностью, лишит верную идею её притягательной силы; заумный, нарочито изломанный, оторванный от народных истоков, неграмотный язык исказит её.

Великая созидательная работа в нашей стране выковывает изумительные человеческие характеры. Наши писатели, активно вторгаясь в жизнь, создают произведения о рядовых строителях коммунизма, о рабочем классе, о тружениках полей, о научной интеллигенции, о воинах Советской Армии. Читая журналы и книги за последние пять лет, нельзя не порадоваться разнообразию тем, богатству писательских имён. Но важные и верные идеи, правдивые, жизненные наблюдения далеко не всегда находят своё поэтическое воплощение.

У нас, к сожалению, есть писатели без языка. Их произведения — печальный пример того, как губит писатель собственное своё детище. Воистину, имеет он право сказать о себе: язык мой — враг мой...

У нас есть большие мастера, замечательные художники слова. Благодаря им высок художественный уровень советской литературы. У нас есть, наконец, бессмертные богатства классической литературы, чьи традиции советские писатели обязаны наследовать, умножая и обогащая принятое наследие. И, несмотря на это, из года в год выходят из печати посредственные книги, появляются писатели, слабо владеющие языком. Бывает, что их романы и повести положительно оценивают, а иногда и перевозноят за нужную тему, за актуальность, амнистируя антихудожественный язык. Между тем эти книги, на мой взгляд, наносят вред советской литературе: они портят вкус и читателя и молодых литераторов, порождают всеядность критики.

Происходит это от недооценки языка. Упрёк, брошенный в своё время Горьким критике, что она «недооценивает значения слова, как основного материала литературы», что, «занимаясь почти исключительно преподаванием социально-революционной педагогики, она не учит молодых литераторов мастерству», — актуален и на сегодняшний день.

Правда, нельзя сказать, что критики совсем обходят язык художественной прозы. Теперь трудно встретить критическую статью, в конце которой не было бы дежурного абзаца, посвящённого языку рецензируемого романа или рассказа. Содержание этого абзаца неизменно шаблонно: констатируя, что в «основном книга написана хорошим литературным языком», критик отмечает отдельные недостатки, неряшливые и неграмотные слова и обороты. Обычно приводится два-три примера. Писатель вполне удовлетворяется подобной оценкой, а отмеченные погрешности поправляет при переиздании. Основная задача критики — учить мастерству — подменяется, как правило, указанием на отдельные словесные неудачи писателя.

Такое понимание заботы о языке нашло своё выражение и в издательской и журнальной практике.

Редакции журналов и издательств знают, что нужно заботиться о языке художественной литературы. Да и рукописи нередко убеждают их в том, что без этой «заботы» печатать их нельзя: в них много «словесного хлама». Борьба за чистоту языка, за его выразительность и точность и проводится главным образом на стадии подготовки рукописи к печати, проводится силами и средствами приставленного к писателю редактора. Подобная практика приучает писателя думать, что так называемая работа над языком и сводится в конечном счёте к работе с редактором.

Какой характер носит эта работа? Редактор освобождает книгу от длиннот, повторений, неточных, неясных, неряшливых выражений, советует убрать малопонятные диалектизмы, старается исключить беспрестанно повторяющиеся слова, заменяя их синонимами. Помогает ли такая правка произведению? В известной мере — да, ибо оно становится грамотнее.

Но совершенно ясно, что от подобной правки литературное произведение не становится художественным. В лучшем случае редактор добивается гладкости, идеальной правильности языка и слога. Но что от этого выигрывает искусство? Ведь и речь Ипполита Ипполитовича из чеховского «Учителя словесности» была до сводящей с ума скуки правильной: «Да, прекрасная погода. Теперь май, скоро будет настоящее лето. А лето не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а летом и без печей тепло. Летом откроешь окна и всё-таки тепло, а зимой двойные рамы и всё-таки холодно...»

Недооценка языка, невнимание к нему привели и к ещё большему несчастью — к появлению профессионально работающих писателей, не умеющих писать. Как правило, такой писатель приносит в издательство рукопись, знакомство с которой убеждает, что автор знает материал, много видел, не лишён наблюдательности, что он переполнен впечатлениями свежими, интересными, а порой и значительными, общественно важными, но — вот беда! — обо всём этом он не умеет написать. То, что принесено им в издательство, бесформенно и потому никакого отношения к литературе не имеет. И всё же издательство принимает подобное сочинение. И, приняв, начинает делать из него «художественное» произведение: нанимается литературный правщик, который и переписывает рукопись. Писатель соглашается на любые изменения текста и охотно авторизует представленное ему на подпись произведение. Повторяю, я говорю здесь не о начинающем авторе, не о так называемых бывалых людях, чей жизненный опыт имеет огромное познавательное значение, но которые, естественно, не могут самостоятельно справиться с неожиданной для них работой. В этих случаях издательства должны сделать всё, чтобы помочь авторам. Нет, речь идёт о писателях-профессионалах. Подобной практике мы и обязаны появлением из года в год серых, посредственных артельных сочинений.

2

Язык литературы должен быть не только точным, богатым и грамотным — это само собой разумеется,— но он должен быть ещё поэтическим, художественным. Об этом у нас часто забывают и писатели, и критики, и редакторы.

Писатель черпает языковой материал в языке своего народа, использует все богатства литературного языка. Работа его над языком сложна и многообразна. Он и о т б и р а е т языковые средства из многообразных стилей общенародного, современного ему языка и из устного творчества народа, из письменного языка прошлых веков. Он и создаёт новые слова, и образует новые формы от слов, и придаёт новое значение словам, которое они раньше не имели. Но этим работа над языком не ограничивается. Гоголь, внимательно и любовно изучавший народные песни и половицы, точно и метко определил, чем отличается язык художественного произведения от разговорного, слово, обработанное мастером,— от необработанного. «Сверх полноты мыслей, — писал Гоголь о русских поговорах,— уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших, в них всё есть: издёвка, насмешка, попрек, словом,— всё шевелящее и задирающее за живое».

Язык пословиц потому поэтический и художественный язык, что в самом образе выражения находят своё воплощение важнейшие черты национального характера.

Вспомним начало первой книги Гоголя. Она открывалась предисловием пасичника Рудого Панька: «Это что за невидаль: вечера на хуторе близ Диканьки? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник...» и т. д. Нам ещё ничего не сказано о пасичнике. Писатель не дал его характеристики, не описал его, а мы уже увидели и услышали его и оттого кое-что узнали и об этом рассказчице и о замысле писателя, о самом характере гоголевской книги, в которой писатель смотрит на жизнь глазами народа, где народ сам рассказывает о себе. Узнали же мы это потому, что язык этого произведения художественный, в самом образе выражения пасичника уже заключена его характеристика.

Слово и идея произведения, характер и слово, слово и поступок героя неотделимы. У многих же наших писателей этого единства нет. Отсюда срывы и неудачи даже у опытных и даровитых писателей. Когда же это единство налицо, мы неизменно находим у тех же писателей радующие удачу и достижения.

Чтобы эта мысль была понятна, я приведу ряд примеров из произведений известных и заслуженных литераторов: В. Кетлинской и М. Тевелева, Г. Николаевой и Ю. Германа. Их романы получили хорошую оценку в нашей печати, полюбились читателю, разошлись большими тиражами. Не имея возможности подробно анализировать каждый из этих романов, я отмечу лишь отдельные сцены, показывая и раскрывая причины удач и поражений писателей при решении ими поставленных перед собой задач. Общий высокий идейно-художественный уровень их произведений, место, которое они занимают в литературе, убеждают меня в том, что отдельные ошибки и просчёты писателей при большей требовательности к себе, при большем внимании к языку могли бы и не быть.

Вот два романа: «Дни нашей жизни» В. Кетлинской и «Свет ты моя, Верховина» М. Тевелева. Трудно найти произведения, так отличные друг от друга по теме: у Кетлинской умно, с глубоким знанием жизни рассказывается о сегодняшних делах тружеников одного из ленинградских заводов. Тевелев с любовью повествует об истории Прикарпатской Украины, о маленьком народе, много веков мечтавшем о воссоединении с Украиной, о его жизни, борьбе, думах и чаяниях. Это отличие подчёркнуто и тем, что писатели по-разному решили вопрос о том, чьими глазами смотрят они на изображаемые события. «Дни нашей жизни» — это рассказ писательницы. «Свет ты моя, Верховина» написан от имени главного действующего лица романа — русина Ивана Белинца. Как же это различие проявилось в языке?

Есть в романах две сходные сцены — герои рассуждают о смысле жизни. В романе В. Кетлинской на квартире слесаря Пакулина спорят двое молодых рабочих. Один из них говорит: «Без творчества жизни нет», другой подтверждает это вопросом «А в чём же ином смысл жизни?» В романе М. Тевелева встречаются два русина — коммунист-подпольщик Куртинец и Иван Белинец. Во время ночного разговора Куртинец сообщает: «Но что такое счастье — если не творчество, если не радость, которую делами своими должны передавать люди людям. В этом смысл жизни». И Кетлинская и Тевелев правильные мысли выразили правильным языком. Беда же заключается в том, что в обоих случаях язык совсем не индивидуализирован. Следовательно, в самом образе выражения этих отличных друг от друга людей, отличных по характеру, по общественному положению, по образованию, по национальности, не отражаются черты их личности. Писатели механически переносят в произведение слова и фразеологию общелитературного языка. И оттого, что эти слова произ-

носят придуманные автором персонажи, оттого, что в заглавии книги стоит определение — «роман», речь эта не становится художественной. Когда в литературном произведении герой начинает говорить не своим, присущим ему, как индивидуальному характеру, языком, читатель ему не верит. Тогда же герой не раскрывает себя в словах, а декламирует их, то есть говорит чужие, приписанные ему автором мысли.

Ещё пример. Героиня романа В. Кетлинской — Аня Карцева — пришла в Русский музей. Её взволновали этюды Сурикова к картинам о Ермаке и Степане Разине. Писательница так передаёт мысли Ани: «Вот казаки в лодке... на этюде они больше похожи на охотников, чем на воинов. Здесь запечатлена их повседневная сущность...» Таков язык автора. На том же языке изъясняется и героиня. Встретив в музее знакомого инженера, Карцева делится с ним своими мыслями: «А я сегодня размышляю, — сказала Аня, — о русском характере, о национальных чертах». Инженер Полозов не смутился таким языком и немедленно принялся длинно и скучно, будто начётчик, «агитировать» Аню, рассказывая ей, как будут работать люди при коммунизме: «Мы сейчас решаем задачи, каких ни в одном столетии не решали... а вы когда-нибудь думали, Аня, как интересно будет тогда инженеру? В одной только области автоматизации заводов, скажем, металлургического процесса... представляете? Инженер у пульта управления держит в пальцах (?! — Г. М.) весь процесс литья, прокатаж, обработку! А механизация и автоматизация строительства?»

Читая эти строки, испытываешь горечь, обиду на писателя. Как можно дорогую читателю мысль о коммунистическом завтра передавать так неряшливо, забыв о величайшей ответственности мастера! Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды, говорил Маяковский. В приведённых фразах нет ни одного добытого слова, в самом образе выражения этих мыслей Полозовым не раскрывается его личность, его индивидуальность. К тому же эти первопопавшиеся писательнице слова неряшливо пригнаны друг к другу. Ну как, например, можно «держат процесс литья в пальцах»?

Повидимому, автор чувствует это сам и старается найти средство, чтобы заставить читателя поверить подобному разговору. Но когда язык бессилён раскрыть читателю подлинные мысли и чувства героя, тогда автор прибегает к рекомендациям и оценкам поступков героев. Так, автор заставляет Карцеву следующим образом откомментировать её разговор с Полозовым: «Пойдёмте, Алёша, нас принимают за влюблённых». Ничего, кроме грустной улыбки, эта фраза не может вызвать у читателя — неужели автор всерьёз думает, что так разговаривают влюблённые?

Во многих прозаических произведениях вместо раскрытия характера средствами языка появляется авторский комментарий, оценка автором языка своих героев, которая никак не соответствует реальной речи. Вот пример из того же романа В. Кетлинской. Среди действующих лиц назван слесарь Воловик. Читатель знакомится с ним сначала из разговоров других персонажей. Наконец появляется Воловик. Не дав ему сказать ни слова, автор рекомендует: «Его речь с мягким украинским выговором была лаконичной, и каждое слово казалось взвешенным». После этого заговорил Воловик: «Мы и в старину делу научились, консерваторов-мастеров не слушали, а сейчас тем более узким специалистом на одной операции быть стыдно, да и не интересно. К тому же наш новый рабочий учится. А когда постигнешь теорию, скажем, обработки металлов, тянет освоить весь процесс, все операции...» Это, по мысли автора, лаконичный язык? Здесь каждое слово взвешено?

Печать условности лежит и на языке романа М. Тевелева. То, что роман написан от имени Ивана Белинца, никак не отразилось на языке

произведения. Он лишён индивидуальности. Это не язык Ивана Белинца, а язык М. Тевелева. Язык же Тевелева — это общелитературный язык нашей эпохи, не больше. Поэтического преображения у писателя он не получил, включение в него десятка местных слов, которые объяснены под строкой, не спасает дела.

Чтобы представить себе, какие огромные возможности открываются перед писателем, когда он ведёт речь от имени героев, вспомним лермонтовского «Героя нашего времени». Там повествование ведётся от имени трёх человек: Максима Максимовича, Печорина и самого автора. Язык каждого рассказчика резко индивидуален, и в то же время весь роман написан на литературном языке той эпохи. Но Лермонтов не механически перенёс этот языковой материал в свой роман. Он и отобрал нужное и обработал отобранное. Это позволило раскрыть важнейшие идеалы эпохи в образах живых людей.

Язык художественной литературы — это язык, обработанный и обогащённый мастерами, который в этом своём новом качестве возвращается народу, повышая культуру общенародного языка. Литературный же язык, механически перенесённый в произведение, к которому не прикоснулась искусная и вдохновенная рука мастера, не обогащается, и тогда он не сходит со страниц книги. Подобный автор черпает свои языковые средства в общенародном языке, но сам ничего не возвращает народу. Так, например, поступает автор напечатанного в «Октябре» романа «Широкое течение» А. Андреев.

В романе действуют молодые рабочие, инженеры, партийные работники. Но язык всех действующих лиц одинаков и однообразен, не способен раскрыть неповторимо индивидуальные судьбы людей. Оттого и люди предстают обеднёнными, скучными резонёрами. Они, по вине автора, не могут рассказать о том, что их волнует.

Автор пытается оживить стиль романа «красивыми» фразами и словами. Вот описание праздничной Москвы: «Город был обтянут кумачом, будто пожаром занялся». Или такое описание осеннего леса: «Всё вокруг пламенело, поражая взгляд последней, ослепляющей, дерзкой вспышкой жизни перед увяданием».

Неумение писателя рассказать о духовной жизни героев изобличает, например, такая фраза: «В голове у меня винегрет». Так, оказывается, герой передаёт свои впечатления от картинной галереи, да ещё любимой женщине.

Прочтёшь этакое и подумаешь: вряд ли стоило автору посылать своего героя в музей, и уж во всяком случае не к чему было заставлять его так откровенничать перед любимой.

Есть в романе сцена, важная по замыслу автора. Кузнецу Антону приходит мысль начать борьбу за экономию металла. Он надеется «поднять» весь завод. Он приходит к секретарю парткома за поддержкой. Вот как изобразил это автор: «Ты уверен, что молодёжь пойдёт за тобой? — Ещё бы! — воскликнул кузнец. — Многие с такой мыслью живут. Как же не откликнуться? — Конечно, откликнутся, — горячо поддержала Таня. — Что вы, не знаете наших комсомольцев? — Тогда действуйте, — решительно одобрил Алексей Кузьмич. — Забирайте глубже и шире».

Нет, не верим мы, несмотря на старания автора, что все действующие лица были взволнованы и говорили горячо. Из их слов видно, что они ведут никому не нужный разговор, что единственно заинтересованное лицо здесь — автор. Секретарю парткома не о чем спрашивать, он ни в чём не сомневается, и его совсем не в чем убеждать. Оттого он и произносит пустые, ровно ничего не значащие слова: «Действуйте, забирайте глубже и шире».

3

Критика, сводя вопрос о языке художественных произведений к борьбе с грамматическими погрешностями, не стремится обобщать опыт наших крупнейших писателей, проходит мимо удачных книг. Вот почему в статьях и рецензиях о новых романах, как правило, язык не анализируется, не показывается, как воплощаются поэтическим словом важнейшие идеи современности, характеры советских людей.

Такими удачами и счастливыми находками, как мне кажется, радует читателей роман Галины Николаевой «Жатва». Чувства и мысли рядовых советских людей, их трудные, подчас драматические отношения, их напряжённый и действительно творческий труд выражены словами точными, языком свежим и богатым.

Возьмём один пример: Авдотья Бортникова едет в город на курсы. Отъезд её из дома был тяжёлым. Попытка начать жить с вернувшимся мужем заново, выбросить из сердца новую любовь — Сергея Мохова — не удалась. «Как жить с мужем, если к нему закаменело сердце?» Фраза эта — пример поэтической точности: нельзя здесь исправить ни одного слова. В ней отлично передана духовная драма и тоска Авдотьи.

Отъезд в город на курсы совпал с решением Авдотьи уйти от мужа, пожить одной. Вот в этом тяжёлом и смятенном состоянии оказалась она в поезде. Кругом неё множество людей. Все едут по своим делам, у каждого свои заботы. Но эти дела и эти заботы связывают людей. Незнакомые, они быстро сближаются в пути, рассказывают друг другу о себе, спорят, смеются. Среди них со своим горем Авдотья. «Просторно живут люди, — хорошо живут... а я что же? Что же я никак не устроюсь со своей жизнью?» Трудно Авдотье одной, хочется ей счастья, хочется, чтобы было, как у всех людей. Именно здесь, в поезде, впервые после трудных разговоров с мужем, почувствовала она себя не одинокой. Зародившееся чувство доверия к людям и благодарности к ним вызвало желание рассказать им о себе. После рассказа о том, что и она едет в командировку по служебному, общему, колхозному делу, Авдотья сидела притихшая, прислушивающаяся к себе. Автор пишет: «Поезд, набирая скорость, мчался всё быстрее и быстрее, разговоры становились всё оживлённее и горячее, и снова Авдотье показалось, что это не поезд, а стремительное течение жизни подхватило её и мчит за собой». Незаметно подкралось воспоминание: в далёком детстве была она у тётки Груши, и та повела её купаться на озеро. Робко входила она в воду, боясь утонуть, но тётка подбадривала её — не бойся, не утонешь, это озеро не простое, а солёное: «Густо-солосо, тепло озеро, не утопна волна, хоть гиря к ногам привязана — не даст потонуть, наверх вынесет».

Поэтична эта фраза потому, что обычные слова, слова живой речи, наполнились новым смыслом, потому что писательница умно отобрала их, потому что они с удивительной точностью передали смятенное состояние души Авдотьи и зарождающуюся веру в своё будущее счастье, в преодоление своего горя, своего одиночества. И это чувство не навязано читателям, это не рекомендация — оно воплощено в самих словах о «неутопной волне». Мы ещё ничего не знаем о дальнейшей судьбе Авдотьи, но, прочтя эту страницу, эти строки, мы обрадовались за Авдотью, поверили вместе с ней в её счастье, залюбовались душевной чистотой и силой этого человека.

Художественный язык должен быть богат яркими оборотами и выражениями. «Неутопная волна» — пример такого нового, счастливого выражения. Писательница взяла его в общенародном языке. Но в системе её романа, приобретя поэтичность, оно обогатилось. Обогащённым оно вернулось в общенародный язык.

Нельзя не вспомнить об аналогичной сцене в романе В. Кетлинской. Аня Карцева едет в Ленинград. Она возвращается в родной город после долгих лет войны. Ей хочется поступить на завод, где она раньше работала. В пути она встречается со многими пассажирами, разговаривает с ними. Вот как описывает писательница это состояние души Карцевой: «Жадно расспрашивая этих людей, Аня прикоснулась за время пути к десяткам чужих судеб и страстей. Начальник прииска влюблённо говорил о «золотой индустрии», ихтиолог приоткрывал перед Аней тайны подводной жизни и пылко доказывал, что рыбное хозяйство тоже промышленность. Все они проходили перед Аней, как маленькие частицы необъятной Родины, которая с силой, ещё невиданной, с энергией и страстью великолепной государственной зрелости вносила во всё многообразие своих трудов мудрый и дерзкий размах».

Опять, к великому огорчению читателя, важная в идейном отношении сцена, раскрывающая духовную связь и близость советских людей, не нашла своего словесного выражения, — так холодна, декламационна авторская речь.

Отсутствие заботы о языке сказывается и в лучших произведениях. В том же романе Г. Николаевой «Жатва» встречаются фразы, а иногда и целые страницы, выпадающие из поэтического стиля, появляются неточные, приблизительные слова.

4

Народное творчество питает литературу. Изучение языка сказок, песен, пословиц обогащает писателя. Именно здесь с особой яркостью выступает могучая сила и ёмкость, выразительность и энергия языка, обработанного безвестными народными талантами. Вот почему Пушкин и Горький, Гоголь и Некрасов, Толстой и Лермонтов беспрестанно призывали литераторов изучать народное творчество. Из советских писателей, может быть, Гладков и Шолохов больше других так глубоко черпают из этого неиссякаемого родника. Оттого их язык богат и выразителен, он радуется множеству созданных писателями оборотов и выражений и тем метким словом, которое, по Гоголю, «так замашисто бойко, будто вырвалось из-под самого сердца», будто оно «кипело и животрепетало».

Как свидетельствует проза последних лет, литераторы не часто прибегают к этому источнику, не обогащают язык изучением творчества народа, не учатся у него меткому поэтическому слову. А когда обращаются, то неизменно испытывают плодотворное влияние. В этой связи следует упомянуть о недавно вышедшем талантливом романе Юрия Германа «Россия молодая». Роман посвящён важнейшей эпохе русской истории, связанной с преобразовательской деятельностью Петра. Новаторство писателя проявилось в подходе к событиям истории, в выборе героя. Ю. Герман правильно увидел — не личность, а народ определил исход великих событий мужавшей России. Более двух десятилетий билась «подымающаяся нация» за своё будущее, за своё государство, за своё право жить независимо и без боязни иностранных вторжений. Подымающаяся нация, русский народ и стал героем романа. Писатель создал замечательные образы простых русских людей — Ивана Рябова, Афанасия Крыкова, Ивана Молчана, Таисьи Рябовой и многих других. Описывая далёкую эпоху, рисуя образы людей, живших в суровом краю Беломорья, Ю. Герман обратился к богатому народному творчеству. В многочисленных песнях, бывальщинах, легендах, пословицах открыл он для себя черты характеров своих будущих героев. Эти характеры и раскрыты им поэтическим словом. Герои романа — люди индивидуальной, неповторимой судьбы.

Многообразны пути использования поэтического творчества в романе. Тут и органически включённая песня, и к месту сказанная поговорка, и меткое слово, найденное писателем в старинных поговорках, умно отобранное и введённое в современный язык. Правда, следует признать, что не всегда Ю. Герман соблюдает чувство меры. Так, например, Иван Рябов нередко начинает изъясняться только поговорками. Писатель проявил здесь явную небрежность, ибо вместо органического построения рябовской речи он иногда заставляет его говорить готовыми формулами. И тогда утрачивается искренность речи, появляется фальшь, так как Рябов уже перестаёт говорить от себя, а как бы начинает цитировать то, что ему подсовывает автор. Эта небрежность тем более досадна, что писатель сумел показать в романе настоящее мастерство поэтического преобразования слова, почерпнутого в народном творчестве.

Остановлюсь на сцене любовного объяснения Ивана Рябова и Таисьи. Повстречал однажды Иван Рябов незнакомую девушку Таисью — стояла она у высокого тына на дожде, сложив свои тонкие руки на груди. Рябов поздоровался с незнакомой девушкой. Метнула она на него взгляд, исполненный пренебрежения, и ушла. Узнал Рябов, что полюбившаяся ему девушка — дочь кормщика Тимофеева. Дознался, что любит она птиц, — подарил ей заморскую птицу, попугая. Таисья, приняв подарок, осталась такой же строгой, неприступной. Решил тогда Рябов наняться кормщиком к Тимофееву, потому что знал — ходит и Таисья в море рыбачить. Не взял Рябова кормщиком отец Таисьи. Смирив гордость, нанялся он тогда весельщиком, всё равно — только бы быть с Таисьей. Поняла Таисья, что не такой Рябов человек, чтобы можно было прогнать его. А вместе с тем на душе накипела обида. Сказала жестоко: «Весельщиком покрутился! Первеющий кормщик за девкин подол держится, не оторвать. Не пойдёшь весельщиком!» Но Рябов пошёл весельщиком. Пошла с ним в море и Таисья. В один из таких походов состоялось объяснение.

Сцена начинается такой фразой: «На пути ударил внезапно шквал такой силы, что лодья, точно бы конь, вскинувшийся на дыбы, поднялась кормой».

Фраза удивительная у Германа — писателя, умеющего отлично видеть то, что он описывает. Попробуем и мы представить себе описанную картину — лодья поднялась на дыбы к о р м о й. Но уж если и заставил писатель лодью подниматься на дыбы, то она могла это сделать н о с о м, а никак не кормой. Немыслимо представить себе лошадь, поднимающуюся на дыбы задними ногами...

Данная ошибка — пример писательского невнимания к каждому написанному им слову. Это тем более обидно, что вся последующая сцена сделана отлично и объяснение двух героев передано поэтически точным языком. Предоставим слово писателю: «Рябов, прихватив к себе Таисью, чтобы не смыло водой, пустил в парус топор — жалом вперёд. Парус лопнул, шквальный ветер разодрал его пополам, сосудинка встала на волну ровно». Через некоторое время небо посветлело, шквал ушёл далеко. «Кормщик поискал вокруг глазами, покачал головой: — Топор неладно кинул, потонул теперь топор. Ругаться будешь, хозяйка? — Любый мой, кровиночка моя... — услышал он. То был её голос, но он не поверил, да и как мог поверить!»

Остальная часть дня прошла в трудах и заботах. Вечером пришли к берегу. Рябов несмело подошёл к Таисье: « — Не люб я тебе? — Люб! — громким и ясным голосом ответила она. — Люб!.. То и света мне, что ты. Ты един мне люб, и никого мне не надобно, и ничего мне не надобно... — Закрыв глаза, улыбаясь, она передразнила: — Топор потонул... Ругаться будешь, хозяйка? — И засмеялась, откинув назад голову, милым, едва слышным смехом».

Сила поэтического языка сказалась здесь в том, что раскрылись перед нами два различных характера, обнаружилось чистое и большое чувство, приоткрылось будущее — судьба героев, так как чувствуем мы, что соединила их верная — на всю жизнь — любовь, что выдержит эта любовь все испытания, все страдания, все муки, которые пошлёт им жизнь, и будут они счастливы и ничто не смутит их веры друг в друга.

5

Важнейшим элементом художественного произведения является портрет. Внешний облик героя должен быть таким, чтобы читатель увидел его. При всём своеобразии Тургенева и Гончарова, Толстого и Чехова есть нечто общее в их обрисовке героев. Вспомним «Записки охотника» Тургенева.

«Калиныч был человек самого весёлого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевая вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светлоголубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду».

Общее у этих писателей — в объективности описания. Каждый из них передаёт точно наблюденные и художественно отобранные черты внешности героя: «светлоголубые глаза» (а у Катюши Масловой, например, они были «чёрные, как мокрая смородина»), борода «жидкая» и «клиновидная», когда Калиныч улыбался, он прищуривался, говорил немного в нос и т. д.

Но вот мы читаем Гоголя: «Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы... На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару... В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: чёрт знает что такое! и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную».

Нетрудно заметить, что в основе этого описания лежит совсем другой принцип. В самом деле, писатель пишет: черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару... Нет, это не объективный признак типа «светлоголубые глаза», «жидкая, клиновидная» борода и т. д. Это что-то иное. Автор как бы отказывается от фиксирования объективных качеств человека, а стремится познакомить своего читателя прежде всего со своим авторским отношением к герою. Это отношение выражается в оценке. Но писатель не просто оценивает, а, как правило, судит. И этот суд проявляется в слове — черты лица приятные, но, кажется (кажется это только ему, автору), в эту приятность передали... сахару. Неожиданность сопоставления передаёт субъективный характер восприятия героя автором. Это он, Гоголь, испытывает такое чувство к Манилову, которое полнее всего можно передать эмоциональным восклицанием: «Чёрт знает что такое!»

Открытый Гоголем принцип был усвоен многими крупными писателями — Герценом и Щедриным прежде всего. «С ним пришёл,— пишет Герцен,— вероятно, его адъютант, тончайший корнет в мире, с неслыханно длинными ногами, белокурый, с крошечным беличьим лицом и с тем добродушным выражением, которое часто остаётся у матушкиных сынков, никогда ничему не учившихся или, по крайней мере, не выучившихся. Эта жимолость в мундире стояла в почтительном отдалении».

«Жимолость в мундире!» Какой удивительно смелый, обжигающий своей свежестью образ, и сколько в нём убойственной иронии, издёвки,

беспощадного суда! Но суд этот выражен не комментарием автора, а в самом слове, пропитанном личностью автора, запечатлевшем глубокую индивидуальность писателя. У того же Герцена мы можем найти тысячи примеров ещё более энергичных выражений. Например: «Если б не помойного цвета её прищуренные глаза». После такой фразы писателю нет нужды объяснять, что представляет собой герц, как к нему надо относиться. Читатель немедленно, вместе с автором, уже ненавидит и презирает его.

То же находим мы и у Щедрина. Вот только один пример: «Первым выступает Иванов, который наивно думает, что потрясение основ спрятано у кого-нибудь в кармане, и потому предлагает всех обыскать. Лично за себя он не боится. С одной стороны, душа его чиста, как только что вычищенная выгребная яма; с другой стороны, она до краёв наполнена всякими готовностями, как яма, сто лет не чищенная».

В подобной фразе потрясает не только изумительная энергия и разящая сила слова. Неожиданный сдвиг понятий — его душа чиста, как только что вычищенная выгребная яма (вспомним аналогичное «помойного цвета её глаза»), — рождает особо энергичный образ выражения мыслей, который не только бьёт насмерть врагов писателя, в данном случае либералов и либерализм, но и воссоздаёт благородный и негодующий облик автора, жгуче ненавидевшего всех и всяческих обидчиков и утеснителей человека.

Работа над языком неотрывна от проникновения писателя в сущность явлений, в сущность жизни. Понимание же писателем жизни определяется его идейностью. Коммунистическая идейность помогает ему глубже видеть и понимать происходящие события, делает его зорким и ясновидящим, приоткрывает будущее в будничных делах настоящего, помогает писателю быть участником великой всенародной созидательной работы.

Рост художественного мастерства, совершенствование языка неразрывно связаны с идейным ростом писателя. Чем богаче духовный мир писателя, тем выше его художественное мастерство, тем точнее, пластичнее, музыкальнее его язык.

Вот почему должна быть повышена писательская ответственность за слово. Мы не имеем права мириться с «тлением слова-сырца» в книгах о жизни и деяниях советского человека. При анализе каждого нового произведения мы должны ответить на главный вопрос: как написано оно, как воплощены в словесную форму образы, нашла ли великая и дорогая читателю идея своё единственное, неповторимое выражение в языке.

У нас иногда забывают наказ Горького писателям: «Основным материалом литературы является слово, оформляющее все наши впечатления, чувства, мысли. Литература — это искусство пластического изображения посредством слова».

Этого никогда нельзя забывать.

К. ГОРБУНОВ

★

МЕЖДУ ОКОЙ И ВОЛГОЙ

1

Как известно, Белинский находил у литературы «свои возрасты». В развитии прозы он видел пору зрелости: «Роман и повесть дают полный простор писателю...»

Если этот календарь применить к мордовской литературе, то сейчас она вступила в ту пору, когда у человека ломается голос и юность переходит в зрелость.

Любопытно привести некоторые подсчёты, выражающие не только объём, но и характер работы писателей.

За последнее трёхлетие, включая истекающий год, Мордовское государственное издательство выпустило около семидесяти литературно-художественных книг на родном языке, кроме альманахов. За срок, несколько больший, появилось четыре романа, шесть повестей, до полусотни рассказов и несколько пьес. Напомним, что Горький называл жанр драматургии самым трудным.

За всю историю мордовской литературы ещё ни разу не получались относительно прозы такие благоприятные цифры. Пьесы же совсем не писались. Очевидным было подавляющее превосходство поэзии при устойчивом отставании других жанров. Если бы столь резко выраженная диспропорция продолжала существовать, то нарушилось бы нормальное развитие литературы в целом, её рост был бы однобоким.

Но отсюда совсем не следует, будто лирику надо тихонечко притормаживать, а прозе каким-то образом дать больший ход. Читатели мордовских городов и селений с одинаковой радостью принимают хорошее стихотворение и хороший рассказ.

Не будет ошибкой утверждать, что сообщённые здесь данные были в какой-то мере типичны в прошлом, характерны в наши дни и для литератур соседних с Мордовией автономных республик — Чувашской и Марийской.

Как же понять эти цифры и факты? На новом этапе полнокровно или вяловато растёт мордовская литература? Темпераментно или с прохладцей работают мордовские писатели? Есть ли среди них мастера, соответственно равный профессиональными достижениями своему 84-летнему земляку — заслуженному деятелю искусств и превосходному живописцу Федоту Васильевичу Сычкову?

В связи с этим уместно назвать два примера.

В позапрошлом году издательство «Советский писатель» выпустило в переводе на русский язык книгу одного из лучших мордовских стихотворцев — Петра Кириллова. Это в своём роде первая и до сего времени почти что единственная ласточка, хотя коллективные сборники поэтов Мордовии дважды выходили в центральных издательствах и ранее. Патриотическая книга Кириллова была встречена добрым словом читателей. И за-

служенно: в ней много неподдельного лирического чувства и колоритных красок, что удалось сохранить переводчикам.

Однако не в обиду будь автору сказано, но ради прояснения затронутого вопроса, — по общему впечатлению, большого литературного события всё же не произошло. Стихи благодарно прочитались, ряд строф и строчек остался в памяти, а потом одним книжным корешком на библиотечных полках прибавилось.

В том же 1952 году, почти одновременно, в Москве состоялась индивидуальная выставка Федота Васильевича Сычкова, на которой было представлено свыше ста тридцати его картин. И это явилось настоящим праздником не только для искусствоведов, но и для широкого зрителя. Славный и поучительный творческий путь старейшего из советских художников был представлен полностью, начиная от широко известного «Письма с войны» (1910), кончая современным полотном «Возвращение героя с фронта». Выставка развернулась художественной летописью, монументальным альбомом живописных образов старой и социалистической Мордовии. Особую радость доставляло созерцание любимых в народе «Трудного перехода», «Школьницы-отличницы», «Учительницы-мордовки». Примечательно, что наиболее значительные работы свершены художником в наше время.

Живым примером, зовущим на постоянный творческий подвиг, является и фигура самого художника. Федот Васильевич — выходец из беднейшей крестьянской семьи, он полуграмотным мальчиком, одержимый страстью к рисованию, пешком исколесил сотни вёрст, перевидал десятки людей в поисках учителя и советчика. Наконец — встреча с прославленными мастерами, оценившими талантливость самородка. Потом Академия художеств, Товарищество передвижных выставок, близкое общение с Ильёй Репиным, гений которого осенил Федота Сычкова, — и общественное признание, неизменный успех, добытые непрестанной учёбой и трудом. Художник и до сих пор не выпускает кисти из рук, черпая зримые образы в своём родном селе Кочелаеве¹.

Пример как будто не совсем в пользу мордовской литературы, на первый взгляд свидетельствующий об отставании литературы от искусства живописи.

Это верно, молодой художник Сычков в девятисотых годах встречался с Репиным, многому научился у него и был назван им хорошим живописцем.

Но чтобы начинающий мордовский писатель мог в ту же эпоху встретиться, скажем, с Горьким или Короленко и получить от них поддержку, — для этого прежде всего обязательными были бы существование развитой мордовской письменности и необходимый уровень национальной литературы. Между тем в начале нашего века и вплоть до революции у мордвы всё ещё не было не только национальной художественной литературы, но фактически и письменности.

Питерские либеральные сановники по ведомству просвещения разрешили составить для мордвы алфавит, но приказывали и не заикаться об открытии национальных школ. Е д и н с т в е н н о й книгой, напечатанной до 1917 года на мордовском языке, было евангелие, да и в нём почти никто не мог разобраться. Из каждых ста мордвин-мужчин оставались на всю жизнь неграмотными восемьдесят девять; на двести женщин-мордвовок приходилось умеющих читать по складам всего лишь три. Это не дурной сон земского статистика, а безрадостная реальность, зафиксированная всеобщей переписью 1897 года.

¹ См. монографию: Костина Е. М. «Федот Васильевич Сычков — старейший русский живописец». Мордовское книжное издательство, Саранск, 1954.

И не случайно, когда Ф. В. Сычков был уже известным художником, будущие основоположники мордовской литературы только ещё появлялись на свет: наиболее видный зачинатель поэзии, Михаил Ильич Безбородов, родился в 1907 году; автор первой мордовской повести «Татю» («Татьяна») — о женщине, раскрепощённой Великим Октябрём, — Тимофей Алексеевич Раптанов, рождён в 1909 году¹ и т. д.

В соседней Чувашии благодаря целому ряду обстоятельств дело сложилось благоприятнее. Там ещё в годы гражданской войны национальная революционная литература опиралась на классика Константина Иванова, создавшего шедевр искусства, поэму «Нарспи», на поэта Михаила Сеспеля — преобразователя чувашского языка. Там уже существовали выработанные опытом творческие традиции, а из художественных книг на родном языке можно было составить небольшую библиотечку.

Поэзия не сходила со страниц первых мордовских газет, таких, как «Од веле» («Новая деревня»), выпускавшейся между 1924—1932 годами сначала в Пензе, потом в Саранске. Стихами заполнялись литературно-художественные разделы появившихся журналов общего типа — «Валда ян» («Светлый путь»); «Сятко» («Искра»).

И ведущим настроением и идеей подавляющего большинства стихов было торжество, ликование, вызванное победой народившихся социалистических форм жизни над старым, собственническим укладом. Напор эмоций был торопливым, бурным, и они, не успев отчеканиться в сознании, выливались стихийно, как половодье, без ясного очертания берегов.

Я колхозную
Славлю деревню,
Буду петь
Неустанно о ней:
Обновляем мы
Лик её древний,
Даже воздух
Над нею свежей.

(Михаил Безбородов, 1929)

В колхозе, на стройках — все люди
Включились в героику буден,
Чтоб счастье зарёю пылало,
Чтоб жизнь на земле ликовала!

(Илья Кривошеев, 1936)

В прозе, даже в «Татю» Раптанова, написанной с хорошим знанием материала, прорывались общие строки — конкретность и выразительность подменялись наспех стилизованной констатацией факта:

«И года не прошло — всё случилось так, как говорил Андрей, — точно в воду глядел солдат. В феврале прошёл слух: царь Николка сам отказался от престола — головой, мол, слаб да убог, увольте, православные».

А жизнь всё настойчивее требовала углублённого понимания социальной сущности новых явлений, раскрытия их психологии. Это давалось трудно. Легче было понять отстоявшееся прошлое. И сколько бы ни принесло оно горя, у каждого в каком-то уголке души ютились воспоминания об ушедших в невозвратное детстве и юности. Хоть редко, случайно, но и тогда всё-таки выпадали свои наивные радости. Издали они казались

¹ Оба писателя скончались совсем молодыми: Безбородов — 28, Раптанов — 27 лет.

красивыми оазисами. И вот слышались в поэзии нотки грустного любования стариной. Даже целеустремлённый и ясно мыслящий поэт Никул Эркай порой поддавался этому расслабляющему недомоганию:

Милой хаты двери я
Свято помнить буду.
Древние поверия
Долго не забуду.
Бабушкины руки я
Целовал бы нежно,
Да с тобой в разлуке я,
Домик в шапке снежной.
Этот дом донныне я
Не забыл в столице.
Пенье петушиное
По ночам мне снится...

Путь народа к вершинам культуры и искусства не всегда пролегает по кратчайшей прямой, особенно когда приходится с большим запозданием осваивать письменность. Мордовским писателям надо было пробиться сквозь множество предрассудков, порождённых и явлениями национальной ограниченности и прежним неизжитым уездным захолустничеством, чтобы вывести свою литературу на столбовую дорогу социалистического реализма и вплотную взяться за овладение жанром прозы, дающим художнику полную свободу проявления своих талантов.

2

Какой же чудесный компас помог мордовской литературе столь быстро выйти на новые просторы?

Теперь уже каждый студент в Саранске знает о том примечательном факте, что Маркс в одном из своих писем к Энгельсу привёл высказывание крупного русского публициста-этнографа Флеровского, который отозвался о мордве, как о народе поэтическом. При этом Маркс отметил, что у Флеровского «много чутья к особенностям народностей».

И действительно, сколько поэтичности хотя бы в названиях селений Мордовии: Ковылкино, Потьма, Инсар, Девичий рукав...

Обиходная речь мордвы богата точными сравнениями и смелыми метафорами, многозначительными умозаключениями и шутивными загадками-намёками.

Только за последние годы Мордовским научно-исследовательским институтом собраны в народе тринадцать тысяч пословиц и поговорок, многие сотни песен и сказаний. Предпринятое издание мордовского фольклора едва уместится в пяти томах. Народ, лишённый грамоты, письменности, не остался безъязыким. Свои мечты, мудрость, восхищение перед природой, гнев на поработителей он изливал в песнях, сказках и героических легендах.

Небольшая поэма неизвестного автора — «Сын мордовский» — это и кусок доподлинной истории и живой, до сих пор волнующий голос. Сюжет в произведении развивается стремительно. Только молодой мордвин выехал в лес за дровами, как наскочил «полк ногайцев злых».

Жгут селенья, убивают,
Льётся кровь рекой.
Плачет мать-земля сырая
От беды лихой.

Знатный кочевник захватил молодого мордвина и повёз его в степи, в неволю, чтобы похвастаться добычей перед женой-полонянкой. Она оказалась родной сестрой пленника. Брат и сестра замыслили побег на родину. Предварительно убили ногайца. И вот бегут:

...Днём трава, леса их прячут
И дают покой.
Ночью звёзды им маячат,
Кажут путь прямой.
И без ветра лес зелёный
Им гудит, поёт.
И роса — трава зелёна
В полный рост встаёт...

Победа живого над мёртвым, вечность жизни — вот оптимистическая, неотразимая в своей убедительности философия созданного в Мордовии поэтического сказания «Парень и смерть», одной из наиболее драгоценных жемчужин устного творчества народов нашей страны.

Злая колдунья, по жалобе глухих в своей ревности девушек, обрекла парня на чёрную немочь:

Пусть сгниёт под красавцем перина,
Пусть у парня подушки сопреют,
Пусть три года болезнь его точит,
На четвёртый сулю его смерти.

Трижды являлась смерть за парнем и каждый раз отступала перед его неодолимым желанием жить, наконец признала себя побеждённой:

Ненасытен ты к жизни, вижу,
За тобой надоело таскаться. —
И, поднявши на плечи косу,
Поплелася своей дорогой¹.

Есть основания предполагать, что Горький, живя в Нижнем, по соседству с теперешней Мордовией, не мог не знать этой распространённой в народе легенды и именно её поэтически переработал в своей известной сказке «Девушка и Смерть».

Корни фольклорного творчества так крепки в Мордовии, что живут и теперь, когда не просто грамотность, но среднее и высшее образование вошли в быт почти каждой советской семьи.

Пройдитесь вечером по Саранску — улицы его заполнены учащейся молодёжью. Институтов в Мордовии уже несколько. А сельскохозяйственных техникумов, педагогических училищ, фельдшерско-акушерских школ — не меньше двух десятков, и они открыты не только в Саранске, но и в районах. И это не считая обычных средних учебных заведений. А семилетнее образование все дети соответствующего возраста начали получать ещё несколько лет тому назад.

Впечатление такое, что каждый человек в Мордовии — малый и взрослый — где-нибудь да учится. Шофёр такси, прежде чем положить руки на баранку, закрыл книгу, сунул за обивку кабины и на вопрос пассажира: «Что читаете?» — обыденно ответил: «На первый класс готовлюсь». Колхозник, продававший на саранском рынке крупные антоновские яблоки, говорил, перебрасывая из руки в руку жёлтый тяжёлый плод:

¹ Все отрывки из фольклорных произведений — в переводе П. Кириллова; цитируются по антологии мордовской литературы «В родном краю», Саранск, 1954.

«Его с дерева за господи помилуй не возьмёшь. У меня вон на что жена, и та зиму к агроному в кружок ходила».

Кто — на курсах, кто — в кружках... Но ведь, кроме этого, в каждом из тридцати двух районных центров республики есть свой пятистенный, крепко сколоченный Дом культуры. А клубов, библиотек, изб-читален по сёлам и городам Мордовии, если подсчитать, получится до тысячи. В крестьянской избе книги, мало сказать, любят и хранят, — их чтут и оберегают от лишней пылинки: держат в переднем углу на полке, задержанной белой занавеской.

Вот на каком мощном пласте молодой культуры, как на крепком фундаменте, воздвигается мордовская литература. Кроме того, перед глазами всегда был поучительный и вдохновляющий пример братской русской литературы с её восхищающими весь мир образцами и с её вековым опытом.

На одном из литературных вечеров в Кочкуровском районе читатель, пожилой человек, так высказался: «Пишите о нашей жизни — старой и теперешней. Подробнее пишите, чтобы не день и не два читать».

Речь, повидимому, идёт не о стихе или рассказе, но о романе-эпосе, о картинах жизни поколений, чтобы читать по вечерам всю зиму, словно заочный исторический факультет проходить.

3

В эпопею обещает вылиться роман «Широкая Мокша» Тимофея Кирдяшкина, писателя старшего поколения. Это — первое прозаическое произведение, рисующее жизнь мордвы в широком плане. И не случайно, что книга посвящена исторической теме. Народ, в прошлом обречённый помещичье-самодержавным строем на истребление болезнями и голодом, а ныне поднятый на строительство коммунизма, хочет знать своё прошлое, чтобы лучше понять и оценить всё величие настоящего. Этот народ не безроден и не бесславен. У него есть исторические традиции борьбы за лучшую жизнь; былины и предания хранят имена богатырей чести и правды.

Таким вожаком крестьянских масс и является в романе «Широкая Мокша» бедняк Тихон Черемшин. Он и его соседи начисто разорены, ограблены помещиком, замордованы царскими чиновниками. Если и остались в доме какие крохи — отнимает свой живоглот, старшина Савва Федяшев. Хищник, обещающий превратиться в крупного воротилу, он холуйски раболепствует перед русскими властями, но презирает односельчан, старается растоптать их человеческое достоинство. Страшная фигура! Но сколько простоты, благородства и величия духа в крестьянском труженике Черемшине.

Эти две силы неизбежно должны столкнуться в последней схватке. Решающего социального взрыва в романе ещё нет. В сердце Тихона и его товарищей накапливается ненависть, готовая прорваться испепеляющей вспышкой. По логике нарастающих событий роман, начатый девятидесятью годами прошлого века, должен в следующей книге (или книгах) быть доведён до Октябрьской революции.

Однако и сейчас уже ясны тематическая значимость и художественная ценность произведения. Характеры главных персонажей, очерченные резко в их крайностях, очень колоритны. Писатель даёт зримое представление о быте и нравах старой деревни, не впадая в докучливый бытовизм. Воспитательная сила романа в том также, что он окончательно разбивает неправильное мнение, будто классовая борьба обходила стороной мордовское крестьянство. Неискоренимая вражда между Саввой Федяшевым и Тихоном Черемшиным наглядно говорит о другом.

Тимофей Кирдяшкин понимает, что без помощи русского рабочего класса положительные герои его романа не нашли бы в своих исканиях той единственно революционной правды, носителями которой явились коммунисты. К сожалению, это понимание осталось в произведении только рассудочным и не получило эмоционального наполнения. Русский большевик Константин Михайлович близок мордовской бедноте в той же мере, в какой близка бывает всякая отвлечённая правильная мысль, ещё не подтверждённая фактами. Живой, тёплой дружбы не получилось. Что-то неодоушевлённое, чисто риторическое слышится в речах Константина Михайловича.

Если искать примеры и сравнения, то в этом плане гораздо большей удачи добился Пётр Кириллов в своей исторической драме «Учительница». На наш взгляд, эта пьеса заслуживает серьёзного внимания не одних периферийных театров, как было до сих пор, но и центральных. Особенно привлекателен в ней образ русской ссыльной революционерки Надежды Лавровой. Она нашла путь к сердцу мордовских крестьян и пользуется ответной любовью. И потому её политическая агитация — живое, берущее за душу слово.

Роман «Широкая Мокша» ещё не закончен, и автору не поздно ещё раз обратиться мыслями к великой и неисчерпаемой, священной для всех нас теме дружбы народов. Она всегда будет волновать воображение и других мордовских писателей. Да и только ли мордовских!

Тем более непозволительно сводить дело к схеме, от которой уже не один читатель получил литературную оскомину: замытаренный крестьянин, имея рек по национальности, встречается с умудрённым революционным опытом русским рабочим или интеллигентом, и между ними сейчас же закрепляются узы дружбы. «Ты вот что, брат, — похлопывая друга по плечу, в каком-то ненатуральном тоне говорит русский, — ты страдаешь не только от царского жандарма, но и от своего кулака. Тут, брат, получается двойная угнетательная механика. Так что соображай. Понятно?» Собеседник молча кивает головой, и лицо его озаряется просветлённой улыбкой.

Что-то умозрительное сквозит в таком трафарете. Между тем русскому передовому человеку и в жизни и в литературе никогда не было свойственно ни покровительственное отношение к представителям меньших народов, ни развязно-поучательский тон в разговорах. И нити дружбы завязывались не столь простенькими, не обещающими прочности узлами.

Мордовские литераторы, вероятно, хорошо знают — в особенности Тимофей Кирдяшкин, так как этот факт имеет самое непосредственное отношение к его роману, — о той необычайно стойкой борьбе, которую в незабываемые декабрьские дни 1905 года вели с самодержавием рабочие узловой станции Рузаевка¹. Недаром эта эпопея получила в народе название «Рузаевской республики».

Когда царское правительство залило улицы Москвы кровью восставших, Рузаевка ещё крепко держалась. Вся власть здесь, да отчасти и в окрестностях, принадлежала забастовочному, вернее бы сказать, революционному комитету под председательством машиниста депо Байкузова. На всём протяжении Московско-Казанской железной дороги комитет объявил себя руководителем стачечного движения и одновременно вторым, после московского, штабом восстания. Комитет облагал контрибуцией местных капиталистов, обявлял торговцев выдавать рабочим по особым квитанциям продукты, распоряжался, чтобы на подчинённых станциях же-

¹ Ныне Рузаевка — город с многотысячным населением и развитой промышленностью. Входит в Мордовскую Автономную Республику.

лезнодорожникам выплачивалось жалование из тех сумм, которые накапливались в кассах от продажи проездных билетов.

В эти дни агитаторы комитета и вооружённые дружинники повседневно бывали в ближайших к Рузаевке деревнях, населённых преимущественно мордвой, подбивали к выступлениям против помещиков, возглавляли захват имений. На станционной площади устраивались массовые встречи рабочих с крестьянами¹.

Многочисленные документы и рассказы живых участников свидетельствуют о том, что крестьяне проникались от рабочих сознанием общности интересов и конечных целей в борьбе, искали примеров организованности и взаимной выручки. Нет сомнения, что часть продовольствия из захваченных поместий подвозилась в Рузаевку, так как торговцы саботировали продажу по «комитетским квиткам».

Деревенская беднота и передовые середняки проходили под руководством рабочего класса революционные университеты. В данном случае они видели: у железнодорожников комитет — всему голова, у них — добытое оружие, дисциплина. С таким товарищем не пропадёшь. За ним сила — ему и править делом. Иного союзника не найти. И братство заключалось до полной победы, навечно.

Все эти живые формы связи и учёбы, эти трепетные мысли в бессонные ночи — как они не похожи на те скучные, заведомо правоучительные беседы, которые иногда ведутся между «опекуном» и «подопечным» в книгах, переведённых с языков братских литератур!

Отношения же между русскими крестьянами и землепашцами других народов, включённых в границы государства, складывались тоже не просто. Напрасно власть и капитал имущие старались всеми мерами разобшить и поссорить их. В конечном счёте мужики рязанские и саранские рассуждали, как подсказывала реальная действительность. Недруги у нас общие — помещик, урядник, старшина. Нуждаемся все в той же земле, лугах и лесах. И это не фигурально, а зачастую буквально. На территории нынешней Мордовии население в целом ряде волостей было смешанное: стена в стену жили мордва, русские, чуваша, татары. За неплату податей и ясака драли их в одной и той же сельской конторе, с земли сгонял один и тот же барин.

И если этот пёстрый пахотный люд общими усилиями на сотни вёрст огораживался лесными засеками и насыпными валами, защищая семьи и жилища от набегов кочевых орд, то ничто не могло спасти от разбоя и надругательств, творимых своими дворянами и купцами. Достаточно красочна история о том, как помещики Струйские возводили знаменитый дом-дворец в родовом селе Рузаевке (это в одном километре от современного города Рузаевки). В семи верстах от постройки формовали и обжигали кирпич. Господам показалось нерасчётливым так далеко гонять за ним лошадей, да и боя будет порядочно. И вот от села до обжигательных печей была выставлена непрерывная шеренга крепостных. По этой живой цепи днём и ночью перебрасывался из рук в руки кирпич за кирпичом — многие десятки тысяч штук.

К слову сказать, Струйские слыли просвещёнными сатрапами. Их фамилия дала целую вереницу литераторов-аристократов, в частности Николая Струйского, учредившего в той же Рузаевке свою типографию для печатания на атласе и подношения «матушке Екатерине» собственноручно сочинённых виршей. От «незаконной» связи его сына Леонтия с дворо-

¹ Подробнее об этом см. в книге «Советская Мордовия», сборник, издание Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР, Саранск, 1950. К этой же книге автор данного очерка обращался за некоторыми уточнениями.

вой девушкой Аграфеной Фёдоровой родился мальчик Александр. Воспитанный саранским мещанином Иваном Полежаевым и унаследовав от него фамилию, он вырос в одного из лучших русских поэтов, отнюдь не аристократического направления. Что касается самого Леонтия Струйского, то за убийство крепостного он угодил в Сибирь. В это время Александру Полежаеву было 16 лет¹.

Вот на такой фараоновой работе, вроде сооружения дворца Струйских, где в семивёрстной цепи стояли рядом невольники нескольких национальностей, и завязывалась дружба на жизнь и смерть. Всем было одинаково тяжело и ненавистно. Каждый не хуже соседа понимал, что столь же изнурителен и бессмыслен любой труд на крепостника. Но всего вероятнее, что именно русский крестьянин первым выкрикнул проклятье: «Ну, погоди ж... Сочтёмся...» Ведь в россиянах «государственный корень», и они раньше других отвели барской похлёбки, стало быть, за ними и почин дела.

Жизнь выдвигала зачинателей и вожakov по заслугам, целесообразно. И не было в этом подчёркнутого превосходства, которое так навязчиво и неприятно выпирает в некоторых романах.

Если крестьянское движение огромного размаха возглавлял Степан Разин, донской казак, то в секретарях у него был саранский стрелец Василий Дьяволков, а одним из ближайших сподвижников — Мурза Акайка, мордвин, выходец из теперешнего Ромодановского района.

При Екатерине мордва волновалась почти непрерывно. Но лишь после того, как Емельян Пугачёв пробыл по нескольку дней в Алатыре и Саранске, выпустив там программные манифесты, мордовские повстанцы начали воевать с притеснителями организованно, поставив перед собой определённую цель.

Дружба тружеников возникла не при случайных встречах, как, облегчая свою задачу, склонно рисовать писательское воображение. Она складывалась исторически, освящалась веками.

Между реками Волгой и Окой, по травяным и лесистым поймам, рукой достать от Рязани, селилась мордва исстари — народ немногочисленный, но ко всему рукодельный и в работе дружный. В войлочных, а то плетёных из ржаной соломы шляпах, в лёгких липовых лапотках, они на всяком деле поворачивались быстро, только успевай смотреть, как мелькают по вспаханному чернозёму или зелёному лугу их белые домотканые онучи, туго закрученные до самых колен.

Черноглазые, смугло-румяные женщины носили на головах высокие повязки, вроде кокошников, позванивали нагрудными украшениями бронзовой и серебряной чеканки. Одежда на них — своего терпеливого пряденья-тканья, своей нарядной вышивки.

Русские приняли соседей за артельность в труде, за схожесть в обряде и нравах. Жили рядом, обменивались мастерством, песнями, потом начали родниться.

Броневая грудь россиян была надёжной защитой народам Поволжья. И после падения Казани все они по доброму согласию влились в Московское государство. Это было так же естественно, как впадение в могучую Волгу стремящихся к ней притоков. Заманчиво сияла культура Москвы, Киева, Новгорода.

Вот какой исторический путь народов невольно вспоминается, когда читаешь в романе Тимофея Кирдяшкина о каких-то искусственных встре-

¹ Об этом подробно рассказано в очерке И. Д. Воронина «А. Полежаев», Гослитиздат, Москва, 1954, и в книге того же автора «Литературные деятели и литературные места в Мордовии», Саранск, 1951.

чах Константина Михайловича с мордовскими крестьянами, о скучных и натужных беседах, которые он ведёт.

А ведь тема Константина Михайловича, тема дружбы народов — русских с казаками, украинцев с белорусами, грузин с армянами, — неизменно возникает как громкий лейтмотив во всей нашей многоязычной литературе, особенно в тех произведениях, где выступают представители различных национальностей.

И надо не формальную дань отдавать этой теме, не обеднять её, но разрабатывать творчески: партийно, с подъёмом и полным знанием исторической подосновы изображаемых явлений.

4

Роман Тимофея Кирдяшкина называется «Широкая Мокша». И не случайно. Автор, вкладывая в название аллегорический смысл, кроме того, как бы подчёркивает национальный колорит произведения, его географический фон. Выбор заглавия по такому принципу довольно широко применяется в наших литературах: «Свияга впадает в Волгу» Кузьмы Турхана (Чувашия), «Караганда» Габиден Мустафина (Казахстан), «Апшерон» Мехти Гусейна (Азербайджан) и другие.

Однако, переходя от заголовка к тексту, писатели нередко словно бы забывают о взятых на себя обязательствах. «Перевод с туркменского», для примера, читаем мы на титульном листе книги. Но где атмосфера зноя в песках Кара-Кумов, ощущение как бы добела раскалённого солнца, запах дыни — густой и жаркий, виноград, источающий сок под обжигающими лучами? Где позванивание арыка вечером, когда всё живое блаженно дышит слетевшей с гор прохладой; громадная рыжая луна и такие же до жути огромные, косматые звёзды, прядающие над самыми вершинами пирамидальных тополей?

В лучшем случае всё это бывает названо, равнодушно проинвентаризовано, а то и совсем проходит мимо взора и слуха писателя. Неповторимый пейзаж, бросающаяся в глаза деталь костюма, характерный оборот речи — ведь именно эта эмоционально воспринятая география и этнография окрашивает, задаёт тон и окончательно заставляет верить, что действие происходит в Мордовии, на берегах Мокши, в самом начале нашего века, а не где-то, когда-то, среди кого-то.

К сожалению, «Широкая Мокша» бедно наделена этими художественными приметами. И в некоторых сценах получается так: действуют люди, характеры которых представляешь; к разговорам их и делам не остаёшься равнодушным. А вот в какой среде они действуют — это подчас остаётся неуловимым. Дело тут не в количественной скудости бытовых фактов. Автор как раз щедро описывает быт. Но от него ускользают и он не доносит особенностей быта, как и особенностей пейзажа.

Обратимся ещё раз к Окско-Волжскому междуречью. Если рассмотреть его на карте, то увидишь, как по голубому фону выются две прихотливые линии. Это струят свои светлые воды неразлучные сёстры — Сура и Мокша. Особенно капризна Сура. Кажется, вот уже вплотную подходишь к реке, сейчас расступится густой тальник. и в самые глаза сверкнёт, ослепит жёлтый луч, отражённый в текучем, переливчатом зеркале. Нет! По вершинам того же тальника угадываешь — русло опять сделало бросок в сторону, выгнув крутое колено. И продолжаешь брести — уж которую версту! — всё той же влажной низиной, поросшей непробойными медово-пахучими травами да местами, на распашках, маслянистой коноплей выше человеческого роста. Кругом в застоявшемся парном воздухе попрежнему такая тишина, что начинает позванивать в ушах и

плывёт голова. Вдруг замирающий посвист заставляет вздрогнуть, словно над самым ухом стремительно распрямилась длинная сырая хвостина. Это тучный селезень низко пронёсся, блеснув сизо-радужным опереньем. И сейчас же с необъятного неба почти вертикально метнулась узкая, точно стрела, тень. Ястреб ударил! Чуть опоздал, промахнулся. Где-то за кустами селезень всплеснул воду. А хищник взмыл и пропал в синеве.

По живописным берегам Мокши и Суры и расположена теперешняя Мордовия — одна из Автономных Советских Социалистических Республик, с её 5 городами, 32 районами, 4 рабочими посёлками и 1723 колхозными сёлами. По территории, если мерить западноевропейскими масштабами, это целая страна: 275 километров в длину и от 55 до 140 — в ширину.

И вот сталкиваешься с одной из своеобразнейших особенностей, к которой мордовские писатели, должно быть, так привыкли, что не придают ей значения, по крайней мере в творчестве она не отражается. Между тем к этой особенности надо присмотреться со всей остротой художника.

Западную часть республики, ближе к границам Рязанской области, населяет мордва-мокша; восточная сторона, в направлении к Ульяновску, занята мордвой-эрзя. Два разветвления одного и того же древнего корня, но каждое развивается по-своему.

Протекает в Мордовии ещё одна небольшая река, название которой звучит в фамилии тургеневского героя «Накануне»: Инсара. Это своего рода водораздел между поселениями эрзи и мокши. С незапамятных времён и до наших дней устойчиво сохранился обычай: как те, так и другие без особой надобности не переселяются на противоположный своему берег.

Десятки мостов наведены через реку, да и сама она не столь уж широка — можно переговариваться, не особенно повышая голос. Однако история не повторила здесь того, что произошло в расположенной рядом Чувашии, где «верховые» и «низовые» полностью во всём слились, за исключением разве того, что отдельные ревнителю блюдут некоторые традиционные различия в деталях одежды, остающиеся для неискущённого глаза незаметными. Литературные языки у эрзи и мокши и поныне совершенно самостоятельные. Разумеется, в обиходе люди выработали взаимоприемлемый речевой сплав — и обе стороны отлично понимают друг друга. Но чтобы эрзянину прочесть по-мокшански (и наоборот) — этому всё же надо учиться.

Разве одна только эта особенность не может вызвать у прозаика или поэта, работающего над исторической темой, живейшего представления о сложном и ярком узоре человеческих отношений, о забавных и печальных, о радостных и драматических случаях, просящихся в сюжет?

Это же самое обращение ещё настойчивее следует адресовать и авторам произведений, построенных на современном материале. Посмотрите, сколько самобытного кругом! Пахотные и луговые угодья эрзянских и мокшанских колхозов по Инсаре соприкасаются, и бывает, что на сенокосе соседи полдничают под одним и тем же тальниковым кустом. Речка — не такой уже рубикон, чтобы правобережному куму не наведаться к левобережному куму, а мокшанскому русому парню не повстречаться с эрзянской смуглянкой. Так оно и водится. И при всём этом бытовые штрихи, наиболее характерные для обитателей того и другого берега, остаются выраженными довольно отчётливо. О языке уже сказано.

Благодаря этому по-своему окрашен весь строй созидательной и массово-разъяснительной работы в республике. Секретарь обкома и любого райкома, направляя в село инструктора или постоянного работника, должен обязательно учитывать, насколько посылаемый подходит для дан-

ной местности знанием языка, обычаев и т. п. Успешная деятельность, например, учителя всецело зависит от этих обстоятельств.

В Саранске газеты республиканского значения (а их несколько) выходят на трёх языках: на русском, мордовском-эрзя и мордовском-мокша. По тому же принципу выпускаются литературно-художественные альманахи: «Литературная Мордовия», «Инзямо» («Победа»), «Сяськома» («Победа»). Соответственная картина и в местном издательстве, ежегодно печатающем сотни названий книг, общий тираж которых исчисляется миллионами экземпляров.

Ничьи желания не ущемлены — можешь читать, разговаривать, творить на том языке, который роднее. Взаимная уважительность и сердечность в отношениях — эти, хотелось бы назвать, лирические привычки — порождены удивительно человеческой системой советской демократии. Именно новые, благородные черты характера помогают дружно жить и согласованно трудиться на мордовской земле почти полуторамиллионному коллективу строителей коммунизма.

5

Новое, современное запечатлено в двух романах мордовских писателей: Ивана Антонова — «В семье единой» и Алексея Лукьянова — «Светлый путь».

Иван Антонов — писатель несомненно одарённый, растущий — знаком русскому читателю по очерково-публицистическим заметкам «Ухабы на дорогах» (альманах «Год тридцать седьмой», № 17, 1954), в которых автор проявляет наблюдательность и смелое вторжение в жизнь, уверенное владение формой сатирического письма — от добродушного юмора до злого гротеска, когда речь заходит об изобличении порока.

На сей раз перед нами — сюжетное произведение с художественными обобщениями, с развёрнутыми судьбами и характерами людей. Время действия — первый период Отечественной войны.

Удачей автора следует считать в «Семье единой» образ молодого мордвина Петра Павёлкина. Из незрелого, порой ненаходчивого солдата Пётр в процессе испытания войной вырастает в опытного младшего командира, умело владеющего сложной техникой современного боя. Как человек, Павёлкин сначала несколько наивен, мешковат, потом мужает, поднимается до глубокого понимания всей серьёзности происходящих событий. Привлекательна и жизненна в этом парне главная черта: на какой бы фронт ни забрасывала его война, в какие бы условия ни ставила, он всюду чувствует себя равноправным сыном Родины, на котором лежит священная обязанность защищать народы Советской страны от фашистских захватчиков. Он всегда органически оптимистичен и уверен в конечной победе над врагом — вот надо только ещё и ещё поднатужиться, а затем ударить со всей силой.

Павёлкин — глубоко народная фигура. Жизнерадостностью своей, знанием правоты творимого им ратного дела он как бы освещает окружающих его воинов. Может быть, именно поэтому массовые сцены в романе насыщены бодростью и написаны в той непринуждённой манере, когда даже краткая реплика безымянного персонажа по-своему выразительна.

Автор свободно переносит действие с фронта в тыл и сразу же находит и здесь нужные интонации. Труд колхозников для него такое же знакомое дело, как и окопная страда, а сами колхозники близки и понятны не менее, чем Павёлкин и его фронтовые товарищи. В тылу — тот же неугасимый патриотизм, что и на передовой.

У Алексея Лукьянова — широкий размах в романе «Светлый путь». Мордовскую колхозную деревню он хотел показать во всех многогранных достижениях: высокие урожаи, цветущие сады, машины на полях, электричество в избах и на фермах, рост сельской интеллигенции... Пожалуй, всех намерений автора не перечислишь. Но если говорить о том, что получило в произведении художественное завершение, то подсчёт будет гораздо короче.

Из строителей колхоза на первый план хочется поставить бригадира Акулину Вирясову. Это сильная духом мордовская женщина, активная, наделённая природным умом. Она не только вожак среди своих товарок, но и у мужчин пользуется авторитетом. На таких людях колхоз держится. Образ реалистический, глубоко жизненный. Рядом с ней муж, Василий Вирясов, директор МТС, кажется худосочным человеком. И как ни старается автор наделить героя превосходными качествами, они что-то плохо пристаю, потому что нарисована эта фигура без настроения, больше от рассудка, чем от сердца.

Может быть, Алексей Лукьянов, стремясь к всестороннему обзору колхозной жизни, не соразмерил своих возможностей и потому разбросался. Получилось, что называется, всего понемногу, а настоящего, центрального пятна, переднего плана у картины вроде бы нет. Есть ряд сцен, эпизодов — одни из них хороши, другие сероваты. И все они слабо связаны драматургией.

При всех своих недостатках «Светлый путь» всё же писательское слово, правда, сказанное недостаточно громко и с излишней поспешностью.

Ведь и роман «В семье единой» не лишён своих изъянов. Их значительно меньше, они иного характера, но Ивану Антонову также надо много работать над дальнейшей своей профессионализацией. Как часто он бросается безвкусицей мелодраматическими фразами: «Враг неистовствовал и бесновался», «Свинцом и трупами устилалась степь». Сообщения от автора бывают маловыразительны, почти не отличаются от скороговорочной корреспонденции военных лет:

«И несмотря на то, что общее преимущество в войсках и технике на этом направлении пока ещё было на стороне противника, твёрдой и несокрушимой стеной стояли войны Воронежского фронта. Яростные атаки немецко-фашистских захватчиков захлёбывались в их собственной крови... плотный огонь советских воинов заставлял их откатываться на исходные позиции. Не зная ни сна, ни отдыха, сражались бойцы».

Всё это, конечно, досадно, но вполне устранимо и не ставит под сомнение произведение в целом.

Гораздо хуже с четвёртым романом — «Семья Кочкуровых» Якова Слушкина. Неосмотрительно напечатанный в альманахе «Литературная Мордовия», он при ближайшем рассмотрении оказался произведением, находящимся за гранью художественности, и не мог выйти отдельным изданием, хотя некоторые зарисовки свидетельствуют о знании автором деревни, о любви к пейзажам.

Печальный случай с Яковом Слушкиным, в котором автор столько же повинен, сколько и невзыскательные редакторы, явился тревожным сигналом. И когда писательская организация встрепенулась, огляделась, то оказалось, что далеко не все мордовские литераторы серьёзно учатся мастерству. Речь идёт не о творческой грамматике, необходимой на первых порах Якову Слушкину, а о более широких и глубоких постижениях всем творческим фронтом, без чего поэзии Мордовии, добившейся в тридцатых и в начале сороковых годов заметных успехов, угрожает застой; а проза в самом начале своего развития не сможет на должном уровне осуществить многообещающих замыслов.

Показательных примеров достаточно.

Очень своеобразный прозаик Василий Коломасов уже несколько лет перерабатывает свой роман «Лавгинов», впервые вышедший в 1936 году. Все признают и остроту таланта писателя и оригинальность его манеры, но энный вариант произведения всё ещё не увидел света.

Что же, знания жизни недостаёт В. Коломасову? Вот уж нет. Он годами живёт в колхозе, вполне свой там человек. Рассказывают, что в свободное время часами сидит с колхозниками на завалинке, стаканы махорки выкуривает с ними, пытливо спрашивая о житье-бытье.

Дело в том, что герой романа Ефим Лавгинов — необычный человек. Это колхозник-хитрюга, себе на уме; обо всём он, по складу ума, имеет своё ироническое суждение, которое напрямик высказывает, из-за чего попадает в различные неприятные переделки. И его недюжинные природные способности никак не могут найти практического применения в колхозе.

Из варианта в вариант автор допускает в характере героя то один излишний крен, то другой. Нарушение чувства меры и такта приводит к тому, что персонаж начинает выглядеть зубоскалом. Словечки его хлестки, поговорки метки, но недоброжелательны к колхозу. Исправление рукописи вдруг делает Лавгинова благонравным, что совсем не свойственно данной фигуре. И так без конца.

Вся трудность в том, что талантливый писатель политически не осмыслил своего угловатого, задиристого и не падкого на работу героя, не нашёл ему места в советском обществе. «Завалинка» сужает горизонт наблюдений. А недостаточная литературно-политическая учёба задерживает полёт мысли.

Андрей Куторкин — поэт хорошего вкуса, собственных звучных мотивов. Он прилежно работает над формой — его эпитеты и метафоры продуманны, слово в стихе отличается точностью. А. Куторкин — один из лучших знатоков и ценителей фольклора. Но, кажется, излишнее увлечение устным творчеством мешает ему. Его работа над романом в стихах «Яблоны на большаке» также чрезмерно затянулась.

По окончании это произведение должно явиться чем-то вроде поэтической энциклопедии мордовского народа: в ней — история революционного движения, этнографические картины, судьбы крестьянства, наконец, Октябрь в Мордовии. Поэтом уже написаны тысячи строк. Некоторые, отдельно взятые главы исполнены с большим мастерством и чувством. Но роман в целом, хотя бы одна из частей его, до сих пор не получает ни доно выраженной сквозной идеи, ни завершённой композиции. Увлёкшись какой-нибудь боковой линией монументального повествования, автор уходит в сторону от главного замысла, погружается в быт, в фольклор.

Если бы поэт ведущим в своей работе полагал содержание, а не ограничивал бы себя отдельными достижениями в области формы, то, возможно, роман был бы уже закончен на должном художественном уровне. Для этого Андрею Куторкину надо глубоко знать историю своего народа не только по преданиям и легендам, но и в научном марксистско-ленинском освещении.

За последние годы в литературу Мордовии пришло много талантливейшей молодёжи. Ей особенно необходима теоретическая учёба в сочетании с практикой. Если писатели старшего возраста в какой-то мере могут полагаться на опыт, то у молодых и опыта недостаточно.

Среди молодых прозаиков читатели и критика справедливо выделяют Илью Кишнякова, а среди поэтов не столь давнего «призыва» — Илью Девина и Александра Малькина.

Илья Кишняков в этом году выпустил первый сборник рассказов «Наши будни». Заметно, что автор упорно старается овладеть сюжетом.

И правильно делает. В трудном жанре рассказа, где «площадка» слишком сужена для развёрнутых психологических мотивировок, умелый сюжетный поворот обуславливает душевное движение героя и художественно оправдывает тот или иной его поступок.

И. Кишняков ищет эти удачные повороты и порой находит их. Но он ещё не овладел искусством эмоционального подтекста и потому прибегает к навязчивым сентенциям.

В заглавном для сборника рассказе «Наследник» слесарь-комсомолец Федя Лукичѳв отказался копать траншею, чтобы найти повреждение в подземном трубопроводе, потому что работа была трудной и грязной. А когда траншею разрыли, то на стенке её увидели надпись: «Лукичѳв Григорий Фѳдорович, 1941 год». Это надписал отец Феде перед тем, как пойти на фронт, где он погиб. Магистраль трубопровода была последней его работой.

Прочтя надпись, Федя, «с трудом сдерживая слѳзы, молчал. До глубины души чувствовал он сейчас свою вину перед бригадой, перед памятью своего отца... Он напряжѳнно искал слова, чтобы выразить своё раскаяние. И вдруг молча схватил лопату и стал усиленно рыть вязкий неподатливый грунт».

Сентиментально-назидательная концовка портит общее хорошее впечатление.

Александр Малькин сейчас, пожалуй, наиболее плодовитый из поэтов Мордовии. Он пришѳл в литературу с большим запасом лирических чувств. Его стихи «От клуба тропка тянется до дома», «Кремлѳвская звезда», «Ещё вчера, гремя, война...», «То не яблоня» любимы молодѳжью. Со временем запас юношеских впечатлений и эмоций иссякает. В общении с жизнью, в учёбе надо запасаться новыми. Между тем на квартире поэта Малькина, по отзывам писателей, «десяти книг не найти», и он мало где бывает, кроме редакций. Печально видеть, как талантливый стихотворец, печатаясь попрежнему много, начинает впадать в литературщину, иногда срывается на ущербные ноты или, увлекаясь словесным щегольством, скользит по грани пародийности:

Возле мельницы крылатой
Бродит пара жеребят.
В вешнем ветре жеребят
Чуют лега аромат.

(Стихотворение «Весна», «Литературная Мордовия», № 8, 1954)

У поэта Ильи Девина, судя по сборнику «Моим товарищам по счастью», многое впереди. Но уже и сейчас надо бы ему разборчивее относиться к строчкам своих стихов, не заполнять их случайными, вялыми словами, тем более в таком ответственном стихотворении, как «Коммунист».

Он и солдат, он и учёный,
Он никогда не подведѳт,
По Кара-Кумам раскалѳнным
Он твѳрдой поступью идѳт.

В этом наборе фраз нет органической связи, одно не вытекает из другого, а обедняющая вторая строка ученически беспомощна.

Или вымученное стихотворение «У памятника» (Александру Полежаеву):

Он стоит спокойный,
Сильный и большой
И листок бумаги

Держит пред собой...
 Александр Иванович,
 Разве можно нам
 Не воздать по праву
 Честь твоим делам?

В тех республиках, где литература на родном языке родилась в дни Октябрьской революции, где ещё не успел отложиться достаточно мощный слой национальной поэтической культуры, — там с особой остротой ощущается необходимость серьёзной, разносторонней учёбы писателей.

6

И всё-таки самая глубокая из наук будет мертва без прохождения курса в лучшей из академий — в аудиториях жизни.

Очень молодая литература Мордовии, как и некоторые из её ровесниц, освоила и перенесла в письменное творчество почти всё, что лежало на поверхности богатейших залежей фольклора. Песенно высказан уже весь наплыв первых чувств освобождённого социалистической революцией народа. Поэтически-декларативные заявления об отношении художника к новому общественному строю произнесены. Настала более ответственная пора — создание большой национальной литературы эпохи социалистического реализма. Это требует художественного показа человека и его конкретных деяний; творческих исследований и открытий новых жизненных явлений; осмысливания прошлого и проникновения в будущее. Тут как раз и нужны жанры, предоставляющие большой простор содержанию и позволяющие выразить идею в более совершенной и сложной художественной форме: проза, драматургия, поэма. Пришла пора ответственного экзамена.

Литераторы Мордовии, конечно, выдержат его. Но связь с жизнью им необходима самая тесная и буквально повседневная; изучение фактов требуется доскональное и всестороннее. Напомним, что выдающийся просветитель-демократ и первый учёный, вышедший из трудовой мордвы, Макар Евсевьевич Евсевьев, собирая фольклор и этнографический материал, побывал в четырёхстах мордовских деревнях, невзирая на препятствия, чинимые царскими властями. По характеру самой профессии писатель кабинетный, оторванный от действительности, абсолютно немислим, жизнь для писателя то же самое, что шахта для шахтёра.

Между тем ряд тревожных наблюдений говорит о том, что многие мордовские литераторы не принимают эту обязательную истину. Укажем хотя бы на то, что почти четвертая часть членов Союза писателей Мордовии постоянно проживает в Москве. И среди них — зачинатели родной литературы, современники Михаила Безбородова и Тимофея Рапанова: Пётр Кириллов, Артур Моро, Тимофей Кирдяшкин и другие.

Конечно, успешно творить можно всюду в Советском Союзе. Но ведь все названные товарищи пишут на мордовском (эрзя или мокша) языке. Не ограничивая себя тематикой, им полагалось бы показывать в книгах прежде всего жизнь республики, вырастившей их. Но для этого надо отчётливо помнить черты лица своих земляков, не поверхностно, а профессионально знать, как они живут, близко к сердцу принимать их интересы. Возможно, что некоторые недостатки в романе Алексея Лукьянова «Светлый путь» являются следствием того, что автор по отдалённому, тускнеющим представлениям воспроизводил характеры своих героев, не совсем уверенно разбирался в их современной колхозной работе, требующей разнообразных познаний.

Мордовские читатели огорчаются тем, что за последние годы они в поэзии Петра Кириллова и Артура Моро почти не видят себя. Даты под стихами в «итоговом» сборнике Петра Кириллова, изданном «Советским писателем», наглядно говорят, как из года в год в творческом портфеле поэта всё убывала и почти сошла на нет мордовская тема. Наконец, в «Хозяйке пчёл» читаем грустное признание автора в том, что он крайне редко бывает на родине и в последний кратковременный приезд не узнал встретившуюся в поле девушку, которая оказалась двоюродной его сестрой — колхозной пчеловодкой.

Вполне справедливый упрёк девушки, впрочем, следует отнести не только к Петру Кириллову, но ко многим из нас — к литераторам, приравнивающим побывку в родных местах к поездке на целинные земли:

Редкий гость у нас в селе ты,
Долгожданный милый брат,
На день — на два только летом
Приезжаешь — и назад.

Столь же откровенное признание косвенно слышится и в стихотворении Артура Моро «Саранск»:

Я гляжу на город и немало
Нахожу огромных перемен:
Вырастают новые кварталы,
Льются песни заводских сирен.

Это — самое общее впечатление от изменившегося Саранска. Гораздо конкретнее был поэт в лирической «Дудочке», написанной по мотивам народной песни почти тридцать лет тому назад.

Как бы в отличие от некоторых своих товарищей по перу, поэт Серафим Вечканов сообщает о себе:

Не московский житель я
И не значусь в списках Моссовета.

Но, оказывается, можно, и живя в Саранске, плохо видеть, что творится вокруг. Примером тому — сборник стихов¹ самого Серафима Вечканова, поэта старшего поколения. Не подлежит сомнению его одарённость. Но всё же как в сборнике можно было ограничиться всего лишь одним стихотворением на местную тему — «Сура впадает в Волгу»? И если бы не это стихотворение да не пометка на книге: «Саранск, авторизованный перевод с мордовского», — то, право же, невозможно было бы угадать, кто автор, о каких краях он пишет. Эта «бездомность» музыки Серафима Вечканова приводит к тому, что некоторые его стихи порой небогаты конкретным содержанием, а раздумчивость их иногда вырождается в абстрактную афористичность прутковского стиля, например, в стихотворении «Житейская песня»:

Хорошо,
Когда жена
Влюблена
В супруга так,
Что ни он
И ни она
Друг от друга —
Ни на шаг,

¹ Речь всюду идёт о книгах, сборниках и отдельных произведениях, переведённых на русский язык.

Хорошо,
 Когда супруг
 Так влюблѣн
 В жену свою,
 Что в пример
 Везде вокруг
 Ставят люди
 Их семью.

Мы не хотим противопоставить одно имя другому, но как отличаются от этих стихов книги Эркайя — сборник стихов «Из глубины души» и выпущенный вслед за ним сборник рассказов — их национальным колоритом, новизной фактического материала, познавательностью! Какое отрадное, свежее впечатление оставляет недавно вышедшая книга «Мордовские рассказы», в которой двенадцать авторов из тринадцати пишут о родном крае! Среди них — Пётр Глухов и Леонид Макулов, ещё ни разу не упоминавшиеся ни в одной обзорной статье даже как начинающие авторы, и Василий Горбунов, до сих пор плодотворно работавший в критике. Каждый выступает с добротной новеллой. И как радуют взор, порядком уставший от слишком общих и чем-то похожих друг на друга строф и строк, хотя и описательные, но предметные стихи Александра Мартынова («Паренёк собрался в город», «Строитель», «На участке бригады»), Ивана Прончатова («В кузнице», «На ферме»), Максима Бебана («Полевод»). Всё это лишь зёрна, но ещё не россыпи.

А сколько золотиносных жил, которых и вовсе не касалась рука художника! Индустриализация Мордовии, рост нового отряда рабочего класса — тема, только слегка затронутая в отдельных стихотворениях Александра Мартынова да в двух-трёх рассказах Ильи Кишнякова.

В некоторых наших республиках, где литература не насчитывает и сорока лет, ещё живуча среди части писателей робость, оставшаяся в наследство от провинциальных сочинителей старой Руси: им кажется, будто завод, шахта, фабрика и люди, там работающие, «не пластичны» для искусства, будто «музыка металла» не является источником вдохновения. Только неверие в свои силы и нелюбознательность могут питать такие настроения.

Товарищ мой, мордовский литератор! Кто бы ты ни был — эрзя или мокша, прозаик или поэт, драматург или очеркист, — отвлекись не надолго от привычных занятий, вспомним восточную поговорку: дружеская беседа — мать славных дел. Выйдем вечером на центральную площадь Саранска. Там, в городском парке, при свете электрических шаров возвышается на постаменте ослепительно белый памятник Александру Полежаеву. Это творец «Сашки» сказал некогда:

...Городишка
 Несноснее Саранска нет..

А сейчас перед изваянием шумит, блестит большой советский город с многоэтажными современными зданиями, высшими учебными заведениями, библиотеками, книжными магазинами, широкими асфальтированными улицами, по которым льются потоки прохожих и машин.

А сколько общественных деятелей, учёных, мастеров искусства, Героев Советского Союза, новаторов производства и сельского хозяйства — умных, талантливых своих сынов и дочерей — выдвинул и ещё выдвинет мордовский народ!

Поднимаемся на возвышенность, что с незапамятных времён господствует над Саранском. Когда-то люди от великой тоски и злости прозвали

её «Грешной горой». Здесь, на тракте, по глубоким колдобинам не просыхала чёрная липкая грязь. Сколько тут было поломано колёс и оглобел! Подводчики при этом не молитвы творили. Вспыхивали ссоры, пускались в ход кнутовища из-за того, что кто-то не свернул в сторону, зацепил осью. Брань густо висела в воздухе, как проклятие всей жизни, по которой ни пройти, ни проехать. Где уж тут остаться безгрешным!

Что можно было увидеть с вершины «Грешной горы» меньше полувека тому назад?

Тощие крестьянские нивы за околицами, кособокие хаты, крытые гнилой чёрной соломой. По окраинам четырёх губерний раздроблено мордовское население, чтобы легче было становым приставам подавлять вспышки недовольства. И нигде — ни в казённом присутствии, ни у себя на сельском сходе — не услышишь слова на родном языке.

Девятнадцать винокуренных заводов да дым от костров на болотах, где люди, съдаемые гнусом и трахомой, добывали вручную торф, получая по одной копейке в час, — вот и вся промышленность в прошлом на территории Мордовии.

Пятнадцать церковных колоколен в самом Саранске и несметное количество настержь распахнутых кабаков и шинков по его округе — это «культура» окуровских задворков.

Оглядимся сейчас вокруг, прислушаемся — с возвышенности дальше видно, громче слышно и свободнее полёт воображения. Прежде, как утешение в горькой жизни, мы, дети, слушали красивые сказки. И всегда казалось: не сбываются они лишь потому, что самая хорошая сказка ещё впереди. Каким же золотым словом назвать ту бль, которая занялась теперь перед нами?

Что это заревом полыхает перед нами? Откуда мощный гул, в котором чувствуется нарастание ритма?

Это огни восьми больших промышленных строек вокруг Саранска. Это — движение агрегатов на производствах, уже пущенных полным ходом. Из их цехов идёт во все концы Советской страны множество всяких изделий, начиная от банок разнообразных консервов, кончая точнейшими электроприборами, которыми оснащаются предприятия-исполины.

Что там величаво шумит вдали, донося свежесть и аромат?

Это благоухают цветущие вишнёвые сады Мордовии, разбитые на сотнях гектаров в совхозах. Это шумно колышется на колхозных полях невиданной высоты пшеница и конопля, в которой местами скроются с головой и человек и даже конь. А кони здесь выращиваются особые. Вот в этом году Мордовия отправила труженикам демократического Китая добрый косяк своих тяжелозовов.

Всё здесь создано руками творцов нового мира. Одинаково вдохновенно украшают они своим трудом Советскую Мордовию — и знатный каменщик республики Сидор Нуждин, и не менее известный огородник Пётр Водогреев, и заслуженный деятель искусств, художник Федот Сычков, и популярный в народе певец Илларион Яушев, и сказительница Фёкла Беззубова, которой прислали из Венгрии её произведения, отпечатанные на венгерском языке.

Для таких хозяев со всей щедростью раскрылась помолодевшая природа. Шумят в лесах Мордовии знаменитые мачтовые сосны, которыми оснащал свои корабли житель здешних мест, великий русский адмирал Фёдор Ушаков. На радость людям пасётся в чащах тысячное стадо лосей, в своё время совсем было истреблённых хищническими облавами помещиков. И вновь расплодились в водяных заповедниках трудолюбивые боры — мастера плотин. А в Суре плещется нагульная стерлядь, лучшая в мире, прозывавшаяся в старину «царской».

И все сокровища принадлежат тебе, товарищ мордовский писатель! Это и твой материал, и твоя тема, и твоя мечтательная душа.

Рядом с тобой сияют самоцветами, сами просятся в руки несметные, расколдованные народом клады. На втором съезде писателей Мордовии рассказывались сюжеты, созданные гениальным художником — жизнью.

Томимый поисками впечатлений, писатель Фёдор Атянин попал в село Николаевку, недалеко от Саранска. Рядом пролегает инсарская пойма, сквозь пышные и густые травы которой не продраться. При Столыпине крестьяне здесь нищенствовали. Наиболее смекалистые предлагали: «Расчистим пойму от коряжника — будем и с лугами и с огородами». Но отрубщики запротестовали против общего дела. Что же увидел теперь писатель Атянин? Колхоз превратил пойму в золотое дно. Миллион двести тысяч в год получено доходов от животноводства и овощей.

Максим Бебан — уроженец деревни Керетино. При том же проклятой памяти Столыпине отрубщики отняли у односельчан писателя землю, а самих силой изгнали из села. Люди ушли нищими, с детьми на руках, обречённые на голод и скитания. Октябрьская революция вернула им дедовские пашни, а колхоз наделил радостью. И керетинцы говорят писателю-земляку: «Разве наше счастье не просится в книгу?»

Об этом счастье надо пропеть громко и талантливо, чтобы услышал весь мир.

ЮРИЙ ДОЛГУШИН

★

ПОГОВОРИМ ВСЕРЬЕЗ

Мы с Колей Покровским — индейцы. Самые настоящие, краснокожие, из племени команчей Ниниага Моква, что значит — Злой Медведь. В этом (в чём именно — трудно сказать) мы поклялись перед священной Трубкой Мира с изображением тотема. И клятву мы скрепили кровью, поставив свои значки на личных тотемах — дощечках, вырезанных в форме медвежьей головы. Писали пером, тайно выданным из крыла огромного чучела филина, сделанного моим отцом. Коле было проще: он разодрал слегка поджившую царапину на ноге. А мне пришлось резануть ножом по икре. Так мы поставили на тотемах свои инициалы: С. В. З. (это я — Сын Вечерней Звезды) и С. Л. (это Коля — Сверкающий Луч).

В саду, огороженном высокой кирпичной стеной, в самом глухом месте, — наш вигвам. Там хранится имущество: оружие — томагауки с ручками, украшенными резьбой, луки, стрелы — оперённые, с наконечниками, вампум — украшения индейского костюма из самых красивых перьев фазанов, турачей, селезней, которых отец привозил с охоты, западни и сетки для ловли птиц тут же, в саду, Трубка Мира, сделанная из красной глины, с резиновой кишкой, через которую мы в торжественных случаях поочередно тянем едкий дым сухих древесных листьев, и многое другое.

Почти всё, что хранится тут, сделано нашими собственными руками. Мы презираем изделия бледнолицых, как и их самих (родные и вообще «свои», конечно, в счёт не идут) и всю их цивилизацию. Впрочем, это всё относительно. Младшая моя сестрёнка Нинка — самая настоящая сквау. Она то и дело нарушает строй нашей индейской жизни: подсматривает, дразнит, ябедничает на нас родителям. Обычно мы хладнокровно выносим её вторжения — индейцам не пристало возмущаться по пустякам и вообще связываться с презренной сквау. Но иногда приходится принимать меры. Мы хватаем её, привязываем к дереву и уходим...

Разговариваем мы пока по-русски, но язык наш всё более обогащается «настоящими» словами — индейскими. Много их мы нашли в нашей священной книге — «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, которую мы знём почти наизусть, другие выбрали из книг Ф. Купера, Мариэтта. А недостающие выдумываем сами, соблюдая индейский характер слов.

Работа над языком увлекает не на шутку. Надо же, наконец, индейцу уметь говорить по-индейски! И вот мы выдумываем алфавит — «самый простой в мире». Изобретаем грамматику — тоже самую простую. Все глаголы оканчиваются на «и», все прилагательные — на «а». Множественное число образуется прибавлением к слову буквы «к» или «ок». Я — ве, хотеть — нори, есть — пи. Я хочу есть — ве нори пи. Числительные — один, два, три и т. д.: ку, нейса, саки, тоза, ван, зар... и т. д. Отрицание — га. Добрый — ниниа, злой — ниниага...

С грамматикой вообще мы по-настоящему познакомились именно тут. Мы составляли словарь индейских слов; зимой — мы жили в разных городах. — переписывались на нашем индейском языке... Я и сейчас свободно пишу этими буквами, помню много слов.

Многому научило нас индейство. Я уж не говорю о разных практических навыках, связанных с изготовлением одежды, вампума, оружия, ловушек для птиц, с приготовлением пищи на костре и т. д. Мы научились верности слову, правде, — потому что индеец — человек, который не знает лжи, — наблюдательности (мы тренировались, разыскивая друг друга в лесу по едва заметным знакам, оставленным на кустах, деревьях, на земле), выносливости — помню, как ночью мы тихонько будили друг друга и покидали наши кровати, чтобы доспать остаток ночи на голом полу, без подушки, завернувшись лишь в тонкое летнее одеяло...

Откуда всё это пошло?

Помню точно: это сделали книги. Сначала Сетон-Томпсон — если не ошибаюсь, «Маленькие дикари», — потом пять романов о Кожаном Чулке Ф. Купера и, наконец, — и больше всего! — «Гайавата». Были и другие книжки, названия и авторов которых я уже забыл.

Была ли это просто детская «игра в индейцев»? О нет! Далеко не игра. Какая же игра может длиться несколько лет — с 9 до 13-летнего возраста, причём за всё это время мы ни разу не отреклись, «не изменили клятве», да и потом остались верными ей навсегда! Признать игрой наше удивительное, фантастическое преобразование в индейцев — вот это и было бы для нас отречением, изменой. Потому что в основе его лежали, складывались, формировались представления о самом главном — об идеальном образе Человека, о том, каким надо быть...

Но сейчас речь не об этом.

Я хочу обратить внимание писателей на основную черту этого индейского «преобразования» — его исключительную силу, действенность, плодотворность. И только сейчас, признаюсь, с волнением воскрешая в памяти эти события детства, я оцениваю по достоинству удивительный такт родителей в этом важнейшем процессе формирования человека. Они не «воспитывали» нас. Не было такой, сколько-нибудь заметной, особой линии их поведения по отношению к нам. Не читали нотаций. Не учили, как нужно или не нужно поступать, что хорошо или плохо, нужно ли верить в бога... Во всех этих вопросах морали они никогда не обращались к нашему уму, к логике. Но часто рассказывали интересные истории, читали нам вслух. Потом с осторожным отбором приносили нам почитать самим или дарили в день рождения книги. Книги эти захватывали наше воображение, о них воспитывали нас.

Писатели нас воспитывали! Родители и м поручили это дело.

И не ошиблись. Потому что ничто не обладает такой силой воздействия на человека, как во-время захватившее его воображение, его душу хорошее художественное произведение.

И вот мы сидим с Колей — Сверкающим Лучом на высокой кирпичной стене — ограде, окружающей сад, почти над самым нашим вигвамом. Это сторожевой наблюдательный пункт. Старая шелковица-тута протёрла над нами ветви, окружила изумрудной, светящейся листвой со всех сторон, надёжно охраняя и от жарких лучей кавказского солнца и от посторонних взглядов.

Обнимая руками протянувшиеся над стеной ветви, как обезьяны, мы с трудом держимся на двускатном коньке стены. Но нам не до удобств... Мы по очереди читаем вслух.

И вообще мы совсем не здесь, не во Владикавказе, на Вревской улице, а... далеко в океане — мчимся в глубинах подводного мира, впервые

раскрывающего нам свои тайны; окутанная загадкой, могучая по силе ума, по благородной гордости души, фигура капитана Немо захватывает нас ощущением беспредельной власти над страшной стихией океанов, полученной человеком, создавшим «Наутилус». Это можно! Это сделал человек, покоривший технику. Вот каким нужно быть!

Инженер Сайрус Смит силой своих знаний спасает от гибели друзей на таинственном необитаемом острове, «из ничего» создаёт сложное хозяйство, добывает химические вещества, строит подъёмную машину, устанавливает электрическую связь с подсобным хозяйством... Он знает всё, что нужно знать человеку, он владеет наукой. Да, надо быть инженером!.. Надо многое знать и уметь.

Помню, там же, на заборе, прошла перед нами потрясшая нас беспредельностью Вселенной и вторжением человека в «эфир» мечта Циолковского о межпланетном реактивном корабле.

В моём своеобразном дневнике того времени после тщательно иллюстрированной инструкции, «как сделать индейский головной убор», появляется новое — подробные схемы: элемент Лекланше и элемент Грене. Устройство электрического звонка. Устройство телеграфного аппарата Морзе...

Со свойственной тому возрасту непосредственностью и быстротой новые впечатления и мысли сразу претворяются в дела. Добыты популярные технические книжки, увлечённо приобретаются самые разнообразные технические сведения. Капитан Немо и Сайрус Смит продолжают увлекать, манить к технике, к науке. Появляется список: «Что надо изобрести». «Изобретаются» и делаются: «стреляющая деревянная пушка» (успешно стреляла дробью в цель, потом взорвалась), фотоаппарат (из деревянной коробки от гильз, неплохо действовал, хранится у меня до сих пор), паровой двигатель (струя пара вертела колесо с лопастями), электрический двигатель (вполне оригинальная конструкция: железная шестиконечная звёздочка-якорь вертелась над концами электромагнитов, включаемых ею же и расположенных по кругу), электрический будильник, электрический замок к моему «таинственному» шкафу...

В гимназии, в классе, я демонстрировал аппарат Морзе и электростатическую машину, сделанные своими руками... Переписка с Колей в это время велась посредством азбуки Морзе на индейском языке...

Это было началом широкого политехнического образования. Позднее это привело меня в Московское высшее техническое училище.

Но что же случилось тогда? Почему и как сильнейшее, «священное» индейство если не уступило сразу своё место, то допустило, не помешало вторжению новой и, казалось бы, чуждой ему научно-технической стихии? Конечно, это были разные стадии нашего развития.

Натуралистическая романтика Ф. Купера и Лонгфелло, по существу своему пассивная, неподвижная, пала на наше воображение в тот период, когда, повидимому естественно, впервые зарождается в ребёнке потребность к моральному и физическому совершенствованию — быть лучше, благороднее, сильнее, ловче сверстников. Сильные образы Кожаного Чулка, Гайаваты, многих персонажей Джека Лондона, Даниэля Дефо были прямым, ясным ответом на это требование развивающейся природы. А природа, мир, окружающий нас, представлялись тогда постоянными, неизблемыми.

Но вот наряду с личным, морально-физическим самосовершенствованием пробудилась и другая потребность — активно вмешиваться в этот мир, совершенствовать его, творить, познавать его движущие силы...

И тут вдруг на нас хлынула научная фантастика, предстали гигантские (для нас тогда!) образы людей, владеющих наукой, могущих выдумать и создать новое, небывалое, осуществить любую мечту!

Тут впервые через эти романтически заострённые, влекущие тайнами события и образы людей мы вдруг постигли, что наука — это совсем не сумма школьных знаний, а то, что переделывает жизнь и самую природу, что открывает человеку доступ в неведомые подводные глубины, в земную атмосферу и даже в самое далёкое небо — межзвёздное пространство... Так вот где таится настоящее могущество человека! И что перед ним физическая сила?!

Я думаю, что нет другой силы, которая могла бы так крепко увлечь юношу на путь научного творчества, как научно-фантастическая литература.

То, о чём я рассказал, было давно, в начале нашего века, в другую — царскую — эпоху. Подавляющее большинство населения России было тогда неграмотно. Жюль Верна, «Гайавату» — любую книгу можно было запросто купить в магазине.

Сейчас в нашей стране можно ещё найти неграмотных стариков, но попробуйте отыскать подростка старше восьми лет, который не умел бы читать и не читал бы книг! Вряд ли вы найдёте такого.

А сколько среди них ребят, в которых потенциально заложены крупные таланты учёных — исследователей, открывателей новых законов природы, изобретателей, — творцов науки и техники. Найдут ли они себя? Случится ли так, что этот талант, ещё дремлющий, никак себя не проявляющий, получит во-время какой-то толчок извне, искру, которая зажжёт его, сделает ощущаемым для самого его носителя? История науки, лучше сказать — история научных талантов, говорит о том, что этот талант, как, вероятно, и всякий другой, пробуждается всегда в результате какого-то воздействия извне. И мы знаем немало свидетельств крупных учёных о том, что их деятельность определилась в результате впечатлений, полученных ещё в детстве от той или иной научно-художественной книги.

Советский народ заинтересован в том, чтобы его наука двигалась вперёд как можно быстрее, чтобы все будущие Ломоносовы, Лебедевы, Поповы, Циолковские, Вернадские, Павловы, Докучаевы, Мичурины нашли себя и заняли своё место в научной армии.

Вот почему нам, народу нашему, нужна богатая, разнообразная и талантливая, своя, советская научно-фантастическая литература. Её задача — разжигать в юной душе читателя страсть научного творчества, создавать сильные образы людей, творящих новое на благо советского народа, осуществляющих прогрессивные мечты народа, показывать романтику научного подвига, раскрывать тайны самого процесса постижения и творения этого нового.

Можно ли сомневаться, что ответом на расцвет научной фантастики будут в конечном счёте гигантские сдвиги в науке и технике?!

Так, мне кажется, следует писателям ставить вопрос о нашем жанре. Надо понять, что это не пустяк, от которого можно отмахиваться, как от назойливого комара, который вот уже много лет пронзительно вопит: «Давайте научную фантастику!», — а социальный долг советской литературы.

А теперь поговорим всерьёз о положении, сложившемся в нашей научно-фантастической литературе.

Оно, пожалуй, хуже, чем во всех других родах литературы, если исключить критику. И нам совершенно необходимо выяснить причины неблагоприятия, чтобы немедленно устранить их.

В чём неблагоприятие?

В том, что произведений этого рода выходит в свет в последние годы чрезвычайно мало, меньше, чем в предвоенный период. А те, что есть, либо страдают недостатками в литературно-художественном отношении

(например, «Семь цветов радуги» В. Немцова), либо не отвечают задачам настоящей научной фантастики, а лишь используют фантастический элемент условно, как «зацепку», чтобы изложить познавательный материал (например, «В стране дремучих трав» В. Брагина). Авторы хороших, настоящему художественных вещей избегают крупных произведений, ограничиваясь небольшими новеллами (И. Ефремов). Словом, положение таково, что в нашей современной научной фантастике нет ни одного произведения, которое стало бы любимой настольной книгой молодого читателя.

Собственно говоря, такой книгой остаётся всё та же трилогия старика Жюль Верна о капитане Немо и Айрtone. Слов нет, это очень талантливые произведения. Но неужели же у нас нет своих современных, советских Жюль Вернов? Есть, конечно, потенциально. Разве не мог бы написать хороший роман в этом жанре, например, В. Каверин, автор «Двух капитанов», Мариэтта Шагинян, автор «Месс-Менд», или кто-нибудь другой из крупных наших писателей? Но они не хотят заниматься этим нужным жанром, не хотят последовать примеру единственного из них — А. Н. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита»), который мог позволить себе такую роскошь.

А дело в том, что в Союзе писателей укоренилось отношение к этому жанру, как к «литературе второго сорта». Положение это, конечно, нигде не декларировано, но можно с фактами в руках доказать, что оно имеет место.

Достаточно обратиться к критике. Нужно прямо сказать, что критика в развитии научной фантастики в послевоенные годы сыграла скорее отрицательную роль. Ни одно произведение не было подвергнуто сразу после выхода его в свет спокойному и благожелательному критическому разбору. Как правило, каждое из них в течение долгого времени — иногда длившегося несколько лет — замалчивалось. Потом некоторые вдруг подвергались жестокому «избиению».

Союз писателей никак не реагировал на подобную «критику».

Так ли уж просто любому читателю взять да и напечатать в газете любое своё мнение о прочитанной книге? А тут вдруг выступают с «благородным» — и явно наигранным — возмущением какие-нибудь «специалисты» и бранят, например, неплохую детскую повесть Г. Гуревича «Тополь стремительный» на том, видите ли, основании, что тополь — это-де не основная порода в лесных полосах, а основная — дуб, значит и писать Гуревич должен был о дубе, а не о тополе.

Союз писателей ничего этого не видел и не слышал.

В печати не появилось ни одной статьи, в которой серьёзно, со знанием дела решались бы насущные вопросы развития этого жанра, его теории, специфики, мастерства авторов и т. д. Кроме Всеволода Иванова, ни один из крупных писателей или критиков не выступил в защиту научной фантастики. Можно подумать, что все они вдруг стали бобылями и забыли о нуждах собственных детей!

А ведь в результате этого попустительства издательства стали буквально бояться печатать научно-фантастические произведения. Начали без конца консультироваться по поводу каждой полученной рукописи с критиками, специалистами, академиками...

Невероятно долгим и тернистым стал путь рукописей. Некоторые авторы отошли от фантастики. Новые почти перестали появляться...

Второй съезд советских писателей должен со всей решительностью поднять авторитет одного из важнейших жанров советской литературы.

Есть и другая причина неблагополучия, связанная с самой спецификой жанра.

Кстати сказать, теории жанра нет, и никто ею не занимается. Даже на вопрос, что такое научная фантастика, в чём её специфика, единого, сколько-нибудь обоснованного ответа нет, каждый отвечает, как ему вздумается.

Как ни хорош Жюль Верн, он не может служить образцом для автора современного советского научно-фантастического романа. Гр. Адамов написал «Тайну двух океанов» по Жюлю Верну, осовременил его. Получилось неплохо, но роман этот далеко не явился шагом вперёд в развитии жанра.

Таким шагом вперёд должно быть более глубокое проникновение автора в самый процесс творения нового.

Это значит, что основной сферой нашей фантастики должен быть мир идей, её главным героем — конкретная научная идея, внутренним сюжетом — судьба этой идеи, от её зарождения до её триумфа. Эти требования определяются самим назначением научной фантастики, как мы уже выяснили, — увлекать юную душу читателя романтикой научного творчества. И если с этой точки зрения рассматривать произведения жанра, всё станет на свои места.

Жанр этот отличается исключительной трудоёмкостью. Чтобы только нащупать тему — научно-техническую основу произведения, — нужно плотно войти в курс по меньшей мере одной какой-либо отрасли науки, хорошо знать, чем она живёт, что творится на её передовых позициях. Затем нужно найти в ней новую, интересную, ещё не раскрытую «возможность» или не объяснённую наукой закономерность, по-своему объяснить её, — словом, по существу сделать открытие, пусть проблематичное, фантастическое, но в достаточной степени обоснованное и правдоподобное. В противном случае читатель не примет его и произведение окажется негодным: оно не выполнит своего назначения.

Только сам автор-фантаст знает, сколько нужно добыть, поднять «на-гора» и переработать научной руды, чтобы выплавить наконец этот драгоценный, благородный кристалл темы, сколько уходит времени на изучение вопроса, установление связи с учёными, изобретателями, переводчиками, беседы с ними и т. д.

А ведь бывает, что автор, подойдя к концу этой предварительной работы, убеждается, что его идея ошибочна и нужно снова предпринимать поиски. Но и в случае удачи всё это лишь половина дела. Ещё остаётся всё то, что составляет всякий роман с его идеями, сюжетом, конфликтами и т. д.

Трудности большие. И вот под маркой научной фантастики появляются произведения «облегчённого типа», где ни о каком проникновении в творческий процесс героя и речи нет, где герои появляются с уже готовыми таинственными «аппаратами», конструкциями или снадобьями и с их помощью творят всякие чудеса.

Это, конечно, никакая не научная фантастика. Это — плохое приключенческое произведение. Плохое потому, что научно-фантастическая «затравка», остающаяся нераскрытой, неизбежно оставляет в пытливом молодом читателе чувство неудовлетворённости и разочарования, как бы ни были увлекательны сами по себе приключения героев.

Социалистический реализм — общая платформа для всех родов нашей художественной литературы, в том числе и для научно-фантастической. Но реализм и фантастика — в элементарном значении этих слов — понятия несовместимые: одно исключает другое. Возникает как будто бы явное противоречие?

Ни в одной статье, ни на одном из многочисленных совещаний писателей, обсуждавших вопросы специфики научно-фантастического жанра, этот вопрос, как ни странно, не обсуждался и даже, насколько мне из-

вестно, не затрагивался. Почему? Разве не понятно, что ясность тут совершенно необходима, и не вообще, а для развития самого мастерства писателей, работающих в области научно-фантастической литературы.

Обычно на вопрос этот отвечают, что, мол, никакого противоречия тут нет: способность мечтать, фантазировать — вполне реальное явление в жизни человека, значит и художественное изображение мечты и её претворения в действительность вполне укладывается в рамки реалистического метода.

Но мне кажется, что нельзя ограничиться таким ответом. Конечно, свойство человека фантазировать, выдумывать, мечтать — вполне реальное явление. В произведениях любого жанра герои мечтают и фантазируют, осуществляют свои мечты и фантазии. Но ведь от этого такие произведения не становятся фантастическими!

В том-то и дело, что научно-фантастическое произведение изображает претворение в реальную действительность чего-то такого, что читателю представляется невозможным, нереальным, фантастическим по существу — до тех пор, пока автор не убедит его всей своей работой художника, вооружённого наукой, в осуществимости своей мечты.

«Невозможное» входит в реальную жизнь, с ним сталкиваются реальные люди. В этом — существо научной фантастики.

Но можно ли изображать эту жизнь и этих людей — и творящих фантастическое и встречающих его — так же, как это делают обычно художники-реалисты?

Конечно, нет! Железный закон единства формы и содержания неизбежно заставит фантаста внести в реалистический метод и стиль какое-то специфическое для его жанра своеобразие. А это и есть та романтика, которая отличает лучшие произведения научной фантастики с её усиленными образами героев, напряжённым сюжетом, чуть удалённым на задний план бытом, быстрым и в то же время несколько суженным психологическим анализом и т. д. Без романтического изображения жизни и людей научная фантастика лишается убедительности и теряет всякий смысл.

Революционная романтика раннего Горького вошла составной частью в метод социалистического реализма. Романтика труда, романтика творчества, романтика борьбы за новое и т. д. — вот термины, которые давно завоевали признание и в литературе нашей и в жизни. И пора, мне кажется, узаконить романтику как особенность научно-фантастической литературы. Надо понять, что фантастический характер содержания не может не сказаться на литературной форме произведения, что явление это закономерно. Всякая попытка подать фантастику в художественных формах, чуждых романтике, обречена на провал, так же как и отказ от метода социалистического реализма.

Потребность в научно-фантастической литературе у нас исключительно велика. В книжных магазинах эти книги расхватываются моментально. В библиотеках на них устанавливаются очереди.

Мы в большом долгу перед огромной, многомиллионной армией ребят, молодёжи, да и взрослых и пожилых людей — научно-фантастическую книгу ждут все.

Я уверен, что выражу общее мнение их всех, если обращусь к съезду писателей с таким призывом: сделайте всё, чтобы ликвидировать наконец отставание! Пусть широким, бурным потоком хлынет к читателю научно-фантастическая литература!

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУ ДВУМЯ СЪЕЗДАМИ*

1941 год

Июнь, 22. Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел СССР товарища В. М. Молотова.

«...Война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кроважанных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

...Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами».

(В. М. Молотов)

Митинги трудящихся в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах.

«Каждый советский писатель готов все свои силы, весь свой опыт и талант, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины».

(Из резолюции митинга московских писателей)

В первые дни войны более тысячи писателей уходит на фронт бойцами, командирами, корреспондентами дивизионных, армейских, фронтовых, центральных газет.

Июнь, 23—24. В «Правде» напечатана статья П. Павленко «Великие дни», стихи «Мы идём на бой» П. Тычины, «В поход» С. Маршака. В «Известиях» опубликовано стихотворение В. Лебедева-Кумача «Священная война»:

...Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идёт война народная,
Священная война.

Июнь, 25. В «Правде» опубликована «Песня смелых» А. Суркова:

...Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.

Июнь, 26. В «Правде» напечатана статья А. Кернейчука «Поднялся украинский народ».

Июнь, 27. «Правда» публикует статьи А. Толстого «Что мы защищаем» и А. Новикова-Прибоя «Воля к победе».

«Это — моя родина, моя родная земля, моё отечество,— и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...»

(А. Толстой)

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 11 с. г.

Июнь, 29. «Литературная газета» сообщает, что по инициативе поэтов и художников начато издание «Окон ТАСС».

«Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении Октябрьской революции».

(Из беседы М. И. Калинина с художниками, работающими в «Окнах ТАСС»)

Июль, 3. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина.

«...Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза».

(И. В. Сталин)

Июль, 18. В «Правде» напечатана статья Я. Купалы «Германский фашизм — злейший враг белорусского народа»:

«...Если враг сорвёт яблоко, созревшее в нашем саду, оно разорвётся в его руках гранатой!

Если он сожнёт горсть наших тяжёлых колосьев, зёрна выметят и поразят его свинцовым дождём!

Если он подойдёт к нашим чистым студёным колодцам, они пересохнут, чтобы не дать ему воды!»

Июль, 30. Советский народ отметил 100-летие со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

Август, 10. Всеславянский митинг в Москве. На митинге выступили А. Толстой, А. Корнейчук, В. Василевская, Я. Купала, И. Бехер, Ф. Вольф и другие.

«Мы хотим мирного процветания себе и нашим соседям. Мы хотим высших даров человеческой свободы: развития культуры, искусств и наук, благоденствия, счастья. Культура, а не война. Во имя этих высоких общечеловеческих целей — в бой, славяне!»

(Из речи А. Толстого)

Состоялся литературный вечер с участием иностранных писателей-антифашистов. На вечере выступили французский писатель Жан Ришар Блок, немецкие антифашистские писатели Фридрих Вольф и Эрих Вайнерт, польские поэты Ежи Путрумент и Леон Пастернак и другие.

Август, 22. В Москве состоялось собрание писателей. Собрание приняло обращение к трудящимся Ленинграда:

«...Братья-ленинградцы! Мы уверены, что замыслы врага обречены на провал. Мы знаем, что концом всех его кровавых авантюр будет небывалый военный разгром. Мы крепко верим в вашу стойкость, героизм и мужество, кровные наши братья-ленинградцы».

Сентябрь, 4. Передано по радио и напечатано в «Правде» послание Джамбула ленинградцам — «Ленинградцы, дети мои!»:

...Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мой,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь, 20. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб Юрий Крымов.

Сентябрь, 29. «Правда» публикует «Письма к товарищу» Б. Горбатова.

Октябрь, 18. В «Правде» напечатана статья А. Толстого «Москве угрожает враг»:

«...Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра,— добро и красоту ты носишь в своём сердце. Ты вся в надеждах на светлое будущее».

Октябрь, 26. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб Аркадий Гайдар.

Октябрь, 28. В газете «Красная звезда» напечатана статья И. Эренбурга «Мы выстоим!»:

«...Я видел защитников Москвы. Они хорошо дерутся. Земля становится вязкой, когда позади тебя Москва, нельзя отступить хотя бы на шаг. Враг торопится. Он шлёт новые дивизии. Он говорит каждый день: «Завтра Москва будет немецкой». Но Москва хочет быть русской».

Октябрь, 29. Во время нападения вражеской авиации на Москву погиб А. Афиногенов.

Ноябрь, 6. Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, посвящённое XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом на заседании выступил И. В. Сталин.

Характеризуя программу и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского командования, И. В. Сталин сказал:

«И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»

Ноябрь, 7. Парад Красной Армии на Красной площади в Москве. «Правда» публикует статью А. Толстого «Родина».

Ноябрь, 26. В газете «Красный Флот» напечатана статья Л. Леонова «Наша Москва»:

«...Ещё дымятся кое-где мирные дома, разбитые прошлой ночью, ещё вдалеке уходят зенитки, провожающие убегающих ночных убийц, а уже героические московские люди спешат в цеха и учреждения: всё подчинено фронту».

Индустриальной громадой поработанной Европы напирает на нас враг, но никогда Гитлер не увидит коленапреклонённой нашу Москву».

Декабрь, 1. «Правда» опубликовала поэму Н. Тихонова «Киров с нами».

Декабрь, 6—12. Разгром фашистских войск под Москвой.

«Красная Армия под Москвой, подобно хирургу, вскрывающему полость живота, вскрыла германскую военную машину и нашла, что опухоль злокачественна. Это рак. Он может кончиться только гибелью».

Мы знаем, что это ещё не конец. До конца ещё долго.

Но это — начало конца».

(Е. Петров. «Известия», 13 декабря)

Декабрь. Вышла в свет книга «Хмурое утро» — последняя часть трилогии А. Толстого «Хождение по мукам».

«Роман «Хождение по мукам» многократно перестраивался в фантазии писателя на протяжении двух десятилетий. Это роман трудный, как трудно всё большое. Необычайно трудно было соединить две стихии в таком ключе, который, увлекая читателя, позволял бы говорить подряд о неутолимой человеческой нежности и об исторических путях великого государства».

(К. Федин)

В течение года вышли на русском языке следующие произведения советских писателей: А. Антоновская. Великий Моурави. Роман. Части третья, четвёртая; И. Арамилев. Юность Матвея. Роман; Д. Бедный. Степан Завгородний. Повесть в стихах; С. Бородин. Дмитрий Донской. Роман; М. Брагин. Полководец Кутузов; М. Була-

вин. Мамонтовщина. Повесть; С. Зорян. История одной жизни, Перевод с армянского; А. Корнейчук. В степях Украины. Пьеса. Перевод с украинского; Ю. Крымов. Инженер. Повесть; Я. Купала. От сердца. Стихи и поэмы. Перевод с белорусского; В. Лебедев-Кумач. В бой за Родину. Стихотворения; С. Маршак. Стихи о войне; К. Осипов. Суворов; Н. Погодин. Кремлёвские куранты. Пьеса; А. Поляков. В тылу врага. Дневник военного корреспондента; Л. Раковский. Генералиссимус Суворов; К. Симонов. Парень из нашего города. Пьеса; В. Ставский. Из фронтовых записей; А. Степанов. Порт-Артур. Историческое повествование. Книга вторая; А. Твардовский. Из фронтовых стихов; П. Тычина. Лирика. Перевод с украинского; И. Эренбург. Враги, и другие.

С начала Великой Отечественной войны и до полной победы над врагом советские писатели изо дня в день выступали с публицистическими статьями, очерками, корреспонденциями, стихами и рассказами в дивизионной, армейской, фронтовой и центральной печати.

1942 год

Январь—февраль. В №№ 1—2 журнала «Украинская литература» напечатана поэма М. Рыльского «Слово о матери-родине».

Январь, 14. В «Правде» опубликовано стихотворение К. Симонова «Жди меня».

Февраль, 14. Передовая статья газеты «Правда» — «Искусство — на службу Красной Армии»:

«...Пусть пишут они (писатели) так, чтобы, как мечтал Маяковский, «к штыку приравняли перо», чтобы стих поэта мог «глаголом жечь сердца людей», как жёг сердца стих Пушкина, Лермонтова. Пусть драматурги, композиторы, поэты, писатели, художники прославляют героические дела Красной Армии и всего советского народа, ибо то, что они создадут в эти дни Отечественной войны на службу Красной Армии, поможет нам ускорить победу над врагом».

Февраль, 28. Корреспонденция М. Шолохова «На Юге» в газете «Правда». В газете «Литература и искусство» напечатано стихотворение А. Суркова «Бьётся в тесной печурке огонь».

Март, 6. «Правда» начала публиковать цикл рассказов Н. Тихонова «Черты советского человека» («Ленинградские рассказы»).

Март, 23. Советская общественность отметила 100-летие со дня смерти Стендаля.

Апрель, 4. Второй всеславянский митинг в Москве. В митинге приняли участие писатели: Я. Колас, Н. Тихонов, А. Корнейчук, В. Василевская, А. Толстой.

Апрель, 12. Опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий в области литературы и искусства за 1941 год.

Премии присуждены: первой степени — И. Эренбургу за роман «Падение Парижа», В. Яну за роман «Чингиз-хан», Н. Тихонову за поэму «Киров с нами» и стихи: «В лесах, на полянах мшистых», «Растёт, шумит вихрь народной славы» и другие, К. Симонову за пьесу «Парень из нашего города», А. Корнейчуку за пьесу «В степях Украины»; второй степени — С. Бородину за роман «Дмитрий Донской», А. Антоновской за роман «Великий Моурави», С. Маршаку за стихотворные тексты к плакатам и карикатурам, С. Вургуну за пьесу «Фархад и Ширин», В. Гусеву за сценарий «Свинарка и пастух», С. Михалкову за сценарий «Фронтовые подруги».

Март—апрель. В журнале «Знамя» напечатана вторая часть романа И. Эренбурга «Падение Парижа».

В журнале «Украинская литература» опубликована поэма М. Бажана «Даниил Галицкий».

Июнь, 22. «Правда» опубликовала статью М. Шолохова «Наука ненависти».

Июнь, 28. Умер Янка Купала.

«... Светлый облик народного поэта Янки Купалы, его бескорыстное служение Советской родине вдохновляют сынов и дочерей Белоруссии в их справедливой священной войне против немецко-фашистских варваров».

(П. Пономаренко, А. Толстой, Я. Колас, П. Бровка, К. Крапива, А. Новиков-Прибой и другие)

Июль, 2. На боевом посту погиб Евгений Петров.

Июль, 4. «Литература и искусство» публикует ответ Теодора Драйзера красноармейцу, приславшему ему из Действующей армии письмо-поэму:

«...Глубоко тронут этой данью уважения; разумеется, я вполне оценил её значение и искренне признателен. Не знаю, что ещё сказать. Это произведение принадлежит к тем прекрасным творениям искусства, которые рождает жизнь.

Мир знает, как глубоко я восхищаюсь русским народом в целом и уважаю его и всё, что сделано им для того, чтобы жизнь человечества стала более справедливой и достойной. То, что такое письмо прислал мне один из героических бойцов Советского Союза, превосходит то, что я заслуживаю».

Июль, 13—16. «Правда» публикует пьесу К. Симонова «Русские люди».

Июль, 28. «Правда» публикует главу из поэмы Веры Инбер «Пулковский меридиан».

Август, 24—27. «Правда» публикует пьесу А. Корнейчука «Фронт».

«Опубликование пьесы Корнейчука «Фронт» — признак величайшей силы и жизнеспособности Красной Армии, нашего государства, ибо только армия, уверенно смотрящая в будущее, уверенная в победе, может столь прямо и резко вскрывать собственные недостатки, чтобы быстро ликвидировать их... Силой, уверенностью проникнута и пьеса Корнейчука. Победа новых, передовых людей в пьесе служит предзнаменованием успеха».

(«Правда», 29 сентября)

Август, 25. «Известия» начали публиковать повесть В. Василевской «Радуга».

«Советский читатель хорошо знает писательницу Ванду Василевскую... Глубокий патриотизм, любовь к родине, к народу, жгучая ненависть к угнетателям народа питают её творчество... Повесть «Радуга» — образец социалистического реализма. В ней заключена большая художественная правда. Правда о простых советских людях, их благородной и большой душе. Правда о враге — злобном, кровожадном, лютом. Правда о грядущей нашей победе над немецкими оккупантами».

(Из статьи П. Поспелова и Л. Ильичёва «Повесть о героизме и силе советского народа». «Правда», 4 октября)

Август. В журнале «Новый мир» опубликована пьеса Л. Леонова «Нашествие».

«...Мне кажется, никогда не требовалось от русских писателей, от русских драматургов такой большой страстности, такого идейного накала их произведений, как сегодня, когда народ наш ведёт с гитлеризмом историческую борьбу за свободу и счастье Родины, за прогресс человечества».

(Л. Леонов)

В газете «Красная звезда» закончена публикация повести В. Гроссмана «Народ бессмертен».

Вышла из печати книга И. Эренбурга «Война», содержащая публицистические статьи первого периода войны (две следующие книги под тем же названием вышли в 1943 и 1944 годах).

Сентябрь, 4—8. В «Комсомольской правде» напечатан рассказ В. Кожевникова «Март—апрель».

Сентябрь, 20, 23, 26. «Правда» публикует главы из книги «Василий Тёркин» А. Твардовского.

«Тёркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем, воюющим советским человеком, моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

(А. Твардовский)

Сентябрь, 28. Выступление М. И. Калинина на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде. Отвечая на вопрос, какие формы и материалы агитации и пропаганды он считает лучшими, М. И. Калинин указал на очерки Н. Тихонова, К. Симонова, К. Финна, статьи И. Эренбурга, пьесу А. Корнейчука «Фронт»:

«...Если вы будете с такими материалами выступать перед народом, то я ручаюсь, что такой способ агитации будет наиболее действенным и будет иметь наибольшее влияние».

Октябрь. Вышел сборник «Живая Литва». В сборнике напечатаны стихотворения поэтов С. Нерис, А. Венцловы, Л. Гира, К. Корсакаса, Э. Межелайтиса, И. Шимкуса.

В журнале «Новый мир» опубликован цикл рассказов Л. Соболева «Морская душа» (первоначально несколько рассказов было напечатано в «Правде»).

Вышла в свет книга стихов О. Берггольц «Ленинградская тетрадь».

Ноябрь, 7. XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

«Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалёк тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

*(Из приказа Народного Комиссара Обороны
И. В. Сталина 7 ноября 1942 года)*

В осаждённом Ленинграде состоялась премьера героической комедии В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко».

Ноябрь, 11. Советская общественность отметила 100-летие со дня смерти А. В. Кольцова.

Ноябрь, 25—26. «Красная звезда» и «Правда» публикуют письмо из Сталинграда В. Гроссмана «Направление главного удара».

Ноябрь, 29. Антифашистский митинг работников искусства и литературы. На митинге выступили А. Толстой, М. Бажан, С. Вургун и другие.

«Сделаем же всё, чтобы своим мастерством ещё выше поднять героизм наших армий и наших народов до полного разгрома врага! Отдадим наш талант на быстрейшее осуществление победы лучших человеческих идеалов над мракобесием и изуверством».

(Из обращения митинга к художественной интеллигенции всех свободолобивых стран мира)

Декабрь. Отдельным изданием вышел сценарий В. Вишневского «Мы из Кронштадта», фильм по которому был поставлен в 1936 году.

Вышла в свет поэма М. Алигер «Зоя».

В течение года вышли на русском языке следующие произведения советских писателей: С. Алымов. Всё для победы. Стихи и песни; Е. Буков. Я вижу тебя, Молдавия! Стихи. Перевод с молдавского; В. Вишневский. Балтийская весна; Б. Горбатов. Алексей Куликов, боец; В. Инбер. Душа Ленинграда. Стихи; М. Исаковский. Новые стихи; Я. Колас. Голос земли. Перевод с белорусского; А. Корнейчук. Партизаны в степях Украины. Пьеса; Б. Лавренёв. Подвиг. Рассказы; А. Лебедев. Огненный вымпел. Стихи; В. Лебедев-Кумач. Священная война. Стихи и песни; Г. Леонидзе. Сталин. Эпопея. Книга первая. Детство и отрочество. Перевод с грузинского; П. Лидов. Таня. Очерк; С. Лоскутов. У партизан. Записки корреспондента; С. Маршак. Английские баллады и песни; А. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга. Роман. Часть первая; П. Павленко. Русская повесть; П. Панченко. Тебе, Беларусь! Фронтные стихи. Перевод с белорусского; А. Первенцев. Испытание. Роман; Е. Петров. Фронтовой дневник. Очерки; М. Светлов. Двадцать восемь. Поэма; К. Симонов. Убей его! Стихи; А. Сурков. Декабрь под Москвой. Фронтные стихи. Июль—декабрь 1941; Н. Тихонов. Слово о 28 гвардейцах. Поэма; А. Толстой. Рассказы Ивана Сударева; И. Уткин. Я видел сам. Стихи; А. Чейшвили. Родной голос. Рассказы. Перевод с грузинского; В. Ян. Батый. Роман, и другие.

1943 год

Январь, 10. В связи с 60-летием со дня рождения награждён орденом Трудового Красного Знамени А. Толстой.

Январь, 18. Прорыв блокады Ленинграда.

«Январь. Снега... Родимый город улыбается, утирает слёзы счастья. Пришёл час наших контрударов! Фронт перекликается с фронтом, и под ударами неимоверной силы — силы России — дробятся и крошатся дивизии, армии, фронты Гитлера».

(В. Вишневский. Из радиоречи 23 января)

В связи с 80-летием со дня рождения награждён орденом Трудового Красного Знамени А. С. Серафимович.

Январь, 30. Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему политруку, агитатору полка, казахскому писателю М. Габдуллину присвоено звание Героя Советского Союза.

Январь. В газете «Литература и искусство» напечатан доклад А. Толстого «Четверть века советской литературы», прочитанный им на сессии Академии наук СССР:

«...Война открыла новый этап, новый период советской литературы. Мы присутствуем при удивительном явлении. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать её в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе всё больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, всё настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа».

Февраль, 2. Закончена ликвидация фашистских войск, окружённых под Сталинградом.

«...Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться».

(И. В. Сталин)

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим особым светом.

(Д. Бедный)

Февраль, 5. В связи с 70-летием со дня рождения награждён орденом Трудового Красного Знамени М. Пришвин.

Март. В журнале «Знамя» напечатана поэма А. Кулешова «Знамя бригады».

Март, 20. Опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий в области искусства и литературы за 1942 год.

Премии присуждены: первой степени — А. Толстому за роман «Хождение по мукам», В. Василевской за повесть «Радуга», М. Рыльскому за сборники стихов «Слово про ридну мать», «Свитова зоря», «Свитла сбоя» и поэму «Мандривка в молодість», М. Исаковскому за тексты общеизвестных песен: «Шёл со службы пограничник», «Провожание», «И кто его знает», «Катюша» и другие, А. Корнейчуку за пьесу «Фронт», Л. Леонову за пьесу «Нашествие», В. Вересаеву и А. Серафимовичу за многолетние выдающиеся достижения в области литературы; второй степени — П. Бажову за книгу «Малахитовая шкатулка», Л. Соболеву за сборник рассказов «Морская душа», М. Алигер за поэму «Зоя», К. Симонову за пьесу «Русские люди», Е. Габриловичу за сценарий «Машенька».

«Разнообразно мастерство новых лауреатов Сталинских премий. Есть одно общее для всех. Их творческий подъём рождён теми высокими и святыми задачами, которые поставлены перед советским народом в Отечественной войне. Это — защита Родины, выше и благороднее нет ничего в жизни человека. Это — защита человека от фашистского зверя».

(«Правда», 20 марта)

М а р т, 28. В связи с 30-летием литературной деятельности награждён орденом Трудового Красного Знамени башкирский писатель, поэт Сайфи Кудаш.

М а р т, 30. В телеграмме И. В. Сталину А. Толстой сообщил, что он передаёт присуждённую ему за роман «Хождение по мукам» премию в сто тысяч рублей на постройку танка, и просил назвать этот танк «Грозный». Желание писателя было исполнено. Танк «Грозный» был построен и в составе одного из танковых соединений героически сражался с фашистскими захватчиками.

Во всенародной помощи вооружению Советской Армии приняли участие и многие другие писатели.

А п р е л ь. В Москве состоялось совещание писателей, посвящённое литературно-художественным произведениям, появившимся во время войны. На совещании выступили И. Эренбург, Б. Горбатов, Н. Асеев, А. Фадеев, В. Гусев, В. Инбер.

М а й, 5. «Правда» начала публикацию глав из романа «Они сражались за родину» Михаила Шолохова.

М а й, 13. Состоялось заседание президиума ССП. Обсуждены доклады — М. Рыльского «О работе украинских писателей» и М. Шагинян «О работе писателей, живущих на Урале».

М а й, 22. «Литература и искусство» публикует письмо Томаса Манна Алексею Толстому:

«...Я приветствую вас и весь великий русский народ, перед подвигами которого я склоняю голову в глубоком благоговении и восхищении».

И ю н ь, 20. В связи с 60-летием со дня рождения награждён орденом Трудового Красного Знамени Ф. Гладков.

И ю н ь, 23. В связи с 40-летием литературной и общественной деятельности награждён орденом Трудового Красного Знамени Л. Гира.

И ю л ь, 14. Отмечено 200-летие со дня рождения Г. Р. Державина.

И ю л ь, 19. Советская общественность отметила 50-летие со дня рождения В. Маяковского. В Москве, в зале имени Чайковского, состоялось торжественное заседание.

И ю л ь — а в г у с т. В журнале «Знамя» опубликована поэма П. Антокольского «Сын».

А в г у с т, 5. Первый салют в Москве — в честь освобождения Орла и Белгорода.

«5 августа в Москве, в 24 часа, прогремел салют 120 орудий в честь освобождения Орла и Белгорода. По традициям Суворова прогремела слава русской армии, Красной Армии, выигравшей величайшую в истории битву, которая начала была 5 июля немцами, а 5 августа победно закончена русскими».

Близится день Победы. Близится день возмездия, близится день нового великого салюта в честь Красной Армии, салюта во славу всем потрудившимся ради свободы и счастья Родины нашей».

(А. Толстой)

А в г у с т. Поездка на Западный фронт А. С. Серафимовича. Боевые подвиги бойцов и командиров Действующей армии А. С. Серафимович отразил в цикле очерков «Это — не чудо».

С е н т я б р ь, 5. В газете «Правда» напечатана статья А. Фадеева «Бессмертие», посвящённая героям-молодогвардейцам Краснодона.

С е н т я б р ь, 13. Награждение орденами группы украинских писателей за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с фашистскими захватчиками. В числе награждённых — А. Корнейчук, И. Ле, Л. Первомайский, В. Сосяра, А. Головкин, П. Козланюк, В. Кучер, А. Малышко и другие.

С е н т я б р ь. Вечера азербайджанской поэзии в Москве.

В журнале «Октябрь» закончено печатание повести Б. Горбатова «Непокорённые» (ранее отдельные главы печатались в «Правде»).

О к т я б р ь, 3. «Правда» публикует стихотворение П. Тычины «Я утверждаюсь». Награждение орденом Ленина В. Шишкова в связи с его 70-летием.

О к т я б р ь, 23. Печать отмечает 100-летие со дня рождения Г. И. Успенского.

О к т я б р ь. Вышла книга: Салчак Тока. «В берестяном чуме» — первое прозаическое произведение на тувинском языке.

Н о я б р ь, 6. Советская Армия освободила столицу Украины — Киев.

«Он снова наш — наша гордость, наша радость, наше славное минувшее, наше светлое грядущее — Киев!

...Киев бессмертен, как народ, создавший несравненную его красоту.

(*М. Рыльский*)

Н о я б р ь, 7. Празднование XXVI годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

«Руководящей и направляющей силой советского народа как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков».

(*И. В. Сталин*)

Н о я б р ь, 14. Отмечено 125-летие со дня рождения И. С. Тургенева.

Смертью храбрых погиб на фронте В. Ставский.

Н о я б р ь, 17. Указом Президиума Верховного Совета СССР майору, писателю С. А. Борзенко присвоено звание Героя Советского Союза.

Н о я б р ь. В журнале «Октябрь» опубликована драматическая повесть А. Толстого «Иван Грозный».

Д е к а б р ь, 6. Расширенное заседание президиума ЦСП обсудило работу журнала «Октябрь». Журнал подвергся резкой критике за опубликование повести М. Зошенко «Перед восходом солнца».

«В повести Зошенко человек показан мелким, пошлым, живущим бытательскими интересами. Неправильно отделять, говоря о повести М. Зошенко, субъективную сторону дела — авторский замысел — от его осуществления, от результата. Здесь порочен и замысел и результат».

(*Из выступления Н. Тихонова*)

Д е к а б р ь, 20. Умер Юрий Тынянов.

Д е к а б р ь, 24. Отмечено 100-летие со дня рождения выдающейся эстонской поэтессы Лидии Койдулы.

Д е к а б р ь, 27. Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. Караваевой в связи с её 50-летием.

Д е к а б р ь. Вечера узбекской литературы и искусства в Москве.

В журнале «Знамя» закончена публикация повести К. Симонова «Дни и ночи».

В течение года выпущены на русском языке следующие произведения советских писателей: П. Бажов. Сказы о немцах; И. Барбарус. Стихотворения 1941—1943. Перевод с эстонского; Д. Бедный. Несокрушимая уверенность. Книга стихов; Г. Борян. Фронтные стихи. Перевод с армянского; П. Бровка. К родным берегам. Стихи. Перевод с белорусского; С. Васильев. Поле русской славы. Стихи; С. Вургун. Фархад и Ширин; Л. Гира. Слово борьбы. Перевод с литовского; Ф. Гладков. Опалённая душа. Рассказы; С. Голубов. Багратион. Роман; В. Гроссман. Сталинград, сентябрь 1942 — январь 1943; Г. Гулям. Иду с востока. Стихи. Перевод с узбекского; Н. Емельянов. Хирург. Повесть; М. Исаковский. Наказ сыну. Стихи о войне; В. Каверин. Мы стали другими. Рассказы; В. Кожевников. Любимые товарищи. Рассказы; С. Кудаш. От всего сердца. Стихи. Перевод с башкирского; Б. Лавренёв. Песнь о черноморцах. Пьеса; В. Лацис. Борьба. Рассказы; А. Малышко. Украина моя. Стихи. Перевод с украинского; С. Маршак. Двенадцать месяцев. Славянская сказка; С. Михалков. Стихи для детей 1935—1942; С. Нерис. Сквозь повист пуль. Перевод с литовского; Л. Первсмайский. День рождения. Стихи. Перевод с украинского; К. Пигарев. Солдат-полководец; И. Прут. Секретарь райкома. Пьеса; В. Саянов. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента; В. Сосюра. Салют. Стихи 1941—1943. Перевод с украинского;

А. Сурков. Солдатское сердце. Стихи; А. Твардовский. Смоленщина. Стихи; Н. Телешов. Записки писателя; Н. Тихонов. Ленинград принимает бой; А. Упит. Дальние пути. Рассказы. Перевод с латышского; С. Щипачёв. Отчизна. Стихи, и другие.

1944 год

Январь, 1. Газеты публикуют текст нового Государственного Гимна Советского Союза (авторы С. Михалков и Эль-Регистан). Для нового Государственного Гимна принята музыка А. В. Александрова. В новогоднюю ночь Гимн впервые был исполнен Краснознамённым Ансамблем Красной Армии и передан по радио.

Январь, 10. В тюрьме Моабит фашистами казнён советский поэт Муса Джалиль. Книга стихов Джалиля, написанных им в тюрьме, издана в Казани на татарском языке в 1953 году.

Январь, 29. Умер поэт и драматург Виктор Гусев.

Февраль, 3. Награждение орденом Ленина П. Бажова за выдающиеся заслуги в области художественной литературы и в деле собирания уральского фольклора.

Февраль, 5. Девятый пленум Правления ССП обсудил доклад Н. Тихонова «Советская литература в дни Отечественной войны». В прениях выступили Л. Соболев, Б. Горбатов, В. Вишневский, И. Эренбург, К. Федин, А. Сурков, В. Инбер, М. Рыльский, М. Лыньков, К. Корсакас, С. Муканов, В. Ермилов и другие.

Февраль, 22. Награждение орденом Ленина народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса в связи с 50-летием его литературной деятельности.

Март. Вышла книга стихов С. Маршака «Почта военная».

Апрель, 15. В ознаменование 25-й годовщины и за успешную работу по военно-политическому и культурному воспитанию личного состава Красной Армии литературно-художественный журнал Главного Политического Управления Красной Армии «Красноармеец» награждён орденом Красной Звезды.

Апрель, 16. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения А. Франса.

Апрель, 29. Умер А. С. Новиков-Прибой.

«Книги Алексея Силыча, пронизанные романтикой морской жизни и ещё более насыщенные романтикой и героикой русского народа, навсегда останутся в памяти советских читателей. А для нас, общавшихся с Алексеем Силычем, на всю жизнь сохранится и его личное обаяние, замечательный облик этого большого писателя-патриота, скромного человека, энергичного общественника, чуткого товарища».

(В. Бахметьев, Ф. Гладков, В. Иванов, Л. Леонов, П. Павленко и другие)

Апрель, 30. Награждение орденом Ленина И. Эренбурга за успешную военно-литературную деятельность в Отечественной войне.

«Когда за высокие заслуги перед Родиной награждают собрата по перу, это рождает в сердце чувство гордости за свою профессию. Когда наградили Эренбурга, на душе было особенно хорошо и радостно: наградили человека, который — я убеждён в этом — работал в тяжёлую страду войны больше, самоотверженнее и лучше всех нас. Честь и хвала ему за это!»

(К. Симонов)

Май, 8. Газеты отметили 200-летие со дня рождения Н. И. Новикова.

Май, 10. Награждение орденом Ленина Д. Заславского за многолетнюю литературно-публицистическую деятельность.

В «Правде» опубликован рассказ А. Толстого «Русский характер».

Май. Вечера грузинской литературы и искусства в Москве.

Отмечено 50-летие латышского поэта Я. Судрабална.

Июнь, 20. Вышло тысячное «Окно ТАСС» со стихами В. Лебедева-Кумача:

Я горжусь, что перо приравняли к штыку,
И в борьбе средь оружия другого

Помогает удар нанести по врагу
 Большеви́стское жаркое слово.
 Маяковский! Твою воплощая мечту,
 И поэт и художник стоят на посту,
 И врага неустанно и грозно громят
 Стих и проза, рисунок и яркий плакат.

Июнь, 25. В связи с 70-летием со дня рождения и 50-летием литературной деятельности награждён орденом Трудового Красного Знамени Ш. Даднани.

Июнь. В журнале «Знамя» опубликована повесть А. Бека «Волоколамское шоссе». Вышла в свет поэма А. Прокофьева «Россия».

«А. Прокофьев делил с защитниками великого города все их беды и радости. Он писал стихи и песни, которые читались перед атакой и на отдыхе после боя. Песенник по природе своей, он наполнил до краёв песенностью свои стихи».

(Н. Тихонов)

Июль, 3. Советская Армия освободила столицу Белоруссии — Минск.

«Минск — это слово звучит сегодня в сердце белоруса как величественный гимн, как песня Славы победоносного оружия Красной Армии, прекраснейшей и лучшей в мире армии.

Минск — дорогое для нас слово, полное глубокого смысла. Минск — это памятник и живое свидетельство творческого и мирного созидательного труда белорусского народа. Он стал центром белорусской государственности, науки и культуры».

(Я. Колас)

Июль. «Правда» публикует главы из повести Л. Леонова «Взятие Великошумска».

Август, 25. В связи с 40-летием литературной деятельности орденом Трудового Красного Знамени награждён И. Гришавили. В связи с 60-летием со дня рождения награждён орденом Трудового Красного Знамени А. Абашели.

Август. Вышла книга М. Исаковского «Стихи и песни».

«Книга избранных стихов и песен М. Исаковского всякому даёт почувствовать неподдельную, глубоко впечатляющую силу поэзии, насыщенной от начала до конца духом партийности, что, вопреки «прорицаниям» эстетской критики, не только не мешает её яркой индивидуальности, неповторимости выражения, но как раз определяет признаки подлинной поэзии».

(А. Твардовский)

Сентябрь, 1. В освобождённом Люблине открылась первая конференция польских писателей, участники которой направили приветственное письмо писателям Советского Союза:

«...Мы уверены, что нынешний боевой союз будет началом нерушимого союза наших народов, их тесного сотрудничества в области культуры, а также укрепления дружбы между писателями обеих стран».

Сентябрь, 11. Открылось совещание о песне. С докладом «Песня в Великой Отечественной войне» выступил М. Исаковский. В обсуждении доклада участвовали А. Сурков, Л. Ошанин, В. Лебедев-Кумач и другие.

Сентябрь. Журнал «Спутник агитатора» публикует сообщение о постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации»:

«...ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьёзные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идееге), обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других

народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнёта, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, учёных и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны».

О к т я б р ь, 25. В связи с 60-летием литературной деятельности орденом Трудового Красного Знамени награждён Н. Телешов.

Н о я б р ь, 7. Празднование XXVII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

«Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами».

(И. В. Сталин)

Н о я б р ь, 13. В Москве состоялся вечер известного французского писателя Жан Ришар Блока.

Н о я б р ь, 21. Сто лет со дня смерти великого русского баснописца И. А. Крылова. Советом Народных Комиссаров СССР принято решение о сооружении в г. Калинин памятник И. А. Крылову.

В Большом театре состоялось торжественное заседание, посвящённое 100-летию со дня смерти Крылова.

«...Этим басням сродни — и ещё как сродни! — потрясающие сказки другого нашего великого сатирика — Салтыкова-Щедрин. Названием жанра — басня, сказка — их остроты, их сатирической силы не смягчишь и не заглушишь».

(Д. Бедный)

Н о я б р ь, 25. Советская общественность отметила 250-летие со дня рождения Вольтера.

Награждение орденом Трудового Красного Знамени Н. Ляшко в связи с 60-летием со дня рождения.

Н о я б р ь. «Правда» опубликовала поэму С. Щипачёва «Тут Ленин жил...» («Домик в Шушенском»).

В течение года выпущены отдельными изданиями на русском языке следующие произведения советских писателей: М. Алигер. Стихи и поэмы 1935—1943; Х. Алимджан. Избранное. Перевод с узбекского; О. Берггольц. Ленинградский дневник. Стихи и поэмы 1941—1944; Г. Берёзко. Командир дивизии. Повесть; А. Венцлова. Родное небо. Стихи. Перевод с литовского; В. Вишневский. У стен Ленинграда. Пьеса; В. Герасимова. Байдарские ворота. Повесть; Ф. Гладков. Клятва. Повесть; Джамбул. Песни войны. Перевод с казахского; Е. Долматовский. Вера в победу. Стихи 1941—1943; Вс. Иванов. На Бородинском поле. Рассказы; П. Игнатов. Братья Игнатовы; А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Книга четвёртая (первые три книги вышли в 1941—1942 годах); Э. Капиев. Поэт; Л. Кассиль. Дорогие мои мальчишки. Повесть; В. Катаев. Жена. Повести и рассказы; К. Корсакас. В разлуке. Стихи. Перевод с литовского; А. Крон. Офицер флота. Пьеса; М. Лыньков. Рассказы 1942—1943. Перевод с белорусского; И. Новиков. Пушкин на юге. Роман; М. Рагим. Они увидят весну. Стихи. Перевод с азербайджанского; И. Сельвинский. Ливонская война. Трагедия; А. Сурков. Песни гневного сердца. Стихи; М. Танк. Янук Сялиба. Поэма. Перевод с белорусского; А. Толстой. Статьи 1942—1943; К. Тренёв. Полководец. Пьеса; И. Уткин.

О Родине. О дружбе. О любви. Стихи; А. Фадеев. Ленинград в дни блокады (из дневника); Ю. Чепурин. Сталинградцы. Пьеса; М. Шагинян. Урал в обороне. Дневник писателя, и другие.

1945 год

Январь, 13. Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. Антоновской в связи с 60-летием со дня рождения.

Январь, 15. Страна отметила 150-летие со дня рождения А. С. Грибоедова. В Большом театре состоялось торжественное заседание, на котором с докладом выступил Л. Леонов:

«Есть книги, которые читают; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце нации. Мой освобождённый народ высоко оценил благородный гнев «Горя от ума» и, отправляясь в дальний и трудный путь, взял эту книгу с собою...»

Январь, 27. Отмечено 75-летие со дня смерти А. И. Герцена.

Январь. Вышла в свет книга Н. Бирюкова «Чайка».

Февраль, 23.

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти выдающегося русского писателя, талантливейшего художника слова, пламенного патриота нашей Родины, депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого».

Совнарком СССР принял постановление о сооружении памятника А. Н. Толстому в Москве, об издании полного собрания его сочинений и других мероприятиях по увековечению памяти писателя.

Февраль. В журнале «Октябрь» закончена публикация повести В. Катаева «Сын полка».

Март, 1. Газета «Комсомольская правда» начала печатать роман А. Фадеева «Молодая гвардия».

Март, 3. «Литературная газета» публикует полученное ССП письмо известного болгарского писателя Людмила Стоянова о возрождённой после 9 сентября 1944 года литературной жизни Болгарии:

«...Одним из выдающихся событий нашей литературной жизни является выход в свет 10-томного собрания сочинений Пушкина и 5-томного — Лермонтова».

Март, 6. Умер В. Шишков.

«Любовь к Родине, гордое сознание своей кровной связи с судьбами народа, крепкая вера в его будущее пронизывают всё творчество Шишкова, пламенного патриота, трудолюбивого и взыскательного мастера слова, отдавшего все свои силы, весь свой яркий, замечательный талант горячо любимой Родине».

(С. Бородин, В. Вересаев, С. Голубов, М. Шолохов, А. Фадеев, Н. Тихонов, А. Сурков и другие)

Март, 18. Награждение орденом Ленина М. Рыльского в связи с его 50-летием.

Март. В журнале «Партийное строительство» опубликована сводная стенограмма бесед М. И. Калинина с корреспондентами газеты «Известия» и Всесоюзного радиокомитета.

«Нужно каждый художественный очерк, корреспонденцию, радиопередачу сделать реалистическими, пропитанными идейным содержанием не в смысле того, чтобы в конце или в начале статьи были сказаны слова «партийность», «социализм» и т. п., а чтобы сами факты, само действие приводило читателя к партийности. Иначе говоря, описывается частный факт с полной объективностью, но впечатление от этого описания, его воздействие на читателя должны приводить к партийности. Это, конечно, самая трудная задача. Наша классическая литература тем и славна, в том и заключается её величие, что она в совершенстве решала эту задачу».

(М. И. Калинин)

Апрель, 14. Советская общественность отметила 200-летие со дня рождения Д. И. Фонвизина.

Апрель, 30. Орденом Трудового Красного Знамени награждён Д. Демирчян в связи с 50-летием его литературной деятельности.

Май, 9. День победы над фашистской Германией.

«Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества,— не прошли даром и увенчались полной победой над врагом.

(И. В. Сталин)

Май, 10.

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большеви-ков) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с великим прискорбием извещают партию, бойцов и офицеров Красной Армии и всех трудящихся Советского Союза, что 10 мая 1945 года в 18 часов 15 минут скончался от паралича сердца, после тяжёлой и длительной болезни Секретарь Центрального и Московского Комитетов ВКП(б), Начальник Главного Политического Управления Красной Армии товарищ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЩЕРБАКОВ».

(«Правда», 11 мая)

«Светлый ум Александра Сергеевича, его горячий интерес к искусству, верность требований, плодотворная меткость оценок, точное разумение целей и задач, стоящих перед литературой, умение направить, разъяснить и помочь — всё это было нужно, полезно литературе, вело её по тем самым путям, на которых служение Родине становится подлинным смыслом труда художника».

(С. Голубов, Ф. Гладков, Л. Леонов, Н. Погодин, А. Сурков, Л. Соболев, А. Фадеев, С. Щипачёв)

Май, 15. В Москве открылся десятый пленум Правления ССП, обсудивший доклад Н. Тихонова о советской художественной литературе в 1944—1945 годах, доклад Н. Погодина о драматургии, А. Суркова — о поэзии, А. Кононова — о детской литературе.

Май, 19. Умер К. Тренёв.

«Драматические произведения К. А. Тренёва отличаются поэтичностью, они написаны прекрасным русским языком.

К. А. Тренёв всегда упорно и вдумчиво работал над словом и к настойчивой работе над словом призывал молодых литераторов».

(В. Вишневский, Ф. Гладков, Н. Зарьян, П. Павленко, К. Наджми, А. Сурков, Н. Тихонов, А. Фадеев, М. Шолохов и другие)

Май, 22. Состоялся вечер украинской литературы в Москве, на котором выступили М. Рыльский, П. Панч, Л. Первомайский, О. Вишня, Н. Забила и другие.

Май, 23. В Колонном зале Дома союзов проведён вечер поэзии народов СССР. Выступили: Н. Тихонов, С. Чиковани, П. Бровка, Н. Зарьян, С. Вургун, С. Муканов, Я. Колас, А. Токомбаев.

Май, 24. Приём в честь командующих войсками Красной Армии в Кремле.

«Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

(Из выступления И. В. Сталина на приёме)

«В годы Отечественной войны с особой силой прозвучали в произведениях лучших наших писателей патриотические призывы, дышавшие непоколебимой верой в силы русского народа, утверждающие его руководящую роль в священ-

ной борьбе всех народов Советской страны против общего врага. И в том прекрасном подвиге, который совершил советский народ в дни Отечественной войны, есть доля и нашей литературы, и в первую очередь русской литературы, спланивающей и объединяющей вокруг себя литературы братских национальностей».

(Из передовой «Литературной газеты», 2 июня)

М а й, 25.

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти талантливого русского поэта-баснописца Демьяна Бедного (Придворова Ефима Алексеевича), боевое слово которого с честью служило делу социалистической революции».

И ю н ь, 6. Умер В. Вересаев.

«Художественные произведения В. В. Вересаева, написанные превосходным языком, отличающиеся точностью и меткостью характеристик, являются правдивой летописью русской общественной жизни на протяжении многих десятилетий».

(В. Бахметьев, Ф. Гладков, М. Исаковский, П. Павленко, Н. Тихонов, А. Сурков, А. Фадеев, К. Федин и другие)

И ю н ь, 9. «Литературная газета» публикует полученную ССП телеграмму Союза чешских писателей:

«Шлём вам дружеский привет из столицы Чехословакии — Праги, освобождённой Красной Армией, которая в решающий момент подросла на помощь народу, восставшему против немецких оккупантов. Мы вам обещаем верное сотрудничество в счастливом будущем».

И ю н ь, 19—20. В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР проведены «Горьковские чтения».

И ю н ь, 22. Умер Джамбул Джабаев.

«Творчество Джамбула стало живым связующим звеном между устной народной поэзией, уходящей корнями в далёкое прошлое, и передовой советской литературой... Песни и поэмы Джамбула, созданные им за годы Отечественной войны и вошедшие в книгу «Песни войны», — значительное явление советской поэзии последних лет».

(М. Ауэзов, С. Вургун, Н. Асеев, А. Безыменский, Гафур Гулям, М. Рыльский, Н. Тихонов и другие)

И ю н ь, 23. В «Литературной газете» опубликованы приветствия Маршалов Советского Союза А. М. Василевского и Г. К. Жукова советским писателям.

«И в самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны, и в годы наших исключительных побед, и, наконец, в незабываемые дни окончательного разгрома немецко-фашистских варваров наша советская муза не молчала.

Воодушевляя Красную Армию на великие ратные подвиги, поднимая весь советский народ на священную борьбу за честь и независимость нашей Родины, советские писатели вложили свой неоценимый вклад в дело победы».

(А. М. Василевский)

«В дни отступлений и в дни победы, в испытаниях и в радости советские писатели были вместе с народом. Они не оставались спокойными наблюдателями исторических событий, а были активными участниками борьбы. Художественным словом они помогали делу победы».

(Г. К. Жуков)

И ю н ь. Опубликована третья, последняя книга романа «Пётр I» А. Толстого (не завершённая автором).

Вышел в свет сборник стихотворений Д. Бедного «Слава».

И ю л ь, 1. «Литературная газета» отмечает 70-летие со дня рождения Томаса Манна.

Июль, 7. Умерла Саломея Нерис.

«Стихи Саломеи Нерис, наполненные глубоким и искренним чувством любви к жизни, к родине и народу, войдут значительным вкладом в советскую поэзию».

(Л. Гира, Н. Тихонов, К. Корсакас, М. Лыньков, А. Венцлова, С. Маршак, П. Цвирка и другие)

Июль, 24. Награждение орденом Ленина писателя А. Исаакяна в связи с его 70-летием.

Июль. Встречи советских писателей и учёных с прибывшим в Москву китайским писателем и учёным Го Мо-жо.

«Китайские писатели считают образцом для себя русскую классическую литературу и учатся реализму у великих русских писателей... Китайские писатели надеются, что в ближайшее время они смогут отблагодарить советскую литературу большими и достойными произведениями».

(Го Мо-жо)

Август, 13. Награждение орденом Ленина писателя В. Бахметьева в связи с его 60-летием.

Август. Вышла в свет третья часть «Божественной комедии» Данте — «Рай» — в переводе М. Лозинского.

Сентябрь, 2. Капитуляция империалистической Японии.

«Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

(И. В. Сталин)

На всей земле — на море и на суше —
Настал покой, настала тишина.
Повержен враг. Пожар войны потушен.
Великая задача решена.

(М. Исаковский)

Сентябрь, 15—25. Вечера туркменской литературы в Москве.

Сентябрь, 22. «Литературная газета» публикует письмо видного мексиканского писателя Хосе Мансисидора, адресованное советским писателям:

«...Товарищи писатели, перед нами открывается новая эра. И теперь именно вам предстоит создать самую верную картину тех трудных дней, через которые прошёл советский народ... Пусть с каждым днём мы будем чувствовать себя ближе друг к другу для нашего общего блага в будущем».

Сентябрь, 24. Награждение орденом Ленина газеты «Правда» в связи с выходом десятитысячного номера. За успешную работу в печати в период Великой Отечественной войны награждены орденами писатели: С. Борзенко, В. Величко, В. Вишневский, Б. Горбатов, М. Исаковский, А. Караваева, В. Кожевников, А. Колосов, Е. Кононенко, С. Маршак, Л. Леонов, Б. Полевой, И. Рябов, К. Симонов, А. Сурков, Н. Тихонов, С. Шипачёв, М. Шолохов и другие.

В годы Великой Отечественной войны за успешную работу в печати (дивизионной, армейской, фронтовой, центральной) и за образцовое выполнение заданий Командования были награждены орденами и медалями и многие другие советские писатели.

Сентябрь. В журнале «Новый мир» завершена публикация романа К. Федина «Первые радости».

Октябрь, 3. Отмечено 150-летие со дня рождения К. Ф. Рылеева.

Октябрь, 19. Отмечено 100-летие со дня смерти грузинского поэта Николая Бараташвили.

Октябрь, 20. В газетах печатаются статьи, посвящённые 200-летию со дня смерти Джонатана Свифта.

Октябрь, 25. В Вильнюсе открылся первый съезд советских писателей Литвы.

Н о я б р ь, 1. «Правда» публикует стихотворение М. Исаковского «Русской женщине».

Н о я б р ь, 17. «Литературная газета» публикует корреспонденцию из Чехословакии, в которой сообщается о бессмертном подвиге Юлиуса Фучика и его «Репортаже с петлей на шее».

Д е к а б р ь. В журнале «Звезда» опубликована пьеса Б. Лавренёва «За тех, кто в море!»

В течение года вышли на русском языке следующие произведения советских писателей: М. Алигер. Сказка о правде. Драматическая поэма; М. Бажан. Избранное. Перевод с украинского; Н. Браун. Мой светлый край. Сборник стихов; В. Василевская. Просто любовь. Повесть; Н. Грибачёв. По дорогам войны. Фронтовые стихи; В. Гроссман. Годы войны. Очерки и рассказы; М. Дудин. Переправа. Книга стихов 1939—1945; А. Ерикеев. Стихи о друзьях. Перевод с татарского; А. Жаров. От моря и до моря. Стихи; В. Инбер. Почти три года (Ленинградский дневник); А. Исаакян. Избранные стихи. Перевод с армянского; В. Каверин. Два капитана. Тома первый и второй; А. Калинин. Товарищи. Роман; С. Кирсанов. Стихи войны; С. Ковпак. От Путивля до Карпат; Е. Кононенко. О любви всепобеждающей. Очерки и рассказы; А. Кулешов. Цимбалы. Поэма; Н. Ляшко. Русские ночи. Рассказы; С. Михалков. Басни; В. Овечкин. С фронтовым приветом! Повесть; А. Первенцев. Огненная земля. Роман; Л. Первомайский. Стихотворения. Перевод с украинского; А. Прокофьев. Простор. Стихи; М. Рыльский. Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского; В. Саянов. Весна 1945 года. Походная тетрадь. Стихи; М. Светлов. Бранденбургские ворота. Пьеса; К. Симонов. От Чёрного до Баренцова моря. Записки военного корреспондента. Книга четвёртая (книга первая вышла в 1942 году, книга вторая — в 1943 году, книга третья — в 1944 году); В. Соловьёв. Великий государь. Трагедия; А. Сурков. Я пою победу. Военная лирика 1943—1945; О. Шираз. Родник. Стихи. Перевод с армянского; А. Яшин. Земля богатей. Книга стихов, и другие.

1946 год

Я н в а р ь, 4. В связи со смертью выдающегося американского писателя Теодора Драйзера Союз советских писателей обратился с телеграммой к председателю Национального совета американско-советской дружбы:

«...Его смерть — тяжёлая утрата для мировой литературы. В лице Драйзера сошёл в могилу не только крупный художник слова, но и передовой общественный деятель, давний друг Советского Союза, борец против фашизма и всех видов реакции. Советские писатели сохранят благодарную память о нём».

Я н в а р ь, 27. Опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1943—1944 годы. Премии первой степени присуждены В. Шишковой за роман «Емельян Пугачёв», А. Степанову за роман «Порт-Артур», А. Кулешову за поэму «Знамя бригады», А. Твардовскому за поэму «Василий Тёркин», А. Суркову за общеизвестные песни и стихи: «Песня смелых», «За нашей спиной Москва», «Песня о солдатской матери», «Песня защитников Москвы», «Бьётся в тесной печурке огонь», «Победа», «В смертном ознобе», М. Лозинскому за образцовый перевод в стихах произведения Данте «Божественная комедия», А. Толстому за пьесу «Иван Грозный», Б. Агапову за сценарий «Возрождение Сталинграда». Премии второй степени присуждены Б. Горбатову за повесть «Непокорённые», В. Каверину за роман «Два капитана», В. Василевской за повесть «Просто любовь», К. Симонову за повесть «Дни и ночи», П. Антокольскому за поэму «Сын», Г. Гуляму за сборник стихов «Иду с Востока», Л. Первомайскому за сборники стихов «День рождения» и «Земля», А. Прокофьеву за стихи: «Клятва», «Россия», «Не отдадим», «Застольная», «За тебя, Ленинград», С. Маршаку за пьесу «Двенадцать месяцев», Л. Малогину за пьесу «Старые друзья», В. Гусеву за сценарий «В шесть часов вечера после войны».

Я н в а р ь. Вышел первый номер журнала «Советская литература», издающегося на четырёх языках: немецком, французском, английском, испанском.

Февраль, 10. Выборы в Верховный Совет СССР. В числе избранных депутатов — писатели Айбек, М. Бажан, П. Бажов, И. Барбарус, Е. Буков, В. Василевская, А. Венцлова, С. Вургун, М. Габдуллин, Ш. Дадияни, А. Ерикеев, А. Корнейчук, Я. Колас, В. Лапис, Л. Леонов, Х. Намсараев, Ф. Панфёров, Ф. Рокпелнис, М. Рыльский, К. Симонов, А. Талыб-заде, Н. Тихонов, С. Тока, М. Турсун-заде, П. Тычина, А. Фадеев, М. Шолохов.

Февраль. В русском переводе вышел роман Айбека «Навои».

Март, 28. Отмечено 100-летие со дня рождения выдающегося чешского писателя Сватоплука Чеха.

Март. В журнале «Знамя» закончилась публикация повести В. Пановой «Спутники».

Апрель. В Иркутске вышла вторая, завершающая книга романа Г. Маркова «Строговы» (первая книга была опубликована в 1939 году).

Июнь, 3.

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевик), Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР с великим прискорбием извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 3 июня в 10 часов 05 минут после продолжительной и тяжёлой болезни скончался выдающийся деятель нашей партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), член Президиума Верховного Совета Союза ССР товарищ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАЛИНИН».

(«Правда», 4 июня)

«Много времени и энергии отдавал Михаил Иванович борьбе за социалистическую культуру, неустанному воспитанию кадров советской интеллигенции в духе самоотверженного служения делу коммунизма. Человек большой начитанности, он повседневно следил за развитием советской художественной литературы. Михаил Иванович не раз подчёркивал в своих выступлениях и статьях огромную воспитательную роль художественного слова. Пламенный агитатор и пропагандист, он горячим, простым и ясным словом партийного публициста волновал сердца миллионов».

(Н. Тихонов, В. Вишневский, Ф. Гладков, В. Лебедев-Кумач, Н. Погодин, С. Маршак, М. Шолохов, К. Федин и другие)

Июнь, 18. Страна отметила 10-летие со дня смерти А. М. Горького. В Колонном зале Дома союзов состоялся вечер. В Академии наук СССР проведены «Горьковские чтения».

Июнь, 25. Награждение П. Замойского в связи с его 50-летием орденом Трудового Красного Знамени.

Июнь, 27. Опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1945 год. Премии первой степени присуждены А. Фадееву за роман «Молодая гвардия», Айбеку за роман «Навои», А. Исаакяну за стихотворения: «Моей родине», «Великому Сталину», «Бранный клич», «Сердце моё на вершинах гор», «Наша борьба», «Вечной памяти С. Г. Загияна», Я. Коласу за стихотворения: «Майские дни», «Дорогой славы», «Салар», «Родной путь», «Моему другу», «На Запад», «Голос земли», Б. Лавренёву за пьесу «За тех, кто в море!», Б. Чирскову за сценарий «Великий перелом». Премии второй степени присуждены В. Катаеву за повесть «Сын полка», А. Упиту за роман «Зелёная земля», М. Бажану за поэму «Даниил Галицкий», стихотворение «Клятва» и цикл стихов «Сталинградская тетрадь», В. Инбер за поэму «Пулковский меридиан» и «Ленинградский дневник» (проза), В. Соловьёву за пьесу «Великий государь».

Июнь. В журнале «Знамя» напечатано произведение П. Вершигоры «Люди с чистой совестью».

Июль, 1. Умер народный поэт Литвы Людас Гира.

«Жизнь этого талантливого поэта, пламенного советского патриота и прекрасного человека была неотделима от жизни литовского народа. Многие его

стихотворения стали любимыми народными песнями. Стихи, написанные им в годы Великой Отечественной войны, вели вперёд бойцов и командиров Литовской дивизии, вдохновляли литовских партизан — братьев и сестёр героической Марии Мельникайте.

(Н. Тихонов, Н. Асеев, П. Антокольский, А. Упит, А. Фадеев, С. Чиковани и другие)

Июль, 11. Награждение орденом Трудового Красного Знамени П. Антокольского в связи с его 50-летием.

Июль, 16. Сказительница Марфа Крюкова награждена орденом Ленина в связи с её 70-летием.

Июль, 25. Отмечено 90-летие со дня рождения Бернарда Шоу.

Июль. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения Джембула. На вечере, состоявшемся в Колонном зале Дома союзов, выступили В. Лебедев-Кумач, Т. Жароков, И. Сельвинский, М. Тарловский, А. Адалис, С. Городецкий. В Алма-Ате состоялся торжественный пленум ССП Казахстана и сессия Казахской Академии наук.

Делегация советских писателей (В. Инбер, А. Сурков и другие) посетила Иран, где приняла участие в первом съезде иранских писателей.

Август, 7. Отмечено 25-летие со дня смерти Александра Блока.

Август, 14. ЦК ВКП(б) принял постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». ЦК ВКП(б) подверг глубокой критике серьёзные ошибки журналов «Звезда» и «Ленинград», предоставивших свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений М. Зощенко, для проникнутых духом безидейности и упадочничества стихотворений А. Ахматовой.

«В чём смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»?

Руководящие работники журналов, и в первую очередь их редакторы тт. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодёжи и поэту должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя,— его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодёжи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безидейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодёжь, ответить на её запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в своё дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безидейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах».

(Из постановления ЦК ВКП(б))

Август, 15—16. А. А. Жданов выступил с докладом о журналах «Звезда» и «Ленинград» на собрании партийного актива Ленинграда и на собрании ленинградских писателей.

«Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы. Народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вторжения литературы во все стороны советского бытия. Большевики высоко ценят литературу, отчётливо видят её великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа. Центральный Комитет партии хочет, чтобы у

нас было изобилие духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры мы видим одну из главных задач социализма».

(Из доклада А. А. Жданова)

«Собрание писателей рассматривает решение ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» как документ огромного принципиального и программного значения, определяющий направление и пути развития советской литературы...

Считая себя в большом долгу перед советским народом, писатели Ленинграда полны стремления в короткий срок ликвидировать крупнейшие недостатки в своей работе, положив в основу своего творческого труда постановление ЦК ВКП(б)».

(Из резолюции собрания ленинградских писателей)

Август, 17. Опубликована телеграмма, отправленная Правлением ССП СССР Британскому обществу культурной связи с СССР по поводу смерти Герберта Джорджа Уэлса:

«...Советские писатели выражают своё соболезнование по поводу смерти выдающегося английского писателя Герберта Джорджа Уэлса, произведения которого пользуются большой популярностью в Советском Союзе».

Август, 26. ЦК ВКП(б) принял постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». ЦК ВКП(б) указал, что из репертуара драматических театров оказались вытесненными пьесы советских авторов на современные темы, а среди небольшого количества поставленных театрами пьес на современные темы — немало пьес слабых, безидейных.

«ЦК ВКП(б) ставит перед драматургами и работниками театров задачу — создать яркие, полноценные в художественном отношении произведения о жизни советского общества, о советском человеке. Драматурги и театры должны отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в её непрерывном движении вперёд, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны. Наши драматурги и режиссёры призваны активно участвовать в деле воспитания советских людей, отвечать на их высокие культурные запросы, воспитывать советскую молодёжь бодрой, жизнерадостной, преданной Родине и верящей в победу нашего дела, не боящейся препятствий, способной преодолевать любые трудности. Вместе с тем советский театр призван показывать, что эти качества свойственны не отдельным, избранным людям, героям, но многим миллионам советских людей».

Необходимо, чтобы все писатели, способные создавать произведения драматургии, активно, творчески включились в насущное дело создания репертуара театров, достойного по своему качеству современного зрителя».

(Из постановления ЦК ВКП(б))

Сентябрь, 4. ЦК ВКП(б) принял постановление «О кинофильме «Большая жизнь». Подвергнув критике вторую серию кинофильма «Большая жизнь», в котором было искажённое изображение советской действительности и советских людей, и указав на недостатки других неудачных и ошибочных фильмов, ЦК ВКП(б) определил основные идейно-художественные задачи советской кинематографии.

«Работники искусств должны понять, что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж, ибо советский зритель вырос, его культурные запросы и требования увеличились, а партия и государство будут и в дальнейшем воспитывать в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произведениям искусства».

(Из постановления ЦК ВКП(б))

Расширенное заседание президиума Правления Союза советских писателей обсудило постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

«Президиум Союза считает необходимым положить в основу своей дальнейшей работы указания ЦК ВКП(б), данные в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград», и решительно изменить методы идейно-художественного руководства. Борьба против чуждых влияний в литературе, против всяких проявлений безидейности и аполитичности, воспитание советского писателя, как верного и чуткого выразителя интересов народа, Советского государства, помощника партии в коммунистическом воспитании народа,— должны стать главным содержанием всей работы Союза писателей».

(Из резолюции президиума Правления ССП СССР)

Сентябрь, 17. Общее собрание писателей Москвы единодушно одобрило постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Выступили А. Фадеев, В. Катаев, Л. Леонов, К. Симонов, С. Кирсанов, В. Перцов, А. Бек, А. Караваева, В. Ермилов, Ф. Гладков, В. Инбер, А. Жаров. Собрания писателей состоялись также в Ленинграде, Киеве, Баку, Минске, Чкалове, Новосибирске, Казани, Ташкенте и других городах.

«Партия призвала нас покончить с декадентством, безидейностью, пошлостью, призвала нас шире открыть двери критике и самокритике. Мы должны проверять свою работу каждый день, спрашивать себя: а не мог ли я сделать лучше и больше?»

(Из выступления А. Прокофьева)

Сентябрь, 22. Передовая статья газеты «Правда» «Благородные задачи советской литературы»:

«...Художественные образы, создаваемые литературой и искусством на основе метода социалистического реализма, изображение и обобщение того героизма, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны, должны воспитывать в нашей превосходной молодёжи стремление неуклонно идти вперёд, преодолевать препятствия, умножать мощь социалистической Родины».

Велика историческая миссия советской литературы, огромна её роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа».

Сентябрь, 30. Общегородское собрание работников театров, драматургов и критиков Москвы, посвящённое постановлению ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». На собрании выступили В. Вишневский, А. Фадеев, А. Крон, Л. Тур, Н. Охлопков, А. Дикий, Н. Горчаков, Ю. Завадский, А. Горюнов и другие. Собрания художественной интеллигенции состоялись также в Ленинграде, Иркутске, Ашхабаде, Горьком, Фрунзе, Киеве, Куйбышеве и других городах.

Октябрь, 5. «Литературная газета» сообщает, что в Москву прибыли северокорейские писатели Ли Ги Ен, Ли Тхи Дюн, Хе Ден Сук.

Октябрь, 12. Награждение писателя И. Попова в связи с его 60-летием орденом Трудового Красного Знамени.

Октябрь. В журнале «Знамя» закончилась публикация повести В. Некрасов «В окопах Сталинграда».

Вышла отдельным изданием в переводе на русский язык «Песнь о Давиде Гумишвили» С. Чиковани.

В журнале «Звезда» напечатана повесть Э. Грина «Ветер с юга».

«Помимо своих художественных достоинств, повесть Грина имеет и большое познавательное значение. Своеобразная жизнь и быт Финляндии, мало известные нашему широкому читателю, показаны Грином полно и разносторонне. В ведении создана живая и правдивая картина Финляндии. Советского читателя привлекает эта книга, открывающая перед ним жизнь нашего северного соседа».

(Б. Лав.)

Ноябрь. В журнале «Октябрь» закончено печатание «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого.

Вышла из печати книга А. Малышко «Лирика» (перевод с украинского).

Декабрь, 4. Советский народ широко отметил 125-летие со дня рождения Н. А. Некрасова. Совет Министров СССР принял решение об открытии в Москве выставки, посвящённой жизни и творчеству Н. А. Некрасова; об организации в Ленинграде, в квартире на Литейном проспекте, где жил поэт, мемориального музея Н. А. Некрасова; о реставрации усадьбы в Карабихе, где жил и работал Н. А. Некрасов.

В течение года вышли в свет на русском языке следующие произведения советских писателей: С. Айни. Смерть ростовщика. Повесть. Перевод с таджикского; Н. Асеев. Пламя победы. Стихи и поэмы 1941—1945; А. Безыменский. Фронтная тетрадь. Стихи; Д. Благой. История русской литературы XVIII века; А. Бойченко. Молодость. Повесть. Перевод с украинского; М. Голубкова. Два века в полвека. Повесть; А. Граши. Горы поют. Стихи. Перевод с армянского; А. Довженко. Жизнь в цвету. Пьеса; П. Замойский. Молодость. Роман; В. Звягинцева. По русским дорогам. Сборник стихов; И. Ирошникова. Где-то в Сибири. Из дневника комсорга; А. Коптяева. Товарищ Анна. Роман; А. Крон. Глубокая разведка. Драма-комедия; П. Лукницкий. Ниссо. Роман; С. Марков. Юконский ворон. Роман; С. Маршак. Стихи 1941—1946; О. Матюшина. Песнь о жизни. Автобиографическая повесть; И. Меньшиков. Человек ищет счастья. Рассказы; С. Муканов. Ботагоз. Роман. Перевод с казахского; К. Мурзиди. Уральское солнце. Стихи; А. Ольхон. Байкал. Стихотворения и поэмы за 20 лет; С. Орлов. Третья скорость. Стихи; П. Панченко. Дорога молодости. Стихи. Перевод с белорусского; К. Паустовский. Далёкие годы. Повесть о детстве и юношестве; Е. Пермяк. Кем быть?; М. Пришвин. Кладовая солнца. Рассказы; А. Решетов. Сторона родная. Избранные стихотворения; С. Сергеев-Ценский. Синопский бой; К. Симонов. Русский вопрос. Пьеса; И. Соколов-Микитов. Рассказы охотника; А. Софронов. В одном городе. Пьеса; А. Твардовский. Дом у дороги. Поэма; А. Токомбаев. Повести и рассказы. Перевод с киргизского; П. Тычина. Избранное. Перевод с украинского; О. Форш. Михайловский замок. Роман; А. Чаковский. Это было в Ленинграде; его же. Лида. Повести; Б. Чирсков. Победители. Военная драма, и другие.

Закончено пятитомное собрание избранных произведений М. Горького. Начато издание собрания сочинений В. Шишкова в шести томах (завершено в 1948 году).

1947 год

Январь. В журнале «Знамя» напечатана повесть Э. Казакевича «Звезда».

В журнале «Новый мир» опубликована поэма А. Недогонова «Флаг над сельсоветом».

Март, 3. Открылось всесоюзное совещание молодых писателей, созданное ЦК ВЛКСМ и ССП СССР. В совещании приняли участие 150 молодых писателей, в том числе П. Воронько, С. Гудзенко, М. Луконин, М. Дудин, С. Орлов, А. Недогонов, С. Капутикян, В. Мозурюнас. Были заслушаны: доклад А. Фадеева «За высокую идейность советской литературы» и доклады К. Симонова — о советской драматургии, З. Перцова — о советской поэзии. С молодыми писателями поделились своим творческим опытом В. Вишневский, А. Твардовский, А. Сурков, И. Эренбург и другие.

Март, 12. Награждение писателя Е. Фёдорова в связи с его 50-летием орденом Трудового Красного Знамени.

Апрель. В журнале «Новый мир» опубликована первая часть романа О. Гончара «Носцы» (вторая часть — в том же журнале в августе 1947 года).

Май. Большая группа советских учёных, писателей, деятелей культуры и искусства выступила в печати с предложением об организации Всесоюзного общества по объединению политических и научных знаний. Среди подписавших обращение — А. Фадеев, Н. Тихонов и другие. Всесоюзное общество по распространению научных и научных знаний было организовано в июне 1947 года.

Июль, 2. Умер литовский писатель П. Цвирка.

«Цвирка — один из основных деятелей передовой группы литовских писателей, не смирившихся с фашистским режимом правительства Сметаны, стремившихся к сближению с Советским Союзом и советской литературой...»

С установлением в Литве советского строя П. Цвирка отдаёт все свои силы для создания и укрепления советско-литовской литературы. В годы Отечественной войны Цвирка своими произведениями воодушевлял литовских воинов на борьбу с немецкими захватчиками.

(Правление ССП СССР)

Май. В журнале «Звезда» опубликована драматическая повесть А. Якобсона «Жизнь в цитадели».

Вышла из печати книга стихов Саломеи Нерис «Мой край» в переводе на русский язык.

В альманахе «Дружба народов» напечатан роман В. Лациса «Буря» (перевод с латышского, книга первая). Вторая книга вышла на русском языке в 1949 году, третья — в 1950 году.

«Это эпопея, изображающая самое великое десятилетие в истории латышского народа, десятилетие его победоносной борьбы под руководством Коммунистической партии и с помощью братских народов Советского Союза за полное торжество нового, социалистического строя в Латвии. Герой эпопеи — сам народ.

Исторический роман В. Лациса — выдающееся произведение латышской советской литературы, свидетельство стремительного творческого роста самого художника в результате его активного участия в борьбе за социалистическую Латвию».

(А. Унит)

Июнь, 7. Опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1946 год. Премии первой степени присуждены Э. Грину за повесть «Ветер с юга», В. Пановой за повесть «Спутники», С. Нерис за сборник стихов «Мой край», С. Чиковани за поэму «Песнь о Давиде Гурамишвили» и стихотворения: «Гори», «Картийские вечера», «Праздник Победы», «Кто сказал», К. Симонову за пьесу «Русский вопрос», И. Луковскому за сценарий «Адмирал Нахимов», П. Павленко за сценарий «Клятва». Премии второй степени присуждены П. Вершигоре за книгу «Люди с чистой совестью», В. Некрасову за повесть «В окопах Сталинграда», Б. Полевому за «Повесть о настоящем человеке», А. Твардовскому за поэму «Дом у дороги», П. Ервике за поэмы «Хлеб», «Думы про Москву» и стихотворения: «Брат и сестра», «Народное спасибо», «Если бы мне быть», «Встреча», А. Малышко за поэму «Прометей» и сборник стихов «Лирика», А. Якобсону за пьесу «Жизнь в цитадели», Л. Арнштаму за сценарий «Глинка», Г. Гребнеру за сценарий «Крейсер «Варяг».

Июнь, 22. В Центральном Доме литераторов установлена мемориальная доска в память московских писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

В 1941—1945 годах в боях за Родину погибли 204 советских писателя. В их числе: Д. Алтаузен, А. Афиногенов, А. Гайдар, М. Геловани, Л. Десняк, А. Жаврук, А. Жумагалиев, Е. Зозуля, Ю. Инге, Ш. Иоселиани, Ф. Карим, Л. Квициния, Ф. Князев, Ю. Крымов, А. Кутуй, Б. Лапин, А. Лсбедев, П. Лидов, И. Меньшиков, М. Джалил, А. Роскин, Е. Петров, Ю. Седрук, М. Серебрянский, В. Ставский, В. Стрельчер, А. Тарасов, М. Троицкий, Н. Трублаини, И. Уткин, А. Хамадан, З. Хацревин, О. Цевицер, М. Шпак и другие.

Июнь, 26. Открылся одиннадцатый пленум Правления ССП СССР. Плен судил доклад А. Фадеева «Советская литература после постановления ЦК ВКЖ в журналах «Звезда» и «Ленинград» и содоклады об украинской, узбекской, латвийской и эстонской литературах.

Июль, 11. Общественность отметила 10-летие со дня смерти Матэ Залгерского писателя-коммуниста, погибшего в 1937 году в освободительной войне народа против фашистских реакционеров и захватчиков.

Июль. Журнал «Октябрь» закончил публикацию первой книги романа Беннова «Белая берёза».

Июль — август. В журнале «Знамя» напечатан роман П. Павленко «Сча-

Август. В журнале «Новый мир» закончилась публикация романа И. Эренбурга «Бура».

Вышла на русском языке книга стихов П. Бровки «Думы о Москве».

Сентябрь, 7. Советский народ широко отпраздновал 800-летие Москвы.

«Для нас видеть и чувствовать Москву — это значит чувствовать каждый раз необыкновенно радостное удивление. Это не только город русского народа, но и город его братьев — всех народов, населяющих Советский Союз от бурной Балтики до отдалённых берегов Тихого океана, от Чёрного до Белого моря. Здесь себя чувствуют родными и русский, и украинец, и белорус, и казах, и грузин, и узбек. Все испытывают к этому городу восторженную страсть, все глядят на него пылающими глазами!»

(Вс. Иванов)

«Москва! Это слово звучит для всех славянских народов, как пароль братской дружбы, могущественной, объединяющей силой. Для всего прогрессивного человечества Москва стала штабом мысли, штабом надежд, горячим, вечно бьющимся сердцем».

(О. Гончар)

Сентябрь, 20. Опубликовано открытое письмо советских писателей к писателям США «С кем вы, американские мастера культуры?»:

«...Лучшие писатели мира всегда поднимали свой голос протеста против того, что враждебно счастью и жизни простых людей, против реакции в своей стране и в других странах...

Во имя простых и честных людей во всём мире мы зовём вас, мастера американской культуры, поднять свой голос против новой угрозы фашизма, против поджигателей войны, за мир и богатство народов, за братство культуры, за счастье человечества!»

Сентябрь, 22. Исполнилось 800 лет со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами. В Баку на празднование съехались многочисленные делегаты из братских советских республик и зарубежных стран. На торжественном заседании С. Вургун сделал доклад «Наследие Низами и наша современность», М. Гусейн — «Певец человеческого счастья и любви», П. Антокольский — «Низами и советская культура», Н. Тихонов — «Слово писателя».

Сентябрь, 27. После трёхнедельного пребывания в СССР вернулась в Чехословакию делегация чешских и словацких писателей и журналистов, в числе которых были М. Майерова, Ян Чрда, Зора Ясенска и другие.

«Чехословацкие писатели и журналисты возвращаются на родину с твёрдой уверенностью в том, что дружба и союз Чехословакии с СССР являются вопросом не только убеждений и сердца, но и вопросом безопасности, залогом всей нашей счастливой будущности».

(Из письма чехословацких писателей. «Литературная газета», 27 сентября)

Сентябрь. В журнале «Октябрь» напечатана поэма Н. Грибачёва «Колхоз эшевик».

Сентябрь, 5. Открылся первый съезд немецких писателей. В работе съезда участвует делегация советских писателей в составе В. Вишневого, Б. Горбатова, А. Сидорова.

Сентябрь, 7. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. На торжественном заседании Московского Совета 6 ноября с докладом, посвящённым 30-летию Октябрьской революции, выступил В. М. Молотов. Характеризуя успехи культурного строительства в СССР в области культуры, В. М. Молотов сказал: «...Наша интеллигенция, работники культуры, люди науки и искусства прокнуты советским патриотизмом, как никогда. Нельзя считать случайностью, что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом. В нашей стране

коммунизм воодушевляет к вдохновенному труду, к героической борьбе за Родину, к высокому идейному творчеству».

Н о я б р ь. На русском языке вышли «Индийская баллада» и другие стихотворения М. Турсун-заде.

В альманахе «Дружба народов» напечатан роман Б. Кербабаева «Решающий шаг».

Д е к а б р ь, 3. Редакционная статья «Правды» — «Молодая гвардия» в романе и на сцене:

«...Писатель ставил перед собой задачу показать героизм комсомола, молодой гвардии Краснодона. Он внимательно, с увлечением, с подлинной страстью художника изучал материал, он старался проникнуть в самую глубь молодёжной подпольной организации и в души юношей и девушек, беседовал с немногими оставшимися в живых участниками организации «Молодая гвардия». Ему удалось воссоздать облик героического Краснодона. Но из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола,— это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации.

Партийная организация, по сути дела, выпала из романа А. Фадеева. Автор не сумел проникнуть в жизнь и работу партийной подпольной организации, изучить её и достойно показать в романе».

Д е к а б р ь. Широко отмечено 150-летие со дня рождения Генриха Гейне.

В течение года вышли на русском языке следующие произведения советских писателей: В. Авдеев. Гурты на дорогах. Повесть; В. Бахметьев. Вячеслав Шишков; П. Бровка. Стихи. Перевод с белорусского; С. Васильев. Москва Советская. Стихи; Б. Галин. В Донбассе. Очерки; его же. В одном населённом пункте. Рассказ пропагандиста; Е. Долматовский. Книга ровесников. Стихи и песни; Т. Жароков. От всего сердца. Избранные стихи. Перевод с казахского; В. Закруткин. Кавказские записки 1942—1943; Н. Зарьян. Избранные произведения. Перевод с армянского; Б. Зубавин. Хозяин. Рассказы; М. Ильин. Человек и стихия; А. Исаакян. Избранная проза. Перевод с армянского; С. Капутикян. Стихи. Перевод с армянского; Т. Керашев. Дорога к счастью. Роман. Перевод с адыгейского; В. Кетлинская. В осаде. Роман; И. Козлов. В Крымском подполье. Воспоминания; В. Костылев. Невская твердыня. Третья, завершающая часть трилогии «Иван Грозный» (первые две части вышли в 1943 и 1945 годах); В. Курочкин. Бригада смыхлёных. Повесть; В. Лацис. Сын рыбака. Роман. Перевод с латышского; Ю. Либединский. Горы и люди. Роман; И. Ликстанов. Малышок. Повесть; Г. Линьков. Война в тылу врага; Б. Лихарев. Поход к фиордам. Стихи; М. Луконин. Сердцебиение. Стихи; М. Максимов. Ровесники. Стихи и баллады; Б. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века; М. Миршакар. Золотой кишлак. Стихи; Н. Михайлов. Над картой Родины; С. Михалков. Красный галстук. Пьеса; Д. Нагишкин. Сердце Бонивура. Роман; Х. Намсараев. Славлю я... Стихи. Перевод с бурят-монгольского; М. Нечкина. Грибодов и декабристы; Ив. Новиков. Пушкин в изгнании. Роман; Д. Осин. Праздник возвращения. Стихи; В. Панова. Кружилиха. Повесть; Е. Пермитин. Друзья. Роман; Е. Петров. Остров мира. Комедия; Вс. Рождественский. Родные дороги. Стихи; Б. Ромашов. Великая сила. Пьеса; Д. Семеновский. Стихи; Л. Славин. Рассказы; В. Смирнов. Открытие мира. Повесть; Ю. Смолич. Они не прошли. Роман. Перевод с украинского; В. Стрельченко. Стихи; А. Упит. Рассказы. Перевод с латышского; Н. Ушаков. Северное сияние. Стихи; А. Фёдоров. Подпольный обком дейст А. Чивилихин. Голоса на ветру. Стихи; К. Чорный. Большое сердце. Рассказы. Перевод с белорусского; А. Чуркин. Самое дорогое. Стихи и песни; М. Шагинян. По пятiletки. Очерки; П. Шубин. Моя звезда. Стихи; Г. Эмин. Стихотворения. с армянского, и другие.

1948 год

Я н в а р ь, 5. Награждение поэта В. Сосюры в связи с его 50-летием Ленина.

Я н в а р ь, 7. Вечер якутской литературы и искусства в Москве. С чтением произведений выступили писатели С. Кулачиков-Эллий, А. Кудрин-Аб. Н. Мординов-Амма Аччыгыай.

Январь. Состоялось овещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). На совещании выступил А. А. Жданов.

«...Глубоко ошибаются те, кто считает, что расцвет национальной музыки как русской, так равно и музыки советских народов, входящих в состав Советского Союза, означает какое-то умаление интернационализма в искусстве. Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять своё лицо, стать безродными космополитами».

(Из выступления А. А. Жданова)

Драматическая повесть А. Якобсона «Борьба без линии фронта» напечатана в журнале «Звезда».

В журнале «Дальний Восток» опубликована повесть «Зарево над лесами» удгейского писателя Д. Кимонко.

Февраль, 10. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об опере В. Мурадели «Великая дружба». В постановлении говорится:

«...Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (т. Храпченко) и оргкомитет Союза советских композиторов (т. Хачатурян) вместо того, чтобы развивать в советской музыке реалистическое направление, основами которого являются признание огромной прогрессивной роли классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы, использование этого наследства и его дальнейшее развитие, сочетание в музыке высокой содержательности с художественным совершенством музыкальной формы, правдивость и реалистичность музыки, её глубокая органическая связь с народом и его музыкальным и песенным творчеством, высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений, по сути дела поощряли формалистическое направление, чуждое советскому народу».

ЦК ВКП(б) осудил формалистическое направление в советской музыке как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки и призвал советских композиторов проникнуться сознанием высоких запросов, которые предъявляет советский народ к музыкальному творчеству.

Февраль, 11. Награждён орденом Трудового Красного Знамени поэт А. Безыменский в связи с его 50-летием.

Февраль, 28. Началась декада литовской литературы в Москве. С чтением своих произведений выступили писатели В. Вальсюнене, К. Корсакас, В. Миколайтис-Путинас, Э. Межелайтис, В. Мозурюнас, Т. Тильвитис, И. Шимкус и другие литовские писатели. 6 декабря, в заключительный день декады, состоялось заседание Правления ССП СССР, на котором обсуждены вопросы развития литовской литературы.

Март, 11. В газете «Культура и жизнь» напечатана редакционная статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении (по поводу дискуссии об А. Веселовском)»:

«...Советская историко-литературная наука высоко ценит своих великих предшественников — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Но поднимать из гроба Веселовского и ему подобных, чтобы делать из них образец для подражания, — значит превращаться в эпигонов отсталых взглядов. Мы в особенности олжны беречь сознание наших молодых научных работников от тлетворного влияния Веселовского и его эпигонов, реставраторов буржуазного либерализма в литературоведении».

Март, 13. Умер поэт А. Недогонов.

Апрель, 2. Опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении высших премий за выдающиеся работы в области литературы и кинематографии за 1957 год. Премии первой степени присуждены М. Бубеннову за роман «Белая берёза», А. Алленко за роман «Счастье», И. Эренбургу за роман «Буря», Н. Грибачёву за роман «Колхоз «Большевик», А. Недогонову за поэму «Флаг над сельсоветом», А. Сосурю за сборник стихов «Чтобы сады шумели», Б. Ромашову за пьесу «Великая

сила», А. Якобсону за пьесу «Борьба без линии фронта», Б. Агапову за сценарий «День победившей страны», М. Смирновой за сценарий «Сельская учительница», Е. Помещикову и Н. Рожкову за сценарий «Сказание о земле сибирской». Премии второй степени присуждены А. Гончару за роман «Знаменосцы», Э. Казакевичу за повесть «Звезда», Б. Кербабаеву за роман «Решающий шаг», В. Костылеву за трилогию «Иван Грозный», В. Пановой за роман «Кружилиха», Ф. Панфёрову за роман «Борьба за мир», Я. Судрабкалну за сборник стихов «В братской семье», М. Танку за сборник стихов «Кабы ведали», М. Турсун-заде за стихотворения: «Индийская баллада», «Ганг», «Шли с туманного запада люди», «Тара-Чандри», «Висячий сад в Бомбее», «В человеческой памяти», Н. Вирте за пьесу «Хлеб наш насущный», А. Софронову за пьесу «В одном городе», А. Григулису за пьесу «Глина и фарфор», Б. Мейлаху за книгу «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века», М. Нечкиной за книгу «Грибоедов и декабристы», Е. Бертельсу за научно-критический труд «Низами Ганджеви», Ю. Герману за сценарий «Пироги», К. Исаеву и И. Маклярскому за сценарий «Подвиг разведчика», И. Бачелису за сценарий «Москва — столица СССР». Премии третьей степени присуждены В. Авдееву за повесть «Гурты на дорогах», Б. Галину за очерки «В Донбассе», «В одном населённом пункте», Т. Керашеву за роман «Дорога к счастью», В. Кетлинской за роман «В осаде», И. Козлову за книгу «В Крымском подполье», И. Ликстанову за повесть «Мальшок», Н. Михайлову за книгу «Над картой Родины».

А п р е л ь, 12. Исполнилось 125 лет со дня рождения А. Н. Островского. В Малом театре состоялось торжественное заседание, на котором с докладом «Слава русской культуры» выступил Н. Погодин. На юбилейном заседании в Центральном Доме литераторов доклад о великом русском драматурге сделал Б. Ромашов.

А п р е л ь, 19. Награждение С. Айни в связи с его 70-летием орденом Ленина.

М а й, 1. «Литературная газета» публикует ответ американских деятелей культуры советским писателям на их письмо «С кем вы, американские мастера культуры?»

«...Мы за мир и демократию, мы будем вместе с вами выступать против голоса смерти».

(Говард Фаст, Ллойд Браун и другие)

М а й, 15. Празднование 500-летия со дня рождения узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. В Ташкент для участия в праздновании прибыли представители всех союзных республик. Состоялось торжественное заседание в Театре оперы и балета, носщем имя Навои; выступили Айбек, М. Турсун-заде, К. Симонов и другие. В Ташкенте заложен памятник поэту.

«Огромное творческое наследие Навои — шесть поэм, четыре лирических сборника и ряд прозаических и историко-литературных трудов — оказало колоссальное влияние на развитие литературы и прогрессивной общественной мысли Средней Азии и всего Ближнего Востока. Традиции Навои развивались в узбекской литературе, как традиции культуры демократической, ставящей своей задачей служение интересам народа. Благодаря этим, усвоенным передовыми узбекскими писателями традициям в XIX веке установилась прочная связь между узбекской литературой и самой передовой и демократической литературой мира: русской, что явилось новым шагом вперёд в развитии узбекского искусства. Первые научные работы о Навои были написаны русскими учёными».

(«Литературная газета», 1

М а й. Отмечено 75-летие со дня рождения Анри Барбюса.

В журнале «Октябрь» закончилась публикация романа С. Бабаевского «Золотой Звезды» (продолжение — роман «Свет над землёй» вышел в 1950 годах).

В журнале «Огонёк» печатается цикл стихотворений Н. Тихонова «Гр весна».

Вышел из печати роман К. Седых «Даурия».

И ю н ь, 7. Отмечено 100-летие со дня смерти В. Г. Белинского. На торжественном заседании в Большом театре с докладом «Белинский и современность» выступил **А. Фадеев**.

«...Самые передовые для своего времени революционно-демократические взгляды Белинского обусловили необыкновенную широту его интересов, революционный полёт мысли. Белинский, революционный демократ и великий русский патриот, является одним из корифеев русской материалистической философии, на голову превосходящим современных ему мыслителей.

...Из всех литературных критиков прошлого Белинский ближе всех стоит к нашему пониманию того, каким должен быть литературный критик, и до сих пор может служить нам образцом».

(Из доклада А. Фадеева)

Август, 25—28. Во Вроцлаве (Польша) состоялся Всемирный конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира, в котором участвовали 500 делегатов. На первом заседании съезд заслушал доклад А. Фадеева «Наука и культура в борьбе за мир, прогресс и демократию». Были прочитаны также доклады «Мир и культура», «О свободе национальных культур», «Международное культурное сотрудничество». В числе выступавших на конгрессе — советские делегаты И. Эренбург, С. Вургун, Д. Заславский. Конгресс принял манифест в защиту мира:

«...На нас лежит высокая ответственность перед своими народами, перед человечеством и перед историей.

Мы поднимаем голос за мир, за свободное культурное развитие народов, за их национальную независимость и тесное содружество».

Август, 31.

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР с великим прискорбием извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 31 августа в 3 часа 55 минут дня после тяжёлой болезни скончался выдающийся деятель нашей партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), Секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета Союза ССР, генерал-полковник товарищ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖДАНОВ».

(«Правда», 1 сентября)

«С именем товарища Жданова связаны самые большие события в жизни нашей литературы, нашего искусства. Его доклад после исторического решения ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» стал документом огромной силы, — на его основе развивается передовая советская литература. Его выступления на философской дискуссии и на совещании деятелей советской музыки были одновременно и крупным теоретическим вкладом в марксистско-ленинскую науку и практически-действенным творческим руководством для всех деятелей науки и искусства».

(А. Фадеев, К. Симонов, Н. Тихонов, Б. Горбатов, А. Корнейчук, В. Вишневский, А. Софронов)

Сентябрь, 15. «Литературная газета» публикует беседу с видной чешской писательницей Марией Пуймановой, прибывшей в Москву по приглашению ССП:

«Я знала Москву 1932 года. Москва 1948 года — совершенно другой город. После первой поездки в СССР я опубликовала книгу репортажа «В стране нового». Надеюсь, что мои теперешние впечатления также дадут мне возможность написать книгу».

Сентябрь, 16. Большим вечером в Колонном зале Дома союзов в Москве отмечалось столетие со дня смерти армянского писателя Хачатуря Абовяна.

Сентябрь. ЦК ВКП(б) принял постановление «О журнале «Крокодил».

«В постановлении ЦК ВКП(б) указывается, что основной задачей журнала является борьба с пережитками капитализма в сознании людей. Журнал должен ужим сатиры обличать расхитителей общественной собственности, рвачей, бюрократов, проявления чванства, угодничества, пошлости; своевременно откликаться на злободневные международные события, подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывая её идейное ничтожество и вырождение».

(Из сообщения в газете «Культура и жизнь», 11 сентября)

В журнале «Новый мир» закончилась публикация романа В. Ажаева «Далеко от Москвы».

Октябрь, 19. Советские писатели обратились с приветствием к болгарскому писателю Людмилу Стоянову в связи с его 60-летием.

Октябрь, 27. Празднование 50-летия Московского Художественного Академического театра имени Горького.

«...За эти полвека, полные великих преобразований в нашей стране, никогда не прерывалось наше высокое человеческое волнение, когда речь заходила о МХАТ...

В творческом пути МХАТ мы всегда видели частицу и нашего собственного пути от первых юношеских мечтаний до зрелости».

(Л. Леонов)

Октябрь. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах по улучшению журнала «Огонёк».

В журнале «Новый мир» закончилось печатание романа К. Федина «Необыкновенное лето».

«Несомненно, что роман «Необыкновенное лето» принадлежит к лучшим произведениям Константина Федина, а может быть, к самым лучшим. И роман никогда бы не стал таким, если бы через него не шёл этот живой ток темы великой партии, темы, которая насыщает его, углубляет и даёт ему силу.

Роман К. Федина «Необыкновенное лето» — новый большой успех советской литературы».

(Н. Тихонов)

Октябрь—ноябрь. В журнале «Октябрь» напечатана вторая, завершающая книга романа Т. Сёмушкина «Алитет уходит в горы» (первая книга была опубликована в журнале «Октябрь» в январе—марте 1947 года).

Ноябрь, 6. На торжественном заседании Московского Совета с докладом «XXXI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» выступил В. М. Молотов.

«Мы имеем право гордиться успехами советского искусства и в последнее время, в особенности, успехами советской литературы, что является не малым достижением направляющего руководства партии. Наша литература, кино и другие виды искусства всё больше обогащаются такими произведениями, которые в своих образах раскрывают идейный смысл событий и работы людей советской эпохи. Подлинное искусство доходчиво и оставляет глубокие следы в сознании людей, и поэтому так велико значение теперешнего подъёма в советском искусстве для развития успехов в коммунистическом воспитании советского народа. Советское искусство проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, которые капиталистическая печать стремится скрыть или извратить в глазах трудящихся».

(Из доклада В. М. Молот)

Ноябрь, 10. «Литературная газета» публикует заявление видного писателя Мульк Радж Ананда, гостившего по приглашению ССП в Москве:

«Я понимаю, как искренне и глубоко народы СССР хотят мира. С Советского Союза полный стремления к миру...»

Ноябрь. Издана на русском языке вторая, завершающая книга романа ва «Абай», перевод с казахского (первая книга была издана на русском в 1945 году).

«Наша советская демократия, объединив в одну семью братские на правляет все их усилия на общее процветание нашей могучей многонация-Родины.

Вот почему в нашей стране могли развиваться и расцвести национальное ство, национальная литература.

Вот почему у нас мог появиться роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман, указывающий не только на громадный рост культуры казахского народа, но и на рост самого писателя, на его всестороннее развитие, позволившее ему создать удивительно многозвучный роман, нарисовать огромное полотно со множеством отлично отделанных фигур, с движением народных масс, написать роман, полный человечности и веры в человека».

(Вс. Иванов)

В журнале «Новый мир» опубликован цикл стихов К. Симонова «Друзья и враги». Декабрь, 6. Открылся второй съезд писателей Советской Украины. С докладом «Состояние и очередные задачи украинской советской литературы» выступил А. Корнейчук. Съезд приветствовали писатели РСФСР, Грузии, Белоруссии, Туркмении, Армении, Дагестана, Азербайджана, а также зарубежные гости — С. Добровольский (Польша), Л. Стоянов (Болгария), Я. Дрда (Чехословакия). В работах съезда принял участие Н. С. Хрущёв.

«Идея советского патриотизма, советской национальной гордости, пафос большевистской партийности, глубокое понимание всемирно-исторической миссии Советского государства и нашей советской культуры — вот что определяет собою содержание лучших произведений современной украинской советской литературы, какими мы по праву гордимся».

(Из доклада А. Корнейчука)

Декабрь, 15. Открылся двенадцатый пленум Правления ССП СССР. Пленум обсудил вопросы развития армянской, литовской и казахской советских литератур после постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, вопрос о советской драматургии после постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и о мерах по его улучшению» и о работе кинодраматургов после постановления ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь»».

Декабрь, 22. Началась декада латышской литературы в Москве. На открытии декады с докладом о развитии советской латвийской литературы выступил В. Лацис.

«Декада латышской литературы — это праздник всего латышского народа. Читатели Латвии понимают, что их творческие успехи радуют не только латышей, но и русских и украинцев, грузин и казахов, киргизов и узбеков... В этом глубокий смысл подлинной творческой дружбы».

(В. Лацис)

Декабрь, 23. Советская общественность отметила 150-летие со дня рождения Адама Мицкевича. В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание. К юбилею вышли новые издания произведений Адама Мицкевича в переводе на русский язык.

Ноябрь—декабрь. В журнале «Новый мир» опубликован роман А. Саксе «В гору» (перевод с латышского).

Декабрь. Вышла из печати книга «Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака». Вышел сборник М. Исаковского «Стихи и песни».

Опубликована пьеса А. Софронова «Московский характер».

В течение года вышли на русском языке следующие произведения советских писателей: А. Адалис. Стихи и поэмы; И. Арамилев. Охотничьи рассказы; И. Барбарус. Избранное. Перевод с эстонского; Елена Благинина. Радуга. Стихи для детей; Г. Борян. Ереванские рассветы. Стихи. Перевод с армянского; И. Василенко. Звёздочка. Повесть; А. Венцлова. Край Немана. Стихи. Перевод с литовского; Н. Вирта. В одной стране (Заговор обречённых). Драма; С. Воронин. На своей земле. Роман; Н. Грибачёв. Весна в «Победе». Поэма; А. Григулис. Глина и фарфор. Пьеса. Перевод с латышского; Г. Гулиа. Весна в Сакене. Повесть; О. Джигурда. Теплоход «Кахетия». Записки военного врача; В. Добровольский. Трое в серых шинелях. Повесть; Н. Заболоцкий. Стихотворения; С. Зорян. Яблоневый сад. Повести и рассказы. Перевод с армянского; В. Игишев. Шахтёры. Повесть; Б. Изюмский. Алые погоны. Повесть; Е. Катерли. Стожаровы. Повесть; С. Кирсанов. Советская жизнь. Новые стихи; П. Козланюк. Юрко Крук. Роман. Перевод

с украинского; Н. Кончаловская. Наша древняя столица. Стихи; А. Корнейчук. Макар Дубрава. Пьеса; С. Кудаш. От всего сердца. Стихи. Перевод с башкирского; А. Кулешов. Новое русло. Поэма. Перевод с белорусского; Л. Лагин. Патент «А. В.». Фантастический роман; Ю. Лаптев. Заря. Повесть; И. Ле. Наливайко. Исторический роман. Перевод с украинского; Г. Леберехт. Свет в Коорди. Повесть; В. Луговской. Большевикам пустыни и весны. Книга третья; М. Луконин. Рабочий день. Поэма; В. Любимова. Снежок. Пьеса; А. Малышко. Избранное. Перевод с украинского; Е. Мальцев. От всего сердца. Роман; Д. Медведев. Это было под Ровно; С. Муканов. Сыр-Дарья. Роман. Перевод с казахского; А. Мусатов. Стожары. Повесть; Г. Мустафин. Миллионер. Роман. Перевод с казахского; Ф. Панфёров. Борьба за мир. Книги первая и вторая; А. Первенцев. Честь смолоду. Роман; Б. Полевой. Мы — советские люди. Рассказы; А. Пришвин. На берегу Зеи. Повесть; А. Прокофьев. В краю моём. Стихи; М. Рауд. Стихотворения. Перевод с эстонского; С. Рустам. Избранное. Перевод с азербайджанского; А. Рыбаков. Кортик. Повесть; И. Рябокляч. Золототысячник. Повесть; В. Саянов. Небо и земля. Роман; С. Смирнов. С добрым утром. Стихи; Я. Судрабкалн. Избранное. Перевод с латышского; Т. Сыдыкбеков. Люди наших дней. Роман. Перевод с киргизского; М. Танк. Избранные стихи. Перевод с белорусского; А. Упит. Земля зелёная. Перевод с латышского; А. Фатьянов. Песни; Г. Фиш. Народная академия; И. Френкель. Стихи и поэмы; П. Цвирка. Избранные произведения. Перевод с литовского; А. Чейшвили. Лело. Роман. Перевод с грузинского; В. Чехов. На правом фланге. Роман; Г. Шолохов-Синявский. Волгины. Роман. Книга вторая (первая книга вышла в 1947 году); А. Штейн. Закон чести. Пьеса; Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество, и другие.

1949 год

Январь, 7. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения выдающегося болгарского писателя и революционера Христо Ботева.

«...Юбилей Христо Ботева свидетельствует о непрерывно крепнущих узах братской дружбы между славянскими народами, решительно вступившими на путь борьбы за социализм».

(А. Сурков)

Январь, 11. В газете «Культура и жизнь» опубликовано сообщение о постановлении ЦК ВКП(б) о журнале «Знамя».

«...ЦК ВКП(б) считает важнейшей задачей редколлегии журнала «Знамя» объединение вокруг журнала видных советских писателей, литературных критиков и публицистов, способных выправить линию журнала, поднять его идейный и художественный уровень, активно отстаивать в творческой работе принципы большевистской партийности.

На страницах журнала должны публиковаться произведения, правдиво и ярко отображающие жизнь в её революционном развитии, раскрывающие новые высокие качества советских людей — строителей коммунизма. Руководствуясь методом социалистического реализма, советские литераторы должны смелее вторгаться в жизнь, горячо поддерживать всё новое, коммунистическое и смело бичевать пережитки, мешающие советским людям идти вперёд».

(Из сообщения в газете «Культура и жизнь»)

Январь, 20.

«Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевики) и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти верного сына большевистской партии, выдающегося советского писателя Серафимовича Александра Серафимовича, последовавшей 19 января 1949 года после тяжёлой и продолжительной болезни».

В целях увековечения памяти А. Серафимовича Совет Министров СССР постановил воздвигнуть памятник писателю, издать избранные сочинения массовым тиражом, организовать Дом-музей на родине писателя.

Январь, 25. Началась декада белорусской литературы в Москве. В ней приняли участие Я. Колас, П. Бровка, А. Кулешов, М. Танк, П. Глебка, Ф. Пестрак, К. Кра-

пива, П. Панченко, И. Шамякин, Я. Брыль, М. Климович и другие белорусские писатели.

Январь, 28. «Правда» публикует редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», вскрывающую вредную деятельность ряда критиков, преклоняющихся перед зарубежным буржуазным искусством и дискредитирующих советскую драматургию:

«...К сожалению, критика, и особенно театральная критика,— это наиболее отстающий участок в нашей литературе. Мало того. Именно в театральной критике до последнего времени сохранились гнёзда буржуазного эстетства, прикрывающего антипатриотическое, космополитическое, гнилое отношение к советскому искусству.

...Наша критика должна помнить, что она призвана поддерживать передовые, патриотические тенденции в литературе и искусстве, неустанно пропагандировать всё лучшее, что ими создано, смело, принципиально разоблачать имеющиеся недостатки, воспитывать писателей, художников в духе советского патриотизма». Февраль, 20. Умер В. Лебедев-Кумач.

«...Национальное по форме и социалистическое по содержанию, творчество В. И. Лебедева-Кумача является образцом самоотверженного служения поэта своему народу — народу, идущему вперёд, к сияющим вершинам коммунизма».

(А. Фадеев, А. Софронов, С. Михалков, С. Щипачёв, М. Исаковский, М. Луконин и другие)

Февраль, 25. Отмечено 100-летие со дня выхода в свет первого полного издания карело-финского эпоса «Калевала».

Март, 9. «Литературная газета» сообщает об открытии первого учредительного съезда чехословацких писателей. В работе съезда принимает участие делегация советских писателей в составе: В. Кожевников, Б. Полесвой, С. Щипачёв, И. Анисимов.

Апрель, 10. Присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1948 год. Премии первой степени присуждены В. Ажаеву за роман «Далеко от Москвы», М. Ауэзову за роман «Абай», К. Федину за романы «Первые радости» и «Необыкновенное лето», С. Бабаевскому за роман «Кавалер Золотой Звезды», М. Исаковскому за сборник «Стихи и песни», К. Симонову за книгу стихов «Друзья и враги», Н. Тихонову за цикл стихов «Грузинская весна», А. Софронову за пьесу «Московский характер», Н. Вирте за пьесу «Заговор обречённых», С. Герасимову за сценарий «Молодая гвардия», А. Штейну за сценарий «Суд чести». Премии второй степени присуждены Т. Семушкину за роман «Алитет уходит в горы», В. Лацису за роман «Буря», Б. Полезому за книгу рассказов «Мы — советские люди», А. Первенцеву за роман «Честь смолоду», В. Попову за роман «Сталь и шлак», Е. Мальцеву за роман «От всего сердца», А. Гончару за роман «Злата Прага», С. Щипачёву за сборник «Стихотворения», Н. Грибачёву за поэму «Весна в «Победе», М. Луконину за поэму «Рабочий день», М. Бажану за цикл стихов «Английские впечатления», А. Кулешову за поэму «Новое русло», Я. Коласу за поэму «Хата рыбака», М. Рагиму за поэму «Над Ленинградом», С. Маршаку за переводы в стихах сонетов Шекспира, А. Корнейчуку за пьесу «Макар Дубрава», А. Сурову за пьесу «Зелёная улица», С. Шаншиашвили за пьесы «Арсен», «Герои Крцаниси», «Имеретинские ночи», В. Любимовой за пьесу «Снежок», Г. Цыдынжапову за заслуги в развитии бурят-монгольского театра, А. Довженко за сценарий «Мичурин», А. Первенцеву за сценарий «Третий удар». Премии третьей степени присуждены Г. Гулиа за повесть «Весна в Сакене», Ю. Лаптеву за повесть «Заря», В. Саянову за роман «Небо и земля», Т. Сыдыкбекову за роман «Люди наших дней», Г. Леберехту за повесть «Свет в Коорди», В. Добровольскому за повесть «Трое в серых шинелях», Ю. Яновскому за цикл «Киевские рассказы», В. Сафонову за книгу «Земля в цвету», А. Саксе за роман «В гору», И. Рябоклячу за сценарий «Золототысячник», Ф. Папфёрову за роман «В стране поверженных».

Апрель, 20. В Париже открылся Всемирный конгресс сторонников мира. В работе конгресса принимают участие советские писатели А. Фадеев, Н. Тихонов, И. Эренбург, В. Василевская, А. Корнейчук, М. Турсун-заде и другие.

«Мы пришли сюда не для того, чтобы доказывать правоту наших идей или превосходство нашего общественного строя. Мы предпочитаем доказывать это трудом, творчеством, ростом Советского государства. Мы пришли сюда, чтобы протянуть руку всем людям, которые действительно ненавидят войну».

(Из выступления И. Эренбурга на конгрессе)

Апрель. В журнале «Новый мир» завершена публикация «Повести о детстве» Ф. Гладкова.

«Произведения Ф. Гладкова всегда актуальны, всегда тесно связаны с современностью, с текущим днём страны. Так же современна его «Повесть о детстве»... Эти давние годы изображены автором так, что прошлое помогает понять настоящее, делает нам ещё дороже нашу действительность».

(Л. Сейфуллина)

В журнале «Знамя» опубликована повесть П. Павленко «Степное солнце».

М а й, 10. В Москве открылась декада казахской литературы. В ней приняли участие М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, Т. Жароков, А. Тажибаев и другие казахские писатели.

М а й, 13. Отмечено 100-летие со дня рождения выдающегося украинского писателя Панаса Мирного.

М а й, 20. Советская общественность отметила 150-летие со дня рождения О. Бальзака.

М а й, 25—29. Всесоюзное совещание писателей — сатириков, фельетонистов и художников-карикуристов заслушало доклад Б. Горбатова о советской сатире и юморе и содоклады редакторов журналов «Крокодил», «Нианги», «Вожжик», «Перець». В обсуждении приняли участие А. Безыменский, С. Маршак, Л. Ленч, Б. Ефимов и другие.

М а й. Вышла в свет книга С. Айни «Бухара», части первая и вторая.

И ю н ь, 6. Страна празднует 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. В Большом театре состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали зарубежные гости: Д. Полянов (Болгария), Я. Дрда (Чехословакия), Л. Кручковский (Польша), Г. Шандор (Венгрия), Мартин Андерсен Нексе (Дания), Эми Сяо (Китай), Д. Линдсей (Англия), П. Неруда (Чили), П. Робсон (США), Тойн де Фриз (Голландия) и другие.

«Только здесь, в новом мире, проводят торжества в честь тех, кто светил и светит человечеству на его пути вперёд. Пушкин был таким светочем. Писатели наших дней могут и должны учиться у него той истине, что место писателей — в авангарде человечества».

(Из выступления М. Андерсена Нексе)

И ю н ь, 20. Открытие второго съезда писателей Советской Белоруссии. Съезд заслушал доклад П. Бровки о состоянии и задачах советской белорусской литературы, избрал руководящие органы ССП Белоруссии.

«Путеводными огнями в нашей писательской деятельности были и будут исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам».

...Наш съезд есть не только дело белорусских писателей, но и общее дело всех братских литератур, выдающиеся представители которых прибыли к нам для участия в работе съезда».

(Якуб Колас)

И ю н ь, 26. 80-летие со дня рождения Мартина Андерсена Нексе. Советские писатели и читатели горячо приветствовали юбиляра.

И ю л ь, 31. Советская общественность отметила 100-летие со дня смерти поэта Шандра Петефи.

А в г у с т, 7. Передовая статья газеты «Правда» — «За высокую идейность и художественное мастерство»:

«...Общезвестно, что литературное произведение, написанное даже с самыми благими намерениями, не достигает своей воспитательной цели, если оно слабо в художественном отношении. Такое произведение вызывает у читателя лишь

справедливое раздражение, он отбросит и забудет его, ибо оно неспособно пробудить в нём никаких глубоких чувств и мыслей. Мало взять актуальную тему, надо осознать всю меру ответственности писателя перед народом, глубоко изучать жизнь, неустанно работать над повышением своего мастерства.

Август, 17. Редакционная статья «Правды» — «Выше уровень литературной критики!», посвящённая вопросам критики на страницах «Литературной газеты»:

«Литературная газета» сможет выполнить задачу развёртывания принципиальной литературной критики, если на её страницах в качестве ценителей советской литературы будут выступать люди, по-настоящему любящие её, ставящие интересы советской литературы выше групповых и приятельских соображений, способные говорить правду читателю и писателю. Подлинно партийная критика свободна от мелочных интересов, она руководится в своей работе интересами народа, строящего коммунизм».

Август, 25. Открылась Первая Всесоюзная конференция сторонников мира. Конференция заслушала доклад Н. Тихонова «Защита мира и борьба против поджигателей новой войны». На конференции выступили писатели К. Федин, М. Ибрагимов, Я. Колас, А. Корнейчук, А. Исаакян, А. Венцлова, М. Шолохов, В. Василевская, А. Тимонен.

«Мы сердечно приветствуем наших друзей и соратников — сторонников мира во всём мире и высказываем твёрдую уверенность в том, что наши соединённые усилия на пользу человечества, в защиту мира, труда и свободы закончатся нашей победой».

(Из Обращения конференции)

Август, 28. Советская общественность отметила 200-летие со дня рождения Иоганна Вольфганга Гёте.

«Он работал над общелитературным немецким языком, над созданием и совершенствованием литературных жанров, созданием национального репертуара для театров, поддерживая и привлекая всё передовое, ясное, трезвое, развенчивая и отталкивая всё, что тянуло назад, носило в себе скрытые тенденции к мракобесию средневековья, мистике и схоластике».

(М. Шагинян)

Август, 31. Страна отметила 200-летие со дня рождения А. Н. Радищева.

«Александр Николаевич Радищев был первым среди образованной части тогдашнего русского общества, кто возвысил свой гневный голос против царского самовластия и помещичьего произвола. Радищев принадлежал к славной плеяде решительных и смелых русских людей, которые, борясь с мраком невежества казённой псевдонауки своего времени, искали правду и находили её...»

(Из передовой «Правды»)

Сентябрь, 21. Началась декада таджикской литературы в Москве. В декаде приняли участие С. Айни, М. Турсун-заде, М. Миршакар и другие таджикские писатели.

Октябрь, 1. Провозглашение Китайской Народной Республики.

В дни торжеств на учредительном собрании Общества китайско-советской дружбы выступил А. Фадеев:

«...Будьте уверены, дорогие товарищи, что мы не только с любовью передадим вам весь наш лучший опыт, но и внимательно изучим весь опыт многотысячелетнего развития Китая и особенно то новое, что китайский народ вложил в развитие мировой культуры...»

Я счастлив приветствовать лучших деятелей интеллигенции Китая, потому что очень много родственного в характерах китайского народа и русского народа».

Октябрь, 7. Провозглашение Германской Демократической Республики.

«После двух кровавых войн, после того как лучшие из немцев погибли на эшафоте, в тюрьмах, концлагерях и в изгнании, наш народ сошёл наконец с ложного пути. Он строит государство, рост которого становится всё более вдохновляющим примером, источником силы для других частей Германии, согнувшихся под игом янки-окупантов».

(И. Бехер)

Октябрь, 24. Во Львове наймитами Ватикана убит писатель Ярослав Галан.
Октябрь. В журнале «Знамя» закончено печатание романа Э. Казакевича «Весна на Одере».

Н о я б р ь. Группа советских писателей (Н. Тихонов, А. Софронов, Айбек, М. Турсунзаде) посетила Пакистан по приглашению Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана и приняла участие в работе её конференции.

Вышла в свет первая часть романа Н. Рыбака «Переяславская Рада».

Д е к а б р ь, 21. В связи с семидесятилетием со дня рождения И. В. Сталина Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждены международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами».

Д е к а б р ь. Вышел в свет первый том собрания сочинений А. М. Горького в тридцати томах.

В журнале «Новый мир» опубликована пьеса В. Вишневского «Незабываемый 1919-й».

В течение года вышли в свет на русском языке следующие произведения советских писателей: В. Андреев. Народная война. Записки партизана; М. Бажан. Английские впечатления. Стихи. Перевод с украинского; А. Барто. Стихи детям; Г. Баширов. Честь. Роман. Перевод с татарского; Х. Бекхожин. Под звёздами Москвы. Стихи. Перевод с казахского; А. Белевич. Поэмы. Перевод с белорусского; В. Билль-Белоцерковский. Варварский берег. Рассказы; П. Бровка. Избранное. Перевод с белорусского; А. Броделе. Марта. Повесть. Перевод с латышского; Ф. Вигдорова. Мой класс. Записки учительницы; И. Вильде. Повести и рассказы. Перевод с украинского; В. Воеводин. Повесть о Пушкине; А. Волошин. Земля Кузнецкая. Роман; С. Георгиевская. Бабушкино море. Повесть; Г. Гулиа. Добрый город. Повесть; Г. Гулям. Избранные стихи. Перевод с узбекского; Р. Джалил. Пулат и Гульру. Роман. Перевод с таджикского; Е. Долматовский. Слово о завтрашнем дне. Книга стихов; В. Ермилов. А. П. Чехов; И. Ефремов. На краю Ойкумены. Повесть; Т. Жароков. Избранное. Стихи. Перевод с казахского; П. Журба. Рядовой Александр Матросов. Повесть; Н. Задорнов. К океану. Роман; его же. Амур-багюшка. Роман; Д. Заславский. Фельетоны; Д. Икрами. Шоди. Роман. Перевод с таджикского; В. Ильенков. Большая дорога. Роман; М. Карим. Цветы на камне. Лирика. Перевод с башкирского; И. Карнаухова. Повесть о дружных; Л. Кассиль и М. Поляновский. Улица младшего сына; Я. Колас. Новая земля. Поэма. Перевод с белорусского; П. Комаров. Зелёный пояс. Стихи; К. Коничев. Деревенская повесть; А. Коптяева. Иван Иванович. Роман; Б. Лавренёв. Голос Америки. Пьеса; М. Лыньков. Избранные рассказы. Перевод с белорусского; К. Львова. На лесной поляне. Повесть; С. Макашин. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биография; Г. Медынский. Марья. Роман; Г. Мирошниченко. Азов. Роман; М. Миршакар. Золотой кишлак. Стихи и поэмы; С. Михалков. Я хочу домой! Драма; Е. Мозольков. Янка Купала; Г. Мусрепов. Солдат из Казахстана. Роман. Перевод с казахского; Ф. Наседкин. Большая семья. Роман; Ф. Ниязи. Верность. Повесть. Перевод с таджикского; В. Осеева. Васёк Трубочёв и его товарищи. Книга вторая (книга первая вышла в 1947 году); В. Панова. Ясный берег. Повесть; К. Паустовский. Повесть о лесах; Н. Погодин. Миссурийский вальс. Драма; М. Прилежаева. С тобой товарищи. Повесть; М. Рагим. Над Ленинградом. Поэма. Перевод с азербайджанского; С. Рустам. Два берега. Стихи; Н. Рыленков. Зелёный цех. Стихи; В. Сафонов. Земля в цвету; В. Саянов. Ленин в Горках. Поэма; К. Симонов. Чужая тень. Пьеса; А. Смердов. Пушкинские горы. Поэма; М. Соколов. Искры. Роман; М. Сулейманов. Тайна недр. Роман. Перевод с азербайджанского; М. Танк. Избранные стихи. Перевод с белорусского; Х. Теунов. Новый поток. Рассказы. Перевод с кабардинского; С. Тудор. День отца Сойки. Роман. Перевод с украинского; Бр. Тур. Особняк в переулке. Пьеса; А. Фёдоров. Подпольный обком действует. Книга вторая; А. Чаковский. У нас уже утро. Роман; И. Шамякин. Глубокое течение. Роман. Перевод с белорусского; Е. Шварц. Первоклассница. Рассказы; А. Шогенцуков. Поэмы. Перевод с кабардинского; Н. Шпанов. Поджигатели. Роман; П. Шубин. Дороги, горы, города. Стихи; С. Щипачёв. Лирика; А. Югов. Ратоборцы. Эпопея; А. Якобсон. Два лагеря.

Пьеса; Ю. Яновский. Киевские рассказы. Перевод с украинского; А. Яшин. Алёна Фомина. Повесть в стихах, и другие.

Выпущены собрание сочинений А. Новикова-Прибоя в пяти томах и избранные произведения К. Тренёва в двух томах.

1950 год

Январь, 15. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения выдающегося румынского поэта Михаила Эминеску.

Январь, 25—31. Состоялся XIII пленум правления ССП. На пленуме обсуждены вопросы: «О состоянии узбекской советской литературы» (докладчик Ш. Рашидов, содокладчик Н. Тихонов), «О современном состоянии и некоторых вопросах развития детской литературы» (докладчик К. Симонов, содокладчик А. Корнейчук), «О задачах литературной критики» (докладчик А. Фадеев).

«Советская детская литература — неотъемлемая часть великой советской литературы. Развиваясь вместе со всей социалистической культурой нашей страны, детская литература достигла больших успехов и является самой передовой, самой идейной детской литературой в мире».

(Из постановления XIII пленума Правления ССП)

«Весьма существенное значение имеет то, что критика, чтобы выйти на широкий путь развития, обязана понять, что ей необходимо знать жизнь, действительность не меньше, чем художнику. Современные книги открывают новое в жизни. Без знания самой жизни дать полную и верную оценку этим книгам нельзя».

(Из доклада А. Фадеева)

Январь, 30. Награждение орденом Ленина М. Исаковского в связи с его 50-летием.

Январь, 31. Награждение орденом Ленина А. Суркова в связи с его 50-летием.

Февраль, 10. Вечер венгерской поэзии. В связи с изданием в СССР произведений Петефи Союз писателей Венгрии обратился к ССП СССР с просьбой передать поэтам-переводчикам медали, выпущенные в Венгрии в честь Петефи. Эти медали были вручены на вечере 27 поэтам, в том числе А. Гидашу, М. Исаковскому, В. Инбер и другим.

Март, 8. Постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1949 год. Премии первой степени присуждены С. Бабаевскому за роман «Свет над землёй», Вс. Вишневскому за пьесу «Незабываемый 1919-й», П. Павленко и М. Чинаурели за сценарий «Падение Берлина», Н. Вирте за сценарий «Сталинградская битва», бр. Тур и Л. Шейнину за сценарий «Встреча на Эльбе», М. Папаве за сценарий «Академик Иван Павлов», Л. Ошанину за стихи и тексты песен к фильму «Юность мира». Премии второй степени присуждены Ф. Гладкову за «Повесть о детстве», С. Айни за книгу «Бухара», Э. Казакевичу за роман «Весна на Одере», Н. Рыбаку за роман «Переяславская Рада», К. Седых за роман «Даурия», А. Влошину за роман «Земля Кузнецкая», А. Яшину за поэму «Алёна Фомина», С. Рустаму за сборник стихов «Два берега», А. Барто за сборник «Стихи детям», И. Гришавили за стихи, С. Михалкову за пьесы «Я хочу домой!» и «Илья Головин», К. Симонову за пьесу «Чужая тень», Б. Лавренёву за пьесу «Голос Америки», В. Ермилову за книги «А. П. Чехов», «Драматургия Чехова», С. Макашину за книгу «М. Е. Салтыков-Щедрин», Я. Эльсбергу за книгу «А. И. Герцен. Жизнь и творчество», Ф. Рокпеллису и В. Крепсу за сценарий «Райнис», А. Попову за сценарий «Счастливого плавания». Премии третьей степени присуждены М. Гусейну за роман «Апшерон», В. Ильенкову за роман «Большая дорога», А. Чаковскому за роман «У нас уже утро», Г. Медынскому за роман «Марья», А. Коптяевой за роман «Иван Иванович», В. Пановой за повесть «Ясный берег», И. Василенко за повесть «Звёздочка», К. Львовой за повесть «На лесной полосе», А. Мусатову за повесть «Стожары», Е. Долматовскому за книгу стихов «Слово о завтрашнем дне», П. Комарову за цикл стихов «Зелёный пояс», «Новый перегон», «Маньчжурская тетрадь», М. Миршакару за поэмы «Золотой кишлак»

и «Непокорный Пяндж», С. Олейнику за сатирический цикл «Наши знакомые», М. Рылскому за перевод поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш», Е. Мозолькову за книгу «Янка Купала».

М а р т, 12. Выборы в Верховный Совет СССР. В числе депутатов Верховного Совета — писатели С. Айни, С. Бабаевский, М. Бажан, П. Бажов, А. Венцлова, С. Вургун, М. Габдуллин, М. Ибрагимов, Я. Колас, А. Корнейчук, В. Лацис, П. Павленко, Ф. Панфёров, Ш. Рашидов, М. Рылский, А. Саксе, К. Симонов, Н. Тихонов, С. Тока, М. Турсун-заде, П. Тычина, А. Фадеев, Г. Цадаса, Л. Чадамба, С. Чиковани, М. Шолохов, А. Якобсон.

М а р т, 30. «Правда» печатает редакционную статью «Против опошления литературной критики», в которой подвергает критике рапповские пережитки в литературной критике, проявившиеся в статье А. Белика «О некоторых ошибках в литературоведении», напечатанной в журнале «Октябрь»:

«...Рассуждения А. Белика свидетельствуют о полном непонимании им политики партии в области литературы и искусства. Он по существу пытается возродить давно разоблачённые и осуждённые нашей партией сектантские установки рапповцев, противопоставлявших писателей-коммунистов беспартийным писателям, насаждавших групповщину».

М а р т. Вышла в свет книга Ярослава Галана «Избранное».

А п р е л ь, 14. Отмечено 20-летие со дня смерти В. В. Маяковского.

А п р е л ь. В журнале «Сибирские огни» опубликована повесть тувинского писателя С. Тока «Слово арата».

М а й, 20. Награждение орденом Ленина Г. Леонидзе в связи с его 50-летием.

Награждение орденом Трудового Красного Знамени С. Муканова в связи с его 50-летием и с 30-летием литературной деятельности.

М а й, 23. В Москве открылась декада эстонской литературы. В ней приняли участие: А. Якобсон, Г. Леберехт, Ю. Шмуул, М. Рауд и другие эстонские писатели.

М а й, 27. В газете «Советское искусство» напечатано открытое письмо драматургам — «Создать новые произведения о советских людях», подписанное новаторами производства, рабочими московских предприятий и транспорта В. Блаженовым, П. Быковым, Н. Росийским и другими:

«...Простые советские люди, творчески относясь к своему труду, решают важнейшие проблемы комплексной экономики, скоростных методов резания, рациональной организации производства, борьбы за отличное качество продукции».

Однако жизнь и труд советских рабочих, новаторов промышленности и транспорта, активных строителей коммунизма, до сих пор ещё недостаточно освещаются в нашей литературе и, в частности, в драматургии».

Письмо новаторов производства вызвало многочисленные отклики. В писательских организациях состоялись встречи писателей с новаторами производства и был обсуждён вопрос о создании образа советского рабочего и освещении темы труда в художественной литературе.

И ю н ь, 20. В «Правде» опубликована работа И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании».

«Сталинские научные положения об основном словарном составе языка и отношении его к диалектам, о совершенствовании языка по внутренним законам своего развития, о языке, как средстве общения, всегда остающемся единым для общества,— всё это ярко освещает путь, которым идёт писатель к овладению мастерством слова».

Труды И. В. Сталина помогут художнику правильно разрешить и чрезвычайно важный вопрос отношения общенациональной литературы к областному языку».

(К. Федин)

И ю н ь, 24. В Варшаве открылся второй съезд польских писателей, в работе которого принимает участие делегация советских писателей во главе с А. Сурковым.

Июль, 6. Закончил свою работу Конгресс писателей демократической Германии, на котором был создан Союз немецких писателей. В работе конгресса принимала участие делегация советских писателей во главе с Н. Тихоновым.

Июль, 9. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения выдающегося болгарского писателя Ивана Вазова.

Июль. В журнале «Знамя» закончено печатание романа Г. Николаевой «Жатва».

Август, 5. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения Ги де Мопассана.

Август, 14. Передовая статья газеты «Правда» — «За высокую идейность и мастерство!», посвящённая четвёртой годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Август, 18. Советская общественность отметила столетие со дня смерти Оноре Бальзака.

Август, 31. Обращение Союза советских писателей к Совету Безопасности Организации Объединённых Наций:

«...От имени писателей Советского Союза мы присоединяем свой голос к мощному голосу протеста народов всего мира и требуем:

1. Немедленного прекращения американской агрессии в Корее.
2. Немедленного и безусловного запрещения бомбардировки мирных городов и населения в Корее.
3. Немедленного вывода всех иностранных войск из Кореи».

*(Секретариат Союза советских писателей СССР:
А. Фадеев, К. Симонов, А. Сурков, Н. Тихонов,
А. Корнейчук, В. Вишневский, А. Софронов,
А. Твардовский, Л. Леонов, Ф. Панфёров,
В. Кожевников, Б. Горбатов)*

Сентябрь, 24. В «Правде» опубликована статья М. Шолохова, обличающая американскую агрессию в Корее:

«...Руки, умеющие нежно ласкать ребёнка, руки, которые рубят уголь, вводят поезда, строят дома и заводы, пахнут землю и бережно ухаживают за своими станками,— голосуют за мир! Нежные руки людей, на кончиках пальцев которых трепещет музыка, и милые руки, врачующие человеческую боль,— голосуют против войны! Умные руки, умеющие создавать величайшие ценности человеческого труда,— голосуют против войны, за доброе будущее тех, кто честно зарабатывает свой хлеб!»

Сентябрь. В журнале «Новый мир» закончено печатание повести Ф. Гладкова «Вольница».

Вышла в свет книга А. Малышко «За синим морем».

Октябрь, 16. В Москве открылась Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира. Конференция обсудила доклад председателя Советского Комитета защиты мира Н. Тихонова, избрала Советский Комитет защиты мира и делегатов на Второй Всемирный конгресс сторонников мира.

Среди избранных в Советский Комитет защиты мира — писатели М. Ауэзов, В. Василевская, С. Вургун, А. Венцлова, Н. Зарьян, Д. Заславский, А. Исаакян, А. Корнейчук, Я. Колас, Б. Кербабаев, Л. Леонов, Г. Леонидзе, С. Муқанов, А. Саксе, К. Симонов, А. Сурков, М. Танк, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, П. Тычина, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов, И. Эренбург, А. Якобсон.

Ноябрь, 16. В Варшаве открылся Второй Всемирный конгресс сторонников мира.

«Мы собрались в такое время, когда стремление к миру стало одним из самых непреодолимых движений современности... Мы, советские люди, готовы и впредь идти на любое разумное предложение, из каких бы кругов оно ни вышло, если это предложение помогает укреплению мира во всём мире».

(Из речи А. Фадеева на конгрессе)

В числе избранных в состав Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира — советские писатели А. Фадеев, А. Корнейчук, Н. Тихонов, В. Василевская, И. Эренбург.

Н о я б р ь, 30. В Москве открылась декада азербайджанской литературы и искусства. В ней приняли участие М. Ибрагимов, С. Вургун, С. Рустам, М. Рагим, М. Гусейн, С. Рагимов, А. Абульгасан, Мир Джалал, Э. Мамедханлы, Р. Рза и другие азербайджанские писатели.

Д е к а б р ь, 3. Умер П. Бажов.

«Павел Петрович принадлежал к тем советским писателям, чьё творчество особенно тесно и органично связано с народом и поэтому всегда молодо, поэтично и по-большевистски целеустремлённо.

До последних дней, пока рука его держала перо, он пополнял всё новыми сказами свою замечательную книгу «Малахитовая шкатулка» и вёл большую государственную и общественную работу. Он шёл в передовой шеренге борцов за мир во всём мире».

(А. Фадеев, М. Шолохов, В. Вишневский, А. Караваева, М. Шагинян, С. Щипачёв и другие)

Д е к а б р ь, 21. Начало декады бурят-монгольской литературы в Москве. В литературных вечерах приняли участие Х. Намсараев, Ж. Тумунов и другие бурят-монгольские писатели.

Д е к а б р ь, 22. Президиум Верховного Совета СССР образовал Комитет по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами».

Председателем Комитета назначен академик Д. Скобельцын (СССР), его заместителями — писатели Го Мс-жо (Китай) и Луи Арагон (Франция). В составе Комитета писатели: Мартин Андерсен Нексе (Дания), Бернхард Келлерман (Германия), Пабло Неруда (Чили), Михаил Садовяну (Румыния), А. Фадеев и И. Эренбург (СССР).

Д е к а б р ь. Вышел в свет роман А. Гудайтиса-Гузьявичюса «Правда кузнеца Игнотаса».

В течение года вышли в свет на русском языке следующие произведения советских писателей: С. Айни. Рабы. Роман. Перевод с таджикского; В. Ананян. На берегу Севана. Повесть. Перевод с армянского; С. Антонов. По дорогам идут машины. Рассказы и очерки; О. Берггольц. Первороссийск. Поэма; Д. Благой. Творческий путь Пушкина; Д. Вааранди. Под шум прибоя. Стихи. Перевод с эстонского; В. Вальсютене. Стихотворения. Перевод с литовского; С. Васильев. Взирая на лица. Пародии. Эпиграммы. Иронические портреты; П. Воронько. Доброе утро. Стихи. Перевод с украинского; А. Гаврилюк. Избранное. Перевод с украинского; Р. Гамзатов. День моего рождения. Поэма. Перевод с аварского; А. Гитович. Стихи о Коре; П. Глебка. Под небом Родины. Стихи и поэмы. Перевод с белорусского; И. Горелик. Сталинский лауреат. Повесть; С. Гудзенко. Дальний гарнизон. Поэма; Т. Гуттари. Моя страна. Стихи разных лет. Перевод с финского; Д. Девятков. В Лебяжьем. Пьеса; Д. Демирчян. Избранное. Повести и рассказы. Перевод с армянского; Д. Джабарлы. Пьесы. Перевод с азербайджанского; Ю. Дольд-Михайлик. Степняки. Роман. Перевод с украинского; Н. Дьяконов. Свадьба с приданым. Пьеса. Перевод с языка коми; А. Евтых. Аул Псыбэ. Повесть; его же. Превосходная должность. Повесть; В. Закруткин. Пловучая станция. Роман; Н. Зарьян. Ацаван. Роман. Перевод с армянского; М. Ибрагимов. Наступит день. Роман. Перевод с азербайджанского; М. Казаков. Поэзия — любимая подруга. Стихи. Перевод с марийского; Н. Кальма. Дети Горчиного Рая. Роман; П. Капица. Охотники уходят в море. Рассказы; А. Караваева. Родной дом. Роман, завершающий трилогию «Родина»; Е. Катерли. Бронзовая прялка. Роман; Б. Кежун. Дальние дороги. Стихи; Б. Кербабаев. Айсолтан из страны белого золота. Повесть. Перевод с туркменского; С. Кирсанов. Макар Мазай. Поэма; А. Кожевников. Живая вода. Роман; С. Кожевников. О чём шумят сосны. Сибирские очерки; А. Корнейчук. Калиновая роща. Пьеса; М. Кочнев. Дело человеком славится. Сказы; К. Крапива. Поют жаворонки. Пьеса. Перевод с белорусского; И. Кратт. Великий океан. Роман; В. Лифшиц. Стихи и поэмы; К. Лисовский. Северная весна. Стихи и поэмы; К. Локотков. Сдружество. Роман; К. Львова. На лес-

ной полосе. Повесть; П. Маляревский. Канун грозы. Пьеса; А. Межиров. Коммунисты, вперед! Книга стихов; С. Михалков. Илья Головин. Пьеса; А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов; К. Наджми. Весенние ветры. Роман. Перевод с татарского; Х. Намсараев. Повести. Перевод с бурят-монгольского; Н. Никитин. Северная Аврора. Роман; Л. Никулин. России верные сыны. Роман; М. Орлуды. Избранные произведения. Перевод с азербайджанского; В. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х гг.; Л. Ошанин. Дети разных народов. Стихи и песни; В. Перцов. Маяковский, жизнь и творчество; Б. Полторацкий. В дороге и дома. Очерки; И. Попов. Семья. Пьеса; А. Поповский. Восстановим правду. Заметки писателя о русской науке; С. Рагимов. Шамо. Роман. Перевод с азербайджанского; Р. Рза. Ленин. Поэма. Перевод с азербайджанского; А. Рыбаков. Водители. Роман; М. Рыльский. Собрание стихотворений 1910—1950. Перевод с украинского; К. Симонов. Сражающийся Китай. Очерки; С. Скляренко. Путь на Киев. Роман. Перевод с украинского; М. Слонимский. Инженеры. Роман; В. Собко. Залог мира. Роман; Ю. Сотник. Невиданная птица. Рассказы; М. Стельмах. Большая родня. Роман. Перевод с украинского; А. Сурков. Миру — мир. Стихи; Л. Татьяничева. Родной Урал. Стихи; Т. Тильвитис. На земле литовской. Поэма. Перевод с литовского; А. Тимонен. От Карелии до Карпат. Повесть. Перевод с финского; А. Токаев. Женихи. Комедия; Токтогул. Избранные произведения. Перевод с киргизского; Ю. Трифонов. Студенты. Повесть; Ж. Тумунов. Степь проснулась. Роман. Перевод с бурят-монгольского; П. Тычина. Жить, трудиться и расти. Стихи. Перевод с украинского; О. Форш. Первенцы свободы. Повесть; П. Цвирка. Избранное. Перевод с литовского; М. Шагинян. Путешествие по Советской Армении; Ю. Шмуул. Избранные стихи. Перевод с эстонского; А. Шогенцуков. Поэмы и стихотворения. Перевод с кабардинского; А. Шошин. Село Думино. Роман; А. Штейн. Флаг адмирала. Историческая драма; С. Щипачёв. Павлик Морозов. Поэма; Г. Эмин. Новая дорога. Стихи. Перевод с армянского, и другие.

Начат выпуск собрания сочинений Ф. Гладкова в пяти томах (закончен в 1951 году), сочинений А. Макаренко в семи томах (закончен в 1952 году), избранных сочинений А. Толстого в шести томах (закончен в 1951 году).

1951 год

Январь, 16. «Литературная газета» сообщает о вышедших за последние годы в Германии книгах о Советском Союзе — «Мы приехали из Советской России» Бернхарда и Эллен Келлерман, «Советские люди» Анны Зетерс, «Русские впечатления» Стефана Хермлина, «Путевые заметки» Эдуарда Клаудиуса, «Мысли в полёте» Кубы. Книги вышли под общим названием «Немцы видят Советский Союз».

Январь, 26. Награждение орденом Ленина П. Тычины в связи с его 60-летием. Награждение орденом Трудового Красного Знамени В. Вишневого в связи с его 50-летием.

Январь, 27. Страна отметила 125-летие со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Он глубоко верил в силу, в талантливость, в честность своего народа, — и вера его оправдалась. Поэтому всенародна любовь к нему. Он занимает почётное место в великой плеяде титанов русского классического реализма. У Щедрина художественному мастерству и литературной страстности учились Чехов и Горький».

(Д. Заславский)

Январь, 28. Награждение орденом Трудового Красного Знамени И. Эренбурга в связи с его 60-летием.

Февраль, 28. Умер В. Вишевский.

«В. В. Вишевский был верным солдатом великой армии коммунизма. Образы его произведений, воспевающих нашу партию, нашу страну, наш народ, будут долго жить в сердцах советских людей. Мы сохраним светлую память о большом советском писателе, верном сыне Коммунистической партии Всево-

лоде Витальевиче Вишневском, жизненный путь которого — пример беззаветного служения делу Ленина — Сталина».

(А. Фадеев, Н. Михайлов, И. Юмашев, Н. Тихонов, А. Корнейчук, В. Кожевников и другие)

М а р т, 12. Верховный Совет Союза ССР принял «Закон о защите мира».

«Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создаёт угрозу новой войны и является ввиду этого тяжчайшим преступлением против человечества».

(Из «Закона о защите мира»)

«Принятие Верховным Советом СССР «Закона о защите мира» явится новым доказательством миролюбия советского народа, новым свидетельством наших мирных намерений. Принятие этого Закона будет сильным ударом по всем злобным пропагандистам войны, по всем человеконенавистникам, продажным слугам империалистических агрессоров, живущих клеветой на миролюбивые народы».

(Из доклада председателя Советского Комитета защиты мира, депутата Н. Тихонова на заседании Верховного Совета СССР)

М а р т, 15. Открылось Второе Всесоюзное совещание молодых писателей. В нём приняли участие К. Ваншенкин, Д. Девятков, А. Салынский, Ю. Трифонов, Н. Шундик и другие молодые писатели. На созещании выступали А. Сурков, Н. Погодин, О. Гончар, К. Федин, А. Твардовский, М. Пришвин, Б. Горбатов, А. Караваева и другие.

«Важную роль в творческом росте молодого писателя призваны сыграть журналы, газеты и издательства. Они первыми ведут работу над рукописями молодых писателей. Здесь нужны чуткость и внимательность, забота о том, чтобы не пропало для народа ни одно хорошее произведение. Вместе с тем редакции должны воспитывать у молодых авторов строгое и взыскательное отношение к своему труду, чувство высокой ответственности за выступление перед народом... Мы живём в замечательное время. Молодых писателей ждут большие дела. Прекрасно поле их деятельности».

(Из передовой «Правды», 28 марта)

М а р т, 17. Присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1950 год.

Премии первой степени присуждены Ф. Гладкову за повесть «Вольница», Г. Николаевой за роман «Жатва», А. Малышко за сборник стихов «За синим морем», С. Маршаку за сборник «Стихи для детей», С. Щипачёву за поэму «Павлик Морозов», Г. Рошало и А. Абрамовой за сценарий «Мусоргский», К. Исаеву и И. Маклярскому за сценарий «Секретная миссия». Премии второй степени присуждены С. Бабаевскому за роман «Свет над землёй» (книга вторая), Г. Баширову за роман «Честь», М. Ибрагимову за роман «Наступит день», А. Кожевникову за роман «Живая вода», Н. Никитину за роман «Северная Аврора», К. Наджми за роман «Весенние ветры», А. Рыбакову за роман «Водители», М. Соколову за роман «Искры», А. Чейшвили за роман «Лело», Г. Абашидзе за циклы стихов «Ленин в Самгори», «Южная граница», А. Суркову за сборник стихов «Миру — мир!», Т. Тильвитису за поэму «На земле литовской», Г. Цадаса за сборник «Избранное», И. Мосашвили за пьесу «Потопленные камни», А. Сузову за пьесу «Рассвет над Москвой», А. Штейну за пьесу «Флаг адмирала», Д. Благому за книгу «Творческий путь Пушкина», Н. Погодину за сценарий «Кубанские казаки», М. Вольпину и Н. Эрдману за сценарий «Смелые люди». Премии третьей степени присуждены С. Антонову за книгу рассказов «По дорогам идут машины», Н. Бирюкову за роман «Чайка», А. Гудайтису-Гузьявичюсу за роман «Правда кузнеца Игнотаса», В. Закруткину за роман «Пловучая станция», А. Караваевой за романы «Огни», «Разбег» и «Родной дом», Л. Кассилю и М. Поляновскому за повесть «Улица младшего сына», Б. Кербабаеву за повесть «Айсолтан из страны белого золота», В. Собко за роман «Залог мира», М. Стельмаху за роман «Большая родня», С. Тока за повесть «Слово арата», Ю. Трифонову за повесть «Студенты», М. Шагинян за

очерки «Путешествие по Советской Армении», И. Шамякину за роман «Глубокое течение», О. Берггольц за поэму «Первороссийск», П. Бровка за сборник стихов «Дорога жизни», П. Воронько за сборники стихов «Доброе утро», «Славен мир», М. Казакову за сборник стихов «Поэзия — любимая подруга», С. Кирсанову за поэму «Макар Мазай», Р. Рза за поэму «Ленин», Г. Эмину за сборник стихов «Новая дорога», Н. Дьяконову за пьесу «Свадьба с приданым», А. Корнейчуку за пьесу «Калиновая роща», К. Крапиве за пьесу «Поют жаворонки», Ю. Чепурину за пьесу «Совесть», В. Орлову за книгу «Русские просветители 1790 — 1800-х годов».

М а р т. В журнале «Новый мир» закончено печатание первой части романа Б. Горбатова «Донбасс».

А п р е л ь. В работе первого конгресса Союза венгерских писателей, состоявшегося в Будапеште, приняли участие советские писатели Б. Полевой, К. Федин, С. Бабаевский.

М а й. Издан роман С. Злобина «Степан Разин».

И ю н ь, 10. Открытие памятника А. М. Горькому в Москве.

«Горький показал душу трудящегося человека. Раскрывая лучшие стороны людей, он воздействовал на них в том направлении, чтобы они становились лучше, чище, отважней, благородней. Он пробуждал в людях жажду творчества и преобразования жизни. Все силы его души были отданы нашему социалистическому отечеству, его процветанию и украшению, и советскому человеку».

(Из речи А. Фадеева на открытии памятника)

И ю н ь, 11. Умер Гамзат Цадаса.

«Выдающийся талант Гамзата Цадаса особенно расцвёл в годы Советской власти. Его стихи и поэмы помогали народу бороться с пережитками капитализма, за расцвет экономики и культуры Дагестана. По стихам и поэмам Гамзата Цадаса можно шаг за шагом проследить путь народов Дзгестана к социализму».

(А. Фадеев, А. Сурков, М. Бажан, С. Чиковани, С. Вургун, А. Твардовский, К. Федин, М. Турсунзаде и другие)

И ю н ь, 15. Началась декада украинского искусства и литературы в Москве. В ней приняли участие А. Корнейчук, В. Василевская, М. Бажан, П. Тычина, М. Рыльский, О. Гончар, А. Малышко, В. Сосюра, Ю. Яновский, О. Вишня, П. Воронько, Л. Дмитерко, В. Собко, Н. Рыбак, Ю. Смолич, С. Олейник, М. Стельмах, Н. Забила, Л. Забашта, М. Нагнибеда, Л. Первомайский, И. Нехода и другие украинские писатели.

«В истории культуры украинского народа сегодня открывается новая страница. Наша зореносная Москва принимает лучших мастеров искусства и литературы Украины, прибывших на творческий смотр».

...Никогда ещё украинская культура вообще, искусство и литература в частности не были на таком взлёте, как сейчас, никогда в истории украинского народа творчество художника, писателя не было так кровно связано с жизнью народа, как в наше время».

(А. Корнейчук, А. Малышко)

И ю н ь, 16. Умер П. Павленко. В целях увековечения памяти П. Павленко Совет Министров СССР постановил соорудить памятник на могиле писателя и издать собрание его сочинений.

«П. А. Павленко был представителем того первого поколения советских писателей, которое дало миру новый тип писателя — активного участника борьбы за победу коммунизма».

Он был пламенным борцом за дело мира.

Знание жизни, активное участие в строительстве коммунизма П. А. Павленко считал основным в работе советского писателя. Взыскательный художник, верный заветам великого Горького, он заботливо и бережно помогал росту молодых литераторов».

(А. Фадеев, М. Шолохов, Ф. Gladков, К. Федин, Б. Горбатов, А. Упит, Вс. Иванов и другие)

Июнь, 23. По приглашению ССП в Москву прибыла делегация деятелей индийской литературы и искусства. В её составе — поэт-драматург Хариндранат Чаттопадхайя, поэт Валаттхол, романист Бхабанат Бхаттачарья, публицист Шам Лал и другие.

29 июня в Колонном зале Дома союзов состоялся вечер дружбы советской литературы и прогрессивной литературы Индии.

Июнь, 29. В Москву прибыл известный турецкий поэт-демократ, лауреат Международной премии мира Назым Хикмет.

Июль, 2. Редакционная статья газеты «Правда» — «Против идеологических извращений в литературе»:

«...Долг писателей — вести непримиримую борьбу со всеми и всяческими проявлениями национализма, неустанно пропагандировать благородные идеи советского патриотизма, пролетарского интернационализма, воспевать в своих произведениях героические дела нашей великой Родины, строящей коммунизм».

Июль, 25. Награждение орденом Трудового Красного Знамени Б. Лавренёва в связи с его 60-летием.

Июль. В журнале «Большевик» напечатана передовая статья «Советская литература на новом подъёме», посвящённая пятилетию постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»:

«...За истекшие пять лет благодаря мудрой политике нашей партии, руководящей и направляющей силы советского общества, советские писатели создали такие произведения, которые отражают новую эпоху в развитии СССР — эпоху перехода от социализма к коммунизму — и помогают партии воспитывать трудящихся в коммунистическом духе...»

У нас есть испытанное и проверенное средство для изживания любых недостатков — это принципиальная большевистская критика и самокритика. Без критики любая организация может загнить, без критики любая болезнь может так глубоко укорениться в организме, что её трудно будет лечить. Без критики нет движения вперёд. Человек, боящийся критики, — презренный трус, которого не может уважать советский народ. Непременным условием творческого развития являются дискуссии по важнейшим вопросам литературной жизни и литературной теории».

Август, 23. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения выдающегося чешского писателя А. Ирасека.

Сентябрь, 18. Передовая статья газеты «Правда» — «Повышать уровень работы редакций журналов»:

«...Чтобы вести журнал на высоком уровне, необходимо прежде всего обеспечить большевистскую идейность, боевой патриотический дух во всей его работе, активное участие в деле коммунистического строительства».

Каждый журнал должен занимать своё определённое место в общей работе, иметь своё «лицо», отвечать на запросы тех групп читателей, для которых он предназначен».

Сентябрь. В журнале «Новый мир» завершена публикация романа В. Васильевой «Реки горят» — последней части трилогии «Песнь над водами».

Октябрь, 15. В Институте мировой литературы имени Горького открылась научная сессия на тему «Прогрессивные писатели капиталистических стран в борьбе за мир». В сессии приняло участие Пабло Неруда и Назым Хикмет.

Октябрь, 19. Советская общественность отметила 15-летие со дня смерти великого китайского писателя Лу Синя.

Октябрь, 28. В «Правде» опубликована редакционная статья «Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике». «Правда», подвергая критике напечатанную в журнале «Новый мир» статью А. Гурвича «Сила положительного примера», осуждает антипатриотические взгляды на великое наследие русских классиков, на достижения советской литературы:

«...Реалистическая русская литература в своих лучших произведениях правдиво запечатлела многие черты деятелей революционной России. Литература социалистического реализма — новый этап развития художественного творчества,

неразрывно связанный с пролетарским революционным движением, со строительством социализма. Будучи качественно отличной от литературы критического реализма, советская литература наследует и творчески развивает лучшие традиции русской и мировой литературы».

О к т я б р ь. В журнале «Звезда» завершена публикация романа В. Лациса «К новому берегу».

«Главное достоинство романа Лациса состоит не в изображении отдельных героев, а в том, что главным и подлинным героем романа является латышский народ, простые трудовые люди из народа, вчера ещё запуганные и забытые, а сегодня воспрянувшие духом и творящие новую жизнь. Роман Лациса есть эпопея латышского народа, порвавшего со старыми, буржуазными порядками и строящего новые, социалистические порядки».

(А. Унит)

Н о я б р ь, 9. В Колонном зале Дома союзов состоялся интернациональный литературный вечер, посвящённый теме «Писатели мира в борьбе за мир». В нём приняли участие Густа Фучикова (Чехословакия), Фын Сюэ-фын (Китай), Анна Зегерс (ГДР), Итало Кальвино (Италия), Иван Скала (Чехословакия), Куба (ГДР), Уррутиа (Чили) и другие зарубежные литераторы.

Н о я б р ь, 17. В Москве началась декада узбекской литературы и искусства. В декаде приняли участие писатели Г. Гулям, Айбек, Мирмухсин, А. Каххар, Зулфия и другие узбекские писатели.

В Москве состоялся вечер современной польской литературы. С чтением своих произведений выступили польские поэты Ю. Тувим, Е. Путрамент, В. Ворошильский, В. Броневский, Я. Ивашкевич.

Н о я б р ь, 27. Открылась Третья Всесоюзная конференция сторонников мира. С докладом «Итоги сбора подписей в СССР под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами и очередные задачи борьбы за мир» выступил Н. Тихонов.

Д е к а б р ь, 1—4. Состоялось Всесоюзное совещание по вопросам художественного перевода с языков народов СССР.

Д е к а б р ь, 13. Вечер китайской литературы в Большом зале консерватории, в котором приняли участие 15 китайских поэтов и прозаиков, полтора месяца гостивших в СССР (Фын Сюэ-фын, Кан Чжо, Ху Кэ, Вэй Вэй, Чэнь Ден-кэ и другие). Вернувшись на родину, члены делегации издали книгу очерков и рассказов: «Мы побывали в Советском Союзе».

Д е к а б р ь, 21. Присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Среди лауреатов — писатели Го Мо-жо (Китай), Анна Зегерс (ГДР), Жоржи Амаду (Бразилия).

Д е к а б р ь, 23. Награждение орденом Ленина А. Фадеева в связи с его 50-летием.

Д е к а б р ь. Вышел в свет роман А. Фадеева «Молодая гвардия» в новой редакции.

«После творческой переработки хорошая книга стала ещё лучше. Намного усилилось воспитательное значение романа, особенно для молодёжи.

Вдохновляющая сила партийной критики, творчески воспринятой А. Фадеевым, помогла писателю поднять его замечательное произведение на новую идейную и художественную высоту».

(«Правда», 21 декабря)

В течение года вышли в свет на русском языке следующие произведения советских писателей: А. Авдеенко. Труд. Роман; И. Авраменко. Стихотворения; З. Александрова. Стихи; М. Алексеев. Солдаты. Роман; С. Алёшин. Директор. Пьеса; С. Антонов. Поддубенские частушки. Рассказ; Н. Атаров. Рассказы; М. Ауэзов. Путь Абая. Роман. Перевод с казахского; М. Бажан. Избранное. Перевод с украинского; А. Баковиков. Уходя в море. Повесть; И. Бауков. Юность моя. Лирика; К. Баялинов. На берегах Иссык-Куля. Повесть. Перевод с киргизского; А. Белиашвили. На перепутье (Бесики). Исторический роман. Перевод с грузинского; В. Беляев. Старая крепость. Трилогия;

А. Благов. Стихи и поэмы (1945—1948); С. Борзенко. Корея в огне. Очерки; И. Бражнин. Светлый мир. Роман; Б. Брайнина. Константин Федин; Я. Брыль. В Заболотье светает. Повесть. Перевод с белорусского; С. Бытовой. Поезд пришёл на Тумнин. Путевые очерки; В. Василевский. Вчера и сегодня. Рассказы и повести; С. Вашенцев. Рассказы; О. Вишня. Избранные рассказы. Перевод с украинского; Е. Воробьев. Высота. Роман; Л. Воронкова. Алтайская повесть; Л. Гераскина. Аттестат зрелости. Пьеса; А. Гончаров. Наш корреспондент. Повесть; С. Григорьев. Исторические повести; П. Далецкий. На сопках Маньчжурии. Книги первая и вторая; Л. Дмитерко. Навеки вместе. Драма. Перевод с украинского; Д. Ерёмин. Гроза над Римом. Роман; А. Жаров. Славлю молодость. Стихи. Поэмы. Песни; Н. Забила. Под ясным солнцем. Избранные стихи и поэмы. Перевод с украинского; Л. Зайцев и Г. Скульский. В далёкой гавани. Роман; В. Замятин. Зелёный заслон. Поэма; В. Инбер. Путь воды. Поэма; А. Калинин. Красное знамя. Роман; С. Капутикян. Мои родные. Стихи. Перевод с армянского; В. Катаев. За власть Советов. Роман. Переработанное издание; А. Каххар. На новой земле. Комедия. Перевод с узбекского; Р. Ким. Тетрадь, найденная в Сунчоне. Повесть; П. Козланюк. Избранное. Перевод с украинского; А. Колосов. Новое поле. Рассказы, повести, зарисовки; И. Котенко. Колхозники. Роман. Книга первая; Е. Кригер. Очерки; С. Крушинский. В стране друзей. Рассказы о новой Чехословакии; А. Лахути. Стихи и поэмы. Перевод с таджикского; В. Лацис. Новеллы и рассказы 1930—1950. Перевод с латышского; Г. Леонидзе. Бершоула. Поэма. Перевод с грузинского; его же. Портохала. Поэма. Перевод с грузинского; Б. Лихарев. Подвиг друга. Поэма; К. Лордкипанидзе. Заря Колхиды. Роман. Перевод с грузинского; М. Матусовский. Улица мира. Стихи; Мирмухсин. Ферганская весна. Стихи и поэмы. Перевод с узбекского; С. Михалков. Война войне. Стихи, басни, эпиграммы; И. Молчанов-Сибирский. Письмо из тайги. Стихи; Н. Мординов. Весенняя пора. Роман. Перевод с якутского; И. Муратов. Буковинская повесть. Перевод с украинского; М. Нагнибеда. Стихи. Перевод с украинского; И. Никитин. Они вступают в жизнь. Повесть; Л. Новиченко. Литературно-критические очерки; Н. Носов. Витя Малеев в школе и дома. Повесть; В. Осеева. Васёк Трубачёв и его товарищи. Повесть; Н. Панов. Повесть о двух кораблях; П. Панченко. Знаменосцы мира. Стихи. Перевод с белорусского; А. Перегудов. В те далёкие годы. Роман; Д. Петров (Бирюк). Испытание. Третья, завершающая книга трилогии «Сказание о казаках»; Е. Поповкин. Семья Рубанюк. Книга вторая (первая книга была напечатана в 1950 году); М. Пришвин. Заполярный мёд. Очерк; Ш. Рашидов. Победители. Повесть. Перевод с узбекского; И. Сельвинский. От Полтавы до Гангута. Трагедия; С. Смирнов. Откровенный разговор. Книга стихотворений; Н. Тихонов. Рассказы о Пакистане; его же. Два потока. Стихи; Турсун Парда. Учитель. Роман. Перевод с узбекского; Е. Уруймагова. Навстречу жизни. Роман; Е. Фёдоров. Каменный пояс. Исторический роман в трёх книгах; Д. Холендро. Горы в цвету. Роман; Ю. Чепурин. Совесть. Пьеса; Ю. Шестакова. Новый перевал. Рассказы; В. Шефнер. Московское шоссе. Стихи; В. Шкловский. О мастерах старинных. Очерки; Ю. Шмуул. Стихотворения. Поэмы. Перевод с эстонского; Ф. Эйнбаум. В курортном городе. Повесть; Элляй. Стихи и поэмы. Перевод с якутского; А. Якобсон. На грани ночи и дня. Пьеса. Перевод с эстонского, и другие.

Выпущены избранные произведения М. Горького в трёх томах, собрание сочинений В. Маяковского в шести томах, два тома собрания сочинений Д. Фурманова (третий, завершающий том выпущен в 1952 году). Начато издание собрания сочинений Я. Коласа в четырёх томах на русском языке (закончено в 1952 году).

1952 год

Январь, 24. В Свердловском зале Кремлёвского дворца состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» бразильскому писателю Жоржи Амаду.

«Пример советских писателей указывает путь, и по нему идут писатели латиноамериканских государств. Это путь литературы, борющейся за мир и дружбу между народами».

(Жоржи Амаду)

Январь, 25. Награждение орденом Трудового Красного Знамени И. А. Новикова в связи с его 75-летием.

Январь, 30. Советская общественность отметила 100-летие со дня рождения выдающегося румынского писателя Иона Лука Караджале.

Январь—февраль. В журнале «Звезда» напечатан роман В. Кочетова «Журбины».

«Большая, волнующая тема нашла яркое, свежее воплощение. Это роман о российском пролетариате. О советском рабочем классе.

...Прочитав роман «Журбины», я почувствовал, что на меня пахнуло свежестью, силой, настоящим талантом».

(В. Катаев)

Февраль, 25. Награждение орденом Трудового Красного Знамени К. А. Федина в связи с его 60-летием.

Февраль, 26. Широко отмечено 150-летие со дня рождения В. Гюго.

«Поэзия и проза Гюго в Советской стране находят сейчас отзвук сильнее, чем когда-либо прежде.

В наши дни раздался небывало дружный голсс народов в защиту детей и женщин от военного истребления, в защиту отцов семей — бедняков и пролетариев везде, где они обездолены и тяжело страдают.

Гюго сердечно дорог всем этим людям. Он — наш союзник в мировой борьбе за честь и достоинство человека...»

(К. Федин)

Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. С. Степанова в связи с его 60-летием.

Март, 4. 100-летие со дня рождения Гоголя.

В Большом театре состоялось торжественное заседание, посвящённое памяти великого писателя. После доклада В. Ермилова о жизни и творчестве Н. В. Гоголя с речами выступили С. Бабаевский, А. Корнейчук, Назым Хикмет (Турция), Годор Павлов (Болгария), Поль Элюар (Франция), Леон Кручковский (Польша), Петер Вереш (Венгрия), Николай Морару (Румыния), Дин Лин (Китай), Ли Ги Ен (Корея), Дамдин Сурун (МНР), Зора Есенска (Чехословакия), Джеймс Олдридж (Англия), Арнольд Цвейг (ГДР).

2 марта в Москве открыт памятник Н. В. Гоголю.

«Советская литература, самая правдивая и передовая, многим обязана творчеству Гоголя. Народность его художественных произведений, неотразимая сила типических обобщений, поразительная красочность, образность, экономность и объёмность его языка служат образцом высокого искусства. Славная гоголевская традиция для нас очень дорога. В творческой биографии каждого нашего писателя Гоголь оставил неугасимый след. Гоголь — бессмертен».

(Ф. Гладков)

Март, 15. Присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1951 год. Премии первой степени присуждены С. Злобину за роман «Степан Разин», В. Лацису за роман «К новому берегу», Н. Тихонову за циклы стихов «Два потока», «На Втором Всемирном конгрессе мира». Премии второй степени присуждены В. Василевской за трилогию «Песнь над водами», Я. Галаиу за памфлеты из сборника «Избранное», Дин Лин за роман «Солнце над рекой Сангань» (Издательство иностранной литературы. Перевод с китайского Л. Позднесовой), Н. Задорнову за романы «Амур-батюшка», «Далёкий край», «К океану», А. Стилю за роман «Первый удар» (опубликован в журнале «Новый мир». Перевод с французского Л. Лунгиной, Д. Милутиной, К. Наумова), А. Венцлова за сборник стихов «Избранное», С. Капутикян за сборник стихов «Мои родные», Г. Леонидзе за поэмы «Бершюла», «Портохала», Хэ Цзин-чжи, Дин-ни за пьесу «Седая девушка» (опубликована в журнале «Звезда». Перевод с китайского П. Захарова), Б. Горбатову и В. Алексееву за сценарий «Донецкие шахтёры». Премии третьей степени присуждены Т. Аделу за

роман «Под сенью свободы» (Издательство иностранной литературы. Перевод с венгерского О. Громова и Г. Лейбутина), В. Беляеву за трилогию «Старая крепость», Я. Брылю за повесть «В Заболотье светает», Д. Ерёмину за роман «Гроза над Римом», Г. Маркову за роман «Строговы», И. Муратову за «Буковинскую повесть», Ш. Надь за рассказ «Примирение» (опубликован в журнале «Новый мир». Перевод с венгерского Ю. Шишмонина), Л. Никулину за роман «России верные сыны», Н. Носову за повесть «Витя Малеев в школе и дома», В. Осеевой за повесть «Васёк Трубочёв и его товарищи», В. Полторацкому за книгу очерков «В дороге и дома», Е. Поповкину за роман «Семья Рубанюк», Чжоу Ли-бо за роман «Ураган» (Издательство иностранной литературы. Перевод с китайского Вл. Рудмана и В. Калинокова), Р. Гамзатову за сборник стихов и поэм «Год моего рождения», В. Замятину за поэму «Зелёный заслон», М. Нагнибеда за сборник «Стихи», Ю. Шмуулу за сборник «Стихотворения. Поэмы», А. Каххару за пьесу «На новой земле», П. Маляревскому за пьесу «Канун грозы», Б. Брайниной за книгу «Константин Федин».

М а р т, 19. В Кремле состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» немецкой писательнице Анне Зегерс.

«Передовые писатели должны добиться того, чтобы немецкие юноши не были превращены в наёмников американского империализма».

(А. Зегерс)

М а р т. В журнале «Большевик» напечатана передовая статья «За дальнейший подъём советской культуры», посвящённая присуждению Сталинских премий за 1951 год.

А п р е л ь, 5. Отмечено 50-летие со дня смерти Г. И. Успенского.

А п р е л ь, 7. Редакционная статья «Правды» — «Преодолеть отставание драматургии»:

«...Драматургия должна показывать жизненные конфликты, без этого нет драматургии».

Надо отметить, что литературная и театральная критика оказалась не на высоте положения. В последние годы распространение получила вульгарная «теория» затухания конфликтов, вредно отразившаяся в творческой работе драматургов. Именно «бесконфликтность», по мнению авторов этой так называемой «теории», должна представлять собой наиболее характерную черту советских пьес».

А п р е л ь, 9. В Москве состоялось торжественное вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся китайскому писателю и учёному Го Мо-жо.

«Мы должны поставить науку и искусство на службу народу, чтобы Китай как можно быстрее превратился в такой же оплот мира, каким является Советский Союз».

(Го Мо-жо)

А п р е л ь, 14. Состоялось Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы. С докладами выступили А. Сурков, Л. Дубровина, Н. Ильина, О. Писаржевский, С. Михалков, А. Мусатов, В. Катаев.

А п р е л ь, 15. Советская общественность широко отметила 500-летие со дня рождения Леонардо да Винчи.

А п р е л ь, 24. ЦК ВКП(б) принял постановление «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного». ЦК ВКП(б) обязал Гослитиздат навести в издательствах необходимый порядок, который исключил бы возможность повторения произвола и самоуправства в обращении с текстами художественных произведений при подготовке их к печати. Гослитиздату поручено выпустить собрание сочинений Демьяна Бедного, обеспечив доброкачественную подготовку текстов произведений поэта.

М а й, 22. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об ошибках, допущенных Чкаловским и Читинским издательствами в издании сочинений М. И. Михайлова». ЦК ВКП(б)

отметил, что при выпуске собраний сочинений писателя-демократа М. И. Михайлова допущены серьёзные ошибки:

«...В издания включены многие незрелые в идейном и художественном отношении произведения автора, а также большое количество переводов стихов забытых, малозначительных и даже реакционных иностранных поэтов. Издания снабжены большими по объёму и слабыми по содержанию вступительными статьями и комментариями...»

М а й. В журнале «Знамя» закончено печатание романа И. Эренбурга «Девятый вал».

И ю н ь. Журнал «Знамя» опубликовал роман П. Павленко «Труженики мира» (не завершённый автором).

И ю л ь, 1. В Берлине открылась Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира, рассмотревшая следующие вопросы:

1. Мирное решение немецкого и японского вопросов.
2. Немедленное прекращение войны в Корее.
3. Гонка вооружений и борьба за Пакт Мира.

«Мы верим, что перед голосом всех миролюбивых людей мира рассыплются, как карточный домик, махинации тех, кто хотел бы сделать из Германии трамплин для военного нападения. И мы верим, что в этой борьбе в первую очередь поможет нам сам немецкий народ».

(Из речи В. Василевской на сессии)

С писателями столицы встретились гостившие в СССР английские писатели Альфред Коппард, Дорис Лессинг, Арнольд Кетл и другие.

А в г у с т, 18. Советская общественность широко отметила 1000-летие со дня рождения Авиценны (Абу Али Ибн-Сины).

«Авиценна был великим гуманистом своего времени. Вся его жизнь, вся его неутомимая научная деятельность были проникнуты благородной заботой о здоровье и продлении жизни людей на земле. Вот почему сотни миллионов простых людей земного шара с признательностью чтут память Авиценны».

(С. Айни)

С ен т я б р ь, 24. Отмечено 150-летие со дня смерти А. Н. Радищева. Состоялось торжественное заседание Президиума Академии наук СССР и Союза советских писателей, посвящённое памяти великого писателя-революционера.

С ен т я б р ь. На партийных конференциях и съездах компартий союзных республик, предшествующих XIX съезду партии, в отчётных докладах и выступлениях делегатов значительное внимание уделяется вопросам развития советской литературы.

О к т я б р ь, 5—14. Состоялся XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. С отчётным докладом Центрального Комитета ВКП(б) на съезде выступил Г. М. Маленков. Съезд одобрил политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б). По докладу М. З. Сабурова съезд утвердил директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.

Съезд принял решение «Об изменении наименования партии. С XIX съезда партия именуется: «Коммунистическая партия Советского Союза».

По докладу Н. С. Хрущёва съезд утвердил новый Устав Коммунистической партии Советского Союза. Съезд принял решение о переработке программы Коммунистической партии Советского Союза и избрал руководящие органы партии. На заключительном заседании съезда с речью выступил И. В. Сталин.

В числе избранных членами Центрального Комитета КПСС — А. Корнейчук, А. Фадеев, кандидатами в члены ЦК КПСС — В. Лацис, К. Симонов, С. Тока; в состав Центральной Ревизионной Комиссии избраны В. Андреев, В. Друзин, А. Сурков, А. Твардовский.

В докладе Г. М. Маленкова и в прениях значительное место было уделено вопросам развития советской литературы и искусства.

«...Советские люди не терпят серости, безидейности, фальши и предъявляют высокие требования к творчеству наших писателей и художников. В своих про-

изведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всём великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порождённых капитализмом. Между тем в нашей советской беллетристике, драматургии, так же, как в кинематографии, до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира. Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не даёт материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Шедрины, которые огнём сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное, прогнившее, омертвевшее, всё то, что тормозит движение вперёд.

Наша советская литература и искусство должны смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики, как одним из действенных средств воспитания. Сила и значение реалистического искусства состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей».

(Из отчётного доклада Г. М. Маленкова съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б))

О к т я б р ь, 28. Псчать отметила 10-летие со дня гибели талантливого болгарского поэта-коммуниста Николы Вапцарова.

Н о я б р ь, 3. Награждение орденом Ленина Я. Коласа в связи с его 70-летием.

Н о я б р ь. В журнале «Коммунист» напечатана редакционная статья «Насущные задачи советской литературы», освещающая значение XIX съезда партии для развития советской литературы и искусства:

«...В отчётном докладе XIX съезду партии о работе ЦК намечена боевая программа развития советской литературы и искусства, даны чёткие и ясные указания о марксистско-ленинском понимании важнейших вопросов литературы и искусства. Особенно важно для наших писателей и художников глубоко осмыслить указания о марксистско-ленинском понимании проблемы типичности как проблемы политической, о типическом как основной сфере проявления партийности в реалистическом искусстве».

Д е к а б р ь, 2. Состоялась Четвёртая Всесоюзная конференция сторонников мира. С речами на конференции выступили писатели П. Глебка, О. Гончар, В. Вальсютенен, М. Шолохов, Н. Зарьян и другие.

«Движение за мир во всём мире уже давно стало подлинно всеобъемлющим. Оно с каждым днём растёт и ширится. Оно шагает через границы, моря и океаны, охватывая весь земной шар. Оно неудержимо влечёт к себе сердца всех честных и прогрессивно мыслящих тружеников, зовёт и объединяет под своими благородными знамёнами людей всех рас, национальностей, политических и религиозных убеждений.

В величии общественных идей, одухотворяющих всенародное движение за мир,— его сила и мощь. Залог успеха его — в поистине колоссальном, ещё невиданном в истории человечества размахе».

(Из речи М. Шолохова на конференции)

Д е к а б р ь, 5. Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. Упита в связи с его 75-летием.

Д е к а б р ь, 12. В Вене открылся Конгресс народов в защиту мира. В работе Конгресса приняла участие советская делегация, в составе которой — писатели Н. Тихонов, И. Эренбург, А. Фадеев, А. Корнейчук, В. Василевская и другие. Конгресс принял воззвание к народам всего мира.

Д е к а б р ь, 21. Присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» за 1952 год. Среди лауреатов — писатели Иоганнес Вехер, Илья Эренбург,

Декабрь. В Москве состоялась творческая дискуссия о проблеме типичности в литературе.

Вышел в свет роман А. Упита «Просвет в тучах».

«В латышской литературе мы не можем найти другой такой фигуры, кроме Райниса, с которым можно было бы его сравнить, но значение и влияние творчества Упита уже давно распространяется далеко за пределы латышской литературы. Его произведения — вклад в сокровищницу всей советской культуры и вместе с тем мировой культуры...»

(В. Лацис)

В течение года опубликованы на русском языке следующие произведения советских писателей: Г. Абашидзе. Песня жатвы. Стихи. Перевод с грузинского; А. Абсаламов. Орлята. Роман. Перевод с татарского; С. Агиш. Фундамент. Роман. Перевод с башкирского; М. Бажан. У Спасской башни. Стихи. Перевод с украинского; А. Бармин. Руда. Исторический роман; Б. Бедный. Большой поток. Повесть; Х. Берулава. Русское сердце. Поэма. Перевод с грузинского; Виталий Бианки. Лесные были и небылицы; П. Бляхин. На рассвете. Повесть; Г. Борян. Избранное. Стихи. Перевод с армянского; М. Бубеннов. Белая берёза. Книга вторая; Л. Вайсенберг. Младшая сестра. Роман; А. Венуолис. Поуджюнкемис. Роман. Перевод с литовского; С. Вургун. Избранное. Перевод с азербайджанского; Ж. Гаузнер. Я увижу Москву. Роман; М. Гафури. Повести. Перевод с башкирского; Ю. Герман. Россия молодая. Роман; О. Гончар. Таврия. Роман. Перевод с украинского; А. Граши. Именем правды. Стихи. Перевод с армянского; Е. Дорош. С новым хлебом. Рассказы; В. Дудинцев. У семи богатырей. Рассказы; М. Исаковский. О поэтическом мастерстве; М. Карим. Радость нашего дома. Перевод с башкирского; А. Каххар. Шёлковое сюзане. Комедия. Перевод с узбекского; В. Кетлинская. Дни нашей жизни. Роман; А. Кононов. Верное сердце. Повесть; А. Коптелов. Великое кочевье. Роман. Исправленное и дополненное издание; Ю. Лаптев. Путь открыт. Роман; Л. Ленч. Юмористические рассказы; Ю. Либединский. Зарево. Роман; М. Маркарян. Голос матери. Перевод с армянского; С. Маршак. Весёлое путешествие от А до Я; Г. Мдивани. Новые времена. Драма; И. Метгер. Товарищи. Повесть; В. Мозурюнас. Стихи. Перевод с литовского; Г. Мустафин. Караганда. Роман. Перевод с казахского; И. Нехода. Под счастливой звездой. Стихи. Перевод с украинского; С. Наровчатов. Солдаты свободы. Стихи; С. Олейник. Избранные стихи. Перевод с украинского; Г. Пагирев. Путеводные звёзды. Стихи; П. Панченко. Стихотворения. Перевод с белорусского; К. Паустовский. Рождение моря. Повесть; А. Письменный. Приговор. Роман; Л. Раковский. Адмирал Ушаков. Роман; А. Решетов. Первая весна. Повесть в стихах; В. Рудный. Гангутцы. Повесть; С. Сартаков. Хребты Саянские. Роман; Г. Севунц. Тегеран. Роман. Перевод с армянского; Н. Сидоренко. Погожий день. Лирика; К. Симонов. Товарищи по оружию. Роман; А. Симук. Девушки-красавицы. Пьеса; С. Скляренко. Карпаты. Роман. Перевод с украинского; В. Собко. Белое пламя. Роман. Перевод с украинского; А. Софронов. Иначе жить нельзя. Пьеса; М. Стельмах. Над Черемошем. Гуцульские мотивы. Перевод с украинского; Я. Судрабалк. Стихи и миниатюры. Перевод с латышского; А. Тарасенков. О советской литературе. Сборник статей; А. Твардовский. Послевоенные стихи; А. Токомбаев. Избранное. Перевод с киргизского; А. Упит. Просвет в тучах. Перевод с латышского; его же. Робежниекки. Трилогия. Перевод с латышского; Е. Успенская. Наше лето. Повесть; Я. Ухсай. Перевал. Поэма. Перевод с чувашского; В. Фоменко. Рассказы; Я. Хелемский. Комсомольская повесть. Поэма; Е. Чарушин. Про больших и маленьких. Рассказы; Е. Шевелёва. От имени женщин. Поэма; Н. Шундик. Быстроногий олень. Роман; И. Эренбург. Девятый вал. Роман; А. Якобсон. Шакалы. Пьеса. Перевод с эстонского, и другие.

Начат выпуск собраний сочинений К. Федина в шести томах (завершено в 1954 году), И. Эренбурга в пяти томах (завершено в 1954 году) и З. Бядули в четырёх томах (перевод с белорусского).

1953 год

Январь, 8. Страна отметила 75-летие со дня смерти Н. А. Некрасова. Торжественное заседание, посвящённое знаменательной дате, открыл М. Исаковский. С докладом о жизни и творчестве Н. А. Некрасова выступил В. Друзин.

«Есть великие, славные имена, которые никогда не умирают в памяти народа, которые переходят из поколения в поколение и свято чтутся всеми, в ком бьётся живое человеческое сердце. К таким именам относится имя великого русского писателя Николая Алексеевича Некрасова».

(М. Исаковский)

Январь, 19—26. В Союзе советских писателей СССР состоялось совещание об основных вопросах изучения творчества В. Маяковского.

На совещании выступили В. Друзин, Н. Асеев, П. Антокольский, Л. Маяковская, В. Саянов, А. Сурков, С. Кирсанов, В. Перцов, И. Эвентов, Е. Наумов, К. Симонов и другие. В совещании приняли участие зарубежные писатели И. Бехер, Э. Триоле, Р. Вайян, В. Ворошильский.

«Интересы советской литературы, интересы изучения творческого наследия Маяковского требуют раз и навсегда покончить со всякими проявлениями группщины и сектантства».

...Решительно преодолеть серьёзные недостатки в изучении творчества Маяковского, создать больше «хороших и разных» подлинно научных марксистских работ о лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи — долг писателей, литературоведов, критиков».

(«Правда», 2 марта)

Январь, 27. Вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» И. Эренбургу.

Февраль, 4. Вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» немецкому писателю Иоганнесу Бехеру.

«Немецкий народ, прилежный, трудолюбивый, изобретательный народ, народ поэтов и мыслителей, лишь тогда докажет своё национальное величие, когда он будет прилежным и изобретательным и в деле сохранения мира, когда он проявит себя активным борцом за мир, когда его поэты и мыслители почувствуют в себе призвание действовать как посланцы мира и борцы за мир».

(И. Бехер)

Март, 3. В «Литературной газете» опубликовано постановление редколлегии журнала «Новый мир» о напечатанном в журнале романе В. Гроссмана «За правое дело». Редколлегия признаёт, что критика, которой роман В. Гроссмана подвергся со стороны литературной общественности, правильно вскрывает серьёзные идейно-художественные недостатки романа.

Март, 5.

«Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ИОСИФ ВИССАРИОИВИЧ СТАЛИН».

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твёрдую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины ещё теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране».

(Из обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза)

«Мы, писатели, даём сегодня вместе со всем народом священную клятву сплотиться ещё теснее вокруг славной Коммунистической партии, её Центрального Комитета, вокруг Советского Правительства. Мы клянёмся своими произведениями укреплять дружбу народов нашей страны».

(А. Якобсон)

«В эти скорбные дни ещё яростнее вскипает работа на новостройках, в цехах заводов, в шахтах и на южных полях Родины; ещё ожесточённее трудятся люди всюду, где, думая о Сталине, они работают, создают, творят, преобразуют, движимые одной величественной идеей, идеей коммунизма».

(М. Шолохов)

А п р е л ь, 8. Советская общественность отметила 400-летие со дня смерти Ф. Рабле.
М а й, 28. Награждение орденом Трудового Красного Знамени О. Форш в связи с её 80-летием.

И ю н ь, 15. Советская общественность отметила 2230-летие со дня смерти великого китайского поэта Цюй Юаня.

«В чём заслуга Цюй Юаня? Прежде всего в том, что он совершил революцию в истории письменности и литературы. Он внёс огромный вклад в сокровищницу поэтического и песенного творчества. Он явился революционером в области литературы и поэзии. Цюй Юань расширил народное творчество, превратил его в новую литературу, гармонирующую с жизнью».

(Го Мо-жо)

И ю н ь, 30. «Литературная газета» сообщает о пребывании в СССР большой группы болгарских писателей, возглавляемой генеральным секретарём Союза болгарских писателей, поэтом Христо Радевским.

И ю л ь, 15. Награждение орденом Ленина Ф. Гладкова в связи с его 70-летием.

И ю л ь, 20, 23. «Правда» опубликовала очерки В. Овечкина «На переднем крае» (из цикла «Районные будни»).

И ю л ь, 30. Советский народ широко отметил пятидесятилетие Коммунистической партии Советского Союза.

«Коммунистическая партия Советского Союза прошла славный полувековой путь героической борьбы, трудных испытаний и всемирно-исторических побед. Закалённая в боях под руководством гениального Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина великого Сталина и их соратников, наша Коммунистическая партия является ныне ведущей, руководящей и направляющей силой советского общества, строящего коммунизм».

(Из тезисов Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)»)

А в г у с т, 5—8. Состоялась пятая сессия Верховного Совета СССР.

«Существующий в нашей стране социалистический строй имеет огромные возможности для нового, ещё более мощного развития нашей экономики и расцвета культуры, для дальнейшего повышения благосостояния народа. И мы используем все эти возможности, чтобы обеспечить дальнейший всесторонний прогресс советского общества и его постепенный переход к коммунизму. Можно не сомневаться, что так оно и будет».

(Из речи Г. М. Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР)

«Обсуждаемый нами бюджет знаменует громадный размах культурных деяний советского народа, видимых всему миру. Этот новый великий подъём накладывает новые большие обязательства на деятелей советской культуры, искусства, литературы».

Никакого самоуспокоения не может быть перед лицом больших требований большого читателя».

(Из речи на сессии депутата Н. Тихонова)

Август, 26. Умер Н. Ляшко.

«В своих лучших книгах Н. Н. Ляшко правдиво и ярко изобразил жизнь рабочего человека. Такие произведения Н. Н. Ляшко, как «Сладкая каторга», «Доменная печь», «Минучая смерть» и другие, принесли писателю широкую популярность».

(К. Федин, Ф. Гладков, В. Бахметьев, П. Замойский, В. Казин и другие)

Сентябрь, 9. 125 лет со дня рождения Л. Н. Толстого. Торжественное заседание в Колонном зале Дома союзов открыл К. Федин. С докладом о жизни и творчестве Л. Н. Толстого выступил Н. Гудзий.

«Мы можем убежденно сказать, что Толстого знает народ, а этим знанием и порождается любовь к нему. Потому что, узнавая произведения Толстого, читатель, как ни в какой иной книге, находит у него изумляюще-яркие, истинно-живые образы народных характеров».

(Из речи К. Федина)

Сентябрь, 10. Опубликовано информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. Пленум заслушал и обсудил доклад тов. Хрущёва Н. С. о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР и принял соответствующее постановление.

«Важнейшей составной частью программы коммунистического строительства является практическое разрешение задачи создания в нашей стране на базе могучего роста социалистической индустрии, как ведущей силы в народном хозяйстве, обилия сельскохозяйственных продуктов. В современных условиях эта задача встала перед нами как насущная, всенародная задача. Успешное решение этой задачи будет способствовать также дальнейшему укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства».

(Из постановления Пленума)

Сентябрь. Широко отмечено десятилетие со дня смерти Ю. Фучика.

«История не знает произведения, написанного при более ужасной обстановке, как нет и произведения более простого и более высокого, чем его книга. Последнее объясняется тем, что сам Фучик был новым человеком, человеком той эпохи, величественное здание которой создается из гигантского творческого развития Советского Союза и организованного сознания трудящихся всего мира».

(Пабло Неруда)

Октябрь, 17. «Литературная газета» сообщает о приезде в СССР известного исландского писателя Халлдора Лакснесса.

Октябрь, 21—25. Состоялся XIV пленум Правления Союза советских писателей СССР. Пленум обсудил вопрос о состоянии и задачах советской драматургии (доклад К. Симонова, содоклад Б. Лавренёва) и принял постановление созвать Второй Всесоюзный съезд писателей.

«Нельзя сказать, что наши драматурги не знают жизни. Но под знанием жизни иные авторы подразумевают беглое изучение отдельных, подчас случайных явлений и фактов...

Писатель должен обладать широтой художественного мышления, уметь художественными средствами раскрыть смысл событий, а не сбиваться на поверхностное иллюстрирование».

(«Правда», 3 ноября)

Ноябрь, 19 — декабрь, 2. В Москве состоялось созванное ЦК КПСС совещание редакторов и заведующих отделами сельского хозяйства областных, краевых и республиканских газет.

«Роль печати во всей нашей работе колоссальна. Для того, чтобы успешно выполнить эту роль, работники газет и журналов должны глубже вникать в су-

щество выдвигаемых жизнью вопросов, писать со знанием дела, конкретно. Газеты обязаны со всей остротой вскрывать недостатки нашей работы, обнажать недочёты и делать это так, чтобы мобилизовать людей на преодоление этих недостатков, поднимать широкие массы трудящихся на развёртывание здоровой критики».

(Из речи Н. С. Хрущёва на совещании)

Декабрь, 15. Страна отметила 750-летие со дня смерти Низами.

«Нас сближают и роднят с Низами прежде всего гуманные начала многогранного творчества великого поэта — его безграничная любовь к человеку, вера в победу доброго и благородного начала над злым и гнусным, правдивого и честного над лживым и нечестным, его вера в торжество созидательных сил трудового человека над чёрными силами разрушения.

Гениальный Низами всеми своими высокими идеалами и стремлениями обязан народу, который он так страстно любил».

(Самед Вургун)

Декабрь, 21. Опубликовано постановление о присуждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами» за 1953 год. Среди лауреатов — писатели Говард Фаст, Леон Кручковский, Пабло Неруда.

Декабрь. В журнале «Знамя» завершена публикация романа Л. Леонова «Русский лес».

В течение года опубликованы на русском языке следующие произведения советских писателей: М. Алигер. Ленинские горы. Стихи; А. Андреев. Широкое течение. Роман; А. Арбузов. Европейская хроника. Пьеса; М. Бараташвили. Стрекоза. Комедия; А. Берто. Машенька и её друзья. Стихи; П. Беспощадный. Горный пламень. Книга стихов; А. Борщаговский. Русский флаг. Роман; К. Ваншенкин. Лирические стихи; С. Васильев. Стихи и песни; В. Величко. Очерки; А. Венцлова. Избранное. Перевод с литовского; П. Воронько. Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского; С. Георгиевская. Отрочество. Повесть; А. Головкин. Артём Гармаш. Роман. Книга первая. Перевод с украинского; Г. Гор. Юноша с далёкой реки. Роман; Г. Гулям. Избранное. Перевод с узбекского; П. Дорошко. Юг и Север. Стихи. Перевод с украинского; В. Дудинцев. На своём месте. Повесть; Л. Жариков. Повесть о суровом друге. Дополненное и переработанное издание; Т. Журавлёв. Комбайнеры. Повесть; С. Залыгин. На большую землю. Рассказы; Л. Кабо. За Днестром. Роман; В. Каверин. Открытая книга. Роман; А. Кешоков. Дети народов. Поэма. Перевод с кабардинского; Ф. Кнорре. Рассказы; К. Крапива. Избранные драмы. Перевод с белорусского; С. Кудаш. Стихотворения и поэмы. Перевод с башкирского; Б. Лавренёв. Лермонтов. Драма; М. Лыньков. Незабываемые дни. Роман. Перевод с белорусского; А. Макаёнок. Извините, пожалуйста! (Камни в печени). Сатирическая комедия. Перевод с белорусского; Х. М. Мугуев. Повести; Ю. Нагибин. Рассказы; С. Нарнъяни. Фельетоны; В. Овечкин. На переднем крае; С. Орлов. Городок. Стихи; Д. Осин. В середине лета. Рассказы; В. Панова. Времена года. Роман; Ф. Панфёров. Волга-матушка река. Роман; А. Первенцев. Матросы. Роман; Ф. Пестрак. Встретимся на баррикадах. Роман. Перевод с белорусского; Н. Погодин. Когда ломаются копья. Пьеса; А. Прокофьев. В пути. Стихи; Я. Ругоев. Стихи. Перевод с финского; Г. Рыклин. Кроме шуток. Рассказы и фельетоны; Н. Рыленков. Стихотворения; Ю. Рытхэу. Люди нашего берега. Рассказы. Перевод с чукотского; Б. Рюриков. Литература и жизнь. Сборник статей; И. Рябов. Новый горизонт. Очерки; И. Садофьев. Песня о родине. Стихи; А. Салынский. Опасный спутник. Драма; В. Саянов. Страна родная. Роман; М. Танк. Стихи. Сказки. Поэмы. Перевод с белорусского; И. Тарба. С первых дней. Стихи. Перевод с абхазского; А. Твардовский. За далью — даль; М. Тевелёв. Свет ты наш, Верховина... Роман; Т. Тэсс. Под нашим небом. Очерки и рассказы; Ч. Цыдендамбаев. Доржи, сын Банзара. Роман. Перевод с бурят-монгольского; Ю. Чепурин. Вешние воды. Драма; О. Чёрный. Опера Снегина. Роман; К. Чуковский. Мастерство Некрасова; А. Чуркин. Избранное; А. Якобсон. Ангел-хранитель из Небраски. Пьеса. Перевод с эстонского, и другие.

Начат выпуск собраний сочинений Д. Бедного в пяти томах (завершён в 1954 году) и Л. Леонова в пяти томах (завершён в 1954 году).

1954 год

Январь. Состоялась встреча московских писателей с гостящей в СССР делегацией прогрессивных деятелей культуры Бирмы.

Январь, 6. Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. Караваевой в связи с её 60-летием.

Январь, 15. Умер М. Пришвин.

«Его отличительной особенностью было поразительное умение волновать читателя чудесными картинами русской природы, быта и жизни людей, за которыми были всегда так реальны, осязаемы красота и благородство души русского человека. Вот почему произведения М. М. Пришвина неизменно приносят большую радость миллионам читателей всех возрастов».

(А. Фадеев, А. Сурков, Н. Тихонов, М. Шолохов и другие)

Январь, 20. Умер Б. Горбатов.

«О советских людях, воспитанных Коммунистической партией, рассказал он в романе «Моё поколение», в рассказах из книги «Обыкновенная Арктика», в патристических пламенных «Письмах товарищу», взятых на вооружение солдатами Советской Армии. Несгибаемой волей к борьбе, верой в победу нашего дела дышит повесть «Непокорённые», получившая горячее читательское признание и удостоенная Сталинской премии.

Выросший в шахтёрской среде, Борис Горбатов всегда был верен теме труда, своему родному Донбассу...»

(А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, Л. Леонов, Б. Полевой и другие)

Январь, 23. Награждение орденом Трудового Красного Знамени Т. Тильвитиса в связи с его 50-летием.

Январь, 26. В Центральном Доме литераторов состоялся вечер памяти Юлиана Тувима. Вечер открыл И. Эренбург. С воспоминаниями о Тувиме, с чтением переводов его стихов выступили Н. Асеев, В. Василевская, С. Городецкий, Г. Леонидзе, М. Светлов, С. Щипачёв и другие.

Январь — февраль. Состоялись встречи советских писателей с китайскими журналистами, гостящими в СССР. В беседах с китайскими гостями приняли участие Б. Полевой, С. Маршак, В. Катаев и С. Антонов.

Февраль, 22. Награждение орденом Трудового Красного Знамени Д. Гулиа в связи с его 80-летием.

Март. В Москву по приглашению Союза советских писателей прибыл немецкий писатель Стефан Гейм. В беседе с советскими литераторами С. Гейм рассказал о работе писателей Германской Демократической Республики.

Март, 3. Открылся XV пленум Правления Союза советских писателей. На торжественном заседании пленума, посвящённом 300-летию воссоединения Украины с Россией, выступили А. Сурков, М. Рыльский, С. Муканов, Улуг-Зода, М. Қарим.

Пленум обсудил вопросы подготовки ко Второму Всесоюзному съезду писателей.

Март, 4. В Москве открылась декада литовской литературы и искусства. В ней приняли участие А. Венцлова, В. Вальсюнене, Э. Межелайтис, В. Мозурюнас, А. Гудайтис-Гузьявичюс, Т. Тильвитис и другие литовские писатели.

«Самобытная национальная культура литовского народа, народная мудрость, её душевное богатство вышли из узкой, провинциальной и приходской скорлупы прежней Литвы в необъятные просторы Советской страны, вышли из замшелой хижины в колхозные деревни с прямыми, освещёнными электричеством улицами, из полукустарной фабрики — в светлые цехи новых заводов».

(Т. Тильвитис)

М а р т, 5. Награждение орденом Ленина Л. Киачели в связи с его 70-летием.

М а р т, 6. Опубликовано сообщение о Пленуме ЦК КПСС. Пленум заслушал и обсудил доклад тов. Хрущёва Н. С. о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель и принял соответствующее постановление.

«Пленум ЦК КПСС считает, что наряду с повышением урожайности зерновых культур во всех районах страны огромное значение в увеличении производства зерна имеет освоение новых земель. Важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна в течение короткого времени является расширение посевов зерновых культур путём освоения залежных и целинных земель Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и частично в районах Северного Кавказа».

(Из постановления Пленума ЦК КПСС)

«Боля Родины ныне призывает к иной, деятельной жизни эту девственную степь. За два года она должна поднять столько пахоты, сколько было вспахано здесь за многие, многие годы.

Снова будет подстёгнуто движение истории, сдвинется время, — молодое советское племя преобразует своим трудом, своей разумной волей родной и любимый край. У нашей молодёжи умелые руки, удалые машины. На её знамёнах, высоко вознесённых над всей необъятной нашей страной, значится: «священный труд во имя плодородия», «победный путь во имя удаления вековой косности степей», «славный труд во имя изобилия!»

(М. Ауэзов)

М а р т, 14. Выборы в Верховный Совет СССР. В числе депутатов Верховного Совета СССР — писатели И. Абашидзе, С. Айни, С. Бабаевский, М. Бажан, М. Бараташвили, Г. Баширов, В. Васялевская, С. Вургун, А. Венцлова, М. Габдуллин, А. Гудайтис-Гузьявичюс, Д. Гулиа, С. Зорян, М. Ибрагимов, П. Козланюк, Я. Колас, В. Лацис, Л. Леонов, Х. Намсараев, Ф. Панфёров, Ш. Рашидов, М. Рыльский, А. Саксе, А. Сурков, Т. Сыдыкбеков, И. Тарба, Н. Тихонов, С. Тока, М. Турсун-заде, П. Тычина, А. Фадеев, М. Шолохов, И. Эренбург, А. Якобсон.

А п р е л ь, 6. «Литературная газета» опубликовала статью Ф. Гладкова «Об этике писателя»:

«...Честь советского писателя, как глашатая народа, должна стоять на большой высоте, и поведение писателя должно служить примером для всех и каждого. Писатель Советской страны обязан много и постоянно работать над собой и стремиться оправдать своё назначение...

Неуместное благодушие мешает одёрнуть и вернуть на правильный путь того, кто поддался дурному влиянию. Надо во-время принимать строгие меры к тому, чтобы всякие безобразия и чуждые нашему общезнанию аморальные действия были немислимы в нашем быту».

А п р е л ь, 12. «Правда» публикует передовую «Ближе к жизни», посвящённую актуальным задачам советской литературы.

А п р е л ь, 15. В Баку открылся второй съезд писателей Азербайджана. Съезд открыл С. Вургун. С докладом о работе азербайджанских писателей выступил С. Рагимов. Съезд избрал правление ССП Азербайджана и делегатов на Второй Всесоюзный съезд советских писателей. После закрытия съезда состоялся вечер литератур народов СССР.

А п р е л ь, 16. Награждение орденом Трудового Красного Знамени А. Жарова в связи с его 50-летием.

А п р е л ь, 19. В Москве в Институте мировой литературы имени Горького состоялось совещание по изучению творчества А. М. Горького.

А п р е л ь, 22. В Нью-Йорке состоялось торжественное вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» американскому писателю Говарду Фасту.

«Это премия мира. Ничто никогда не может изменить и ничто не изменит этого. И когда, хотя бы на миг, разрывается, отмечается ткань лжи и клеветы,

отделяющая нашу страну от Советского Союза, мы видим за этой премией могучую силу, отстаивающую мир человечества».

(Говард Фаст)

Апрель, 25. Умерла Л. Сейфуллина.

«Лидия Николаевна Сейфуллина — талантливый художник слова, и её работа в ответственные годы зарождения и роста советской литературы навсегда останется в нашей памяти».

(М. Шолохов, Вс. Иванов, Ф. Гладков, А. Караваева, В. Бахметьев, Л. Никулин, Ю. Либединский и другие)

Апрель, 28. В Москву прибыла делегация корейских писателей. На встрече с советскими писателями выступил глава делегации Ли Бук Мен.

Апрель. Вечера украинской литературы и искусства в Москве, посвящённые 300-летию воссоединения Украины с Россией. На вечерах выступили М. Бажан, П. Тычина, А. Корнейчук, О. Гончар, Н. Рыбак, С. Олейник, А. Малышко и другие украинские писатели.

В журнале «Новый мир» закончено печатание повести Ф. Гладкова «Лихая година».

Май, 6. В Киеве началась декада русской литературы и искусства. Для встречи с украинскими писателями и читателями в столицу Украины прибыли М. Исаковский, В. Кетлинская, М. Алигер, С. Щипачёв, Ю. Лаптев, Н. Рыленков, А. Безыменский и другие.

Май, 12. Награждение орденом Ленина В. Лациса в связи с его 50-летием.

Май, 21. Награждение орденом Ленина Я. Судрабална в связи с его 60-летием.

Май, 22—30. Всенародное празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией.

«Весь исторический опыт народов СССР наглядно свидетельствует об огромном значении их дружбы с великим русским народом, о непреодолимой силе братского союза и тесного сотрудничества всех народов нашей страны, построивших под водительством Коммунистической партии социализм и ныне уверенно идущих вперёд к торжеству коммунизма».

(Из «Тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией 1654—1954 гг.»)

В Киеве состоялся юбилейный пленум правления Союза советских писателей Украины, посвящённый 300-летию воссоединения Украины с Россией.

«Как и все народы нашей Родины, украинский народ твёрдо знает, что быть в дружбе с русским народом это значит идти в первых рядах человечества, это значит победно двигаться вперёд по пути к коммунизму».

...Писатели Советской Украины создали ряд повестей, романов, пьес, стихов, в которых раскрываются источники священной дружбы двух народов, отображена их общая борьба против внешних и внутренних врагов, показано кровное родство их культур».

(Из доклада М. Бажана на юбилейном пленуме правления Союза советских писателей Украины)

Май, 24. В Берлине открылась чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира. Сессия рассмотрела вопросы: 1) Запрещение атомного и термоядерного оружия, 2) Безопасность наций.

«Величайшее открытие человеческого гения принадлежит всему миру и должно приносить высшую пользу всему миру. Борясь за эти великие цели, мы добьёмся невиданного подъёма, процветания всех народов, вечной дружбы народов, существованию которых не угрожают тёмные силы войны, и тогда мы, торжествуя, сможем сказать: мир победил».

(Из выступления Н. Тихонова на сессии)

Май, 27. В Москву по приглашению Союза советских писателей СССР прибыл французский писатель Жан Поль Сартр.

М а й. В журнале «Огонёк» начата публикация глав из второй книги романа «Поднятая целина» М. Шолохова.

И ю н ь, 1. Умер Мартин Андерсен Нексе.

«Трудно переоценить значение творчества и общественной деятельности Мартина Андерсена Нексе для взаимного понимания народов, для дела укрепления культурных связей, дружбы и мира между народами. Мы склоняем свои головы перед памятью о великом писателе и гражданине».

(В. Ажаев, Н. Асеев, М. Бажан, П. Бровка, А. Венцлова, С. Вургун, Ф. Гладков и другие)

И ю н ь, 2. В Риге начал работу третий съезд писателей Латвии. Съезд открыл В. Лацис. С докладом о состоянии латышской советской литературы выступил В. Лукс. Съезд избрал правление ССП Латвии и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

И ю н ь, 9. В Таллине начал работу третий съезд писателей Эстонии. Съезд заслушал отчётный доклад Ю. Шмуула, избрал правление ССП Эстонии и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

И ю н ь, 18. Под заголовком «Главная задача социалистического реализма — возбуждение революционного миропонимания» газета «Правда» печатает подборку неопубликованных писем А. М. Горького.

И ю н ь, 30. В Тбилиси открылся четвёртый съезд писателей Грузии. Съезд заслушал и обсудил доклад И. Абашидзе о грузинской советской литературе и её задачах. С речью в стихах обратился к съезду Г. Табидзе. Съезд избрал правление ССП Грузии и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

И ю н ь. В журнале «Коммунист» опубликована редакционная статья «За дальнейший подъём советской литературы», посвящённая задачам писателей в связи с предстоящим Вторым Всесоюзным съездом писателей:

«...Народ ждёт от наших писателей произведений, показывающих прежде всего замечательный облик советских людей — передовиков производства, мастеров сельского хозяйства, людей, осваивающих целинные земли, создающих своим упорным и вдохновенным трудом обилие продуктов и других материальных благ. Каждый писатель в период подготовки ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей должен поставить перед собой вопрос: чем и как он сможет помочь своему народу в решении тех грандиозных задач, которые выдвинуты партией и Советским правительством? Долг советских писателей — повысить идейно-художественный уровень своего творчества, создать произведения, достойные нашей эпохи, эпохи победоносного строительства коммунистического общества в СССР».

И ю л ь. В Москве состоялось торжественное вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» польскому писателю Леону Кручковскому.

«Слово писателя, яркое, меткое, насыщенное пылкими чувствами, клеймящее преступление и утверждающее красоту жизни, является эффективнейшим оружием в борьбе народа за мир, за творческую, цветущую жизнь».

Пример и образец такой горячей преданности великому делу мира являют собой для прогрессивных писателей всего мира наши друзья, советские писатели, передовые представители социалистического гуманизма в мировой литературе».

(Леон Кручковский)

И ю л ь, 10. Награждение орденом Трудового Красного Знамени В. Овечкина в связи с его 50-летием.

И ю л ь, 15. Страна широко отметила 50-летие со дня смерти А. П. Чехова. В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвящённое памяти А. П. Чехова.

«Творчество Чехова, великого художника-гражданина, безмерно дорого всем советским людям. Вместе с нами чтут память писателя все передовые люди зем-

ного шара, все, кому дороги завоевания человеческого гения и ненавистны разрушительные силы войны.

Чехов — гордость и слава нашего народа, гордость всего человечества».

(«Правда», 15 июля)

Умер Садриддин Айни.

«С. Айни — создатель таджикской реалистической прозы. Его произведения, по праву вошедшие в золотой фонд таджикской советской литературы, вооружают советских людей в их борьбе за коммунистические идеалы. Впитав идеи классической русской литературы, своим первым учителем, с чувством горячей признательности, он называл родоначальника многонациональной советской литературы А. М. Горького».

(Из сообщения Президиума Академии наук СССР, Правления ССП СССР и др.)

Июль, 21. В Ереване начал работу третий съезд писателей Армении. Съезд открыл А. Исаакян. С докладом о состоянии и задачах советской армянской литературы выступил Г. Борян. Съезд избрал правление ССП Армении и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Август, 10. В Ташкенте открылся третий съезд писателей Узбекистана. Съезд открыл Г. Гулям. С докладом о состоянии узбекской советской литературы и задачах её дальнейшего развития выступил Уйгун. Съезд избрал правление ССП Узбекистана и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Август, 11. Президиум Правления ССП обсудил вопрос об ошибках журнала «Новый мир». В принятой резолюции осуждены печатавшиеся в журнале статьи В. Померанцева, М. Лифшица, А. Абрамова и М. Щеглова, содержащие неправильные и вредные тенденции, статьи, в которых делались попытки ревизовать основные принципы советской литературы, ставились под сомнение идейность, жизненная правдивость советской литературы.

«...Руководители журнала «Новый мир» и авторы неправильных и вредных статей выступили на страницах журнала с позиций, противоречащих указаниям партии, содержащимся в её решениях от 1946—48 гг. по вопросам литературы, драматургии, театра, кино, музыки, и не сделали выводов из критики, которой подверглась в решении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» деятельность редакционных коллегий этих журналов».

(Из резолюции президиума Правления Союза советских писателей «Об ошибках журнала «Новый мир»)

В г. Сант-Яго (Чили) член Комитета по международным Сталинским премиям И. Г. Эренбург вручил премию «За укрепление мира между народами» чилийскому поэту Пабло Неруде.

Август, 18. В Сталинабаде открылся третий съезд писателей Таджикистана. Съезд заслушал и обсудил доклад М. Турсун-заде о творчестве таджикских писателей. Съезд избрал правление ССП Азербайджана и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Август, 24. На первом съезде писателей Молдавии в Кишинёве с докладом о состоянии и задачах молдавской советской литературы выступил А. Лупан. Обсудив доклад, съезд избрал правление ССП Молдавии и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Август, 25. Третий съезд писателей Туркмении, открывшийся в Ашхабаде, заслушал и обсудил доклад К. Курбансахатова о состоянии и задачах советской туркменской литературы. Съезд избрал правление ССП Туркмении и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Август, 31. В Вильнюсе открылся второй съезд писателей Литвы. С докладом «Литовская советская литература и её задачи» выступил И. Шимкус. Съезд избрал правление ССП Литвы и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Сентябрь, 1. Награждение орденом Ленина А. Якобсона в связи с его 50-летием.

Сентябрь, 3. Состоялась встреча московских писателей с делегацией писателей Финляндии, гостящей в СССР.

Сентябрь, 5. Общественность отметила 50-летие со дня смерти Абая Кунанбаева.

«Неувядаемое значение и благородные традиции творчества Абая заключаются в пламенном патриотизме и гуманизме, в страстной ненависти к произволу и мракобесию, искреннем стремлении облегчить жизнь казахской бедноты, пропаганде дружбы народов, глубине и размахе поэтической мысли, красоте и выразительности художественной формы».

(М. Ауэзов)

Сентябрь, 8. «Правда» публикует передовую «За идейность и мастерство советской литературы», посвящённую работе писательских организаций в канун Второго съезда писателей:

«...Союз советских писателей призван систематически и своевременно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с попытками увести советскую литературу в сторону от жизни и борьбы советского народа, от актуальных вопросов политики партии и Советского государства, бороться с попытками культивировать упадочные настроения. Он призван давать отпор тенденциям огульного, нигилистического охаивания всего положительного, что сделано советской литературой».

В Алма-Ате закончился третий съезд писателей Казахстана. Доклад «Состояние и задачи казахской советской литературы» сделал Г. Мустафин, содоклады — Г. Мусрепов, М. Ауэзов, С. Муқанов. Съезд избрал правление ССП Казахстана и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Сентябрь, 13—18. Второй съезд писателей Киргизии, состоявшийся в г. Фрунзе, обсудил отчётный доклад А. Салиева и избрал правление ССП Киргизии и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Сентябрь, 15. Вступительным словом Я. Коласа в Минске открылся третий съезд писателей Белоруссии. Съезд заслушал и обсудил доклад П. Бровки «Белорусская литература между вторым и третьим съездами писателей Советской Белоруссии». Избраны правление ССП Белоруссии и делегаты на Второй Всесоюзный съезд писателей.

«Белорусский съезд советских писателей призван обобщить достижения нашей многонациональной литературы. Хотелось бы при этом шире рассмотреть положительный опыт советской литературы, проверить наличие и рост писательских сил, учитывая возросшие задачи, поставленные перед нами партией, народом. Мы должны больше заботиться о наших молодых собратьях. Советская литература сильна своей народностью и партийностью. Оценив с партийных позиций пройденный путь, наши литераторы смогут работать, ещё глубже проникая в жизнь, ещё ярче воплощая её в художественно полноценных произведениях».

(Якуб Колас. «Правда», 13 сентября)

Сентябрь, 23. В Петрозаводске открылся второй съезд писателей Карело-Финской ССР. Обсудив отчётный доклад Я. Ругоева, съезд избрал правление ССП Карело-Финской ССР и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

Сентябрь, 29. Страна отметила 50-летие со дня рождения Н. Островского.

«И сегодня, в день 50-летия со дня рождения Н. А. Островского, Павел Корчагин, этот страстный, непобедимый и всепобеждающий, вечно молодой коммунист, живёт и трудится вместе с нами, увлекая всех своим чудесным примером, зажигая сердца молодёжи, зовя миллионы своих сограждан и всё передовое человечество вперёд и вперёд».

(Б. Полевой)

Сентябрь. Журнал «Знамя» опубликовал «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой.

Октябрь, 1. В связи с пятой годовщиной провозглашения Китайской Народной Республики Союз советских писателей СССР обратился с приветствием к китайским

писателям. От Союза китайских писателей за подписью Мао Дуня получена ответная телеграмма:

«...По книгам советских писателей наши люди учатся жить, бороться и побеждать. Самая передовая в мире советская литература социалистического реализма служит вдохновляющим примером для китайских писателей, дружба наших литератур — это вклад в великую дружбу наших народов, вклад в дело мира во всём мире».

Октябрь, 9. Награждение орденом Ленина М. Бажана в связи с его 50-летием.

Октябрь, 11. Отмечено 200-летие со дня смерти Генри Филдинга.

Октябрь, 25—27. Состоялось всесоюзное совещание очеркистов. В обсуждении вопросов развития советского очерка приняли участие Б. Агапов, Б. Галин, Л. Никулин, Н. Михайлов, В. Кожевников, А. Софронов, М. Шагинян, Р. Бершадский, Л. Кудреватых, С. Залыгин, С. Бытовой и другие.

Октябрь, 27. В Киеве открылся третий съезд писателей Украины. После вступительной речи А. Корнейчука с докладом «Состояние и задачи украинской советской литературы» выступил М. Бажан. О работе украинских драматургов и кинодраматургов рассказал в содокладе Л. Дмитерко, об украинской детской литературе — Н. Забила. Съезд избрал правление ССП Украины и делегатов на Второй Всесоюзный съезд писателей.

«Усиление марксистско-ленинской вооружённости писателей, глубокое познание ими жизни и активнейшее творческое вторжение в неё — залог того, что величайший образ нашей современности, образ советского человека — строителя коммунизма — будет достойно отражён в книгах писателей Советской Украины».

(Из доклада М. Бажана)

Октябрь. Журнал «Коммунист» печатает неопубликованные письма М. Горького к В. И. Ленину, А. С. Щербакову, С. М. Кирову и другим. «Правда» 10 сентября напечатала неопубликованные письма М. Горького к Н. К. Крупской, И. И. Степанову-Скворцову, Ромэну Роллану и другим.

«Огонёк» публикует главы нового романа А. Фадеева «Чёрная металлургия».

Ноябрь, 6. На торжественном заседании Московского Совета с докладом «XXXVII годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» выступил М. З. Сабуров. В докладе отмечено значение предстоящего Второго Всесоюзного съезда писателей:

«...Огромную роль в коммунистическом воспитании трудящихся играет наша советская литература, призванная нести в массы идеи коммунизма, показывать передовое, прогрессивное, бичевать отсталое, выражать интересы народа, его героизм, самоотверженность и творческие усилия. Предстоящий Второй Всесоюзный съезд советских писателей, который явится важным событием в жизни нашей общественности, должен наметить новые задачи на пути более плодотворного развития советской литературы».

Ноябрь, 11. Советские писатели обратились с поздравлениями к американскому писателю Говарду Фасту в связи с его 40-летием.

В «Литературной газете» от 25 ноября помещено ответное письмо Говарда Фаста.

Ноябрь, 18—23. В Стокгольме состоялась сессия Всемирного Совета Мира. На сессии выступили советские делегаты И. Эренбург, А. Корнейчук.

«...Народы должны оказать сопротивление ратификации лондонского и парижских соглашений».

Народы должны потребовать немедленного открытия переговоров между четырьмя державами в целях воссоединения Германии путём свободных выборов, а также в целях заключения государственного договора с Австрией.

Народы должны потребовать немедленного открытия переговоров между всеми европейскими государствами, независимо от их строя, с тем, чтобы обеспечить их безопасность и общее процветание путём сотрудничества между всеми.

Никакое правительство, никакой парламент не властны располагать судьбой народа против его воли. Народы не дадут свершиться несправливому.

Они не допустят осуществления перевооружения Германии и своими совместными действиями откроют путь к безопасности в Европе и к миру во всём мире».

(Из Обращения Всемирного Совета Мира к народам мира)

Н о я б р ь, 18. «Литературная газета» печатает «Заметки английского писателя» Джека Линдсея, посвящённые проблемам социалистического реализма.

«...Социалистический реализм устремлён вперёд, в будущее. Но он не отказывается от реалистического изображения конкретного настоящего. Основа социалистического реализма — горячая любовь к человеку, непобедимая вера в его силы, в его способности преодолеть все стоящие перед ним трудности; вместе с тем социалистический реализм не лакирует слабостей, ошибок, противоречий и конфликтов. Прочно вооружённый диалектикой марксизма, углубляя понимание жизненных конфликтов и единства, достигаемого в результате конфликтов, социалистический реализм с честью играет свою авангардную роль».

Н о я б р ь, 20. Умер А. А. Игнатъев, автор книги «Пятьдесят лет в строю».

«Октябрьская социалистическая революция застала А. А. Игнатъева во Франции. В числе лучших представителей русской военной интеллигенции, как истинный патриот, он без колебаний перешёл на сторону Советской власти и посвятил всю свою дальнейшую общественно-политическую деятельность социалистической Отчизне».

(К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, А. А. Фадеев, Ф. В. Гладков и другие)

Н о я б р ь, 25. Советская общественность широко отметила 125-летие со дня рождения выдающегося армянского революционного демократа М. Налбандяна.

Н о я б р ь, 27. «Правда» под рубрикой «Перед Вторым Всесоюзным съездом писателей» публикует статью председателя Союза китайских писателей Мао Дуня «С желанием успехов»:

«...Можно было бы привести немало примеров того, как наши бойцы преодолевали трудности и героически выполняли задания, неся в своих заплечных сумках такие книги, как «Дни и ночи», «Волоколамское шоссе», «Александр Матросов». Образы передовых людей из таких произведений, как «Далеко от Москвы» и «Мы — советские люди», служат примером для наших рабочих в их самоотверженном труде. Книги «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия» горячо любимы китайской молодёжью, стали её духовной пищей.

Советская литература превратилась в неотъемлемую часть культурной жизни китайского народа. Мы радуемся великим успехам советской литературы и гордимся ими».

«Литературная газета» сообщает, что в Москву по приглашению Союза советских писателей прибыли Жоржи Амаду и Пабло Неруда. В качестве гостей они будут участвовать во Втором Всесоюзном съезде писателей.

Н о я б р ь, 30. «Правда» сообщает, что в Москву по приглашению Союза советских писателей прибыли известные индийские писатели Али Сардар Джафри и Балвант Гарги. Они примут участие в работе Второго Всесоюзного съезда советских писателей.

И ю н ь — н о я б р ь. В связи с предстоящим Вторым Всесоюзным съездом писателей «Правда» печатает статьи, посвящённые советской литературе. Опубликованы статьи А. Суркова, М. Ауэзова, М. Бажана, В. Берце, Ф. Гладкова, Н. Тихонова, В. Кочетова, В. Ермилова, А. Караваяевой, Я. Коласа, В. Лациса, Г. Маркова, Б. Полевого, Б. Ромашова, С. Шипачёва, С. Маршака и других.

В «Литературной газете» многочисленные статьи писателей и читателей публикуются под рубрикой «Предсъездовская трибуна».

Материалы к предстоящему съезду писателей публикуются на страницах и других центральных и местных газет и журналов.

Сентябрь—ноябрь. На предприятиях, в колхозах, в учебных заведениях, в библиотеках страны проходят встречи писателей с читателями и литературные конференции, посвящённые творчеству советских писателей.

«Хорошая книга нужна нам, как хлеб, как воздух. Такая книга учит жить и понимать жизнь, зовёт вперёд, бодрит и радуется...

Съезд писателей — смотр сил нашей литературы, так покажите ж, товарищи писатели, свою силу, а наше внимание и сочувствие вам обеспечено!»

(Из письма читателей — рабочих и служащих Косогорского металлургического завода имени Дзержинского. «Литературная газета», 10 августа)

В течение января—ноября этого года вышли в свет на русском языке следующие произведения советских писателей: А. Абсаламов. Газинур. Роман. Перевод с татарского; А. Абульгасан. Бастионы дружбы. Роман. Перевод с азербайджанского; М. Агашина. Моё слово. Стихи; М. Алексеев. Пути-дороги. Роман; М. Алигер. Ленинские горы. Стихи; П. Антокольский. В переулке за Арбатом. Поэма; А. Арбузов. Годы странствий. Пьеса; Н. Аргунова. Двери раскрыты настужь. Повесть; Н. Асанов. Волшебный камень. Роман; Н. Атаров. Повесть о первой любви; А. Безыменский. Книга сатиры; А. Бек, Н. Лойко. Молодые люди. Роман; О. Берггольц. Верность. Трагедия; Г. Боровиков. В пути. Рассказы; А. Вальцева. Осень в Щеглах. Повесть; Ф. Вигдорова. Дорога в жизнь. Повесть; Б. Галин. Чудесная сила. Книга очерков; С. Голубов. Когда крепости не сдаются. Роман; Д. Гранин. Искатели. Роман; В. Гроссман. За правое дело. Роман; Н. Давыдова. Будни и праздники. Повесть; Д. Девятков. Родник в степи. Пьеса; М. Дудин. Стихотворения и поэмы; Е. Катерли. Дальняя дорога. Роман; Р. Ким. Девушка из Хиросимы. Роман; В. Кожевников. Люди нового Китая. Очерки; А. Коптяева. Дружба. Роман; А. Корнейчук. Крылья. Пьеса. Перевод с украинского; Р. Кочар. Дети большого дома. Роман. Перевод с армянского; И. Кочерга. Исторические драмы. Перевод с украинского; В. Кочетов. Молодость с нами. Роман; П. Крученко. Стихи. Перевод с молдавского; С. Кудаш. Навстречу весне. Повесть. Перевод с башкирского; В. Лацис. Посёлок у моря. Роман. Перевод с латышского; В. Лидин. Рассказы. Повести. Воспоминания; К. Лисовский. Край песен моих. Стихи; В. Матов. Рассказы; Г. Медынский. Повесть о юности; И. Мележ. Минское направление. Роман. Перевод с белорусского; Г. Мусрепов. Пробуждённый край. Роман. Перевод с казахского; В. Некрасов. В родном городе. Повесть; Л. Никулин. Московские зори. Роман; А. Новиков. Ты взойдёшь, моя заря! Роман; П. Нилин. Поездка в Москву. Роман; И. Нонешвили. Друзья повсюду. Стихи. Перевод с грузинского; С. Обладович. Избранное. Стихи и поэмы; В. Овечкин. В том же районе. Очерк; Р. Палехов. Через перевалы. Повествование; Л. Пантелеев. Повести и рассказы; П. Панч. Клокотала Украина. Роман. Перевод с украинского; Л. Первомайский. На крутых берегах. Поэма. Перевод с украинского; В. Пикуль. Океанский патруль. Роман; М. Пришвин. Корабельная чаша. Повесть-сказка; Н. Погодин. Вихри враждебные. Пьеса; А. Сахнин. Тучи на рассвете. Роман; К. Симонов. Иван-да-Марья. Поэма; В. Собко. Капитан Коршун. Пьеса; А. Софронов. Сердце не прощает. Пьеса; В. Тендряков. Не ко двору. Повесть; Г. Тропольский. Прохор семнадцатый и другие. Рассказы; В. Тушнова. Пути-дороги. Книга стихов; П. Тычина. Солнце дружбы. Стихи. Перевод с украинского; Я. Ухсай. Дед Кельбук. Поэма. Перевод с чувашского; С. Фомин. Перед рассветом; И. Чернев. Великий брат. Роман; Н. Чертова. Большая земля. Роман; А. Чивилихин. Стихотворения и поэмы; С. Чиковани. Стихи о великой дружбе. Перевод с грузинского; Н. Чуковский. Балтийское небо. Роман; Г. Холопов. Грозный год. Роман; В. Шкваркин. Комедии; А. Штейн. Персональное дело. Пьеса; Д. Щеглов. День рождения. Пьеса; И. Эренбург. Оттепель. Повесть, и другие.

Начат выпуск собраний сочинений В. Василевской в шести томах и В. Вишневского в пяти томах.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ

«Влиятельнейшая литература мира» — так в 1935 году назвал советскую литературу Алексей Максимович Горький. За два десятилетия, минувшие с той поры, ещё более усилилось международное влияние нашей литературы, неизмеримо расширился круг её зарубежных читателей.

Наша литература привлекает к себе внимание читателей зарубежных стран своей высокой идейностью, своим революционным созидательным пафосом, истинной гуманностью, правдивым изображением жизни и борьбы героического советского народа, который самоотверженным трудом построил социализм и победоносно идёт к коммунизму.

Советская литература помогает передовым писателям стран капитализма бороться против разлагающего влияния буржуазного декаданса, сохранять и развивать лучшие традиции своей национальной культуры. Писатели стран народной демократии, творчески воспринимая ценнейший опыт нашей литературы, создают реалистические произведения, правдиво и ярко разрешающие актуальные проблемы современной действительности.

Советская книга стала неотъемлемой частью культуры многих зарубежных стран. Её читают, изучают, обсуждают. Обсуждение наиболее значительных произведений советской художественной литературы на читательских собраниях, организуемых на предприятиях, стало распространённым явлением в странах народной демократии.

В капиталистических странах советской книге пробиваться не так легко. Кроме прямых запретов, в борьбе с советской книгой используются буржуазная пресса и услужливые перья клеветников. Но и там есть внимательные и благодарные читатели, и число их растёт. Их привлекает человечность советской литературы, возможность через книгу как бы окунуться в жизнь советского общества, стать ближе к советским людям, увидеть их благорядство и простоту, любовь к родине и идейную последовательность.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей называлась «грубая цифра» — за рубежами нашей страны в переводах вышли произведения 96 советских авторов. В настоящее время, только за послевоенные годы, можно назвать более 900 советских авторов, художественные произведения которых опубликованы за рубежом в переводах на иностранные языки. В это число входит более ста наших национальных писателей из союзных и автономных республик и областей. Книги советских авторов (по неполным данным) вышли за эти годы в переводе на 42 иностранных языка. Переводятся наиболее значительные произведения советской художественной литературы, посвящённые гражданской войне, восстановительному периоду, годам реконструкции, книги на темы индустриализации и коллективизации, книги, рисующие тот период, когда у нас социализм проник во все поры нашего строя. Большой интерес читателей вызвали книги, посвящённые Отечественной войне советского народа.

За рубежом опубликовано несколько сот переводов наших пьес и киносценариев; на иностранных языках вышли произведения около ста двадцати советских драматургов. В поэтические антологии, изданные за границей, вошли стихи более ста авторов из всех союзных республик и многих автономных республик и областей — поэтов, представляющих тридцать народов СССР. Отдельными книгами вышло около четырёхсот изданий переводов стихов более пятидесяти советских поэтов. В театрах

стран народной демократии с успехом идут советские пьесы; ежегодно проходят тысячи спектаклей.

Неполные библиографические данные говорят о публикации за 1945—1953 годы более восьми тысяч изданий произведений советских авторов. В действительности же их было значительно больше. Библиографы считают одним изданием, например, собрание сочинений Горького в тридцати томах. Более точное представление о размахе изданий советской художественной литературы дают сведения о тиражах. Если средний тираж зарубежных изданий нашей художественной литературы составлял раньше три—пять тысяч, то теперь тиражи в десять—пятнадцать тысяч стали обычными для многих стран, а наиболее значительные произведения советской литературы вышли за последние годы тиражами, превышающими сто тысяч экземпляров.

По сведениям «Международной книги», только за 1951—1953 годы тираж изданных за рубежом переводов произведений советской художественной литературы (в том числе детской) составил 94 190 200 экземпляров. Даже предположив, что каждую книгу прочитали в среднем только пять читателей, можно представить себе, какое огромное значение приобрела за эти годы за рубежом наша многонациональная советская литература.

В Болгарии изданы переводы произведений 50 советских авторов, в Германской Демократической Республике — 37, в Венгрии — 44, в Польше — 56, в Румынии — 28, в Чехословакии — 51.

Если учесть, что переводы советских авторов на испанский язык распространяются по всем странам Латинской Америки, английские переводы издавались в Англии, США, Австралии, Канаде, Индии, французские и немецкие переводы попадают в Швейцарию, Бельгию и другие страны, арабские переводы издаются в Египте, Ливане, Ираке, Сирии, то трудно назвать страну, в которую, несмотря на различные преграды, не проникла бы с переводами советская художественная литература, издаваемая за пределами нашей страны.

Это даёт право повторить известные слова В. М. Молотова о том, что советское искусство проникает далеко за рубежи страны, освещая дела и дни нашей Родины, раскрывая правду, которую капиталистическая печать стремится скрыть от трудящихся. Советская литература и за рубежами нашей страны служит великому и благородному делу мира.

Своё отношение к советской литературе зарубежные читатели и писатели выражают в многочисленных высказываниях и письмах. Некоторые из них мы публикуем ниже¹.

Ба Цзинь, писатель (Китай)

Не только китайский писатель, но и рядовой китайский читатель, приехав в Советский Союз, в Москву, не чувствует себя человеком посторонним, гостем, — его охватывает ощущение, будто он попал в родные места. Китайские читатели знают не только Москву и Ленинград, Сталинград и Украину, им знакомы Абхазия и Туркмения, их природа, жизнь населяющих эти республики народов, обычаи, взаимоотношения между людьми, — со всем этим их познакомила советская литература...

Советская литература усвоила и продолжила лучшие традиции русской реалистической литературы. Социализм, впервые построенный в СССР, открыл перед человеческим обществом новые пути. Советская литература показала начало новой жизни человечества. И китайский читатель сразу же с огромным энтузиазмом принял советскую литературу. Любимыми именами у китайских читателей стали имена Фадеева, Шолохова, Федина, Эренбурга, Тихонова, Симонова. Китайский читатель нашёл в произведениях советской литературы очень много нового, здорового, оптимистичного, вдохновляющего. Советские писатели живут вместе с героями своих книг, вместе с ними борются и идут вперёд. Советский писатель всегда стоит на честной, серьёзной позиции, он необычайно задушевен, и иностранный читатель, имея дело с переводом,

¹ В настоящей подборке использованы материалы и данные, предоставленные Иностранной комиссией ССР СССР и редакцией журнала «Советская литература на иностранных языках».

не чувствует расстояния, которое бывает в таких случаях между ним и героями книги, не чувствует разобщённости. Любовь и ненависть советского писателя отчётливо видны, и читатель очень хорошо понимает, кого автор любит и кого ненавидит, и эти чувства полностью совпадают с чувствами читателя. Поднимаемые советским автором проблемы и их разрешение помогают читателю, который не может сам найти правильного решения того или иного вопроса. Поэтому китайский читатель в произведениях советской литературы находит примеры для подражания, ему передаётся мужество, безграничная вера в жизнь и труд, он ясно видит дорогу, ведущую вперёд всё человечество, и перспективу счастливой жизни. Читатель узнаёт, как надо жить и трудиться, как надо себя совершенствовать и быть полезным родине и народу.

Сейчас, когда китайский народ, широко используя опыт Советского Союза, идёт к социализму, образы советских людей должны стать для китайцев примером. Так уже и бывало не раз. Китайский боец Хуан Сей-гуан, вдохновлённый примером Героя Советского Союза Александра Матросова, своим телом прикрыл огневую точку противника. Многие китайские студенты, прочитав книгу В. Ажаева «Далеко от Москвы», по окончании института просили, чтобы их послали на работу в отдалённые районы. Командиры нашей армии многому научились из книг «Дни и ночи» К. Симонова и «Волоколамское шоссе» А. Бека и успешно применяли полученные знания как в боевых, так и в мирных условиях.

Зоя Космодемьянская и Павел Корчагин стали образцом для молодёжи Китая. Юноши и девушки Китая, встречая трудности в работе, в учёбе, вспоминают Павла Корчагина, Зою, Матросова, вспоминают, как они жили, как преодолевали трудности, как они закалялись, и наша молодёжь чувствует прилив бодрости и мужества и в конце концов побеждает трудности.

В Корею я видел одного раненого. Он говорил, что хочет, подобно Павлу Корчагину, несмотря на физический недуг, до конца служить народу.

«Повесть о Зое и Шуре», написанная их матерью, Л. Космодемьянской, вышла в Китае более чем миллионным тиражом. Почти миллионным тиражом разошлась книга Островского «Как закалялась сталь». Большими тиражами вышли книга П. Журбы «Александр Матросов» и книга Е. Ильиной «Четвёртая высота». Эти книги полюбили и наши школьники. Моя девятилетняя дочь тоже знает имена Гули, Зои и Шуры. Даже она может оценить ту глубокую любовь, теплоту и богатые чувства, которыми наделены герои этих книг. — прекрасные матери и учителя, друзья, братья и сёстры. Эти произведения помогают нашей молодёжи формировать свои взгляды на дружбу, любовь, счастье, на социалистическое будущее, воспитывают в ней любовь к родине и народу, благотворно влияют на духовное развитие и рост нашей молодёжи.

Произведения советской литературы заронили в землю Китая много прекрасных семян, воспитали множество китайских читателей, обогатили нашу духовную жизнь. Они уже стали для нас тем, без чего нельзя обойтись.

«Советская литература на иностранных языках», № 11, 1954 год.

Говард Фаст, писатель (США)

Сущность советской литературы можно определить двумя словами: *надежда и жизнь*. Твёрдая надежда, твёрдая уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне открывают безграничные перспективы человеческого счастья. Впервые в истории человечества будущее сбросило дешёвые покровы идеализма и мистики; впервые дорога в будущее проложена на научной, материалистической основе. Вместо «пироза на небе» — «безграничные искания и достижения человеческого разума». И это не только мечта, не только надежды на будущее, а сама действительность нашего времени. Нужно твёрдо помнить об этом качественном различии.

Горький писал роман «Мать» почти в то же время, когда Джек Лондон писал «Железную пяту». И тот и другой сознательно примкнули к авангарду рабочего класса своей страны: Горький — к русской социал-демократической партии (которая стала потом коммунистической партией), Лондон — к левому крылу социалистической партии

США (будущей коммунистической партии). И тот и другой находились под сильным влиянием временного поражения русского рабочего класса в революции 1905 года. Джек Лондон в «Железной пяте» нарисовал чудовищную картину грядущего фашизма, который грозит раздавить международное рабочее движение и отбросить человечество на столетия назад. Горький, который стоял ближе к борьбе, с несравненно большей надеждой смотрел в будущее. Герой книги «Мать», рабочий Павел, говорит, обращаясь к своим судьям:

«Мы — революционеры и будем таковыми до поры, пока одни — только командуют, другие — только работают... Победим мы, рабочие! Ваши доверители совсем не так сильны, как им кажется».

Ныне, когда ещё живы современники Павла, уже два поколения видели полную перестановку сил в мире. Даже самые ярые оптимисты среди капиталистов уже не могут верить во что-либо похожее на бредовое «тысячелетнее царство», провозглашённое Гитлером. «Закат капитализма» — так назвал Уильям Фостер эпоху, в которую мы живём; в этом — всеопределяющая реальность современности. Для советского писателя эта реальность столь осязаема и она столь органически входит в его существование, что жизнь и надежда для него естественны, как воздух, которым он дышит, и вода, которую он пьёт. И какую бы сторону советского общества писатель ни затронул, он повсюду найдёт жизнь и надежду.

Никогда, быть может, это не было так ясно видно, как в прекрасной литературе, рождённой великой войной советского народа против фашистских захватчиков. Только человек без сердца или дурак мог не почувствовать всего величия этого страшного и грозного испытания, но только советскому писателю дано было увидеть радость и веру в будущее, которые родились в огне этой борьбы. Это уже не одинокий голос революционера, защитника благородных жертв, мучеников Коммуны, это голос человека, защищающего социализм, социализм, уже существующий; голос коммуниста — строителя будущего. В своей прекрасной книге «Взятие Великошумска», подлинной победной песне, полной гнева, надежды и мужества, талантливый советский писатель Леонид Леонов так говорит о советском танке, готовом к бою:

«К бою за родные горы, родившие её металл, за людей, её создавших, за Сталина, который повелел ей быть, двести третья была готова. И если человеческий инструмент, каким добывается независимость поколения, заслуживает такого слова, то была последняя её спокойная ночь перед рывком в бессмертие».

Это сказано по-новому; так же по-новому писали о войне Эренбург, Соболев, Фадеев, Гроссман, Павленко, Василевская и многие другие советские писатели. Это новое можно выразить так: «Я — гражданин будущего, я рассказываю о близком будущем всего человечества. Мы несокрушимы, ибо мы воплощаем надежду и чаяния всего человечества, и сотни миллионов идут за нами».

Из книги «Литература и действительность», 1950 год.

Луи Арагон, писатель (Франция)

Великая советская литература складывалась в то время, когда во всём мире раздавались злобные крики, когда подголоски буржуазии, а порой и скептики из рабочих рядов, повторяли в течение более тридцати лет общие фразы, не вникая в их смысл, вроде того, что смутные времена, мол, не благоприятствуют большому искусству... Обращитесь, мол, к эпохе Великой Французской революции, Империи...

Прежде всего советскую революцию нельзя сравнивать ни с какой другой, ибо ни в одной другой революции победоносный пролетариат, разбив старую государственную машину, не управлял огромной страной в течение десятилетий, произведя полную переоценку ценностей, порождая своим энтузиазмом, своим героизмом новых людей и запечатлевая их образ в грандиозном искусстве...

Мы очень плохо знаем, что выражает величие нового человека. Сколько французов прочитало переведённые произведения советской литературы? А всё, что ещё не смогли перевести?.. Обилие книг, и каждая из них — это само по себе путешествие, открытие.

Где ещё могла бы почерпнуть больше мечтаний наша молодёжь? И притом мечтаний реальных, увлекающих силой своей реальности?..

Возьмите, к примеру, необыкновенный роман Галины Николаевой «Жатва», печатавшийся недавно в «Юманите»... Он сейчас постепенно проникает в нашу страну. Но о нём ещё недостаточно пишут в наших газетах. Это книга, какой не имеют крестьяне Франции, это книга обо всех женщинах, это книга о новой жизни — жизни полноценной, тысячегранной, с любовью и молодостью, большая, смелая книга, шедевр..

В центре специального номера «Леттр Франсез» — пленум Союза писателей, происходивший в Москве в октябре... Ставится вопрос обо всей литературе, обо всём искусстве в целом, разоблачаются ложные идеи, всё, что тормозит рождение великого гуманного искусства, стоящего на уровне нового мира... Тут и дискуссии, предшествовавшие пленуму, и прения на пленуме. Как далеки от зазнайства и самодовольства люди страны, в которой самокритика стала общей практикой. Здесь, когда речь идёт о поэзии, говорят не только о Маяковском, но и об Александре Твардовском, Николае Асееве, Вере Инбер, Ольге Берггольц, Маршаке... Здесь существует не только Горький, но и вся панорама советского романа... И когда, читая обо всём этом, видишь писателей, их суровую критику по отношению к самим себе, видишь эту суровую требовательность, то возникает большая литература, литература Шолохова, Федина, Фадеева, Эренбурга, Веры Пановой, Сергея Антонова...

Когда советские писатели говорят сами о себе, то кажется даже, что картина получается слишком мрачная, что всё идёт плохо... Но они напоминают мне ту алтайскую крестьянку, которую я слышал в 1935 году в Кремле, на съезде колхозников-ударников; эта женщина с яростью говорила о том, что в её деревне, где до 1917 года были только два грамотных человека — поп и его сын — и где теперь каждый колхозник выписывает три газеты, — что в этой деревне не хватает патефонов!..

«Юманите», ноябрь, 1953 год.

Светте Х. Пет—ен, студент (Норвегия)

Не только современная русская литература, но и всё современное русское искусство, к сожалению, является закрытой книгой для большей части людей, живущих здесь, в Западной Европе. Такое нелепое положение вещей может вызвать лишь один жгучий вопрос: почему это так? Может быть, потому, что русским художникам наших дней нечего сказать человечеству? Может быть, потому, что их темы и проблемы, о которых они пишут, не представляют жизненного интереса для людей во всём мире? Может быть, они закрывают глаза и не хотят видеть действительность, жизнь людей, как она есть, и их борьбу за лучшее и мирное будущее? Нет, напротив. Народам Запада просто не позволяют слушать их голоса, голоса художников, активно борющихся за мир, за лучшую жизнь для человечества...

Те, кто хочет войны, — поджигатели войны — прежде всего должны убить надежду. У нас не должно быть ни товарищей, ни друзей, мы не должны знать, что идёт создание другого, нового мира — мира рабочих, крестьян и интеллигенции, мира, действительно миролюбивого, являющегося будущим человечества. Хотят, чтобы мы отчаялись и не видели никакого выхода. Таков замысел, таков «гигантский» план «психологической войны», направленной против нашего народа. Хотят создать железный занавес между нами и великой международной силой, борющейся за мир, и прежде всего между нами и величайшей державой, борющейся против войны, — между нами и Советским Союзом. Так наш Запад станет пассивным и недумаящим миром, утратившим надежду на светлое будущее человечества. Долго так не может продолжаться. Надо разрушить баррикады лжи и пробудить западные народы от сна, в который они погружены, разбудить их, пока ещё не поздно, пока они ещё не дали вовлечь себя в безумие новой войны...

Ваши русские писатели своими книгами и романами, показывающими нам новый, исполненный оптимизма мир, помогут народам Западной Европы найти свой новый путь.

Из письма, июнь, 1954 год.

Михаил Садовяну, писатель (Румыния)

В СССР писатель — это представитель народа, ему он посвящает свой талант и труд. Эта связь создаёт авторитет литературным произведениям и придаёт им огромную силу влияния на массы. Так это было с «Чапаевым», «Железным потоком», «Тихим Доном», «Как закалялась сталь», «Непокорёнными», «Молодой гвардией», «Фронтом», «Русским вопросом». Эти книги являются произведениями борцов данной эпохи, но их художественная ценность преодолевает пространство и время...

«Контемпоранул», октябрь, 1948 год.

Франтишек Кубка, писатель (Чехословакия)

Советская литература была для меня сперва наслаждением художника, потом любовью, потом учителем и, наконец, неисчерпаемым источником новых правд, нового мировоззрения, нового чувства жизни. Она говорит со мной, как мать гуманизма и социализма. Я пытался теперь, после войны, читать Пруста, Кафку, Хаксли — не дочитал. Просто не мог. Зачем питаться суррогатом, когда имеешь много душистого животорного хлеба?

«Творба», август, 1949 год.

Кенсукэ Акаги, писатель (Япония)

В тот день, когда я читаю произведения советской или китайской литературы, у меня замечательное настроение и я работаю с удвоенной энергией... Это объясняется тем, что произведения советской (а равно и китайской) литературы зовут вперёд, воодушевляют и ободряют читателя, придают ему уверенность в собственных силах. Все эти качества поднимают значение советской литературы и выдвигают её на первый план в литературе всего мира.

Я не знаю русского языка, и поэтому, когда выходит в свет перевод какой-нибудь советской книги, я любыми средствами стараюсь достать её и прочитываю залпом. Но, к сожалению, у нас печатается ещё слишком ограниченное количество переводов советских авторов, которое ни в коей мере не может удовлетворить потребности японского читателя.

«Дзиммин Бунгаку», апрель, 1953 год.

Арнольд Кетл, лектор (Англия)

Горький отмечал, что социалистический реализм в литературе может являться стражением фактов социалистической творческой деятельности, существующих в реальной действительности. Некоторые понимали это так, что метод социалистического реализма в литературе невозможен, пока не осуществлено построение социалистического общества. Но такое толкование слов Горького неправильное, механическое. Ибо социалистическая творческая деятельность возникает не после создания социалистического строя; если бы это было так, социализм никогда не удалось бы построить. Социалистическая творческая деятельность возникает, как только рабочий класс осознаёт необходимость организованной, революционной борьбы против классового общества...

Социалистический реализм раскрывает новые возможности и перспективы для развития человеческих характеров. В капиталистическом обществе только те писатели, которые подходят к своему творчеству с позиций социалистического реализма, способны раскрыть положительные стороны, показать надежды на будущее, путь к будущему.

Другие писатели могут дать честную, даже волнуемую картину распада капитализма, но их произведения неизбежно будут мрачными, неглубокими и одностронними, ибо им недостаёт жизненной силы и энергии. Лишь писатель, пользующийся методом социалистического реализма, в состоянии показать должным образом растущие силы будущего.

«Дейли уоркер», февраль, 1952 год.

Раджив Саксена, критик (Индия)

Советская литература открыла новую главу в истории демократических традиций современной литературы, и опыт советских писателей помог демократическим писателям всего мира. Ведь не случайно, что из всех современных литератур самая могучая, самая здоровая и самая народная — советская литература. Чем это объясняется?

Причина заключается в том, что советские писатели для устранения недостатков в своём творчестве и для более глубокого отображения жизни обращаются к живительному источнику — марксистской теории.

«Джан-юг», август, 1953 год.

Альфредо Гравина, писатель (Уругвай).

Литература социалистического реализма не играет той, на первый взгляд, безобидной роли, которую отводит литературе теория «чистого искусства»: развлекать читателя и возбуждать в нём эстетические чувства. Мы говорим «на первый взгляд» безобидной, потому что литература, которая ставит своей целью только развлекать читателя, литература, следующая канонам «чистого искусства», на самом деле порождает растерянность, пессимизм, отчаяние, мысли о тщетности всех человеческих усилий и, как следствие всего этого, — примирение с нуждой, угнетением и неизбежностью войны.

Социалистический реализм призван силой искусства воспитывать людей, способствовать развитию общества и созданию счастливой жизни для людей.

Есть люди, у которых сами слова «социалистический реализм» вызывают ужас. За этими словами они видят то, что принято называть «управляемой литературой», «литературой компромисса», «литературой политических директив»; они считают, что социалистический реализм навязывает определённый круг лозунгов, выйти за границы которого не может ни один писатель, не навлекая на себя всякого рода несчастий.

Но люди, трактующие таким образом понятие социалистического реализма, основывают свои воззрения не на конкретном анализе произведений, которые они считают произведениями социалистического реализма. Они не анализируют произведения, они просто старательно замалчивают их. Под предлогом защиты «чистого искусства» эти люди изливают яд своей классовой ненависти к коммунизму и Советскому Союзу, стараются возбудить эту ненависть в других...

Разве метод социалистического реализма лишил свободы или помешал творчеству таких писателей, как Алексей Толстой, Фёдор Гладков, Шолохов, Фадеев, Эренбург, Леонов, и многих других, чьи произведения достигли таких вершин мастерства, которые немислимы в других странах, хотя там тоже имеются большие мастера литературы? «Хустисия», август, 1953 год.

Уинстон Родс, доцент (Австралия)

Советские романы создаются не для избранной группы искушённых читателей, а для работников индустрии и сельского хозяйства, для каменщиков и служащих учреждений, для учителей и домохозяек. Поэтому романы эти имеют очень мало сходства с продукцией творящих в одиночестве писателей, занимающихся самоанализом, интересующихся лишь метафизическими переживаниями людей, подобных им самим. В советских романах нет и тени того презрения к простым людям, которое является чертой, объединяющей писания Джеймса Джойса и Эдгара Р. Бэрроуса.

«Миэнджин», 1952 год.

Амедео Уголини, писатель (Италия)

Подлинный новый герой рождается в советской литературе по мере того, как социализм всё глубже укореняется в душе народа...

В советской литературе строительство электроцентрали, обводнение бесплодной земли, работа в шахте становится объектом поэтического вдохновения, поэтическим

элементом. Главный герой советской литературы включил свою работу, свои трудовые достижения в сферу своей душевной жизни, своих чувств и переживаний; его труд стал элементом поэзии именно потому, что он чувствует себя строителем нового общества. И в то же время в этом нет ничего морализирующего или надуманного: это реализм, полный поэзии.

Советский реализм найдёт в Италии читателей и сторонников лишь в том случае, если он дойдёт до широких масс, а не останется достоянием узкого круга. Правда, имеются высказывания ряда авторитетных критиков и писателей относительно характера этого реализма, о его достижениях и значении. Но эти голоса звучали одиноко в той тишине, которая искусственно создана нашей «крупной» печатью. Уничтожить этот заговор молчания вокруг советской литературы означало бы дать итальянскому читателю возможность ознакомиться с тем миром, в котором человек действительно является «самым ценным капиталом». Это помогло бы и нам, часто находящимся под влиянием античеловечной литературы, ближе подойти к нашему народу.

«Унита», январь, 1952 год.

Младен Исаев, поэт (Болгария)

Ещё в ранней молодости, накануне Сентябрьского восстания 1923 года, я почувствовал неотразимую силу советской революционной поэзии в крылатых песнях Октября. С этими песнями уходили в бой наши славные сентябрьские герои. Максим Горький своим романом «Мать» ясно раскрыл передо мной отвратительное лицо капиталистического мира и романтическую красоту социалистического будущего, укрепил во мне веру в человека, в несокрушимую силу новой правды.

Трудными и неуверенными были мои первые шаги в поэзии в начале тридцатых годов. В это время я уже участвовал в антифашистской борьбе народа, но в поэзии был ещё только начинающим.

Мы, тогдашние молодые революционные поэты, должны были выразить боевую целеустремлённость болгарского рабочего класса и нашей партии по-новому, на основе нового мировоззрения и оригинальными средствами. Но для выполнения этой большой задачи нам не хватало опыта и традиции. На помощь нам пришла советская поэзия. Сначала на меня оказывали значительное влияние Блок и Есенин... но скоро я сумел освободиться от их в какой-то мере нездорового воздействия. Поэзия Маяковского, которую я воспринимал с большим трудом, помогла мне в этом отношении.

Героические, сурово правдивые баллады Тихонова, мужественные строфы Суркова, светлые и жизнерадостные песни Исаковского, революционно-романтические стихи и особенно поэма «Дума про Опанаса» Багрицкого, стихи Светлова и ряда других поэтов — все они были для меня той большой живительной рекой советской поэзии, из которой я жадно пил на протяжении десяти лет (1930—1940 годы).

...Конкретность, реалистическая правдивость и яркость образов, светлая романтическая целеустремлённость к будущему, оптимизм и самоотверженность людей, борющихся за дело социализма,— эти высокие качества советской поэзии были для нас, революционных поэтов, великой школой...

Сегодняшняя советская поэзия, вся художественная литература, насыщенная великими идеями, может ли она для нас не быть примером?!

«Литературен фронт», октябрь, 1951 год.

Жоржи Амаду, писатель (Бразилия)

Никогда ещё в истории человечества на писателя не возлагалась такая большая ответственность и никогда ещё писатель не был окружён таким уважением и такой любовью огромной массы читателей, как мы это видим в Советском Союзе. Я наблюдал необычайное единство читателя и писателя, обусловленное единством интересов. Трудящиеся непрестанно обращаются к писателям с самыми различными вопросами. Как и все общественные и политические деятели, известные советские писатели отводят часть своего времени для обсуждения со своими читателями различных проблем.

В произведениях таких писателей, как Фадеев, Островский, Полевой, Эренбург, Ажаев, Бабаевский, Федин и многие другие, перед читателями предстают образы советских людей, их самоотверженный труд, любовь к родине, их благородные стремления к миру и дружбе с народами всего мира.

С другой стороны, жизнь героев этих книг не кончается с последней страницей. Герои продолжают жить среди читателей, они оказывают воспитательное воздействие, становятся символом нового, советского человека.

...Советский народ окружает заботой и любовью своих писателей и работников искусства. Советская литература активно влияет на жизнь народов Советского Союза...

Уважение и любовь, которыми советские люди окружают своих писателей и художников, не означают, однако, что народ, не рассуждая, слепо принимает всё, что выходит из-под пера писателя или что создаёт кисть художника. Далеко не так. Советский народ предъявляет жёсткие требования к своим художникам и писателям и тем самым непосредственно влияет на их творчество. Советский Союз — страна, где обсуждают произведения литературы и искусства больше, чем в какой-либо другой стране мира. Можно смело утверждать, что ни одно произведение литературы и искусства не остаётся без критики народа. Советский читатель — требовательный читатель. Это человек большой культуры. Просто поражаешься культурному уровню трудящегося Советского Союза — как в городе, так и в деревне. И поэтому естественно, что советский читатель требует от мастеров литературы и искусства высокого идеологического и художественного уровня их произведений. Таким образом создаётся взаимодействие между писателем и читателем. Отсюда сила и замечательная моральная чистота советской литературы, её оптимизм, её гуманизм в высшем, социалистическом смысле слова...

Советская литература и искусство проповедуют мир между народами, воспевают самые высокие человеческие чувства: любовь к родине, к труду, уважение к человеку. Советская литература и искусство, отражая жизнь советского общества, являются литературой и искусством нового мира, нового человека...

«Пара Тодос», 1952 год.

Лучия Деметриус, писательница (Румыния)

Знакомство с советской литературой как бы сняло с моих глаз тяжёлую свинцовую пелену, скрывавшую от меня жизнь. Я поняла тогда, что главное, что я искала и не находила в литературе, — это человек. Я поняла, что литература должна отражать новую, настоящую жизнь в её развитии, со всей её красотой и мощью, а не жизнь умирающую, разлагающуюся...

Но от понимания правды до её воплощения в литературных произведениях ещё длинный и нелёгкий путь. Я осознала, что необходимо подходить по-новому к жизни, по-новому её изучать и понимать все происходящие изменения, думать и писать по-новому. И вновь пришла мне на помощь советская литература, или, точнее, советская драматургия.

Пьесы Тренёва научили меня, как создавать образ драматического героя. Персонажи Тренёва, даже если они появляются мимолётно, всегда обрисованы чётко и полно. Эти персонажи характерны для класса, который они представляют, и в то же время глубоко человечны и индивидуальны.

Положительные герои пьес советских авторов (Тренёва, Корнейчука, Горбатова и других) не являются средоточием всевозможных добродетелей, а живут настоящей жизнью, наделены всеми человеческими чертами.

«Ромыния либерэ», ноябрь, 1952 год.

Герда Петерсен, критик (Дания)

После чтения книг западноевропейского мира обращение к советским книгам действует, подобно струе свежего воздуха.

Советская литература изображает жизнь советского общества и её перспективы. Всеобщее уважение к человеческому достоинству, радость труда и радость жизни —

такова основная особенность, которая отличает советскую литературу от литературы буржуазной.

Современная советская литература уделяет большое место показу процесса совершенствования человека. Она отражает вместе с тем и другие проблемы и конфликты. Неправильно думать, что эта литература представляет интерес только для советского человека. Поскольку она рассказывает о создании новой культуры, она представляет большую ценность и для нас, для людей, которым каждый новый день приносит новые доказательства того, что капиталистическая культура пережила себя и стала смертельной опасностью для человечества.

«Ланд ог Фольк», ноябрь, 1951 год.

Фын Сюэ-фын, писатель (Китай)

Великий Горький — зачинатель и основоположник советской литературы и, следовательно, основоположник пролетарской литературы во всём мире. И каждый революционный и пролетарский писатель любой нации должен учиться у Горького, у советской литературы.

«Вэньбао», апрель, 1953 год.

Андрэ Вюрмсер, писатель (Франция)

Максим Горький — замечательный писатель, учивший доброте, честности, верности; не отделяя себя как писателя от борца-революционера, он всегда уважал писательское ремесло.. Он был человеком чести, который с высоко поднятой головой произнёс слова, проникнутые полным сознанием достоинства человеческой личности: «Человек — это звучит гордо!»

«Леттр Франсез», январь, 1953 год.

Сигэхару Цубои, писатель (Япония)

Маяковский был борцом за агитационное искусство, в его произведениях прекрасная форма сочеталась с острым политическим содержанием. Это ярко выражено в его знаменитых поэмах «Облако в штанах», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Во весь голос» и других...

Я думаю, что в Японии можно ждать появления поэта, похожего на него, что обязательно возникнет движение, которое выдвинет из армии поэтов демократического лагеря такого Маяковского...

«Синнихон Бунгану», март, 1953 год.

Станислав Нейманн, поэт (Чехословакия)

Наши поэты понимают: идти вперёд — значит учиться у Маяковского. Это не значит писать, как Маяковский, но жить и работать, любить и ненавидеть, познавать будущее, как Маяковский. Не переносить слепо поэтику Маяковского в нашу поэзию, но создать чешскую поэтику, чешское выражение борьбы за социализм. В этом смысле нельзя сейчас создавать социалистическую поэзию, не учась у Маяковского.

«Творба», апрель, 1950 год.

Софья Сикорская, писательница (Польша)

Величие Маяковского заключается в том, что в Советской стране ему всё было близко: он воспевал пафос революции и славил её вождей, верил в окончательную победу социализма, едкой сатирой бичевал врагов молодой республики. Вместе с тем Маяковский проявлял необычайное внимание к обычным трудовым будням молодой республики, отмечал повседневные её успехи, в которых он видел борьбу за будущее Человека. Маяковский — истинный друг советского народа в его борьбе и труде.

«Весь», октябрь, 1950 год.

В. Марчел Бреслашу, поэт (Румыния)

Чему я научился у Маяковского? Многому. Очень многому. Я могу прямо сказать — всему.

Во-первых, и это самое главное, я понял, что поэзия не забава, не «эстетическое обыгрывание» случайных красивых слов и фраз, а орудие борьбы. Отсюда мне стали понятны и те темы, за которые надо бороться, и методы их «поэтической обработки».

Во-вторых, Маяковский доказал мне своим примером, что поэт — это член коллектива. Я понял, для кого и против кого пишу, понял, как надо писать. Пока ещё силы мои не окрепли, но это не пугает меня, потому что Маяковский учит, что успеха добивается тот, кто не останавливается на полдороге...

«Флакэра», апрель, 1950 год.

Людвиг Гженевский, критик (Польша)

Советские писатели оказались достойными продолжателями идей Горького.

Продолжение традиции Горького Александром Фадеевым — результат общности мировоззрения, и это лучше всего свидетельствует о непрерывном развитии социалистического гуманизма. Левинсон из «Разгрома», партийные работники, такие, как Проценко, Шульга и Валько из «Молодой гвардии», группа молодых комсомольцев — это всё герои, которые в сознании советского читателя перекликаются с Павлом Власовым.

...Александр Фадеев является одним из талантливейших представителей оптимизма и веры в человека. Сегодня, в период усиленной борьбы за мир, в период разоблачения поджигателей новой войны, голос автора «Молодой гвардии», борющегося за те идеалы, за которые бились его герои, громко звучит во всём мире.

«Новая культура», апрель, 1951 год.

Дорле К., читательница (Германия)

Я горячо благодарю Фадеева за его книгу, которая показывает нам, молодому немецкому поколению, борьбу советской молодёжи во время фашистской оккупации. Моё восхищение этими молодыми людьми, неуклонно и бесстрашно ведущими свою подпольную борьбу, переходит в глубокое уважение и любовь с того момента, когда они попадают в лапы извергов-фашистов. Мои щёки горят от стыда оттого, что многие немцы потеряли человеческий облик и вызвали своими зверствами отвращение у всех честных людей земного шара.

Молодые советские патриоты отдали свои жизни за свободу и лучшую жизнь всех народов. Их доблестный пример зовёт нас на борьбу за мир, за мирное строительство, за дружбу народов и социализм.

И ещё одному научила меня эта прекрасная книга — быть непримиримой и твёрдой по отношению к тем, кто готовит новую войну.

Из письма, 1952 год.

А. Красневский, член Союза польской молодёжи (Польша)

Я помню, что, когда я закрыл книгу, в окно вместе с рассветом проникали звуки проснувшейся Варшавы. За ночь я «проглотил» книгу Николая Островского «Как закалялась сталь».

Я напрасно ишу слова, которые могли бы выразить значение этого романа Островского в моей жизни. Победа писателя измеряется силой воздействия его книги на читателя, а в чём же, как не в поступках, может выразиться это влияние!

...Советские книги дают ответ на самый главный для зетэмповца (члена Союза польской молодёжи. — *Примеч. ред.*) вопрос: каким должен быть комсомолец — молодой коммунист? Прочитав книгу Островского, я ответил: как Павел Корчагин. Позднее моё представление о советском молодом человеке расширилось — я узнал Ковшова, Вадима Белова...

Я прочитал пока ещё мало советских книг. Но я уверен — после моего знакомства с Корчагиным и Ковшовым, — что дальнейшее знакомство с новыми советскими книгами даст мне новые моральные богатства. Поэтому сегодня я принёс пачку новых советских книг в свою домашнюю библиотечку...

«Попросту», ноябрь, 1953 год.

Ион Калугэру, писатель (Румыния)

Алексей Толстой — это великий русский талант, который носит печать национального гения, писатель, знающий русского человека, а не схему, во всех его проявлениях и мслочах, его поведение и реакцию во всех случаях жизни. Но книги Толстого — это не только здание, в котором каждая мелочь важна и нужна. Это политическая точка зрения, которая охватывает эпоху, точка зрения великого патриота, для которого решающую роль играют в конце концов моральные категории, а в истории русского народа всегда стояли на первом плане стремление к духу высшей справедливости, постоянная борьба за более справедливое общество.

«Контемпоранул», 1947 год.

Ганс Кирк, писатель (Дания)

Величие Шолохова заключается в его эпическом таланте, в его правдивости. У него то же спокойное дыхание, что и у Льва Толстого в «Войне и мире». В его романе «Поднятая целина» описан трудный период построения русского общества, переход от единоличного хозяйства к коллективному. Дело шло о жизни великой рабочей республики. Обо всех событиях рассказывает Шолохов в живописных главах с таким человеческим юмором и сочувствием, равному которому трудно найти. Если какой-нибудь писатель сегодня заслуживает Нобелевской премии, то это Шолохов, но он её не получит, так же как её не получили Горький и Нексе.

«Ланд ог Фольк», ноябрь, 1947 год.

Ганс-Георг Мейер, студент (Германия)

Я восхищаюсь скромностью и силой воли Антона Семёновича Макаренко, который служит примером для меня, как и для многих других немцев, работающих в области воспитания человека.

Я готовлюсь стать научным ассистентом университета имени Карла Маркса (Институт публицистики) в области публицистики для детей. Поэтому мне приходится изучать все материалы, которые могут служить теоретическим оружием для этой работы: произведения по теории литературы и методике журналистики и прежде всего работы по марксистской педагогике. Среди них первое место занимают произведения А. С. Макаренко.

Из письма, апрель, 1954 год.

Каждый большой поэт прежде всего боец революции. Тихонов с юных лет понял, что такое революция. Двадцати трёх лет он ушёл добровольцем в Красную Армию, принимал участие в боях против белых. С этого времени Тихонов становится последовательным борцом за дело коммунизма. Боевая жизнь, открытая душа, безграничная любовь к правде претворены в его мужественных и прекрасных стихах. Стихи поэта, пришедшего с поля боя, всегда будут звать нас вперёд, всегда будут давать нам неисчерпаемые силы.

В последние годы Тихонов отдаёт все свои силы и способности делу борьбы за мир.

Цикл стихов «На Втором конгрессе сторонников мира» написан после Варшавского конгресса, в работе которого Тихонов принимал участие. В этих блестящих стихах поэт призывает людей встать на защиту мира; когда мы читаем эти вдохновенные строки,

то не можем не откликнуться на его призыв, потому что мысли поэта, его чувства — это мысли и чувства миролюбивых народов всего мира. Он пишет о наших надеждах и чаяниях — и в этом заключается огромная сила воздействия стихов Николая Тихонова на читателя.

Из редакционной статьи в «Гуанминжибао», январь, 1953 год (Китай).

С. У. Усоро, читатель (Нигерия)

Мне представился случай познакомиться с журналом «Советская литература». Напечатанные в нём произведения произвели на меня огромное впечатление. Советский образ жизни с каждым днём становится всё более популярным среди определённой части молодёжи нашей страны. Регулярное чтение этого журнала позволило бы ближе узнать богатую и разнообразную советскую литературу.

Из письма, февраль, 1954 год.

Патриция С., читательница (Англия)

Я прочитала «Бурю», как только она вышла из печати, но когда я услышала о новом произведении Эренбурга, я тотчас же снова перечитала его превосходную эпопею о войне, чтобы суметь лучше понять его последующее произведение.

«Девятый вал» произвёл сильнейшее впечатление как на моего мужа, так и на меня.

Я жила в Соединённых Штатах и хорошо знаю, какая там обстановка и условия жизни. Поэтомую меня особенно интересовали те части книги, где речь идёт об Америке. Я со всей справедливостью могу сказать, что писатель изображает американскую жизнь и американскую политику необычайно верно и убедительно. Особенно своевременно и удачно он показывает оба случая провокации, столь типичные для послевоенной американской жизни. Они тотчас же вызывают ассоциацию с делом Макги, Семерых из Мартинсвилля, а также с многочисленными процессами «русских шпионов», инспирированными правящими кругами США с целью обмануть народ.

Американская жизнь изображена так удивительно точно, что читатель просто поражён тем, что автор книги — советский, русский. Эренбург настолько верно уловил американскую атмосферу, его американские персонажи настолько жизненны, что кажется, будто читаешь произведение прогрессивного американского писателя... То, что ему удалось так успешно написать о США, — замечательное доказательство многосторонности и честности советской литературы.

Из письма, июль, 1952 год.

Пьер Дэкс, писатель (Франция)

Для французского читателя роман Федина — источник чудесных, увлекательных открытий; в нём раскрываются судьбы десятков людей, которые Федин сумел изобразить так, что они остаются незабываемыми...

Книги Федина призывают нас задуматься о совершенном мастерстве в искусстве писателя. В этом смысле «Первые радости» и «Необыкновенное лето» служат весьма высоким свидетельством о рождении нового искусства.

История Кирилла Извекова читается с таким же увлечением, которое можно испытать, например, читая историю Фабрицио дель Донго. Но то, что было потрясением мира, в котором рушились мечты революции, описанные в «Пармском монастыре», уступает здесь место грозному потрясению мира благодаря торжеству надежды, благодаря победе свободы.

«Леттр Франсез», декабрь, 1952 год.

Роберт Штайлнер, читатель (Румыния)

Я работаю директором Дома культуры имени Василия Роанты в г. Сибиу, а поэтому, конечно, получаю ваш журнал «Советская литература». Получаю я его, так сказать, первым и должен сказать, что читаю его от начала до конца. В библиотеке журнал буквально переходит от одного читателя к другому, он всегда на руках. И каждый раз, когда он возвращается, я охотно выслушиваю мнения читателей. Особенно хвалят короткие рассказы. Я это мнение поддерживаю на основании собственного опыта.

На меня произвела сильное впечатление повесть Фёдора Гладкова «Вольница». Автор так ясно и убедительно изобразил жизнь рыбаков в прошлом, что чтение захватывает и повесть надолго остаётся в памяти.

Кроме журнала «Советская литература», в нашей библиотеке есть, конечно, и произведения других русских и советских писателей, и я должен сказать, что на эти книги также очень большой спрос. «Бурю» Ильи Эренбурга найти в библиотеке можно очень редко: едва только одни её возвратят, как другие немедленно снова забирают. Очень большой популярностью пользуются произведения Горького и прежде всего его роман «Мать». Молодёжь очень охотно читает стихи Пушкина.

Не меньшим успехом пользуются русские пьесы, которые ставят не только профессиональные артисты, но и коллективы самодеятельности. Недавно школа механизации сельского хозяйства в Сибиу поставила пьесу Островского «Лес».

Мы очень многому учимся на произведениях советских писателей — стихи ли это, рассказы или пьесы. Герои, изображённые в них, являются для нас примерами, достойными подражания, они вселяют в нас силу, совершенно необходимую для построения социализма в нашей стране.

Из письма, сентябрь, 1954 год.

Здислав Анджеевский, критик (Польша)

Творчество Леонида Леонова, советского писателя старшего поколения, новеллиста, журналиста и драматурга, отмеченного за пьесу «Нашествие» Сталинской премией, отличается именно такими чертами, которые придают его сверкающей, полной оригинальных приёмов прозе необыкновенную силу воздействия на читателя. Роман «Барсуки» является лучшим этому доказательством. Хотя этот роман написан в 1924 году, он до сих пор не потерял свежести, сочных красок и проникновенности в изображении человека.

«Курьер подзённый», ноябрь, 1952 год.

Сунь Цзян-бин, критик (Китай)

Источники поэзии Исаковского — чувства народа и устное народное творчество. Поэт овладел конструктивными приёмами, характерными для народных песенных форм, и обогатил их. Язык Исаковского — разговорный, яркий и свежий. Поэт тесно связан с народным творчеством и охотно использует его в своих произведениях, но ему чужды стилизация и псевдонародные мотивы. Произведения, написанные Исаковским в годы Отечественной войны, показывают героизм советского народа на фронте и в тылу, горячую любовь народа к своей родине, ненависть к врагу и веру в окончательную и полную победу...

Этот сборник стихотворений поведёт нас на борьбу с врагом, на самозабвенный труд, он будет вдохновлять нас в нашем творчестве.

«Гуанминжибао», февраль, 1953 год.

Тибор Мераи, писатель (Венгрия)

Мы, венгры, видели, знаем и никогда не забудем героев этой поэмы — советских солдат. Когда мы, освобождённые из убежищ, тюрем, лагерей смерти, вышли на свет, то впервые увидели их лица, лица людей другого мира, его первых вестников. С тех

пор в нас живёт желание ещё глубже и ещё лучше узнать их. Мы не раз с тех пор спрашивали самих себя: а какими же увидели освободители нас, освобождаемых?

Книга О. Гончара «Знаменосцы» отвечает именно на этот вопрос...

Привлекает точность, с которой Гончар описывает исторические события, знание автором Будапешта. Но Гончар — не только точный хронограф событий, он, как всякий настоящий писатель, учит, воспитывает своей книгой наш народ. Венгерские писатели должны учиться у него партийности, простоте и правдивости социалистического реализма. А венгерский народ на основе этого романа должен учиться любить тех, кто освободил его.

«Сабад неп», апрель, 1950 год.

Кан Чжи, критик (Китай)

Мы любим книги советских авторов, в которых изображается жизнь социалистического государства и даются бесконечно прекрасные перспективы коммунистического общества. В этих книгах мы видим наш завтрашний день. Читая их, мы переживаем радость социалистического бытия, радость советского человека, преобразующего природу...

При чтении книги Павленко «Счастье» читателя охватывает чувство радости: как прекрасна жизнь!

Дорога жизни извилиста, различные препятствия преграждают её и мешают движению вперёд. И советские писатели не обходят молчанием трудности, наоборот, они показывают, как советские люди под руководством партии большевиков преодолевают их, становятся творцами жизни и преобразователями природы.

...Павленко видит новые явления, которые произошли в жизни, он понимает советскую действительность, понимает, чем и как живут советские люди, столкнувшиеся с новыми трудностями. И советский человек, Человек с большой буквы, как говорил Горький, остаётся в строю, несмотря на тяжёлые физические и душевные раны. Эти люди воспитывались и росли при социалистической системе, им чужд индивидуализм; вдохновлённые идеями коммунизма, они изменяют облик природы, и никакие силы не могут им помешать в этой прекрасной борьбе.

«Вэньбао», ноябрь, 1951 год.

Иштван Шимон, поэт (Венгрия)

В образе Тёркина Твардовский создал героя, убедительно воплощающего черты советских солдат — сознательных, отважных, презирающих смерть воинов. Весёлая, бодрая манера повествования отражает тот оптимизм, ту веру в будущее, которые отличали советского бойца даже в самые трудные, самые критические моменты. Ненависть Василия Тёркина, простого колхозника, к врагу и почти детская любовь, привязывающая его к родному народу, перенесшему немало страданий, напоминают нам тех солдат Советской Армии-освободительницы, которые ещё во время тяжёлых боёв отдавали свой хлеб нашим детям...

«Василия Тёркина» перевёл на венгерский язык Ласло Кардош. Его труд принадлежит к лучшим достижениям нашей переводной литературы. Переводчик стремился с максимальной точностью передать стиль Твардовского, глубоко уходящий своими корнями в народную речь... Он перевёл поэму прекрасным поэтическим языком, избегав довольно часто встречающейся в переводах языковой серости.

«Сабад неп», январь, 1953 год.

Джек Линдсей, писатель (Англия)

Чем глубже знакомишься с развитием советского романа, сравнивая его с состоянием литературы Англии и Америки за последние тридцать лет, тем сильнее поражаешься размаху, разнообразию и богатству форм советской литературы и тем ост-

рей ощущаешь упадок английского и американского романа. Дело не в том, что в Англии и Америке мало талантливых писателей; там одарённым писателям приходится вести тяжёлую борьбу, изнемогая под невыносимым бременем загнывающего общества, и они не могут полностью реализовать свои потенциальные возможности. В Советском же Союзе происходит постоянное обогащение литературы, и каждое новое достижение создаёт предпосылки для дальнейшего неуклонного роста. В процессе этого роста литература, черпая из источника досоциалистического культурного наследия, из сокровищницы творчества национальных классиков, в то же время захватывает всё новые области, затрагивая проблемы, которые либо вовсе игнорировались литературой предшествующих эпох, либо рассматривались ею лишь в отдельных аспектах.

В послевоенных советских романах новая роль процесса труда занимает всё больше места, становится основой изображения советского общества в его развитии, и ни один роман не отражает этого так ярко, как «Далеко от Москвы».

История борьбы за нефтепровод чрезвычайно интересна сама по себе, но роман не был бы произведением социалистической культуры, если бы каждая сторона технической битвы не была показана в человеческом аспекте, как возрождение жизни, как острая борьба между отдельными людьми, наконец, как борьба между старым и новым в сознании людей. В конечном итоге мы являемся свидетелями не только крупной победы, одержанной в области социалистического строительства, но и победы, одержанной в разрешении внутреннего конфликта: люди возрождаются, поднимаются на новые высоты, в них появляются новые силы.

В этом — новаторство романа Ажаева, великая новизна всей советской литературы. «Таймс литерери саплемент», стремясь умалить достоинства романа «Далеко от Москвы», заявляет, что персонажи Ажаева — это типы, а не индивидуализированные образы. Таким образом, критик «Таймс литерери саплемент» обратился к одному из аспектов произведения Ажаева — умению автора показать людей в широком плане, — черта, почти совершенно утраченная нашей литературой, — и квалифицировал это крупное достижение романа как ошибку. Но в действительности подлинная типичность образов Ажаева достигается именно тем, что они обладают ярко очерченной индивидуальностью.

«Лейбор мансли», ноябрь, 1951 год.

Фридрих Шиндлер, д-р (ГДР)

Поучительное значение увлекательного, знакомящего нас с подлинно живыми образами различных людей романа Лео Киачели «Гвади Бигва» состоит в том, что книга эта учит нас распознавать врагов народа, разоблачать всегда и везде их преступную деятельность. Этот роман учит нас также бережному отношению к тем людям, ошибки и заблуждения которых ещё мешают им вступить на новый путь. Нужно помогать им и оказывать доверие. Только этим можно дать им возможность исправиться.

«Тоглихе рундшау», март, 1952 год.

Ионикие Олтяну, критик (Румыния)

Весь роман Кербабаева «Айсолтан из страны белого золота» является гимном мирному труду и борьбе туркменского народа за мир, трогательной поэмой любви и труда. Обаятельные образы Айсолтан и Бегенча остаются надолго в памяти читателей. Характерна национальная форма романа, проявляющаяся в основном в языке действующих лиц. Язык героев Кербабаева исключительно пластичен, красочен, изобилует национальными пословицами и поговорками.

«Ромыния либерэ», июль, 1952 год.

Макс Г., рабочий (Австралия)

Прежде всего я должен извиниться за то, что пишу по-английски, но, к сожалению, я не знаю вашего языка. Я пишу вам, прочитав ваше стихотворение «Шапка по кругу», опубликованное в № 5 «Советской литературы», который я только что получил. Переводчик прекрасно поработал над этим стихотворением, и когда я читал его своим друзьям, они думали, что оно принадлежит австралийцу. По форме это стихотворение кажется скорее австралийским, чем английским, а разница между ними есть. Австралийский писатель XIX столетия Генри Лоусон написал рассказ «Шапка по кругу», и если бы он написал стихотворение на ту же тему, как он делал со многими другими своими рассказами, оно было бы очень похоже на ваше по трактовке темы и форме стиха.

Среди австралийских рабочих передача шапки по кругу — глубоко укоренившаяся традиция, и я знаю несколько случаев, когда европейцы, переселившиеся в нашу страну, бывали глубоко тронуты, получив собранные таким образом деньги. Как секретарь цехового профсоюзного комитета на своём предприятии я обычно провожу сбор «Шапка по кругу», и редко день выдачи зарплаты проходит без такого сбора в пользу кого-нибудь или чего-нибудь. Если кто-нибудь заболит, у кого-то украдут зарплату или кто-то уходит с работы или женится, если мы принимаем участие в забастовке где-нибудь за тысячу миль, — шапка идёт по кругу.

Я помню, как на Первой австралийской конференции сторонников мира в Мельбурне, на митинге, на котором присутствовало пятнадцать тысяч человек, мы передали шапку по кругу и собрали две тысячи фунтов стерлингов.

Я по профессии электромонтёр, работаю в железнодорожных мастерских. Мне 26 лет. Уже год с лишним я пытаюсь писать стихи и рассказы и имею некоторые успехи. Здесь, в Мельбурне, существует группа молодых писателей, которая называется «Эврика». Мы пытаемся практически решать проблему социалистического реализма, и «Советская литература» оказывает нам в этом большую помощь. Рабочее движение нуждается в десятках писателей, и я рад отметить, что оно начинает их выдвигать. В нашей стране рабочий класс постоянно испытывает натиск со стороны капиталистов и их агентов в нашей собственной среде. В момент, когда я пишу это письмо, началось судебное следствие против трёх коммунистов, которым предъявлено обвинение в крамоле...

Я надеюсь, что вы сможете ответить на это письмо, а пока желаю ещё большей силы вашей несомненно одарённой руке.

Из письма А. Суркову, август, 1953 год.

Сидней Финкелстейн, критик (США)

Советские романы о второй мировой войне, одним из лучших образцов которых служит «Весна на Одере», представляют собой новое и свежее явление мировой литературы. Особенно ново в этих романах по сравнению с военной литературой прошлого то, что они проливают свет на подлинные силы, движущие историю. Политическая проникательность, живое воспроизведение характеров и ситуаций создают ясность, невысказанную в предыдущие эпохи.

Эти романы дают то, чего не может, разумеется, дать исторический труд. Рисуя типические характеры живых людей, они создают своего рода «биографию» масс, которые сами являются решающим фактором в историческом процессе. Перед читателем встают картины душевной жизни людей с её конфликтами и в её развитии; мы узнаём об одном из наиболее решающих периодов новейшей истории через посредство людей, формируемых событиями и, в свою очередь, влияющих на ход истории.

«Мэссес энд мейнстрим», апрель, 1954 год.

Недавно мы закончили в нашем клубе коллективное чтение вашей книги «Повесть о настоящем человеке». Ваша книга пользуется очень большим успехом у нашей молодёжи.

Среди молодёжи нет таких, кто не знал бы вашей книги и не восхищался бы её героем, который поражает своим беспримерным героизмом и силой любви к родине.

В вашей книге нет того ложного блеска, который встречался в приторно-сентиментальных книгах наших довоенных писателей, а также писателей капиталистических стран.

В каждом эпизоде вашей книги можно найти поучительный для себя пример. Каждая страница вашей книги говорит о красоте жизни, если она посвящается благородному делу. Поступки героев вашей книги просты и естественны, как просты и их слова. В книге нет криминальных интриг, на которых воспитывается молодёжь в капиталистических странах.

После прочтения вашей книги в нашем клубе возникла продолжительная дискуссия. Мы решили написать вам коллективное письмо и поделиться с вами своими впечатлениями. Мы хотели бы ещё очень много рассказать вам, но знаем, что вы очень заняты, и не хотим отнимать у вас много времени.

Члены актива нашего клуба были бы счастливы, если бы вы смогли выбрать минутку и написать нам несколько слов.

С искренним уважением
актив клуба в Конрадовой

*Смалковская А., Мальхорек, Герасимович, Горчак, Кислинский,
Головецкий, Келеборская, Ионсон и другие (Польша)*

Из письма Б. Полевому, ноябрь, 1953 год.

Р. Фридман, литератор (США)

«Свет в Коорди» — первый и единственный роман об Эстонии, который мне довелось прочитать. Поскольку об Эстонии и других прибалтийских республиках писалось меньше, чем о многих других, более отдалённых и недоступных местах, эта книга представляет значительный интерес для читателей хотя бы в силу необычности темы. Но роман Ганса Леберехта значителен и по многим другим причинам. Он написан необычайно просто и создаёт яркие, живые образы, чем-то схожие с персонажами книг Нексе и других скандинавских писателей, пишущих о жизни простых людей.

Впрочем, «Свет в Коорди» — это не сказание о природе и смене времён года. Напротив, несмотря на спокойствие и ровность повествования, этот роман отражает весьма значительные явления. «Свет в Коорди» рассказывает о том, как фермеры одной части Эстонии пришли — путём испытаний и ошибок, но по доброй воле — к выводу, что разрешение их общих проблем лежит через объединение в колхозы.

О том, как социализм делает жизнь лучше, а нового человека социалистического общества — счастливее, просто, но с большой убедительностью рассказывает «Свет в Коорди».

«Дейли уорнер», июль, 1951 год.

«Буря» — трилогия крупнейшего латвийского писателя Вилиса Лациса — является широким полотном, рисующим бурную историю латвийского народа... Главным героем произведения Лациса является народ. Глубокий драматизм и эпический размах романа «Буря» имеют своим источником умение писателя показать борьбу нового со старым.

Из редакционной статьи в газете «Вьяца Синдикале», декабрь, 1952 год (Румыния).

Благодаря реалистическому изображению расслоения казахского и русского общества Сабит Муканов в своём романе «Богаоз» сумел с исторической правдивостью изобразить причины и судьбы казахских народных движений и революций, с одной стороны, и контрреволюций — с другой. Писатель ярко показал национальную политику Советского государства и противопоставил её патриархальной программе казахской ли-

беральной буржуазии, представителем которой в повести является обрусевший казах Базархан. Муқанов умело показал, почему казахские массы решительно выбрали программу большевистской партии.

Роман Муқанова — яркая картина событий, превративших отсталую когда-то страну в одну из передовых советских республик, событий, которые обусловили быстрый расцвет казахского народного хозяйства, науки и культуры. Сегодня Советский Казахстан вместе со всеми народами Советского Союза участвует в строительстве коммунизма.

Из редакционной статьи в журнале «Попросту», декабрь, 1951 год (Польша).

Булье, католический аббат (Франция)

...Я хочу изложить некоторые размышления морального порядка о персонажах «Жатвы», о том, как они учат нас понимать жизнь в Советском Союзе, и о чувствах, вдохновляющих граждан этой страны...

Перед нами советский человек, он обращается к нам с каждой страницы романа. Эти люди отличаются от нас не потому, что называются по-другому, ибо они также испытывают все человеческие страсти: любовь, честолюбие, гнев, ревность...

Но советский человек не безоружен в столкновении с природой, он не предстаёт перед ней с голыми руками. И если «Жатва» — эпопея труда (а она является таковой), то как она отличается, например, от «Мужиков» Реймонта! Здесь план господствует над трудом, поддерживает и воспекает его. А план — это сельскохозяйственная наука, проникающая к каждому жителю деревни, чтобы воспитать и преобразовать его... Каждый знает, что участвует в общем деле покорения природы вместо повиновения ей...

В психологии колхозников прежде всего поражает общее чувство уверенности. Приезжавшие из Москвы люди говорили мне, что это «страна людей без страха». Действительно, когда видишь жизнь, то замечаешь, что каждый чувствует себя ограждённым от единственного непоправимого бедствия — одиночества...

Атмосфера романа состоит из лойяльности, мужества и надежды, а это здоровая и животворящая атмосфера. Перед нами люди особого закала. Не то чтобы им не хватало «человеческой нежности». Они проникнуты мыслью о прогрессе: превзойти себя, превысить норму, превысить план, итти скорее вперед, опередить будущее — создать грядущий век, сделать его прекраснее...

В зеркале этого романа отражена душа новой России... Такими они себя видят, такими хотят быть...

«Леттр Франсез», октябрь, 1953 год.

Мигель Анхель Астуриас, писатель (Гватемала)

Для писателей Латинской Америки книга Галины Николаевой имеет огромное значение. Она говорит о возможности затрагивать в художественных произведениях всеобъемлющие темы и заканчивать книгу развязкой совершенно иной, чем это было принято раньше. Такие решения возможны также и для писателей Латинской Америки...

«Жатва» — роман, который отвечает интересам общества, отличного от нашего, где изменение условий труда порождает новую цивилизацию, новый мир, где чувства людей определяются не только свойствами отдельного индивидуума, но и его местом в коллективе. Всё это и делает роман, не говоря уже обо всех его других качествах, столь глубоко человечным. За последние годы писатели латиноамериканских стран тоже предприняли поиски нового решения проблем, исходя из экономических условий их стран. Можно было бы привести множество произведений наших национальных литератур, ставших всемирно известными. И, однако, какое расстояние отделяет этих писателей от автора «Жатвы»! В романе Галины Николаевой действующие лица передают глубину чувств народа, идущего вперед, строящего новое общество. Герои романа Николаевой — люди нового типа.

«Жатва» потрясла меня больше, чем какая-либо другая советская книга, не только своим художественным мастерством, но и тем, что в ней показан новый, неизвестный нам мир...

«Леттр Франсеэ», август, 1953 год.

Патрик Голдринг, писатель (Англия)

Давно не читал я таких волнующих и интересных рассказов, как рассказы Б. Полевого, напечатанные в последних номерах «Советской литературы». Борис Полевой известен в Англии своей книгой «Повесть о настоящем человеке». Теперь Полевой написал ряд хороших, простых, непосредственных рассказов о людях и эпизодах, которые он видел на строительстве Волго-Донского канала — стройке, где тысячи советских граждан воздвигают великое здание будущего и своей страны...

В сегодняшней Англии многие из рассказов Полевого совсем не были бы признаны рассказами. Написанные англичанином и предложенные какому-либо журналу, они были бы отвергнуты не только из-за содержания, ибо эти рассказы повествуют о надеждах, усилиях, о честном труде и обо всём том, что вызывает улыбки извращённых английских читателей, но и из-за своей литературной техники.

Это рассказы нового типа, соответствующие новому типу людей, которые их читают, новому типу общества, которое их рождает. Автор не следует рабски за художественными приёмами английского и американского буржуазного рассказа и не пытается наливать новое вино в старые мехи. Эти рассказы обладают своей собственной, новой, более простой и в то же время более совершенной литературной техникой... Читать их после пустого вздора, преподносимого нам сегодня в Англии, это всё равно, что съесть кусок мяса после того, как тебя всё время кормили опилками. Пусть педанты спорят относительно того, являются ли эти рассказы новеллами, или очерками, или фельетонами, или ещё чем-нибудь другим. Самое важное в том, что они волнуют читателей и доставляют им удовлетворение.

«Дейли уоркер», август, 1952 год.

Генрик Ворцель, писатель (Польша)

Антонов — мастер коротких рассказов о труде, чувствах и переживаниях советских людей. Он умеет простыми, сжатыми приёмами и в то же время удивительно трогательно представить внутреннее богатство и красоту свойственных советским людям черт характера. Он создаёт законченные, интересные, очень близкие читателю образы. Часто говорит о личных чувствах действующих лиц, о любви и дружбе, показывает, как при социалистической стройке чувства насыщаются новыми ценностями, как они сильно связаны с отношением человека к жизни и труду.

«Весь», июнь, 1953 год.

Пенчо Данчев, критик (Болгария)

Мне пришлось услышать ценные мысли о советской литературе не на совещании писателей, не в университетской аудитории, а на совещании женщин — передовиков сельского хозяйства Пловдивского округа. Все женщины с одинаковым энтузиазмом говорили и о своих небывалых производственных достижениях и о тех советских книгах, по которым сегодня они внимательно изучают опыт советских передовиков — Героев Социалистического Труда. Известная всей стране девушка-бригадир Крыстанка Ендрева сказала: «В зимние ночи мы всей бригадой читаем советские книги, с большим вниманием изучаем опыт виднейших Героев Социалистического Труда сельского хозяйства. Не отрываясь, одним дыханием мы прочли такие романы, как «От всего сердца» и «Жатва», и дали себе слово быть такими, как Груня, как Авдотья, быть смелыми и работать неустанно, совершать такие же трудовые подвиги!..» Так говорила

Крыстанка, и её слова о самой великой литературе нашего времени звучали как откровение, как высокое и авторитетное утверждение.

«Литературен фронт», январь, 1953 год.

Дорогие друзья, хотя мы находимся далеко друг от друга, нам всё же кажется, что мы знакомы. Ведь столько читателей приходит к нам, говоря: «Найдите мне Шолохова», «Где же Фадеев?», «Дайте мне Николаеву».

Мы, библиотекари, гордимся тем, что в своей скромной работе мы можем быть как бы связными, посредниками между писателем и обществом. Нам радостно, когда, например, приходит крестьянин, член сельскохозяйственного кооператива или единоличник, и просит «Поднятую целину» Шолохова, бывший безработный — «Мать» Горького, ещё кто-то — «Бурю» Эренбурга, малыш из 3-го класса — Михалкова, тот, кто постарше, — Гайдара, и мы выполняем их желания.

Однако читателю мало книг, написанных давно, он хочет новых книг. Поэтому, дорогие друзья, пишите, пишите новые книги, пишите о радостной жизни в стране, «где завтра является уже вчерашним днём», где «Человек — это звучит гордо», об энтузиазме и героизме советских людей и об их каждодневной жизни. Польские читатели ждут ваших книг.

Товарищ Шолохов, члены наших сельскохозяйственных кооперативов с нетерпением ожидают появления второго тома «Поднятой целины»! Ждём ваших песен, товарищ Исаковский! А ваших книжек, товарищ Михалков, ждут дети... Ждём каждую вашу книгу.

Врублевский Ян, Филипковский Маркан, Рухатувна Тереса, Кондрат Ирмиорд, Свицдерская Мария, работники библиотеки (Польша)

Из письма, ноябрь, 1953 год.

Д Н Е В Н И К И С К У С С Т В

С. ГИАЦИНТОВА

★

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Вот я снова подошла к книжной полке. Подошла не только потому, что выдался час отдыха или захватили раздумья и сомнения, когда книга нужна, как воздух, как единственный способ «открыть дыхание» мысли, как друг и советчик...

Я стою у книжной полки, радуясь тому, что на ней так много хороших книг, а среди них и написанные советскими писателями за последние двадцать лет.

Нет, я не собираюсь писать обзор нашей литературы за два десятилетия. Это мне попросту не под силу.

Тем не менее я берусь судить о книгах. Пусть не как профессиональный литератор, но как читатель, как актриса, как режиссёр — берусь.

Мне хочется воспользоваться страницами «Нового мира», чтобы высказать свои раздумья о любимых (и нелюбимых) книгах, не боясь сказать, что мне нравится или не нравится, и если сказанное хоть чем-то, хоть тем, что это непосредственные впечатления читателя, заинтересует писателя и сослужит ему добрую службу, я буду сторичей вознаграждена за мой скромный труд.

Не сетуйте же на смещения во времени, не ищите строгой последовательности изложения в этой статье, которую правильнее назвать простым разговором; услышите в ней предельную заинтересованность в литературе обыкновенного советского читателя и артиста, который подошёл к своей книжной полке, где стоят его любимые вещи. Их много — этих хороших книг. В этом сочетании — много хороших книг — и есть для меня главный итог прошедшего двадцатилетия — между двумя съездами.

О некоторых книгах, по необходимости о немногих, я и хочу говорить сейчас. Хочу говорить о хорошем не потому, что у меня благодушное настроение, или потому, что съезд писателей представляется мне такими массовыми именинами. Я хочу сказать о хорошем, чтобы подчеркнуть, как оно важно для меня, как рядом с ним особенно нестерпимо плохое — плоское и неинтересное, лишённое красоты и истинной идейности.

С меркой самых высших образцов совершенства должны мы подходить к советской литературе, ибо не было ещё в мире такой эпохи, как наша, и искусство её должно быть соответственным. «Битвы революций посерьёзнее Полтавы и любовь пограндиознее онегинской любви...» Обязывают же писателей такие слова поэта, к которому мы все так привержены.

Не только обязывают, но и дают им путеводную нить. Могучее дыхание жизни сщущается в их произведениях тогда, когда они понимают масштаб времени, в которое мы живём, когда они пишут о том, что знают, о том, о чём они не могут не написать, что томит их и мучит, что зреет в них, быть может, годами, но зато потом выливается в произведение сильное и прекрасное.

Вераования писателя и его идеи, воплощённые в образы живые, полнокровные, пленяют и покоряют меня в Алексее Толстом, в его «Хождении по мукам».

Знаю, что я не оригинальна, но не могу не сознаться, что, когда я читаю книгу, я люблю кого-нибудь или ненавижу, спорю или соглашаюсь с автором или его героем, люблю думать и фантазировать за автора, идя намеченной им дорогой, а порой и сворачивая на какие-то другие тропинки... И всё это я нахожу в трилогии. Я люблю Дашу,

вижу, как она сидит, подперев кулачком свой девический, тонко очерченный подбородок, вглядываясь в лицо модного поэта, слышу её голос, который так меняется в речах, обращённых к Телегину на пустынном берегу моря, под блистающей синью небес на волжском пароходе, в холодной камерке Москвы двадцатых годов.. Я помню хруст ледка под ногами Кати и Даши, идущих на заседание по тёмной, заледеневшей Москве, на заседание, где так быстро, так жарко бьются сердца простых людей, щедро отдающих своё душевное тепло, свою правду и этим женщинам, ищущим и обретающим смысл жизни в её трудном, кровавом и возвышенном обновлении. Я вижу это обновление глазами Кати и Даши, в их жизни, в их поступках, и потому я верю в него, хотя никто мне не говорит слов: «обновление», «рождение нового».

Я сама рвусь вперёд за полётом души моих героинь (да, они уже стали моими, а не только А. Толстого), потому что я в них верю. А верю я в них потому, что автор, как хороший артист в новой роли, не просто сочувствует образу и объясняет его, а он становится этим образом, влезает, по Шелкину, в шкуру его и уже не Толстой, а Катя, Даша, Рошин говорят со мной, живут возле меня. А коль скоро свершается это чудо перевоплощения писателя в своих героев, приходит и второе чудо — главное чудо искусства в его выражении «вовне» — его заразительность.

Читатель заражается настроением книги, её духом; он живёт жизнью её героев: с ними плачет и смеётся, страдает, влюбляется, негодует — и всё это приходит потому, что в общем и частном, в целом и в деталях писатель правдив, чувство его горячо и непосредственно, форма, в которую он облакает своё создание, наиболее подходяща именно для данного произведения.

Вспомните детали «Хождения по мукам»: встречу на вокзале Телегина и Рошина, описание Махно, внешность отца, сестёр... Ведь так рассказать о таких вещах мог только человек, который всё это видел, не раз, а десятки, сотни раз передумал и перечувствовал всё это, знает этих недавних друзей, которые врагами встречаются на грязном вокзале, оказываются соседями по скамейке, могут мгновенно, буквально одним словом, погубить друг друга и сидят неподвижно, глядя прямо перед собой в одну точку, словно и не видя соседа. Благородство? Да, конечно. Интеллигентская нерешительность? Безусловно и она. Так что же, восхищаться или корить их? Не знаю, об этом следует подумать. Но, начав думать, ты прежде всего поймёшь, что и Телегин и Рошин не схемы, а живые люди, которые могли быть одновременно и благородны и нерешительны, как люди своего времени и своих социальных убеждений. Они развивались и трансформировались вместе со своей средой. И так шло развитие их личностей, их характеров.

Почему читатель задумается над всем этим (или ещё над чем-то своим, что ему — другому читателю — пришло на ум, читая трилогию)? Да потому, что описанное Толстым ярко, хватает за живое, в жизни наблюдало, подсмотрено и подслушано и воспринимается, как кусок подлинной жизни.

Сила слова — в том «видении», которого Станиславский добивался от каждого артиста. Здесь артист также может быть уподоблен писателю. Чувство артиста не будет заразительно, не подчинит себе зал, если он не видит того, о чём он говорит, так ясно, что вслед за ним то же самое увидит и зритель. Чем ярче, чем рельефнее видит писатель то, о чём он пишет, тем лучше это разглядит читатель. И мне кажется, что никто так не наделён этим «видением» романиста, как Михаил Шолохов.

Когда я читала «Тихий Дон» (а это было очень давно, но я помню роман так, как если бы я только что перевернула его последнюю страницу), меня поразило и потрясло именно это видение всего, о чём пишет автор.

Вы помните Аксинью, идущую за водой? Ничего особенного, самое простое, как сказал бы режиссёр, «физическое действие». Но сколько в нём женщины, её зазывности, её пленительного начала, её существа! И без всякой преднамеренности мне вспомнился Лев Толстой, описание родов Лизы, то, как она вскрикивала и стонала, то, как закусывала свою губку с милой родинкой, и то, как невозможно было понять, откуда у автора «Войны и мира» это проникновение в женскую природу... А между тем в этом описании не было никакого натурализма, а была правда жизни, психологическое видение писателем того, о чём он пишет, и потому мы этому верили и верим.

Я совсем не сравниваю Толстого и Шолохова и вообще не ставлю перед собой целей какого бы то ни было сравнительного анализа. Я просто говорю о своих ассоциациях, возникших тогда, при чтении Шолохова, а не сейчас, при разговоре о литературе.

Нет сомнения в том, что настоящая литература рождается из наблюдательности писателя, из накопления тысяч и миллионов впечатлений жизни, от внутренней потребности обобщить их через конкретизацию в отдельных образах — разных по своим живым свойствам, одинаковых по объёму, по силе впечатления, производимого на читателя.

Наблюдательность Шолохова бездонна. Именно, не необъятна, а бездонна. Не вширь, а вглубь уходят его жизненные наблюдения. И пусть формально «узок» круг его тем, ограниченных донским казачеством. Но об этом донском казачестве он знает столько и такое, чего никогда никто не знал, и, что ещё важнее, из этих, казалось бы частных, наблюдений одного края и одного слоя населения он выносит общечеловеческие наблюдения, он видит такие общечеловеческие черты и поступки, которые интересны, важны, необходимы читателю, людям, живущим не только в России, но и, скажем, в Китае.

Шолохову нет необходимости «переключаться на новую тему». Он будет писать о том, что рвётся из его души, о том, что он знает лучше всего, о том, в чём талант его найдёт наиболее полное выражение, — и тогда из-под его пера непременно выйдет то, что взволнует каждого человека. Взволнует именно тем, что, неся в себе черты национального искусства, черты современного, глубоко идейного искусства страны Советов, оно найдёт отклик в любом честном сердце.

Идея, тенденция у Шолохова почти всегда «лежит под третьим слоем», и это, с моей точки зрения, хорошо. Хорошо потому, что, пронизывая и одухотворяя всё произведение, она не выпирает из него, а воспринимается опять-таки через конкретные образы и их действия.

Когда же Елизар Мальцев, например, вкладывает в уста своей Груни выспренные речи о скромности, то это получается не только не скромно, но и неубедительно: русскому человеку, а советскому наипаче, скромность свойственна, как дыхание. Родион зазнался? Это, конечно, очень плохо. Но противопоставьте этому грустному факту простые мысли, совсем обыденные «физические действия» других персонажей — мысли и действия, изнутри наполненные скромностью человеческой, — и Родион будет посрамлён.

Естественность — первое требование к сценическому поведению артиста и к поведению героя литературного произведения. Логика жизни, последовательность (не упрощённая, а соответствующая жизненной правде, когда порой человек «взрывается») и совершает поступки, казалось бы, противоречащие его человеческой основе), естественность поведения героя одинаково дороги нам и в книге и на сцене. И этим мне дорог Константин Федин.

Его люди необычайно естественны и потому убедительны. С ними можно не соглашаться, их можно презирать или жалеть, но зато как сильно, как горячо можно и любить героев Федина!

У каждого из нас есть своё представление о настоящем писателе, и для меня лично это представление сливается с творческим образом Федина, который обладает, пользуясь выражением Белинского, «всеми средствами романиста: талантом, образованностью, пламенным чувством и опытом лет и жизни». У него огромная культура ума, языка, чувства. У него нет вульгарных, упрощённых мыслей, слов, эмоций. И у него нет той нарочитой красоты, тех «украшательств», к которым прибегают люди, бессильные создать произведение истинно красивое, красивое тем более, чем более оно правдиво и по-настоящему художественно.

Есть ещё одно обстоятельство, которое делает для меня необыкновенно дорогим роман Федина: его любовь к театру, понимание сложности всепоглощающего труда сцены. Никто ещё не смог у нас так рассказать об «одержимости театром», как это сделал Федин, раскрыв судьбу Аночки — от её первого детски доверчивого восторга на балаганах до её превращения в большую актрису, жизнь и творчество для которой — синонимы, а жить, существовать, дышать, играть на сцене — это всё одно и то же...

Читатель-артист находит у Федина глубокое, трогательное его понимание природы и души человека, посвятившего себя театру; читатель не артист, помимо этого, находит в романе и познавательный материал — исторически точный и окрылённый рассказ о большом искусстве, требующем от человека предельного напряжения и полной свободы, строжайшей самодисциплины и безграничного полёта фантазии.

И потом, с каким истинным изяществом большой литературы описан им каждый эпизод, каждый персонаж (разумеется, уже не только в мире сцены)!

Посмотрите, с каким умом, с каким тонким знанием человеческих слабостей, ещё не сформировавшейся женской психологии ведётся рассказ об истории замужества Лизы Мешковой; с какой глубокой симпатией писатель представляет нам Кирилла, как последовательно, жизненно логично развивается этот характер, как он мужает и закаляется в горниле революций, в том самом горниле, где расплавляется и оказывается шлаком мнимое достоинство «высокой человеческой личности» Пастухова!

Даже жена Пастухова, Ася, их сынишка, его бонна — персонажи вполне второстепенные (и всё-таки необходимые в этом произведении, как в романе широкого исторического размаха, являющем длинную и богатую галерею нравов), — сколько в них жизни, сочности, естественности каждого слова и жеста! И потом, с каким истинным изяществом большого художника описан каждый из этих людей!

«Изящно» — антипод вычурности, ложной изысканности, излома. Вне изящного нет творения искусства. И в этом отношении очень показательны рассказы и повести Константина Паустовского.

Описывает ли он осень в перелесках заповедных пушкинских мест («По ту сторону радуги»), сверкает ли среди его строк многоснежная зима («Растрёпанный воробей»), бушует ли разлив реки, через которую переберётся только отчаянный человек («Далёкие годы»), он делает это именно с изяществом большого мастера, влюблённого в человека и природу.

И что ещё очень характерно для героев Паустовского — это их этика, высокое нравственное начало.

Наша литература хороша в первую очередь именно тем, что высокие моральные качества её героев стали в ней традиционными. При всей разноликости её лучших образцов каждый из них несёт в себе это рациональное зерно «морального комплекса» советского человека.

Как пьеса, так и повесть, роман, рассказ, стихотворение должны, по-моему, давать простор воображению и пищу уму зрителя и читателя. Вот такой простор воображению и пищу уму дают «Звезда» и «Весна на Одере» Э. Казакевича. Надо, чтобы читатель, как зритель в театре, принимал участие в жизни произведения. Как мы, артисты, стремимся к тому, чтобы зритель из театра унёс кусок искусства, кусок большой жизни, думал бы о ней и о пьесе, решал бы, как он сам поступил бы на месте героев, так и писатель должен стремиться к тому, чтобы читатель ещё долго волновался и размышлял над судьбами и жизненными решениями персонажей книги.

Разумеется, простор воображению читателя даёт и не только то, что «недописано», недосказано писателем. У одного из них такая манера письма, и мне нравится читать «между строк» (но это удаётся только тогда, когда есть что прочесть в самих строках); у другого манера другая — выписывать всё, и это нравится мне не меньше. И то и другое нравится равно не вследствие «литературной всеядности», а потому же, почему нравится тонкий, из двух-трёх линий состоящий карандашный рисунок Серова и могучий мазок Сурикова, хоралы Баха и «Лунный свет» Дебюсси, Моцарт и Бетховен. Читателю (зрителю тоже) нравится многое, нравится разное, но непременно хорошее в идейном и художественном отношении. Вот на этот трудный критерий, на это многообразие потребностей нам и приходится ориентироваться.

Но выписать «всё» — не значит, как на вывеске, объявить, что есть главное в данном создании писателя. Александр Фадеев выписал в «Молодой гвардии» всё. Когда читаешь эту вещь, понимаешь, что иначе, чем молодоговардейцы, поступить было невозможно. И невольно спрашиваешь себя: а хватило ли бы у тебя душевных и физических сил поступить так, как они? И отвечаешь: должно хватить! Именно: не «хватило бы», а «должно хватить!» — не в прошедшем времени, а в будущем и настоящем.

Велика, безмерна заслуга писателя, если он заставляет читателя не рассуждениями, а примером жизни и деяний литературных героев проконтролировать свои возможности и решить бесповоротно: жить и умереть только так!

Герои Фадеева почти дети, но они наделены ярко характерными чертами и свойствами, их индивидуальности очерчены чётко, без тени упрощенчества, интеллект, воля, любовь к Родине осознаются, развиваются и зреют от страницы к странице, от одной главы к другой и находят своё логическое завершение в трагическом финале — финале бессмертия юных патриотов.

Фадеев взял их характеры, даже имена, из жизни. Но он написал роман — художественное произведение, воздействие которого неизмеримо выше, больше, сильнее простого документа. Почему? Да потому, что произведение художественное из отдельных жизненных фактов делает такие огромные обобщения, которые не могут не захватить читателя, не обогатить его представления о жизни, о человеке.

Детали, частности (поэтичнейшее начало с лилией; Олег, останавливающий коней; приём в комсомол Радика; обаяние Любови Шевцовой; любовь Вани и Клавы) и целое, идея и способы её выражения здесь так слиты, так переплетены, так служат одному, что именно этим можно объяснить широкую популярность «Молодой гвардии».

И не случайно она так полюбилась театру. Два таких разных и таких ярких спектакля, как охлопковский в театре имени Маяковского и спектакль в студии киноактёра, запомнились именно потому, что при всей разности принципов инсценировки и постановки они были насыщены той чисто фадеевской индивидуальностью, тем сердцевинением автора, которые и в сценическом опосредствовании передались другим людям.

Охлопков, как всегда, мыслил большими масштабами, большими сценическими «кусками», сделал спектакль героичным и пышно театральным. Я употребляю здесь слово «пышно» не для характеристики «богатства постановки», а для того, чтобы подчеркнуть размах театральности, с которой был осуществлён спектакль. Что ж, здесь размах и масштабность были как нельзя более соответственны масштабу литературного первоисточника и лишней раз показали, что его реализм никогда не вступает в противоречие с театральностью, ежели последняя использована не формально, а для выражения идеи, мысли произведения и подчинена ей.

Помнится, в спектакле был один кусок (потом, кажется, почему-то убранный): по сцене, почти пустой, проходил один фашист. Он шёл под музыку, расхлябанную и злую, шёл, как паук, отвратительный, страшный, ничтожный, и — один. Этот короткий эпизод переводил зрителя в мир таких больших эмоций, такой жгучей ненависти, такого глубокого понимания обречённости фашизма и необходимости непримиримой борьбы с ним всю жизнь, до тех пор, пока не будет стёрта эта мразь с лица земли, что сердце холодело и чувства воспламенялись... Разве это не признак силы театральности, облекающей в образную и яркую форму большое и глубокое содержание литературного произведения?

А могло быть и другое решение. Мы видели его у молодых киноактёров, в их театре-студии. В интимной обстановке маленькой сцены господствовала любовь. Любовь Фадеева к своим героям, их любовь к Родине. Глубокая сердечность, с какой романист описал этих детей, свершивших величайший из мыслимых подвигов — подвиг патриотов. Я не знаю Фадеева лично, как и большинства писателей, произведения которых я собрала на своей книжной полке. Но сердце писательское я чувствую, ибо оно с полной отдачей воплощается, должно воплощаться в его произведениях. И это авторское «я», его личность, его симпатии и антипатии, с такой полнотой выраженные в романе, и есть для меня самое драгоценное, ибо в искусстве, в литературе только через писательское, художническое «я» можно выразить то общее, что так бесконечно важно для каждого из нас, для нашего времени.

И то же ощущение самого главного, схваченного писателем в самой гуще, в самом кипении жизни, полной тревог, деятельности, стремления к прекрасному, охватывает меня всякий раз, когда я читаю Эренбурга.

Его часто обвиняют в избытке персонажей, в быстроте смены «кадров». Но ведь такова жизнь — быстро текущая, несущая огромное количество впечатлений, несметное

число встреч, всё новых и новых лиц, мыслей, страданий и радостей. Эренбург знает и любит Францию, как никто. Но ещё больше он любит свою Отчизну, и его люди всегда подлинны, ярки, незабываемы, независимо от того, живут они во Франции или в России.

Разве Нина Георгиевна, Сергей, Осип выписаны в «Буре» не столь же сильно, как Мадо? Разве гибель старой Ханы и Аленьки во рву, уготованном фашистами советским людям, смерть Раи, этой хрупкой женщины, почти девочки, ставшей снайпером, забудутся? Их не забыть, как вовек не забыть самой жизни и смерти в годы войны, как не забыть ненависти нашей к тем, кто порождает войну, кого с такой меткостью попадания уничтожает Эренбург своей публицистикой и своей беллетристкой.

Не забыть и любовь эренбургских героев в его лучших произведениях — любовь верную и трепетную, нежную и сильную.

А как ещё много романов и пьес, лишённых любви — крови сердца, трепета души! Кто может в них поверить?

В «Иване Ивановиче» Антонины Коптяевой любви посвящено много страниц. Ещё больше их в «Дружбе». Но там Сталинград, воюющий, обливающийся потом и кровью ратного подвига народа, выглядит... фоном любви, и одно это уже воспринимается, как святотатство. Да и что это за любовь!

Я плохо помню эти романы (хотя читала их гораздо позже, чем всё то, о чём шла речь выше), но хорошо помню свою неудовлетворённость при их чтении. Я не влюбляюсь вместе с героем в предмет его страсти, ибо не верю в эту страсть и не нахожу в её объекте черт, способных её вызвать. Конечно, «любовь слепа». Но сия истина скорее достойна «Флирта цветов», чем романиста, то есть писателя-психолога. Кроме того, даже если он ставит перед собой цель изображения слепой любви, то всё равно она должна быть понятна читателю по своим истокам и своему завершению. Однако психологической глубины мы не видим в романах А. Коптяевой.

Так мы снова возвращаемся к той истине, что писатель должен писать то, что рвётся из его сердца, ибо только тогда (разумеется, как говорил Станиславский, «при наличии таланта») он создаст произведение искусства. А оно, будучи творением художественным, никогда не останется в тесных рамках «узкой темы», даже если тема эта интимная, просто любовь.

Что получается из такой темы, когда её разрабатывает гений, очень хорошо видно на примере «Анны Карениной». Толстой хотел показать вот такую «запретную», богом недозволенную, а потому порочную любовь, хотел с заранее декларированных тенденциозных позиций религиозного догмата («мне отмщение и аз воздам») разоблачить и заклеить такую любовь «в узком смысле слова», а получилось широчайшее полотно нравов, эпохи, воззрений. И любви, конечно. Но какой! Любви победной, торжествующей даже в гибели своей, обличающей и клеймящей буржуазную мораль, фарисейство общества, славящей естественность и радость здорового и глубокого чувства. Так и любовь «Онегина», «Таис», «Про это» неизменно широка, наделена огромной силой заразительности и, следовательно, воспитывает читателя.

Мы много и справедливо говорим о воспитательном значении литературы и театра. Говорим, но не всегда понимаем, как велико это значение, как велики наши возможности внушения молодёжи идей правильных, чувств больших, мыслей возвышенных и благородных. Отдаёт ли себе каждый из нас отчёт в том, как переимчива молодёжь, как чутка она к красоте, к любви и её выражению? И знаем ли мы, как порой ещё ничтожны те средства, которыми мы воздействуем на нашу молодёжь, желая научить её, в частности, и выражению своих чувств?

«Сирано де Бержерак» пользуется успехом и потому, что там необыкновенно возвышенно и красиво, с юмором и страстью выражают любовь. Это и сейчас находит самый живой отклик в юных сердцах. Что в нынешних пьесах, романах, даже стихах, может научить юношу или девушку такому выражению любви? (Такому с поправкой на современность звучания, конечно.) Вы только вслушайтесь, как говорят на сцене о любви наши люди, вчитайтесь, каким подчас дубовым языком описывают романисты самые лирические объяснения своих персонажей! Удивительно ли после этого, что, не находя подходящего образа в большой литературе, влюблённая девушка списывает

себе в тетрадь пошлейшие доморощенные «сердцещипательные» вирши, а влюблённый юноша пытается «загнать» выражение своих чувств в неповоротливые, лишённые поэзии слова, призванные рассказать о самой поэтической эмоции на земле! А ведь культура ума и сердца состоит, между прочим, и в том, что человек умеет выбрать в своём богатом словарном фонде самые яркие и точные слова для выражения не только любви, а любой эмоции, любой мысли. Пусть же писатель поможет пополнению и развитию нашего обиходного лексикона, сделает его богаче, помня завет Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием: в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!»

Было бы величайшей несправедливостью обойти молчанием то, что наши писатели, в том числе и молодые, относятся к родному языку всё с большим почтением, всё с большим пониманием того, как могущественно это орудие. И если они ещё и не могут, пользуясь им, совершать чудеса, то уже нередко дарят читателя произведениями, написанными хорошим русским языком.

Рассказы Сергея Антонова тем мне и дороги, что они современны в лучшем смысле этого слова и лиричны, ярки по образам, хороши по языку. «Дожди» приглянулись мне оригинальностью простого сюжета, свежестью изложения, отсутствием какой бы то ни было нарочитости. Актриса, я всегда попадаю под обаяние действия, а тут вроде и действия нет никакого, всё движение дано в самой обстановке вокруг человека, а рассказ меня покоряет. Дело, наверное, в том, что действие сосредоточено внутри человеческого «я», в сокровенных глубинах его души, но читатель ощущает его и верит ему. В лучшем смысле слова рассказ тенденциозен, но тенденция «лежит под третьим слоем», и это мне нравится.

У Валентина Овечкина тенденция обнажена, но, так же как Антонов, он, пользуясь выражением Горького, верен не фактам, а психологии фактов, и потому его тенденциозность не вывеска, а органическое свойство произведения. Его очерки свободны от натурализма и сделаны в той добротной реалистической манере, которая также является традицией русской литературы. Когда я читаю у него о секретаре райкома партии и о том, как тот проводит в жизнь практически, изо дня в день, решения сентябрьского Пленума ЦК, как ему трудно со шкурниками и карьеристами, как удаётся ему привлечь на свою сторону лучших людей районного центра, как он среди ночи «выходит на свидание» с председателем райисполкома, — я вижу его, как живого, и не могу себе представить, что это выдуманно.

Не может быть, чтобы это было выдуманно! Я сама знаю, что именно так бывает в жизни, и я знаю в то же время, что это не фотография, а художественная правда. Что убеждает меня в правдивости и художественности очерков Овечкина? Две вещи: его умение подсмотреть, узнать своих героев в действии, умение писателя, как требовал Горький, «застигнуть людей врасплох и отнюдь не в позах для прелестного фотографического снимка», — во-первых, и язык — во-вторых.

Язык Овечкина прост и точен. Он народен без вульгаризмов, без всех этих «вишь» и «бишь», которых и нет давно в нашем народном языке, но которые ещё встречаются в «колхозных» творениях отдельных литераторов. Писатель пишет так, как говорят сегодня грамотные, культурные советские люди, и сегодняшний язык как нельзя лучше выражает его острую, злободневную сегодняшнюю тему. И вот что показательно. В дни летнего отпуска я перечитала Овечкина на... английском языке. Перевод был сделан вполне добросовестно и квалифицированно, но «русскость» языка автора прямо колом стояла среди особенностей английской речи, и, если бы я не знала имени писателя, если бы отвлеклась даже от его темы, всё равно по самому языку можно было бы догадаться, что эта вещь — насквозь русская, наша советская...

В знании материала — сила автора очерков о районных буднях. Он не только знает описываемую жизнь, но сам живёт ею. Он пишет не о сельском хозяйстве (о нём пишут агрономы, ветеринары и другие специалисты), а о людях — вот в чём дело.

«Мать» Горького — роман, в котором впервые в русской литературе героем оказался рабочий. Рабочий, а не рабочее место. До сих пор ни один советский писатель не создал образа рабочего такой же силы, как образ Павла Власова. Я не могу забыть глаз артиста Баталова, игравшего Павла в фильме Пудовкина «Мать». Он играл сочно, конкретно, «земно», а достигал высшего, прямо-таки философского общения, создавая образ всепобеждающего человека. Павел в тюрьме; он прильнул к решётке и смотрит на небо, на людей, на жизнь вокруг себя, и, как два солнца, сияют его прекрасные глаза. В них столько силы, горьковской веры в жизнь, в вечную молодость революционной борьбы, в рабочего человека, любви к нему, оптимизма!. Говорю сейчас о запомнившейся мне актёрской удаче, чтобы воспользоваться ею, как предлогом, и ещё раз напомнить писателю, что только он может дать артисту, театру нужного ему героя, и героем этим может быть только Человек!

Историческая точность, верность описываемой эпохи — признак хорошей книги. И как в сугубо современных очерках Овечкина или рассказах Антонова сохранится для потомства середина пятидесятых годов XX века в России, так в «Великом Моурави» Анны Антоновской сохранена для современников история Грузии XVI века, время и деяния Георгия Саакадзе, освещённые современным советским художником, который взглянул на то далёкое время «свежими и нынешними глазами» и потому сумел описать эпоху и людей, живших за четыреста лет до нас, так, словно он сам там побывал.

Эта достоверность и убедительность — свойство каждого истинно художественного произведения. То же и в поэзии. Радовать нас будет только то стихотворение, в котором присутствует индивидуальность автора, его сердце, его язык. Одноличность исключает поэтичность, как определённая поэтического почерка предполагает и обнаруживает подлинный поэтический дар. Вот почему и я с такой определённой могу сказать: люблю лаконизм Щипачёва, стремительный жар стихов Багрицкого, искренность Инбер, непосредственность изъяснения чувства у Алигер, размах, хорошую, чисто русскую душу героев Твардовского, его Тёркина, о котором думаю не иначе, как о реальном человеке, — так симпатичны мне черты его характера, его внешность, его глубоко органический патриотизм, его светлый юмор, душевная цельность и чистота, героизм и любовь к людям... Понимаю, что любому из этих (и других) поэтов свойственны и многие другие черты, но, повторяю, я подчёркиваю в каждом то, что мне в его творчестве дороже всего.

Но вот что меня удивляет: у нас беспрестанно клянутся девизом Маяковского о том, что поэтов должно быть «больше, хороших и разных», у нас действительно много хороших и разных поэтов, и их могло бы быть ещё больше, если бы критика с большей широтой, с большим вкусом и, главное, с большей любовью писала о поэзии.

Критик должен быть первым другом и помощником читателя и писателя. Заблуждения их надо уничтожать доказательствами, умением убедить в своей правоте. Честь и хвала критику, обратившему в свою веру тех, кто с ним спорил, не соглашался, упорствовал в своих ложных убеждениях. Но грешно критику уподобляться регулировщику на перекрёстках, проспектах и в переулках литературы, который то и дело начинает свистеть «нарушителям правил уличного движения». И почему он думает, что установленные им правила незыблемы?

Особо мне хочется сказать о работе переводчиков, об их бесценном, так часто не замечаемом труде.

Так, Пастернак, на мой взгляд, заслуживает признания как отличный переводчик, в частности, недавно вышедшего у нас нового издания «Фауста» Гёте. Перевести Шекспира стихами — подвиг, говорил Белинский. Не меньший подвиг, конечно, перевести «Фауста» так, как это сделал Пастернак, сонеты Шекспира и стихи Бёрнса так, как это делает Маршак, «Божественную комедию» Данте, как это сделал Лозинский.

О последнем я не могу говорить просто как о переводчике, хотя я не знаю его собственных стихов. Но тот, кто прочтёт «Божественную комедию» в его переводе, тот, кто вспомнит хотя бы рассказ Франчески, не сможет не сказать: да, это написал очень большой поэт!

Переводы Лозинского для театра — клад. С какой радостью, с каким упоением я играла в «Валенсианской вдове» Лопе де Вега в его переводе! Какой это был празд-

ник — произносить испанские стихи, звучавшие на таком современном, сочном, красивом русском языке! О, не всякому и далеко не всякому переводчику, а только поэту дано умение уловить самую суть и дух языка, с которого переводятся стихи, особенно если это стихи роли. И то же я должна сказать и о его переводах Шекспира.

По-своему, но также полнокровно и поэтично переводит Шекспира Левик. Его «Зимняя сказка», например, — произведение, исполненное народности, остроумия и глубочайшего проникновения в дух эпохи и произведения Шекспира. Как и у Лозинского, его переводы предельно театральны, ярко сценичны и сделаны с таким пониманием возможностей актёра, что можно только пожалеть, что не все наши профессиональные драматурги — авторы оригинальных пьес — так чувствуют, знают, понимают сцену, приходу театра и артистической игры.

Но здесь уже начинается разговор о театре и театральной литературе — о том, что, скажем прямо, важнее всего на свете для автора этих строк.

На мою долю выпало немало радости участия в хороших (и разных!) пьесах современных драматургов, и я меньше всего собираюсь уподобиться тому снобу, который брюзжит о том, что у нас нет драматургии, сожалея о добром старом времени Гоголя, Островского, Чехова, Горького..

Начнём с того, что Горького мы никому, никакому стародавнему времени не отдадим: основоположник социалистического реализма, он и на сцене живёт, как воинствующий провозвестник борьбы нового человека за будущее, он весь устремлён вперёд и сегодня, сражаясь с нами в одном строю за то завтра, ради которого все мы живём, трудимся, творим.

Произведения Чехова и сейчас воспитывают в людях любовь к человеку, чувство изящного и чувство юмора — с моей точки зрения, очень важные человеческие свойства; он пел порыв, стремление к свету, правде и красоте, и потому он, подобно Шекспиру, Пушкину, Чайковскому, — наш от первого до последнего своего слова, безотносительно к датам его рождения и смерти.

И Островский и Гоголь, как поборники правды и справедливости, наконец, как великие сердцеvedы и знатоки сцены, всегда современны, вечно пребудут с нами, артистами, режиссёрами, зрителями.

Сейчас я хочу сказать о советских пьесах, которые больше всего мне нравятся, попытаюсь объяснить, почему они мне нравятся, и попросить писателя прислушаться к голосу артиста и режиссёра, которому нужно много, очень много хороших, разножанровых, интересных пьес.

Пьеса должна быть театральна: стремительна по действию, глубока по мысли, чётка по очерченности характеров, в столкновении и раскрытии которых прорастает зерно идеи спектакля. Но, как в глубинах чернозёма драгоценное зерно постепенно отдаёт свою плоть ростку, так и идея пьесы должна раскрываться постепенно, в действиях и думах живых людей, западая в сердца сотен и тысяч зрителей.

Лучшие пьесы Николая Погодина кажутся мне именно такими. Он удивительно хорошо схватил один из самых ярких моментов нашей жизни в «Поэме о топоре», он глубоко почувствовал поэтику, напряжение, темп и ритм первой пятилетки, узнал её людей и о них рассказал со сцены языком того незабываемого времени.

Драматург, хорошая пьеса создают артиста, выявляя самые лучшие, самые сильные черты его дарования. Но и драматург жив артистом. То, как М. Бабанова играла Анку в «Поэме о топоре», показало, как взаимосвязаны, взаимообусловлены эти два мастера — писатель и артист, призванные создать отличный спектакль.

Эту взаимосвязь почувствовала и я, и тоже в пьесе Погодина. То была «Моль». Не берусь сейчас вскрывать причины того, что она быстро сошла со сцены, — это специальный разговор. Но хочу сказать, что в этой вещи был несомненно удачный образ Агнессы Петровны. Её посчастливилось сыграть мне, и никто не заставит меня пожалеть об этом. Это остро сатирический образ, выписанный с жестокостью и остроумием большого художника. Разоблачение «моли», тщетно пытающейся разьесть изнутри нашу жизнь и сердца наших прямодушных, сильных людей, упорно «летающей» среди приманок «лёгкой жизни», ею самой выдуманной и защищаемой, было заложено в самом развитии образа. На каждом спектакле я внутренне хохотала над своей героиней

и была счастлива тем, что зритель сначала любовался её привлекательностью, женственностью ума и поведения, а потом постепенно начинал её ненавидеть так же, как и я, исполнительница, так же, как драматург, породивший её. И я знала, что зритель уходит со спектакля, не только смеясь над жалкими уловками Агнессы, но и всеми силами души стремясь к разоблачению этой «моли», которая, увы, ещё есть и в нашей нынешней жизни.

Мне этот образ дал очень много. Мы ведь не так уж избалованы разнообразием драматургических красок, а тут я увидела собирательный образ, обобщённый в своей конкретности, в избытке его черт, в разнообразии поступков, в той мимикрии паразита, которая делает его труднозаметным и потому особенно вредным.

Эта роль была для меня важна ещё и потому, что она дала возможность необычайно полно проявиться моей любви к характерности, к насмешке, к комедийности. Помню, как заинтересованно, горячо относился автор к работе над спектаклем, как многие слова, даже некоторые реплики Агнессы мы с ним вместе отработывали прямо на репетиции, придумывая что-то самое острое, самое нужное по смыслу и наиболее удобно «ложашееся на язык».

Увидя в Малом театре «Когда ломаются копья», я почувствовала в образах Виктории и Раисы, в превосходной игре И. Ликсо и Т. Еремеевой ту же самую острую характерность, воплощение которой столь заманчиво для всякой актрисы. И хотя образ, скажем, Раечки проходит в спектакле стороной, но и он дал возможность молодой актрисе развернуться, и Ликсо в Виктории сумела показать себя по-новому благодаря жизненности роли, хорошо выписанной драматургом.

Я говорю так много о женских ролях в пьесах Погодина потому, что он понимает, что без женщины нет театра, без неё мертва сцена. А ведь как часто нам, актрисам, в современных пьесах и играть-то нечего!

Не могу понять и таких, часто выслушиваемых вопросов и предложений: вам нужна пьеса об университете? Об электростанции, работающей на атомной энергии?

Я не знаю, как надо отвечать на подобные, мягко выражаясь, наивные вопросы. Объявление темы, идеи, производственного объекта ничего не говорит и не может сказать о пьесе — она жива своими действующими лицами (а потом исполнителями), и пока я не знаю характеров этих лиц, их взаимоотношений, пока не увижу, что лица эти не банальны, не тени каких-то давно известных лиц и характеров, что автор дал возможность зрителю о чём-то задуматься и что-то важное для себя решить, — до тех пор я не отвечу: да, пьеса мне нужна, я готова её прочесть и, может быть, поставить.

Почему так долго жила, так ярко театральна была постановка Р. Симонова «Интервенция» Льва Славина? Потому прежде всего, что полнокровны, а не анемичны были все образы. Именно все! Пусть мне не говорят, что мадам Ксидиас была так блистательно, так вдохновенно сыграна М. Синельниковой, Филька — И. Рапортом, Фредамбе — И. Толчановым потому, что отрицательные персонажи были выписаны с большей яркостью автором. Последний сумел и положительных героев — революционеров, подпольщиков — наделить светлыми чертами живых и хороших людей, поставить их в обстоятельства, которые при всей своей необычности вызвали доверие зрителя. Он не мог не восхищаться, не мог не хотеть подражать выдержке Бродского, которого так замечательно играл В. Куза, темпераменту и страстности Селестена — А. Горюнова, мужеству Жанны, с такой хорошей лиричностью сыгранной Ц. Мансуровой... Вот уж кто не произносил высмеянные Белинским «заученные правила благонравия», так это положительные герои Славина, и поэтому они так запомнились: они ничего не навязывали зрителю. Но, глядя на них, он понимал, что иначе жить и поступать нельзя.

Если мне возразят, что пьеса Славина была привлекательна только непривычностью обстановки и места действия, то я отвечу, что «не место красит человека, а человек — место»: бездарному автору и джунгли Африки не помогут сделать пьесу интересной, а талантливый драматург и самую заурядную обстановку сделает сценичной. Я уж не говорю о примере Чехова. Но вот наш современник Александр Афиногенов в конце двадцатых годов выступил с пьесой «Чудак». Время её действия — конец двадцатых годов, место действия — провинциальная фабрика, а спектакль был необычайно интересен, остёр, театрален и потому любим публикой.

Эта пьеса ставила самые животрепещущие вопросы тогдашней современности: об участии интеллигенции в социалистическом строительстве, о новом смысле её жизни, обретаемом в труде на благо народа, о борьбе (подчас очень острой и опасной) с такими гнусными пережитками капитализма в сознании людей, как ложь, нигилизм, себялюбие, антисемитизм... Ни в одной роли не было этих прямолинейных слов. Зато всё, что делал и говорил Борис Петрович Волгин — этот честнейший человек, инженер, энтузиаст новой жизни, бесстрашный воитель против безразличия, обмана, грубости, по мнению многих его коллег, чудак, «Дон-Кихот Загряжского болота», — убеждало зрителя в его правоте и благородстве. Это был положительный герой в лучшем смысле этого слова, и мы все, участники спектакля, были влюблены в него, в самую пьесу — такую «будничную» и такую театральную благодаря своей остроте, современности, правдивости.

Эти три качества были присущи драматургии Афиногенова. Он всегда улавливал пульс жизни, потому что жизнь народа, страны и была его собственной жизнью. Он сердцем, интуицией советского человека знал, что носится в воздухе, и умел это выразить в своих живых образах.

Бывали ли вы на недавних концертах Германа Абендрота? Он дирижировал симфониями Бетховена так, что казалось, будто большой мастер на какую-то долю секунды «опережает музыку», идёт впереди оркестра, дирижируя не тем, что есть в данный миг, а тем, что будет в следующий. Вот так же писал Афиногенов, и потому его самые сильные вещи были так своевременны, так нужны театру и публике, так необходимы артисту. Мне не забыть, как Серафима Германовна Бирман реалистично, безжалостно, предельно театрально играла в «Чудаке» председателя фабкома Анну Лукиничну Трошину; как покойная Екатерина Павловна Корчагина-Александровская играла старую большевичку Клару в «Страхе». Это был такой чистый, такой светлый и такой сложный, большую жизнь проживший человек, что за один этот образ хотелось низко поклониться и драматургу и актрисе.

В лучшем смысле слова современны и пьесы Бориса Лавренёва. Внутренняя убеждённость автора в правоте того, что он пишет, того, за что он ратует, его умение понять и образно выразить своё время и есть, по-моему, отличительная черта всякой профессиональной драматургии. Таковы и «Разлом» и «За тех, кто в море!» Б. Лавренёва. Этими же качествами отличается и пьеса К. Симонова «Так и будет».

Эта пьеса всё идёт и идёт на сцене нашего театра. Уже нет многих исполнителей, которые составляли, я не боюсь сказать, великолепный ансамбль первого спектакля, уже введено в него множество новых, молодых артистов, а он и сейчас идёт, как говорили в старину, концертно, не старея. Материал пьесы дал возможность Ивану Николаевичу Берсеневу создать тогда поистине незабываемый образ Савельева — воина и человека, в котором воинственное и сердечное начала были равноправны и слитны в драгоценном сплаве сильной, широкой, отважной натуры.

Истоки и проявления героизма, надежда и любовь, даже несчастная, — кого не взволнуют эти вещи и сейчас и завтра, коль скоро они воплощены в сценическом произведении не риторически, а жизненно убедительно!

Мы и стремимся к этой правде жизни. Мы хотим, чтобы зрители смеялись и плакали, чтобы не было людей, лениво развалившихся в креслах и лениво взирающих на сцену. Мы хотим, чтобы сцена держала в плену нашего зрителя, чтобы впечатлели, уносимые из театра, жили долго, были дороги зрителю и любимы им.

Нам дорог и интересен наш спектакль «Годы странствий» прежде всего реакцией зала. Он смеётся и плачет, он всё время ждёт, «что будет дальше». Он спорит с Ведерниковым, любит его и осуждает, радуется его возмужанию, улыбается его мальчишеской лихости. Он переживает его измену вместе с Люсей, и, как у неё, светлеет его чело, когда, преодолев другую любовь, Ведерников остаётся верен долгу... И нам, артистам и зрителям, передаётся любовь Алексея Арбузова к своим героям. Он пишет о жизни «трудной, полной тайн и счастливой», о которой так хорошо говорил Тузенбах в «Трёх сёстрах». Автор Ведерникова умеет любить людей, видеть в каждом его неповторимое человеческое начало, подходить к каждому человеку с оптимистической предположкой (замечательное выражение, кажется, А. Макаренко). В этой вере в человека, в этой любви к хорошим людям Арбузов как бы продолжает традицию русской

драматургии и в этом, на мой взгляд, скрыт «секрет» заразительности его пьес, любви к ним и в творческих коллективах и в зрительных залах.

Не могу согласиться с В. Смирновой, которая нашла в Александре Водерникове («Театр», № 7, 1954 год) элементы той плесени, о которой в своё время писала «Комсомольская правда». Нет ничего хуже, когда критик попадает в тенёта модных терминов и к ним подтягивает геросов разбираемого произведения. Водерников — живой человек, в нём много р а з н ы х черт, и надо уметь видеть вслед за драматургом прежде всего его хорошие черты.

И уж коль скоро речь зашла о театральной рецензии, позвольте мне, хотя и вне прямой связи с Водерниковым и его критикой, напомнить, что говорил Виссарий Григорьевич Белинский: «... не подробный и обстоятельный отчёт должны мы написать, не мнение наше должны мы представить на суд читателей, которые могут и принять и не принять его: мы должны заставить их поверить нам безусловно, а для этого нам должно возбудить в душах их все те потрясения, вместе и мучительные и сладостные, неуловимые и действительные, которыми восторгал и мучил нас по своей вине великий артист. Словом, нам должно сделать с нашим читателем то же самое, что делал с нами Мочалов...»

Вот условие (пусть трудное, но очень необходимое), при котором рецензент станет другом, помощником, лучшим советчиком артисту и зрителю. Вот условие, при котором критика (и театральная) станет большой литературой.

...И вот я снова подошла к своей книжной полке и вижу, как много хороших книг и хороших пьес осталось за пределами этой статьи, правильнее сказать — простого разговора о литературе. Я не сожалею об упущенном, о недосказанном. В самой невозможности сказать обо всём хорошем, что создано нашими писателями, вижу я ещё большее грядущее изобилие, разнообразие советской литературы наступающего завтра, её благотворное, оплодотворяющее влияние на наш театр. Так «да здравствует же искусство — свободная песнь сердца!» (Максим Горький).

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Проф. Г. АБОВ

★

В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗМ

К 125-летию со дня рождения М. Налбандяна

Микаэл Налбандян, 125-летие со дня рождения которого отмечает наша страна, был не только идейным вождём и руководителем армянского революционного движения второй половины прошлого века, выдающимся представителем общественно-политической и философской мысли, но и замечательным писателем, глубоким и блестящим публицистом и критиком.

Огромно влияние Налбандяна на развитие передовой армянской художественной литературы девятнадцатого века. «С нетерпением мы ждали номеров журнала «Северное сияние»¹, с восхищением читали статьи Налбандяна», — пишет один из крупнейших армянских романистов — Перч Проян.

Родившись в Нахичевани-на-Дону в 1829 году, в семье ремесленника, Налбандян с детства был свидетелем разорения и тяжёлой жизни трудящихся. С юношеских лет питал он ненависть к крепостникам, к царизму, к армянской церковно-феодалной иерархии, к развивающейся буржуазии и принимал активное участие в борьбе против них, за интересы народа. В Москве и Петербурге под влиянием идей Белинского, Чернышевского окончательно сформировалось мировоззрение Налбандяна: он стал на позиции революционной демократии, примкнул к русскому революционному движению, действовал как единомышленник и соратник Герцена и Чернышевского.

В 1862 году Налбандян вместе с Н. Серно-Соловьёвичем был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. На суде и

следствии он показал себя убеждённым и бесстрашным революционером. Заболев в тюрьме туберкулёзом, он скончался в ссылке в 1866 году.

Коротка была жизнь Налбандяна, но богато наследство, которое оставил он армянскому народу. Кроме художественных произведений, стихов, романа, кроме научных работ, отражающих самые актуальные проблемы общественной и литературной жизни, в наследство Налбандяна входят и полемические, публицистические выступления, разоблачающие западноевропейских и американских колонизаторов, свидетелем пагубных «благоденствий» которых он был во время своей поездки по Европе, по Востоку и, в частности, по Индии. Он с ненавистью писал о политиканстве Ватикана, о европейском капитализме.

Особое место среди трудов Налбандяна занимает его книга «Земледелие как правильный путь», которую он напечатал в Париже, куда ездил для налаживания заграничной армянской свободной прессы, наподобие герценовского «Колокола». В этом труде, ввезённом в Россию под титульным заглавием «Поваренная книга», Налбандян вслед за Чернышевским призывает к освобождению крестьянства с помощью топора и вообще широко использует многие работы Чернышевского, по цензурным соображениям не упоминая имени их автора.

Перу Налбандяна принадлежат также труды по философии, где он с материалистических позиций критикует идеализм и реакционные политические взгляды Гегеля. До сих пор для армянского языкознания не потеряли своего значения и лингвистические статьи и заметки Налбандяна, в которых он намечает правильные пути развития армянского языка.

¹ Армянский журнал, издававшийся на армянском языке в Москве в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов прошлого века.

В Петропавловской крепости было написано Налбандяном исследование о романе известного армянского писателя П. Прошяна «Сос и Вардигер». Здесь обобщены эстетические взгляды и высказывания Налбандяна, которые до того были разбросаны по отдельным его статьям, начиная с 1855 года. В этом труде Налбандян в процессе конкретного разбора современных ему армянских художественных произведений развивает принципы материалистической эстетики, защищает критический реализм, призывает армянских писателей стать на путь реалистического искусства. Вслед за Белинским и Чернышевским Налбандян пропагандировал принципы реализма, народности и идейности литературы.

Как материалист, Налбандян считает, что в формировании характера, убеждений, морального облика человека решающую роль играет внешняя среда, общество, в котором человек живёт и развивается.

«Человек, рождаясь,— пишет он,— не обладает началом или элементом добродетели или порока: эти душевные его качества являются результатом влияния на него горшей или дурной среды».

Эти мысли М. Налбандяна имели чрезвычайно большое значение в пятидесятых—шестидесятых годах прошлого века и были направлены в армянской среде против клерикально-схоластического мышления, объявляющего человека порочным или добродетельным с самого рождения.

Исторические явления Налбандян трактовал как идеалист, но в своих последних трудах близко подошёл к тому убеждению, что в формировании человеческого характера большую роль играют общественно-экономические отношения людей.

Так, объясняя общность психологии, мыслей, чувств армян и азербайджанцев, Налбандян пишет: «...если исследователь обратит внимание на природу, на единообразие развития обеих наций, их угнетённое и эксплуатируемое состояние, тогда для него станет очевидным, что армяне и азербайджанцы, будучи связаны такими узами, несомненно, недалеко ушли друг от друга по психологии. Пусть говорят, что хотя, но душа человека отражает внешнюю природу».

Понятия Налбандяна о человеческом характере и его формировании необычайно важны для выяснения его точки зрения на

искусство и литературу, особенно потому, что самым существенным признаком художественного произведения Налбандян считает создание образа человека, изображение характеров.

Своё понимание принципов создания художественных образов Налбандян осуществил в изображении Овнатаяна (роман «Вызов духов», 1858—1859 годы).

Он показывает путь обогащения крупного буржуа Овнатаяна, его коварство и жадность, разоблачает его бессердечие и жестокое отношение к домашним слугам, к рабочим своего завода и даже к собственной дочери и зятю. Он подчёркивает самое существенное в социальном облике капиталиста Овнатаяна.

«По понятиям Овнатаяна,— пишет он,— все движущие силы и правящие силы мира и его мощь заключаются в деньгах. Он был из тех людей, которые до сих пор удивляются, как это бог создал мир без всяких надежд на выгоду и как каждый день небесные светила освещают землю, не получая за это ничего...»

Показывая типические черты характера капиталиста-подрядчика, Налбандян стремится оживить образ конкретными, только Овнатаяну присущими индивидуальными особенностями:

«Господину Овнатаяну было приблизительно около пятидесяти лет. Он был среднего роста, с большим животом и лысой головой. Чернота его бровей и усов бросалась в глаза собеседнику, особенно когда на его неумном лице краснели пухлые от животной беспечности щёки».

Для Налбандяна такое описание внешности Овнатаяна не является случайным: по его убеждению, характер человека, его социальная сущность отражаются и на его наружности, его лице и даже в одежде и движениях.

«Лицо, истинно, является зеркалом души. Каждое её движение при посредстве нервов отражается на чертах лица. И лицо, которое ничего не отражает, свидетельствует о ничтожестве души, находящейся внутри»,— пишет он, не скрывая отрицательного отношения к своему герою.

Налбандян смотрит на созданные им художественные образы с точки зрения прогрессивных гражданских требований. Характер Овнатаяна он осуждает как характер представителя целого общественного слоя.

Отношение Налбандяна к изображённым им образам отнюдь не является безразличным, равнодушным. Его произведения наполнены страстью, ненавистью к огрицательным явлениям жизни, любовью и преданностью к новому и передовому. В них разоблачаются буржуазия, царское чиновничество, клерикализм и средневековое мракобесие, в них поэтизируются представители народа, трудящиеся, те слои просвещённой интеллигенции, которые борются за свободу народа.

В 1858 году, описывая «грустные картины» действительности, Налбандян заключает: «Часто в воздухе слышатся плач и стелания эксплуатируемых людей, и воздух сотрясается от радостных голосов тиранов-эксплуататоров...»

Изображению двух противоположных общественных сил, защите прав эксплуатируемых людей и обязана, по мнению Налбандяна, служить художественная литература. Она должна показать существующие в действительности противоречия, отражать реальные социальные конфликты.

Для Налбандяна это является исходным моментом создания художественных образов. Но эксплуатируемых и эксплуататоров надо показать в их конкретных столкновениях, в драматическом действии. Социальные конфликты должны быть выражены в изображении характеров. Вот почему Налбандяна не удовлетворяет трагедия «Аристокес» Саркиса Ванандеци. Он находит, что это — вещь «очень слабая, лишённая поэтических достоинств, словно автор написал её по принуждению. Он повсюду, ежеминутно старается патриотическим словом завуалировать недостатки и нищету драматического действия».

Не рупорами идей должны быть художественные образы, а индивидуальными характерами, выражающими свою социальную сущность в драматическом столкновении.

Считая пьесу «Аристокес» лишённой драматического действия, а образы её — схематическими, Налбандян в той же статье расценивает положительно пьесу Аладатяна «О, пропавшие мои пятьдесят золотых!», потому что эта последняя «жизненно описывает армянские характеры». Здесь Налбандян особо подчёркивает не только решающее значение для литературы правдивого изображения действительности, но и необходимость отражения в произведениях ис-

кусства местного, национального колорита. Он с удовлетворением отмечает, что пьеса является «описанием нашего тифлиского народа», что автор «придал жизненность армянским характерам».

Налбандян считает, что почвой национальных художественных литератур, их источником является реальная история данной нации, та конкретная общественная среда, в которой живёт, работает и которую изображает писатель.

«Единственным источником художественной литературы народов является их национальная история, т. е. жизнь народа. Народна литература, если она содержит в себе нечто принадлежащее народу, события из его жизни или деятельность исторической личности. Точно так же народен писатель, если он воспевает или пишет о том, что непосредственно связано с народом, связано с его умственной и нравственной жизнью...»

Очевидно, чтобы верно понять Налбандяна, необходимо обязательно иметь в виду, что под нацией он подразумевает народ. «Опора и рычаг национальности — простой народ, — утверждает он. — Пусть та или иная нация сколько угодно будет богата знаменитыми людьми. Тем не менее, машина национальности этой нации движется простым народом».

И дальше:

«Говоря о нации, мы всегда имеем в виду армянский простой народ. Под нацией мы не понимаем тех нескольких людей, которые денежными сундуками возвысились над общим национальным уровнем, а подразумеваем под нацией тот несчастный и заслуживающий сочувствия народ, над которым сильнее всего тяготели последствия национального бедствия». «Тот человек, который любит нацию, который посвящает себя моральному служению нации, обязан служить не идолам нации, а на пользу простому народу».

Таким образом, нация, по мнению Налбандяна, не есть нечто единое — есть в нации «идолы» и есть народ. Народ и есть настоящая нация. Народ, его жизнь должны стать содержанием художественных произведений, сущностью художественных образов. Литература должна служить простому народу, должна отображать его интересы и стремления.

В этом смысле и говорит Налбандян, что художественная литература должна брать

из жизни народа не только прототипы образов, событий и людей, но и определённое идейное и эстетическое отношение к изображаемым явлениям, которое выявляется в процессе исторического оформления и развития нации. Художественная литература и описываемая в ней жизнь людей идёт параллельно с жизнью нации, жизнью народа, соответственно с историей народа. «Каков народ, жизнь народа, такова и его история, а какова его история, такова и его литература».

Налбандяна занимал вопрос и о методе изображения развивающейся жизни.

Считая реальную историческую жизнь содержанием художественной литературы, Налбандян в то же время глубоко сознаёт как общие черты, так и различия, которые существуют между художественной литературой и исторической наукой. Основой и того и другого он считает реальные события и людей, участвующих в этих событиях.

По мнению Налбандяна, только неопытному глазу на первый взгляд, «может показаться, что история имеет дело с доподлинно совершившимися событиями или жизнью людей, участвовавших в этих событиях, а литература лишена реальной подлинности».

Замечая, что «литература так же верна жизни, как и история», Налбандян в то же время подчёркивает своеобразный метод изображения, которым художественная литература отличается от историографии, от исторической науки. По Налбандяну, историография исследует логические причины событий, в то время как задачей художественной литературы является изображение той же самой действительности, тех же самых явлений посредством образов.

Следуя принципам русской революционно-демократической эстетики и в первую очередь взглядам В. Г. Белинского, Налбандян устанавливает различие между логическим и образным мышлением и приходит к выводу о том, что искусство также является мышлением, отражающим действительность, но мышлением художественными образами.

Существенную разницу между историографией и искусством Налбандян усматривает и в том, что историк обязан точно придерживаться конкретных событий и фактов, между тем как писатель не обязан с абсолютной точностью следовать за хронологией событий и явлений, происходящих в

действительности; писатель может дополнить их своей фантазией, изобразить реальные явления в свете их идейно-эстетической оценки.

Налбандян был совершенно прав, когда пояснял свою мысль следующим примером: «Предположим, что литература, повествуя о каком-нибудь случае или человеке, не сохраняет порядка событий, вводит множество самовольных и придуманных обстоятельств, описывает несуществующие случаи и картины и так далее, но вопрос не в том, совершались ли эти события или не совершались, а в том, могли ли они совершиться или нет?..»

Цель искусства, по мнению Налбандяна, — не копирование реального факта, а убедительное, правдивое обобщение характерных событий с помощью художественного вымысла, не натуралистическое фотографирование действительности, а изображение типических и в то же время конкретных, индивидуализированных характеров, взятых из реальной жизни. Налбандян подчёркивает, что фантазия и вымысел не вредят искусству, лишь бы в созданных художником характерах и картинах отразились понятия народа.

Он находил, что художник вправе изобразить «даже сверхъестественные картины, которых не было, нет и не будет, но которые совпадают с понятиями народа; заложено ли глубоко в мозгу и в крови нации семя этих фантастических идей — вот в чём дело!..»

Но, конечно, Налбандян крайне отрицательно относился ко всякому искажению действительности в искусстве, ко всякой лжи в произведениях литературы. Считая литературу зеркалом, в котором отражается жизнь нации, он говорил, что достойно почёта то зеркало, которое правдиво отражает образ предмета, поставленного перед ним, и, напротив, негодно зеркало, если оно криво и не отражает точно образа того, что ему было показано. «То же можно сказать и о литературе. Та литература, в которой альфа видна, как омега, и омега, как альфа, искусственна и фальшива и подобна личности, замаскированной покровом лживости. Вот на попроще этой литературы и подвизаются лжепатриоты армянской жизни и другие их друзья».

Налбандян подчёркивает, что реакционные писатели отражают действительность в литературе в искажённом виде, так как

желают сохранить нерушимой власть эксплуататоров. Поэтому реалистическая литература, правдиво отражающая жизнь, должна разоблачать противников истины. Последние боятся правды, потому что «нет никаких препятствий истине — поразить голову чудовища тьмы, которое веками пило кровь нашей несчастной нации, выжимало её последние силы и, обратив её в труп, в безжизненное и неподвижное существо, тешилось своей победой».

Эти слова Налбандяна ещё раз свидетельствуют о том, что великий революционный демократ, говоря об отражении жизни в литературе, был как нельзя более далёк от проповеди натуралистического копирования. Он призывал не только правдиво изображать социальные противоречия, но и оценивать по достоинству всё положительное и осуждать всё реакционное. «Пороча недостатки нации,— пишет Налбандян,— ты не только не порочишь нацию, не делаешь её врагом, а напротив — настоящим другом, потому что ты хочешь видеть нацию безо всяких недостатков».

Из всего этого ясно, что Налбандян вопреки об отражении жизни в художественной литературе связывал с революционно-демократическими просветительскими взглядами, литературу он считал средством правдивого отображения действительности для просвещения народа. Он шёл здесь за Белинским, за Чернышевским и Добролюбовым.

Именно с этой точки зрения Налбандян разбирает известный роман основателя новой армянской литературы Х. Абовяна «Раны Армении»¹.

«Здесь,— пишет Налбандян,— писатель показывает безутешные и простые картины национальной жизни армянского народа, здесь мы видим сельских старост, знакомимся с их понятиями. Добросовестный писатель знакомит нас с духовными лицами, заставляет их говорить согласно их понятиям, изображает перед нами уровень понятий их слушателей, определяет плачевные отношения между духовными лицами и их слушателями».

Внимание Налбандяна сосредоточено на изображении взаимоотношений между разными слоями народа. Ценность романа

Абовяна он видит не только в верном отражении отрицательных сторон жизни, но и в противопоставлении им положительных, действенных героев, борющихся за национальное освобождение.

«Абовян показывает в лице Агаси и его товарищей,— пишет Налбандян,— что армянская кровь не совсем застыла в жилах сынов Армении, показывает, как призыв героя отомстить врагу за оскорбление прав народа, за поругание религии и свободы находит отклик в сердцах молодых людей из народа».

Глубоко народными и национальными Налбандян считает не только содержание, но и форму романа Х. Абовяна. Так, он решительно возражает против той критики, которая находила, что «нельзя рассматривать роман «Раны Армении» как художественное произведение, так как он написан для простолюдинов, их языком». По Налбандяну, язык и стиль романа Х. Абовяна полностью соответствуют его содержанию и он написан «под влиянием местной народной жизни и формой выражения народной мысли». Даже употребление Абовяном синонимов Налбандян объясняет его стремлением писать понятным народу разговорным языком. Абовян задался целью написать так, чтобы простой народ не думал, что он читает книгу, а думал, что кто-то беседует с ним.

Девяносто лет назад Налбандян как представитель материалистической эстетики правильно разъяснил в армянской литературе вопрос о единстве формы и содержания художественного произведения и определил своеобразие поэтического слова.

Писатель, по мнению Налбандяна, обязан выбрать формы изображения и в первую очередь язык такие, чтобы они были понятны народу и позволили наиболее полно и правдиво изобразить характеры героев. Налбандян находит, что читатель художественного произведения не только «должен представить себе нравы и быт народа», но должен «получить представление о языке народа». Писатель, пишущий по этому принципу, по мнению Налбандяна, «не только не осуждаем, не только свободен от ответственности за язык, но и достоин великой благодарности».

Персонаж художественного произведения, считает Налбандян, должен говорить, как член своего общества. Его слово должно быть и по содержанию и по форме языком

¹ В романе отражены борьба армянского народа с персидской тиранией и его освобождение от персидского ига с помощью русских армий.

данной общественной группы. В подтверждение Налбандян показывает, что в разные времена и в разных условиях общенародный национальный язык подвергается известным воздействиям со стороны различных социальных групп.

Красоту языка Налбандян находит в выразительности, в его доступности для собеседника, его соответствии характеру образа. Выступая против замкнутости языка в тисках габара¹, Налбандян в то же время возражает против того, чтобы оставаться в плену диалектов и основным принципом современного языка считает то, что он «должен быть понятным как можно более широким массам».

Очень положительно оценивает Налбандян и роман Перча Прошяна «Сос и Вардигтер». Но вместе с тем он даёт обстоятельный и весьма поучительный анализ недостатков этого романа. Так, он пишет, что в романе «обычаи и обряды занимают больше места, чем действующие лица, чем тот или иной персонаж, действующий под влиянием этих обычаев и обрядов», что в романе «выступают больше целые группы, чем люди, составляющие их».

Налбандян находит, что основные персонажи романа должны были быть на первой линии, должны проявить свои разносторонние качества и не теряться в отдельных эпизодах. По мнению Налбандяна, в романе Прошяна человеческие характеры недостаточно развёрнуты, книга похожа скорее на пейзаж, а фигуры героев имеют вспомогательный характер. В связи с этим Налбандян делает ряд тонких замечаний о характерах главных героев романа, о неубедительности и психологической неоправданности их действий. Он считает, что «Вардигтер, как одиннадцатилетняя девочка, ещё ребёнок, и поэтому ни духовное, ни естественное развитие организма не могли приличествовать той роли, которая отведена ей в романе». Неубедительным кажется Налбандяну и поведение Аршавира. «Отказ Аршавира и его вероломство играют большую роль в произведении; нити несчастного финала частично натягиваются и направляются им или под его влиянием. Но, несмотря на всё это, нам ничего не известно о причинах вероломства Аршавира. Эта измена не вытекает из содержания книги, не связана с ходом романа».

¹ Древний армянский язык.

Для определения верности хода сюжета и развития характеров Налбандян снова прибегает к реальной действительности, исследуя вопрос, в какой мере сюжет и финал романа соответствуют реальной жизни, конкретным условиям.

«Мы согласны, что в грубой, примитивной и нецивилизованной жизни и мгновенное, пустяковое недовольство может иметь разрушительные последствия: Аршавир способен пожелать из-за пустяка причинить ущерб или отомстить Сосу, но дело в том, что читатель не видит в произведении даже и признаков для подобного недовольства».

Для естественности образов, для верного их изображения необходимо, чтобы типичными были не только характеры, но и причины, обстоятельства, вызвавшие поступки действующих лиц, развитие сюжета, взаимоотношения персонажей романа.

Разбирая поведение действующих лиц в романе Прошяна, Налбандян каждый раз ставит вопрос: так ли это? Могло ли это произойти в Армении, где развёртывается действие романа? При этом он приводит примеры, которые показывают, что характерное, скажем, для Англии не может быть характерным для Армении. Слишком различны нравы, обычаи, экономический строй этих стран.

Так, утверждая, что в характере Вардигтера не может быть тех черт, которые приписывает ей автор романа, Налбандян пишет: «Зная состояние аштаракского населения, так же как состояние всей армянской нации, и зная, как хранит армянская женщина своё достоинство, мы не можем допустить, чтобы мать могла публично так позорить свою дочь...»

Чтобы жизнь была изображена в романе полнее, Налбандян считает необходимым обстоятельный показ не только главных, но и второстепенных персонажей романа. «Иногда, желая придать больше силы главным персонажам и без усталости всё время носясь с ними, — пишет он, — автор не обращает должного внимания на второстепенные действующие лица...» Особенно упрекает Налбандян Прошяна за то, что тот лишь мимоходом показал юношу Аршаму, в котором видны черты революционного направления в армянском обществе.

Изображая людей, писатель, по мнению Налбандяна, не должен подменять живой

показ их образов отвлечёнными рассуждениями.

Говоря о романе Тер-Ованесяна «Тер-Саркис» как о достижении, Налбандян замечает, что Тер-Ованесян, «кроме нескольких необходимых исторических разъяснений и внешних описаний, никогда не говорит от своего лица. Действующие лица его романа сами собственными словами или действиями показывают нам, кто они и что. Большая разница между тем, что видишь и что слышишь. Автор, который не сам говорит, а выводит перед нами людей в действии, показывает их нам в образах, и после того, как увидишь, нет необходимости слышать».

Как уже говорилось, очень важное значение Налбандян придаёт естественному развитию сюжета произведения. Он рассматривает сюжет как средство правдивого познания жизни, отражения типических характеров и их взаимоотношений и правильного воспитания читателей. Он находит, что развёртывание сюжета на основе сверхъестественных явлений может возбудить в народе мистические, суеверные взгляды, которые противоречат правдивому познанию жизни. Не возражая против того, чтобы в романе отсталые люди выражали свои суеверные взгляды, он в то же время считает необходимым, чтобы автор со своей стороны показывал их несостоятельность.

Критикуя роман «Сос и Вардигер», Налбандян пишет: «Мы не имели бы ничего против почтенного автора, если бы он изобразил то или иное действующее лицо верящим колдовству. Это естественно... Но Перч Прошян о таких вещах говорит от своего имени. И он так описывает упомянутое нами происшествие, точно весь смысл романа не представляет ничего иного, как показ правильности колдовства и его действия». По убеждению Налбандяна, просвещение, наука, поэт, писатель обязаны очищать понятия, рассеивать туман предрассудков и суеверий.

В этом вопросе Налбандян приходит к очень важному заключению, показывая, что идейная ограниченность автора и его непоследовательность обусловили слабость структуры романа и особенно неестественность его финала. Он доказывает, что в романе неправдоподобно описана смерть героев, потому что эта смерть не вытекает из развития сюжета, не оправдана ни фи-

зически, ни психологически, не дана как логическое завершение характеров. «Здесь автор романа, выйдя за пределы естественного, — пишет Налбандян, — прибегает к помощи сверхъестественного... Финал событий по всей справедливости требует от автора большого умения и мастерства, не говоря уже о том, что протянутые во всём развитии произведения нити должны быть именно здесь с большим мастерством, с большой изобретательностью и, главное, с большой естественностью соединены, собраны и сосредоточены, как лучи, проходящие через увеличительное стекло, чтобы сразу зажечь».

В связи с этим Налбандян считает, что в народных преданиях, легендах, поверьях, в народном творчестве есть богатые достижения, которые должны быть использованы писателями для создания ярких художественных образов, потому что народное творчество хранит в себе отражение действительной жизни, исторического опыта, отпечаток народных дум и чаяний. «Наш простой народ, — говорит Налбандян, — гораздо более свободен от средневекового ярма, чем наши почётные грамотеи — писатели».

Но существующие в жизни «быт и нравы народа, его обряды, обычаи, понятия автор должен разъяснить народу». Писатель обязан правильно понять смысл народных преданий, легенд, поверий, разъяснить причины их возникновения, изучить законы их существования, а не внедрять их механически в свои произведения и даже соглашаться с заблуждениями, которые могут попадаться в народном творчестве. Это требование ставит Налбандян и Прошяну, поясняя, что ряд обрядов, легенд и народных обычаев имеет древнее происхождение, сохранил в себе следы мифических сказаний, суеверий, по отношению к которым писатель должен иметь критический, научный подход. «Ясно, что не наше дело объяснять естественное явление легендой, а, наоборот, мы любим, когда истину, естественное явление, ставшее баснословным, освобождают от его волшебных покровов».

Это требование Налбандяна относится и к изображению человека, его психологии, морального облика и социальной сущности.

Следуя за своими великими учителями — Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, — Налбандян в армянской литературе

стал не только основоположником эстетики критического реализма, но и беспощадным борцом против реакционных литературных направлений. В частности, он боролся против мистическо-романтического направления, причём рассматривал его не как чисто литературное, но и как общественно-политическое явление.

По поводу армянского перевода стихов Ламартина «Les Harmonies» он писал, что эти стихи не являются предметом первой необходимости для армян. По его словам, «от каждой строчки стихов «Les Harmonies» несёт мистицизмом, что не только не бесполезно, но и очень вредно, если мы окинем взглядом положение нашего народа». По Налбандяну, «мистицизм всегда является препятствием и преградой для настоящего просвещения, так как, унося мысли человека из этого мира, где требуется деятельность и движение, мистицизм оставляет человека в таинственной абстрактности, где прекращается всякая жизнь и движение и где признанной жизнью является неподвижность и бесчувствие...»

«Нам нужны жизнь и движение,— писал Налбандян,— нужно надеяться на нас самих и на нашего товарища, и, забыв заботу об абстракции, мы должны своими руками пахать свою землю. Мистика является собственностью отчаявшихся людей. Это моральная болезнь души, заразившись которой люди теряют веру и надежду на собственные силы и после этого становятся жалкими образцами умственной мертвечины...»

Налбандян считает смешным и возмутительным стремление навязать реакционно-романтическое литературное направление армянскому народу. Он бичует людей, которые, предпринимая подобные попытки, объявляют себя учителями армянского народа.

Осудив мистицизм Ламартина, Налбандян критикует и видного армянского поэта Алишана.

Отношение Налбандяна к Алишану совсем не является отрицательным. Он считает ценным целый ряд стихотворений Алишана, которые вышли под псевдонимом Наапета, в частности «Большой и малый

Масис», «Армянская страна», «Соловей Аварайра».

Но, оценивая по достоинству часть произведений Алишана, отвечавших по своей направленности национальному самосознанию народа, Налбандян не признаёт романтико-мистического метода Алишана, не идеализирует и не объявляет безоговорочно прогрессивным всё творчество Алишана, как это делают даже в наше время некоторые армянские критики.

«У Гевонда Алишана есть поэтический дар, и этот дар мог стать ещё более ярким и ясным, если бы чёрная монашеская ряса не являлась препятствием», — пишет Налбандян.

Не отрывать литературу от жизни, от конкретной действительности, не удаляться в сферы таинственных абстракций националистического романтизма, а сделать литературу средством изображения современных передовых людей и, тем самым, воспитывать общество — вот требования Налбандяна, не потерявшие своего великого значения и в наши дни. Они могут помочь некоторым армянским современным поэтам преодолеть абстрактность образов, эгоцентрические настроения, пережитки национальной ограниченности и более глубоко осознать социалистическую действительность, новые социалистические отношения и характеры.

Налбандян не только осуждал реакционно-романтическую, мистическую поэзию, но и явился основателем армянской революционно-демократической поэзии. Его стихи «Свобода», «Дни детства» и другие стали программными документами армянской прогрессивной литературы и общественной мысли. В стихотворении «Дни детства» Налбандян восклицает:

Не лира нежная теперь нужна —
В руках бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага —
Вот жизни смысл, вот боевая речь!

Творчество и эстетические взгляды Налбандяна направили развитие армянской литературы по пути реализма и явились ценным вкладом в сокровищницу культуры народов нашей Родины.

г. Ереван.

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

СЛОВО К ПИСАТЕЛЯМ

Особенно важная задача

Сейчас, в канун Второго Всесоюзного съезда советских писателей, на страницах литературных газет и журналов широко обсуждается проблема положительного героя в нашей литературе. Положительный герой был, есть и навсегда останется главным героем литературы социалистического реализма.

Само собой понятно, что при этом не умаляется и не принижается роль сатиры, юмора в художественных произведениях, необходимость создавать сатирические образы, вытравливать всё гнилое, мерзкое, мешающее нашему движению вперёд.

Советские писатели учат и воспитывают своих многомиллионных читателей — строителей коммунизма — на опыте положительных героев. Показать всесторонне работу и жизнь всеми уважаемого председателя колхоза, директора завода, лучших людей из числа передовиков сельского хозяйства, промышленности, передовых представителей народной советской интеллигенции — это ли не благородная миссия советских мастеров слова!

Особенно важно, как мне кажется, создать положительные образы работников партийного и государственного аппарата. Наши партийные и государственные кадры руководят миллионами советских людей, они повседневно связаны с массами и общаются с ними осуществляют дело созидания величественного будущего. Народ чутко прислушивается к каждому слову партийных руководителей, присматривается к каждому их шагу на работе, в жизни, в быту, подражает им, учится у них правильному сочетанию общепартийных и общегосударственных интересов с личными.

Нельзя утверждать, что в нашей литературе нет волнующих образов партийных работников. Вспомним Давыдова из «Поднятой целины» Михаила Шолохова. Это один из любимых литературных героев.

Чем подкупает Давыдов? Своей партийной правдой, честностью, простотой. Давыдов не отгораживается от масс. Он связан с ними ежедневно, ежечасно. Коммунист-двадцатипятилетний, посланец рабочего класса Ленинграда, он, несмотря на трудности, твёрдо проводит линию партии. Своей рабочей правдой он убеждает крестьян, что их спасение от нищеты и кулацкой кабалы только в объединении в колхоз.

Честность и партийная принципиальность стоят у Давыдова на первом месте, для него они дороже всего.

Высокими моральными качествами подлинных организаторов масс обладают коммунисты Лютиков и Проценко в романе «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Они подают пример стойкости, мужества. Герои коммунисты погибают от руки врагов, но не сдаются; их имена войдут в историю борьбы за коммунизм. Святая ненависть к врагам Родины — немецким захватчикам — сочетается у них с любовью к Родине, с исключительной чуткостью к молодогвардейцам. Ведь не все молодогвардейцы знали Лютикова и Проценко, но их руководство своей деятельностью они чувствовали всегда, каждую минуту.

Образ талантливого партийного работника создан в романе «Счастье» Петра Павленко. Автор задался целью показать своего положительного героя, Воропаева, на живой организаторской и политической работе в массах. И это ему вполне удалось.

Воропаев умеет сплотить, организовать людей на преодоление трудностей. Особенно памятна мне сцена, когда Воропаев организует ночью колхозников на обработку виноградников. Он сумел поднять дух в людях, веру в свои силы.

Воропаев в свою пропагандистскую работу вносит живой творческий дух. Свои выступления перед народом он тесно увязывает с жизнью колхозов, бригад, отдель-

ных людей. Он не произносит сухих, казённых фраз, говорит с народом просто, каждое его слово западает в души людей и прорастает, как семя, брошенное в благодатную почву.

Вопросы партийного руководства имеют ещё более актуальное значение в наши дни. И действительно, почти ни одна современная повесть, роман, пьеса и поэма не обходится без образов партийных работников.

Хорошо удался В. Овечкину в «Районных буднях» положительный образ второго секретаря райкома партии Мартынова. Мартынов видит во всём государственное начало, он человек с перспективой. В противоположность первому секретарю Борзову, он ярый противник формализма в работе. Он смело идёт на конфликт с Борзовым, выступает против его порочного стиля руководства сельским хозяйством. Читатели не удивились, узнав из очерка В. Овечкина «На переднем крае», что Мартынов стал уже первым секретарём райкома партии. Этот рост Мартынова полностью оправдан всей его предшествующей деятельностью.

Можно назвать ещё несколько положительных героев из числа партийных работников. И всё же справедливость требует признать, что с созданием положительных образов коммунистов в нашей современной литературе дело обстоит далеко не благополучно. В последние годы в литературе появилось немало явно неудачных образов. Это, как правило, безликие, безжизненные люди, неспособные вести за собой массы. Иногда кажется, что они вводятся в произведения не для того, чтобы жить и действовать, а для того, чтобы автора не упрекнули в том, что он не показал роли партии. К таким неудачным образам партийных работников, на мой взгляд, можно отнести Кудрявцева из повести Н. Асанова «Секретарь партбюро», Плужникова из «Колхозников» И. Котенко, парторга Озерова из «Горячего часа» Ольги Зив. Очевидно, неудачи таких образов — результат неглубокого проникновения писателей в существо партийной работы.

Создание образа положительного героя, как об этом писала в своей статье в «Комсомольской правде» А. Протопопова, выступает сегодня как один из коренных вопросов современной литературы. С этим нельзя не согласиться. Наша литература должна стремиться к созданию ярких положительных героев. Но при этом А. Протопопова

образ положительного героя понимает как образ некой идеальной личности.

Идеальный герой, в понимании А. Протопоповой, — это какой-то ходячий автомат, не допускающий даже малейших ошибок ни в работе, ни в общественной, ни в личной жизни.

Но вспомним слова великого Ленина: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их»

Именно в этом смысле и надо, как мне кажется, понимать задачу создания образа положительного героя. Наши литераторы должны показать положительного героя всесторонне, в развитии, в его отношении к делу строительства коммунизма, в преодолении своих ошибок и недостатков. Ведь тем и привлекают нас Воропаев из «Счастья», Стрельцов из «Жатвы», Мартынов из «Районных будней», что они показаны в живом общении с народом, со всеми их высокими достоинствами и небольшими слабостями.

Говоря о создании в литературе образов положительных героев из числа партийных работников, нельзя обойти молчанием роман Ф. Панфёрова «Волга-матушка река».

Ф. Панфёров поставил перед собой благородную задачу — разносторонне показать партийных работников.

Если бы Ф. Панфёров справился с задуманной темой, его роман «Волга-матушка река» занял бы почётное место среди произведений советской литературы, полюбился бы читателям. Но он не сумел по-настоящему подняться до показа подлинного искусства партийного руководства, не сумел и противопоставить ему негодный стиль руководства. У положительного героя романа, Аким Морева, есть много хороших черт: партийная принципиальность, настойчивость, чувство нового. Но у него много и недостаёт для того, чтобы стать подлинным положительным героем. Настоящий партийный руководитель тесно связан с массами, опирается на них в своей деятельности. Морев же плохо связан с народом. Часто Ф. Панфёров, стремясь показать Мореву талантливым партийным руководителем, достигает обратного результата. Принцип коллегиальности — основной принцип партийного руководства. Аким Морев у Панфёрова слишком часто самолично решает важнейшие вопросы жизни области, он

находится вне пределов критики. Кроме того, Морев слишком много занимается заседательской суетнёй, только и делает, что произносит речи, которым никто не возражает.

Малинов, по Панфёрову, — противоположный Мореву тип партийного руководителя. Это чинуша, оторвавшийся от народа, окруживший себя подхалимами и угодниками. Малинов задуман автором как сатирический образ. Ф. Панфёров был близок к его созданию. Но только близок. Дело в том, что, стремясь высмеять Малинова, автор нередко сбивается на фальшивый тон. Получается не сатирический образ, а своеобразное шаржирование Малинова.

Было время, когда наша литература изображала партийных работников крайне односторонне. Их можно было видеть вечно

заседающими, засиживающимися до поздней ночи в своих кабинетах, произносящими длинные, мнимо поучительные, а на самом деле скучные речи. За последние годы наши писатели начали отходить от этого шаблона, стали показывать партийных работников не только на службе, но и в быту, в личной жизни. И это хорошо.

Советские писатели должны создать яркие, полнокровные положительные образы партийных работников, на которых могли бы учиться искусству партийного руководства все кадры партии, особенно молодые. Это будет большим успехом советской литературы.

Н. Исаев,
ответственный секретарь
газеты «Красное Знамя»,
г. Новый Оскол.

★

Два замечания

Советские писатели создали немало замечательных произведений, которые живут и долго будут жить в нашем народе и служить великому делу построения коммунизма.

Я работаю на автозаводе имени Сталина и хорошо знаю, с какой радостью встречают автозаводцы каждое новое литературное произведение, как активно обсуждают его на читательских конференциях. В наших библиотеках никогда не залеживаются на полках ни толстые журналы, ни хорошие книги.

Однако, несмотря на достижения советской литературы, читатели всё ещё не испытывают полного удовлетворения. Мы живём в такое время, когда совершаются великие преобразования, и мы не только свидетели больших дел, но и активные их участники. Жизнь рабочих, их труд, духовный рост должны быть в центре внимания советских писателей. А о героическом рабочем классе пока ещё создано мало книг. И становится совершенно непонятно, когда молодые писатели, выпустив одну книгу, перестают работать, молчат долгие годы. В. Ажаев написал хороший роман «Далеко от Москвы». Мне его роман «Далеко от Москвы» очень понравился. Герои романа надолго запомнились и полюбились. Но вот прошло много лет, а о другом, новом романе Ажаева что-то ничего не слыш-

но. По-моему, Ажаев мог бы написать роман о рабочем классе ещё лучше первого.

Удача В. Ажаева, создавшего роман «Далеко от Москвы», по-моему, заключается в том, что он правдиво описал события. Читатель верит в реальность описанного. Хорошо показан честный, решительный, требовательный и отлично знающий своё дело начальник строительства Батманов. Его любит народ за справедливость, за умение работать. Вера в людей, знание жизни, большой опыт позволяют ему правильно решать любые вопросы. Из самого трудного положения Батманов находит выход. Запомнились и полюбились читателю и молодой, увлекающийся Ковшов и инженер Беридзе. Правдиво показаны трудолюбивая, смелая Таня Васильченко, сварщик Умара и многие другие. Именно с таких людей хочется брать пример. Писатель умело передал пафос труда большого коллектива, волнение за общее дело, общую радость.

Жизни, труду рабочего класса посвятил свой роман «Журбины» В. Кочетов. Большое и полезное дело сделал автор, показав «династично» судостроителей. Десятки лет, из поколения в поколение, трудятся на судостроительном заводе отцы, сыновья и братья и, словно эстафету, передают молодёжи свой опыт, свои заветы. Эти кадры — потомственные рабочие названы писателем гвардией рабочего класса, и как хоро-

шо и правдиво это сказано! С любовью автор описывает Журбиных дома и на производстве, их думы и стремления. Мне нравится и сам глава семьи, бородатый и мудрый дед Матвей, и его сыновья — Илья и Василий, и сыновья Ильи — Виктор, Антон, Костя и Алёша.

В семейной жизни Журбиных не всё гладко, хоть и живут они дружно. Виктор с Лидой не сумели наладить семейную жизнь, и Лида ушла от Журбиных. Зазнался младший сын Алёша своими успехами — отец убедительно разъясняет ему неправильность его поведения. Василий Журбин упрекнул брата Илью: «Не сумел в собственном доме порядок навести, допустил до того, что живой человек у вас вроде как бы на отшибе оказался. Не вникаешь, брат мой, в семейные дела. Что у вас творится? С Алексеем происшествие. С Виктором... А семья — она ячейка государства. К ней шалляй-валяй относиться никто из нас не имеет права».

Крепкими узами связана семья Журбиных с судостроительным заводом. И автор по праву на многих страницах книги описывает жизнь заводского коллектива. Большая техническая перестройка судостроительного завода повлекла за собой изменения в судьбе членов семьи Журбиных. Алёша приобретает новую специальность. Учится молодёжь, и даже сам Илья Матвеевич чувствует, что со старыми знаниями он жить не может, несмотря на свой огромный опыт. Однако не всё достаточно хорошо удалось автору романа. Слабо, на мой взгляд, показана партийная организация завода. Комсомола и совсем не видно, не слышно. Работают по существу лишь директор и администрация, и у всех одна задача — план. Этому подчинено всё. О воспитании же рабочих ни слова не говорится. Писатель нашёл на громадном заводе только одного отрицательного человека — заведующего клубом. Как будто нет на громадном заводе рабочих, которые не выполняют плана, нет комсомольцев, которые не учатся, нет ни пьяных, ни семейных неурядиц. Создается впечатление, что и в самом деле тут общественным организациям делать нечего: плохого заведующего клубом сняли, нашли хорошего заведующего, Василия Журбина, есть парторг завода, и теперь они всё сделают, что необходимо.

Некоторые писатели возражают, когда читатели указывают им на то, что они не

отразили какое-либо событие, тех или иных людей, ссылаясь при этом, что номенклатурный список и роман — разные вещи. Это верно, и я вполне с этим согласен, но есть, на мой взгляд, явления, которые совершенно необходимо отражать в книге. Будет ли правдиво произведение, если в нём не отображена руководящая роль партийной организации? В книге о молодёжи необходим показ комсомольской организации. Как бы вы ни возражали, товарищи писатели, против «номенклатурного» списка, а мы, читатели, требуем всестороннего показа жизни. Покажите же, чем живёт рабочий, как он работает, какова его квартира, что у него на столе, как он отмечает праздники, читает ли книги и какие, часто ли бывает в клубе, в театре, какие пьесы смотрит и нравятся ли они ему. И сколько тут возникает конфликтов, жарких споров, интересных и полезных разговоров!

Роман «Журбины» был бы ещё ярче, правдивее, интереснее, если бы в нём была всесторонне показана жизнь заводского коллектива. Получается так, что и Алёша, и Антон, и Костя, и Виктор выросли сами по себе, без какого бы то ни было влияния коллектива, сами стали замечательными людьми. А верно ли это?

К сожалению, недостаточная разработка образов партийных и комсомольских вожakov — беда многих наших писателей. В книгах, посвящённых рабочему человеку, хочется видеть и яркие и правдивые образы мастеров труда и тех, кто воспитывает их, ведёт к новым успехам.

Ещё мне хотелось бы поговорить о том, как в нашей литературе изображается любовь, как решаются вопросы семейной жизни, брака.

К сожалению, некоторые наши писатели в своих произведениях уделяют любви самое малое внимание. Есть произведения, где любовь показана скучно, сюжеты повторяются, диалоги влюблённых неинтересны, о любви говорят робко, с оглядкой, шёпотом, чтобы кто-нибудь не подслушал. А жаль, что в художественной литературе о горячей любви говорят без любви, говорят холодно и неинтересно.

Любовь! Какое это красивое слово! Какие это прекрасные чувства! Любовь делает человека чище, светлее, трудолюбивее. Влюблённый человек как бы под-

тягивается во всё, старается быть лучше, красивее, прилежнее.

Почему в произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Шолохова интересно показана любовь и эти произведения читаются по многу раз и, несмотря на дальность времени, в котором жили их герои, они нам близки, мы волнуемся за них? Разве нет у советских писателей возможностей, чтобы ещё глубже, ещё всестороннее раскрыть душу советского человека? Безусловно, есть. Всё дело, очевидно, в изучении жизни, в овладении мастерством. Если писатель сумеет проникнуть в психологию героя, передать его мысли и чувства, то он заставит читателя волноваться, а может, и заплакать, и это волнение лучше всего дойдёт до читателя, повлияет на его дела, поступки, мысли. Пусть я не молодой читатель, но с удовольствием почитал бы хороший роман о светлой, чистой, красивой любви, которая облагораживает человека; о любви, ради которой человек становится лучше, изживает плохие черты своего характера.

Я не собираюсь отрицать и доказывать то, что в нашей жизни не встречаются люди аморальные, распущенные, из-за которых страдают другие, хорошие и честные люди. К сожалению, они есть, и надо показывать их в литературе, клеймить позором. Но почему-то многие писатели, касаясь вопросов любви, более всего увлекаются несчастной любовью, разводами. Причём разводят чаще всего директоров, партаргов и других ответственных работников.

О. Зив в «Горячем часе» развела с женой партарга Озерова без особенных на то причин и заставила прекрасного человека тяжело страдать. Но она не заставила ни Озерова, ни его жену попытаться уладить вопрос по-хорошему и пойти на взаимные уступки, чтобы не допустить развода.

А. Коптяева в романе «Иван Иванович» похоронила дочку Ольги, и ещё слёзы у матери не высохли, как, увидев на пароходе инженера Таврова, она сразу же влюбляется в него. И дочь и хорошего человека Ивана Ивановича Ольга забыла ради Таврова, полюбила его молниеносно, хотя и не знала, что это за человек.

В «Оттепели» Эренбурга Лена решила уйти от своего мужа, директора завода Журавлёва, прожив с ним много лет. Лене показалось, что она любит инженера Коротева, который бывал у них на квартире.

После долгого пребывания дома Лена вышла на улицу. Шагая по улице, она думала о себе. «Ей смешными казались теперь её давнишние обиды, гордость, сомнение. Всё просто и непоправимо»,— думает она. «С ней получилось то, что она читала прежде в романах; она полюбила Коротева любовью, которая пересекает жизнь, а он не любит её. Ничего здесь не поделаешь».

И в это время, когда она так думала, Коротев шёл по улице и громко крикнул: — Лена!

«И то, что он впервые назвал её не Еленой Борисовной, а Леной, решило всё».

Случай, только случай свёл их на улице, и всё решилось само собой. Они подошли к дому, где жил Коротев, и он на тёмной лестнице поцеловал Лену. Тем и кончается повесть. Но нашла ли она счастье с Коротевым? Будут ли они жить вместе или Лене скоро опять будет скучно, она снова перебросятся к другому и опять будут мучения вместо радостей?

В этой же повести 54-летний инженер Соколовский давно любит Веру Григорьевну, часто бывает у неё, пытается объясниться в любви и не может.

Вместо того чтобы сказать о своих чувствах к Вере, Соколовский говорит о том, какими красками писал Леонардо, о музыке. Но вот, когда он уже решил заговорить о своих чувствах, прозвонил звонок телефона и Веру вызвали к больному ребёнку. Соколовский собирается уйти, но Вера удерживает его и просит подождать её возвращения. Соколовский ждёт у открытой форточки и думает, что же сказать Вере, когда она вернётся. «Ничего не скажу,— думает он.— Или скажу: Вера, вот и оттепель».

А дальше? Дальше нет ничего. Так и не повеяло теплом из открытой форточки.

Актриса Танечка (из той же повести) всю жизнь мучится без любви, без счастья, недовольная жизнью и не удовлетворённая своей работой, потому что в театре две-три пьесы, играть нечего и народ не ходит. И Танечке и 32-летнему художнику Пухову — молодым, здоровым советским людям — нет ни счастья, ни любви, ни покоя в жизни. И очень похоже, что и живут-то они не в Советской стране, а где-то в другой.

А вот Соня Пухова и инженер Савченко. Казалось бы, они любят друг друга, когда они в отдельности, но встретятся — и не

находят общего языка. О любви говорить не смеют и потому говорят о Берлинском совещании, об Италии и о других политических проблемах. В лесу Савченко обнял Соню без слов, и без слов Соня стала целовать его, а потом убежала, и опять они врозь, и опять не ясно, любят ли они друг друга, и опять нет радости. А в самый решительный момент, когда вопрос их счастья, казалось, вот-вот решится, Соня заявляет, что между ними пропасть. непроходимая пропасть, да и характеры у них разные. И, вместо того чтобы преодолеть пропасть ради любимой, вместо того чтобы поработать над своими характерами и улучшить их или пойти на взаимные уступки, автор отправил Соню в Пензу, а Савченко оставил в том же городе. Савченко говорит, что он приедет в Пензу в отпуск, но Соня не велит. И нет ясности во взаимоотношениях, нет счастья от любви, и ничего не известно, что стало с ними. За рамками повести, вероятно, их счастье или несчастье.

Как это неверно показано в некоторых романах, когда молодые и пожилые люди теряют дар речи в тот момент, когда надо говорить о любви. Заставьте же, товарищи писатели, заговорить влюблённых полным голосом о своём счастье без оглядки, не давайте им мучиться без причины, не создавайте между ними надуманных пропастей!

Радость! Вот что должна приносить любовь. Про такую любовь хочет читать советский читатель. Радость семейного счастья — как важно показать и это в художественной литературе! Я знаю, как счастливы люди, когда у них рождается ребёнок. Но в романах, по воле авторов, дети не приносят ни особых радостей, ни волнений.

В «Оттепели» у Лены есть дочь, но мы знаем только одно её имя; не видим мы Лену в роли матери. А Коптяева в романе «Иван Иванович» дала Ольге полную свободу, похоронив её дочь. Может быть, и Лида Журбина ушла от Виктора потому, что у неё не было ребёнка, и, может, оттого она и скучала, оттого была задумчива и горевала, сидя с книжкой в кресле. А читала она, наверно, такие же романы, как и Лена Журавлёва: где любовь — там развод, и, вероятно, она привыкла к этому и стала считать это привычным делом... И никто ей не говорил, что это плохо. И от Виктора она уходит без его возражения, и он не борется за неё, а только сильно волнуется, сильно страдает. Мучится и отец Виктора, Илья, переживает вся семья и даже дед Матвей, а Василий упрекает всех, что проглядели человека. И верно, проглядели. Но уже не вернёшь — ушла Лида. А Лена и Лида начитались романов и убедились, что «всё это так просто и непоправимо», все так делают.

«Все это делают» — эту фразу я иногда слышу от молодёжи на автозаводе. Так не лучше ли, товарищи писатели, написать о любви так, чтобы влюблённые видели в ней счастье, радость, чтобы она вдохновляла их?

И чем меньше измен и разводов в романах, тем меньше их будет в жизни. Чем интереснее и поучительнее роман, тем сильнее его влияние на воспитание нашей молодёжи. Ведь коммунистическое воспитание советских людей — главное назначение советской литературы.

Г. Рыжков,
технический контролёр
автозавода имени Сталина.
Москва.

★

Писатель и наука

Когда ко мне обратились с просьбой высказаться на страницах «Трибуны читателя», мне вначале очень хотелось поблагодарить редакцию за эту честь, но всё-таки отказаться от предложения. Ведь я не критик и не разбираюсь во многих вопросах, волнующих сейчас писателей и критиков.

Однако, подумав некоторое время и, особенно, прочитав недавно опубликованную в «Литературной газете» статью Г. Фиша и некоторые другие, я решил воспользо-

ваться предложением редакции. Мне кажется, что выступление моё или кого-либо другого из советских учёных, разделяющих одинаковые со мной взгляды, может оказаться полезным. В той борьбе против догматизма в науке, которую приходится вести многим из нас, учёным нужна поддержка широких кругов нашей общественности и в том числе поддержка писателей.

Как мне кажется, Г. Фиш и некоторые другие товарищи неправильно поняли основные задачи писателя, пишущего о науке.

В советской науке творятся великие дела. Творческим духом, духом исканий, духом замечательных открытий пронизана деятельность многочисленных учёных нашей страны.

Этот творческий дух верно и точно схвачен, например, в недавно вышедшем хорошем романе Д. Гранина «Искатели», а также в других, более ранних произведениях этого автора.

У истинного учёного творческие искания сочетаются с огромным, напряжённым трудом и тысячекратной проверкой каждой полученной формулы, каждого факта. Искатель нового не может довериться первому впечатлению. Он должен всегда быть придирчивым критиком самого себя, сам искать и выдвигать многообразные возражения своим творениям, своим наблюдениям. И затем долгой, кропотливой работой, новыми сериями тщательнейших опытов и исследований — опровергать эти возможные возражения.

Только тогда, когда учёный уже абсолютно убеждён в своей правоте, когда устранены малейшие неясности или неувязки, он с полной уверенностью ломает установившиеся традиции, активно борется за новое.

Д. Гранин сумел без прикрас и без излишней слащавости воссоздать именно ту атмосферу научного труда, в которой создаются истинные открытия.

Ведь его Лёвинов отстаивает свою передовую идею не одними авторскими заявлениями или требованиями немедленно внедрить новый метод, после того как одна-две пробы случайно оказались удачными. Нет, он борется за неё прежде всего у себя, в своей лаборатории, а вне лаборатории он добивается своего несомненного права на новаторские исследования, на творческие искания, на научный риск.

И поскольку Д. Гранин глубоко изучил жизнь, герои, действующие на страницах его романа, получают каждый своё неповторимое, живое лицо.

Почему удалось Д. Гранину передать творческую атмосферу?

На этот вопрос нетрудно ответить. Думается, что самое главное в работе писателя, пишущего о науке (я говорю не о научно-популярных, а о художественных произведениях), не его суждения по научным вопросам, как полагает, например, Геннадий Фиш. Иногда непродуманное, поспешное вмешательство писателя в научные споры

приводило и приводит к совершенно ненужным обострениям личных моментов в научных дискуссиях, создаёт накалённую атмосферу огульного охаивания работ некоторых достойных учёных, толкает к наклеиванию ярлыков «идеализма», «реакционности» и т. п. там, где ни о каком идеализме не было и нет речи.

Тот же Д. Гранин прекрасно подметил, как пользуются такой взвинченной, ненормальной обстановкой проходимость от науки для своих личных целей. Профессор Тонков в романе Д. Гранина именно таким путём дискредитирует хорошего учёного Куннина.

Было бы неправильно, если бы писатель, не проделав ни одного опыта, не проверив ни одной формулы, не сделав ни одного научного расчёта, счёл свое вправе дать в своём произведении неоспоримое решение тех или иных специальных вопросов науки.

А ведь именно к этому, по сути дела, и призывает Г. Фиш.

Те примеры, которые приводит он в подтверждение своего тезиса, совершенно неубедительны. Ни Чехов, ни Писарев никогда не брались за пропаганду взглядов, которые только показались им верными.

И когда устами доктора Астрова Чехов заговорил о лесах и об их насаждении, то высказывал он не Докучаева мысли, а свои собственные, чеховские. Он сам, Антон Павлович Чехов, всё то, о чём говорил Астров, продумал и прочувствовал.

Так же точно и Писарев, пропагандируя учение Дарвина о естественном отборе и происхождении видов, конечно, в дарвинизме разобрался сам и притом до конца.

Нет тут никакого принятия какой-то стороны в научном споре, о котором пишет Г. Фиш.

Может возникнуть вопрос: а что же остаётся писателю, пишущему о науке?

Ему остаётся самое главное — люди. Писатель обязан разобраться в людях, творящих науку, в их сложных взаимоотношениях, в их мыслях и чувствах.

В борьбе нового со старым, в борьбе за передовую науку и технику, против примазавшихся карьеристов вроде Потопенко (роман Д. Гранина «Искатели») писатель должен разобраться, изучая характеры, поведение каждого в острой жизненной борьбе. Он должен глубоко понять каждого человека в его взаимоотношениях с коллективом, в его поведении в быту и наедине с собой.

Во многих отношениях писатель, пишущий о науке, не должен отличаться от писателя, пишущего о других сторонах нашей жизни. Тема, избранная им, не даёт ему никаких скидок, которые могли бы оправдать низкий художественный уровень вещи, неглубокий, поверхностный анализ явлений, условную схематизацию характеров.

В той сложной картине, которую представляет собой наша жизнь и, в частности, научная, наполненная тяжёлым творческим трудом, подчас тяжёлой и трудной борьбой, нет ни идеально розовых героев, ни чёрных злодеев. Когда призывают к их изображению, то забывают одно очень важное качество, без которого не может быть ни одного художественного произведения.

Это качество — новизна, свежесть мысли. Писатель должен говорить с читателем о том, чего сам этот читатель не замечал или не понимал раньше.

Того писателя, который пишет по-новому, пишет о новом, будут читать запоем. Именно из-за нового слова, сказанного Тургеневым или Чернышевским, зачитывалась молодёжь «Отцами и детьми», «Что делать?». Именно этой чертой замечательны классические произведения русского литературного гения. На них росли, о них спорили, их переживали. Каждое произведение Пушкина, Лермонтова, Чехова было в своём роде откровением, как откровением был такой

шедевр мировой литературы, как «Мать» Горького.

Каждый из нас в жизни встречает много разных людей, часто очень интересных, своеобразных. Мы по-разному относимся к ним. Один и тот же человек встречает разное отношение со стороны тех, с кем его сталкивает жизнь.

Таковы же и настоящие литературные герои (не манекены и не схемы). Я думаю, что о многих героях Гранина (может быть, правда, не обо всех) будут спорить советские читатели.

И насколько это лучше — спорить о живых образах, чем развешивать на весах положительные и отрицательные черты, как делают некоторые участники дискуссий о «положительных героях».

И подчас кажется мне, что многие споры на страницах печати, свидетельствами которых мы являемся, — о положительном герое и другие — суть споры о схемах, которые те или иные писатели или критики считают правильными для написания хороших вещей.

Но, вероятно, писать хорошие вещи нужно вообще не по отвлечённым схемам, и поэтому выбрать между разными схемами не стоит. Все они равно плохи именно тем, что они схемы, а жизнь всегда была и будет много интереснее, много богаче любой, самой удачной, самой хорошей схемы.

С. Соболев,
академик.

Интересоваться жизнью книги

Шестой год работаю я в библиотеке. Вначале не по душе была мне эта работа, я не видела в ней ничего интересного, захватывающего. Тишина, однообразие. Люди приходят и уходят, приносят книги, и, кажется, ничего особенного не происходит. Но недолго мне пришлось думать так. Ведь только с виду кажется, что это работа тихая и ничем не примечательная, а в самом деле большой, разнообразной жизнью живёт библиотекарь, если он работает с душой.

Сотни людей иногда проходят за день, каждому нужно подобрать книгу, посоветовать, нужно почувствовать душу человека, увидеть по выражению его лица, подчас как бы случайно брошенным скупым словом, какое впечатление произвела на него

только что прочитанная книга. Ведь бывает так, что читатель, которому подряд пришлось прочесть несколько произведений, не способных волновать душу человека, не умеющих заставить его задуматься, приходит в библиотеку уже с явным безразличием, словно в хлебную лавку. Ему всё равно, что ему дадут. «Знаете,— говорит он в таких случаях,— уж как-то легко они читаются, начнёшь первую страницу и знаешь, что будет в середине и в конце». Но вот читатель, который прочёл недавно «Жизнь Климса Самгина», «Войку и мир», «Анну Каренину», «Молодую гвардию», «Даурию», уже как-то по-особенному взволнован, он рассказывает о героях этих книг, будто о себе самом, так близки они ему, и с гневом и ненавистью вспоминает строч-

ки о всякой дряни, которая есть ещё на нашей земле.

В процессе работы у меня выработалось как бы двойственное отношение к художественной литературе. С одной стороны, существуют книги, представляющие интерес для каждого человека (Пушкин, Горький, Чехов, Гоголь, Шолохов, Фадеев и другие), но есть и литература, если так можно выразиться, «профессиональная», вроде романов «Металлисты» А. Былинова или «Горячий час» О. Зив. Эти последние книги рекомендуешь читателю в зависимости от его профессии. Конечно, нам очень нужна и техническая и сельскохозяйственная литература, но в соответствующих отделах, а коль она уже попала в художественную, то пусть на фоне производственного процесса раскрывается душа человека, становление его характера.

Мы не против того, чтобы писатели показали нам и как плавится сталь, и как добывается уголь, и как на воду сходит новый корабль, но не с точки зрения только технического процесса или географических данных. Хочется видеть прежде всего творца всего этого окружающего нас богатства, хочется видеть человека в его личной жизни, в быту, в учёбе, в борьбе со старым.

Мне кажется, было бы полезно, если бы

писатели интересовались жизнью своей книги. С этой целью хорошо бы им связываться с библиотеками районов, сёл, колхозов, заводов. А ведь часто бывает так, что магазины со всех концов Советского Союза присылают нам бланки заказов с просьбой купить книги, но никогда ни один писатель не написал нам письма с просьбой рассказать, как живёт его книга. Выпустил в свет, и, как говорится, ни пука, ни пера. А книга иногда лежит на полке в десятках экземпляров, и годы проходят, а она всё как новенькая. Писатель же тем временем ещё и ещё пишет книги, а они ни уму, ни сердцу. Поэтому, мне кажется, было бы замечательно, если бы писатель, особенно молодой, выпустив книгу, интересовался дальнейшей судьбой её, знал, как её люди принимают, какую пользу она им принесла, ведь в книге — душа самого писателя, его идеи, его мировоззрение.

Чем больше наших книг будет посвящено человеку, тем лучше выполнит наша литература свою воспитательную роль, а писатели будут настоящими инженерами человеческих душ.

Мария Синодова,
заведующая библиотекой.
г. Вознесенск,
Николаевской области.

О личности и коллективе

Есть книги, которые перечитываешь по нескольку раз, радуешься, читая их, завидуешь героям, учишься у них жить по-настоящему, иногда страдаешь вместе с участниками событий, описанных в книге. Такие произведения зовут на борьбу, на подвиг, на труд во имя родного народа. Молодой человек после прочтения таких книг становится серьёзнее, мужает, растёт духовно. О таких книгах хочется рассказать товарищам по работе, вслух почитать их в семье, в кругу близких.

Мы читаем «запоем» «Это было под Ровно» Д. Медведева, «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, «Молодую гвардию» А. Фадеева, «В Крымском подполье» И. Козлова главным образом потому, что в них подкупает правда. В этих книгах показаны сила коллектива, организующая воля партии.

А вот если обратиться к произведениям, посвящённым нашей колхозной деревне, то

увидим, что во многих из них на первом плане действует председатель колхоза, всегда волевой, энергичный, умный. Везде он успевает, и всё ему удаётся. Это было бы хорошо, если бы вместе с ним так же активно действовал и коллектив.

Ведь коллектив — великая сила, и часто там, где не сумел сделать один, обязательно сделает коллектив, — недаром существует поговорка: с народом можно горы своротить.

Мне думается, что писатель, если он пишет о деревне, обязан показать не просто волевого, умного руководителя, а такого руководителя, который во всём опирается на массы, на актив и при его поддержке осуществляет практические решения партии и правительства, направленные на укрепление колхозного хозяйства.

Недавно я прочитал повесть А. Вальцевой «Осень в Щеглах».

Поначалу мне казалось, что эта повесть написана о людях советской деревни, об

энтузиастах колхозного дела, несмотря на трудности, упорных в своём движении вперёд. Но чем дальше читал я, тем больше убеждался, что написана повесть об одном человеке — председателе колхоза Дубкове.

Вот Дубков, вернувшийся с фронта, «согнувшись, просидел ночь на кровати, слушая невесёлый рассказ жены о делах в колхозе...»

Вот Дубкова выбрали председателем колхоза, и его жена Алёна Дмитриевна сказала ему: «Гляди, Паша, тринадцатым заступашь».

И вскоре Дубков стал самым авторитетным человеком на селе.

Его любят за заботу о людях, за старание укрепить артель, за то, что он находит время поговорить и успокоить старую колхозницу, которая перед смертью решила пригласить монашку; поучить подростка Сашку, оставшегося без отца, и оказать ему помощь; за умение наладить любую машину; за песни, которые любят в Щеглах и поёт Дубков. Он наделён писательницей всеми хорошими качествами. Даже поучает механика, как наладить машину для стрижки овец, учит соседа пеленать ребёнка.

«...Кто ни подстрелит какую дичь — шкурки сдирать зовут Дубкова...» Он умеет управлять автомашиной и ездит без шофёра. Дубков вывел колхоз имени Тельмана в передовые в районе, но сделал-то он это один, без членов правления, без партийной организации, без общих собраний членов артели. Так по крайней мере вытекает из повести.

Невольно задаёшь себе вопрос: что было бы, если бы не Дубков? Какими путями, мерами, методами добился председатель укрепления колхоза — ни слова.

Для примера можно привести историю агронома с ласковым, детским именем Вася. Дубков через месяц после приезда Васи рекомендовал его секретарём партийной организации. А чем Вася заслужил это?

Кто был до него на этой почётной работе в колхозе? Как работал? За что его освободили? Неизвестно.

Несмотря на то, что Вася стал секретарём парторганизации по рекомендации Дубкова, последний через неделю костит Васю: «...Как он смел! Кто он по сравнению с Дубковым? Мальчишка! Пришлый человек!...»

Единоначалие Дубкова доходит до того, что он едет на Кубань, но никому не сказал о цели поездки, помалкивал. А поехал Дубков достать кой-чего для колхоза без нарядов, без разрешения свыше.

Хорошие, честные, как будто всю душу отдающие колхозу люди окружают Дубкова, но как они (бригадиры, члены правления, коммунисты) организуют всю массу колхозников? Снова один Дубков. Бригадир Анна Васильевна, например, так и заявляет: «Только нет у меня организаторских способностей...» И никто её не учит, не наталкивает на это. А ведь бригадир ведёт за собой большую массу колхозников. Без бригадира председатель, какой бы он ни был, вряд ли справится с работой — и тем более после укрупнения колхозов.

Для нас, работников сельского хозяйства, ценно знать, как руководит хозяйством председатель через актив, как организует работу партийная организация колхоза. Наши советские писатели — М. Шолохов, В. Овечкин и другие — пишут о деревне правду, зная её жизнь, быт, всю подноготную, бывая там, изучают, подробно анализируют события. Умалить роль актива нельзя. Принижение значения коллектива — серьёзный пробыл в работе многих наших писателей. Творец и строитель коммунизма — народные массы. Чем выше сознательность и организованность масс, тем успешнее и быстрее будут решены грандиозные задачи строительства коммунизма.

А. Елизаров,
агроном Лухской МТС,
Ивановской области.

★

Поэзия — душа жизни

Поэзия — это выражение мыслей и чувств, вызванных явлениями внешнего мира. Однако стихи некоторых наших поэтов не дают читателю ничего нового, не волнуют его, не вызывают ни единого вопроса, не наводят на серьёзные, глубокие размышления. Стихи часто носят описательный, по-

вестовательный характер — это, в лучшем случае, зарифмованная проза.

Вот пример:

Мы шли с тобой по лабиринтам
парка,
Всё в этот полдень радовало нас:
Над павильоном выгнутая арка,

Аттракционы, толкотня у касс,
Сияние подстриженных газонов,
Анации у тира в два ряда,
Киноафиша «Константин Заслонов»,
Висящая на стене у пруда,
Девчурки чьей-то платьице в оборках,
Мельканье лиц и вспархиванье птиц,
И «эскимо» в серебряных обёртках
На голубых лотках у продавщиц...

Какие чувства и мысли возбудил поэт у читателя приведёнными стихами? Никаких. А стихотворение называется «Любимой», написано оно Е. Евтушенко и напечатано в журнале «Октябрь» № 6 за 1962 год.

В лирике нашей ещё мало живых, реальных людей, людей с глубокими переживаниями: страданиями и радостями, горем и счастьем, грустью и весельем — со всем многообразием человеческих чувств. А ведь поэзия — душа жизни, внутренний мир человека.

Вот ещё один пример:

Лена выходит замуж за Ежикова потому, что он:

...в деле не боится надорваться
и четыре месяца подряд
выполняет план
на сто семнадцать,
на сто двадцать,
на сто шестьдесят!

Когда Лена позвала Ежикова, то:

Говорил он много о железе
и какая в нём — в железе —
власть.
— Вот фреза —
она в стихи не лезет,
а на деле — основная часть!
Или вот в машинном отделенье
передач чугунное литьё,
или, снажем, рубка управленья,
или трансформаторы —
да всё!

Далее. Елизавета, приглашая на свадьбу, говорит:

— Дзюба! Евстигней!
На сто двадцать
Выполнил задание!
Месячное
За шестнадцать дней!..

(В. Журавлёв, поэма «Вторая встреча»)

Такое одностороннее изображение советского человека обедняет его. Не спорим, труд в жизни человека имеет огромное значение, но это вовсе не значит, что можно изображать труд, не раскрывая образа человека.

Уж наверно говорят жених с невестой, любимый с любимой и о первых подснежниках, и спорят о хороших произведениях искусства, и беседуют о жизни, мечтают о своём будущем. Не всё и всегда проходит гладко в любви. Бывают и страдания, чувство тоски, грусти, скорби. И счастье тем больше, когда много пережито, пережито. Да так именно и есть в жизни. Любовь же в примитивном освещении опошляется.

Хорошо, когда пишутся стихи на злобу дня. Литература призвана активно вмешиваться в жизнь, откликаться на самые животрепещущие вопросы. Плохо то, что стихи чаще всего и уходят вместе с этим днём. Поэзия Пушкина, Лермонтова и особенно Некрасова была самым живым откликом на современность, но она продолжает жить и в наше время, несколько не старея.

Очевидно, прав был Белинский, говоря: «Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы сильно ни отзывалось оно современными вопросами, но если в нём нет поэзии, — в нём не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов...»

Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что писатели порой боятся постановки острых, не устоявшихся, а только возникающих в жизни вопросов. В этом отношении они в большом долгу перед народом. Только тогда произведение может принести пользу читателю, вызвать живой отклик, когда в нём затрагиваются проблемы, вытекающие из самой жизни, повседневно стоящие перед советским человеком, ибо литература призвана быть наставником жизни, руководителем к лучшему.

Появление сырых, шаблонных произведений свидетельствует о несерьёзном, поверхностном отношении писателей к изображаемым явлениям жизни.

Чем, скажем, объяснить появление в печати стихотворения «Любимой» Е. Евтушенко, поэмы «Вторая встреча» В. Журавлёва? Авторы глубоко не прочувствовали, не вникли в смысл изображаемых явлений, не изучили во всех деталях материал, не сжились со своими героями, остались безучастными к излагаемому, не пропустили излагаемый материал через своё сердце и душу. Авторы остались посторонними наблюдателями, констатирующими те или иные события жизни. Произведения по-

лучились бесчувственными, не озарёнными ярким светом авторских чувств и мыслей. А если так (а это именно так!), то авторы просто поспешили с опубликованием своих недоработанных произведений, вместо того чтобы ещё долго и упорно над ними трудиться.

Хочется попутно остановиться ещё на одном вопросе. Много и часто говорим мы об идейности художественных произведений. А тем не менее продолжают появляться произведения малоидейные или, напротив, с большой идеей, но поданной настолько голо, что она теряет всякий смысл. И в первом и во втором случае они не могут быть названы произведениями художественными.

Одна из причин этого, думается, следующая. Некоторые авторы пишут свои произведения на заранее «созданную» идею. Вооружившись далёкой от жизни идеей, они выдумывают соответствующие обстоятельства, создают абстрактных людей, одним словом, прячут свою идею в различные условия и образы, как бы «олепяя» её. Но чего стоит такое оперение! Лёгкое дуновение ветерка — и «перья» разлетаются, а идея предстаёт в голом, обнажённом виде.

Что может вызвать такое произведение у читателя? Ничего, кроме недоумения. Ведь не авторская идея рождает жизнь, а сама жизнь, сложная, интересная, многогранная, рождает идею. Не от идеи к жизни, а от жизни к идее — таков путь истинного писателя. «Художественное произведение, — писал Добролюбов, — может быть выражением идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты

действительности, из которых эта идея вытекает сама собою». В этом случае не будет навязывания той или иной мертворождённой идеи читателю.

Но, чтобы идти от жизни, глубоко правдиво её отражать, надо знать эту жизнь. Однако правдивость произведения ещё не является сама по себе достоинством произведения. Достоинством произведения будет: широта взгляда самого автора, верность понимания жизненных явлений в их диалектическом развитии, глубокое проникновение в суть человека, живость, убедительность, яркость изображения.

Назрел вопрос о более строгом отборе произведений. В этом ощущается жизненная необходимость. Читатель будет искренне рад избавиться от литературного сырья.

Мы знаем, ценим и любим родную советскую литературу, литературу Горького, Шолохова, Фадеева, Гладкова, Федина, Н. Островского, Леонова, Исаковского, Твардовского, Щипачёва и других. Именно поэтому обидно сознавать, что рядом с замечательными произведениями уживаются произведения мелкие, рыхлые, скучные, ложные, произведения-штампы, которые снижают качество всей литературы, мешают её развитию.

Много ещё спорных, нерешённых вопросов в литературе, и от их решения зависит дальнейшее развитие всей нашей литературы. Для этого необходимо выставлять их на обсуждение, чаще практиковать творческие дискуссии с привлечением всей советской общественности.

Н. Черных,
преподаватель литературы.
Ст. Курганная.

★

За развитие приключенческой и научно-фантастической литературы

Кто из советских читателей не знает и не любит фантастические романы Алексея Толстого — «Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита», кто из нас не зачитывался в своё время книгами Жюль Верна, Герберта Уэлса и другими произведениями научно-фантастического и приключенческого жанра? И если сейчас мало выходит таких книг, это не значит, что интерес к ним пропал. Наоборот, в наш век, век гигантского преобразования природы, невиданного развития науки и техники, увлекательные книги, зовущие советского человека к смелым дер-

заниям во всех областях знаний, особенно нужны.

У советской приключенческой и научно-фантастической литературы совершенно иной путь развития, нежели у фантастической литературы Запада.

Например, современный американский писатель Эдгар Уолес целиком следует трафаретным приёмам детектива: грабежи, убийства, насилия, вымогательства, шантаж, месть, поджог, сумасшествие, воспевание гангстера, сыщика,

Эдгар Берроуз в своих романах во многом следует по стопам Эдгара Уолеса. В них Берроуз показывает мир колониального разбоя, грабежа, смертельной ненависти человека к человеку, превосходящей по своей жестокости борьбу за существование хищников джунглей. В фантастической трилогии Берроуза — «Дочь тысячи джедаков», «Боги на Марсе», «Владыка Марса» — фантастика совершенно не увязывается с наукой, а используется исключительно ради нагромождения приключенческих и фантастических ситуаций, переходящих иногда в сплошную фантазмагорию. Современная американская литература для юношества вся построена на дестективе, воспевании разбоя, грабежа и убийства.

Герои советских научно-фантастических романов и повестей — это учёные, деятели техники, новаторы, путешественники, изобретатели. Их облик диаметрально отличен от тех разнузданных, потерявших человеческое подобие образов, которые выведены в бесчисленных американских детективных и приключенческих романах. Это морально стойкие, духовно обогащённые в непрестанной борьбе с трудностями и природой люди, отдающие себя целиком на службу Родине.

В создании научно-фантастических романов и повестей у нас в СССР принимали участие не только писатели, но и крупные деятели науки и техники.

Так, известный геолог академик Обручев, несмотря на свою огромную научную деятельность, нашёл в себе силы и написал увлекательные романы: «Земля Санникова» и «Плутония».

Профессор Ефремов, с успехом работающий в области палеонтологии, выпустил из печати ряд повестей: «Звёздные корабли», «Встреча над Тускаророй» и т. д.

Много интересных научно-фантастических романов писателя А. Беляева выпущено Детгизом. Среди них наибольшей известностью пользуются «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и т. д.

К сожалению, все эти книги вышли довольно давно. Научно-фантастический и приключенческий жанр привлекает лишь очень небольшую группу советских литераторов. Крупные и известные писатели не питают особой склонности к этому виду литературы. И получается, что романы и повести научно-фантастического жанра за-

частую не находятся на уровне высоких требований современной литературы.

В детских библиотеках немалым спросом пользуются повести В. Немцова: «Золотое дно», «Семь цветов радуги». Однако герои повестей Немцова недостаточно живы и оригинальны по исполнению. Автор часто прибегает к шаблонным приёмам.

Такие писатели, как А. Казанцев, В. Иванов, В. Охотников, Ю. Долгушин, работающие в области научно-фантастической литературы, увлекаясь проблемами техники и науки, мало внимания уделяют разработке образов своих героев — творцов этой техники, создающих её и преобразующих природу.

Слабость нашей научно-фантастической и приключенческой литературы, видимо, можно объяснить и тем, что в издательствах существует недооценка этого жанра. Вопросы совместного развития научно-фантастического и приключенческого жанра не занимают также и наши ведущие литературные журналы: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Звезда». Даже на страницах такого журнала, как «Вокруг света», за последние годы не появлялось сколько-нибудь интересных научно-фантастических и приключенческих произведений, а между тем именно журнал «Вокруг света» должен был уделять внимание этому виду литературы.

Попутно надо отметить, что за последние годы на наших киноэкранах не появлялось научно-фантастических и приключенческих фильмов, хотя для этого имеются все возможности. Появление таких кинофильмов было бы с восторгом встречено нашей молодёжью, и она смотрела бы их со значительно большим интересом и вниманием, нежели четырёхсерийного «Тарзана».

Желательно было бы, чтобы секретариат Союза писателей помог создать специальный журнал или альманах, в котором могли бы печататься романы и повести, рассказы столь интересного и полезного жанра.

Хочется верить в то, что наши писатели, драматурги, сценаристы создадут в ближайшее время увлекательные, высокохудожественные произведения приключенческого и научно-фантастического жанра.

А. Тарасов,
инженер-механик.
Москва.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Перед Вторым Всесоюзным съездом писателей)

★

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Ольга Баркова. Трудное счастье. Роман. 520 стр. Цена 8 р. 65 к.

Владимир Беляев. Старая крепость. Трилогия. 836 стр. Цена 15 р.

Михаил Бубеннов. Белая берёза. Роман. Книги I—II. 684 стр. Цена 10 р. 85 к.

А. Волков. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века. 496 стр. Цена 11 р. 45 к.

Платон Воронько. Рождение легенды. Поэма. 40 стр. Цена 1 р. 10 к.

Расул Гамзатов. Поэмы. Авторизованный перевод с аварского. 100 стр. Цена 2 р.

Ф. Гладков. Лихая година. Повесть. 372 стр. Цена 6 р. 70 к.

М. Гусейн. Утро. Роман. 376 стр. Цена 6 р. 50 к.

Ю. Герман. Россия молодая. Исторический роман. 696 стр. Цена 11 р. 75 к.

Е. Дорош. Рассказы. 276 стр. Цена 5 р.

Василий Журавлёв. Вторая встреча. Книга стихов. 164 стр. Цена 3 р. 20 к.

Вс. Иванов. Пьесы. 428 стр. Цена 10 р. 45 к.

Вилис Лацис. К новому берегу. Роман. 680 стр. Цена 13 р. 5 к.

Вл. Масс, Мих. Червинский. Сатирические стихи. 100 стр. Цена 2 р. 5 к.

Григорий Медынский. Повесть о юности. 604 стр. Цена 10 р. 50 к.

А. Метченко. Творчество Маяковского. 1917—1924. 640 стр. Цена 14 р. 60 к.

Н. Мординов. Всенняя пора. Роман. Авторизованный перевод с якутского. 712 стр. Цена 12 р. 95 к.

Иосиф Нонешвили. Друзья повсюду. Стихи. Авторизованный перевод с грузинского. 208 стр. Цена 3 р. 35 к.

Л. Никулин. Московские зори. Роман. 692 стр. Цена 11 р.

Первые рассказы. Сборник рассказов начинающих писателей. 188 стр. Цена 3 р. 80 к.

Рассказы 1953 года. 624 стр. Цена 10 р. 70 к.

Тихон Семушкин. Чукотка. 428 стр. Цена 7 р. 25 к.

А. Смирнов-Черкезов. Мои молодые друзья. Повесть. 204 стр. Цена 3 р. 95 к.

Алексей Талвир. На Буинском тракте. Повесть. Авторизованный перевод с чувашского. 228 стр. Цена 4 р. 75 к.

В. Тендряков. Среди лесов. Повести и рассказы. 380 стр. Цена 6 р. 45 к.

Конст. Федин. Первые радости. Роман. 360 стр. Цена 6 р. 55 к.

Конст. Федин. Необыкновенное лето. Роман. 712 стр. Цена 11 р. 90 к.

Юлий Чепурин. Пьесы. 328 стр. Цена 7 р. 95 к.

Н. Шамота. О художественности. 300 стр. Цена 6 р. 80 к.

А. Якименко. «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя. 404 стр. Цена 8 р. 90 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

А. А. Блок. Избранное. 206 стр. Цена 2 р. 85 к.

И. А. Гончаров. Собрание сочинений в восьми томах. Том 7. Очерки Повести. Воспоминания. 536 стр. Цена 9 р.

М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Том 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889—1906. 600 стр. Цена 12 р.

А. М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. Архив А. М. Горького. Том IV. 448 стр. Цена 8 р. 80 к.

В. П. Ильенков. Большая дорога. Роман. 288 стр. Цена 6 р. 20 к.

В. М. Инбер. Избранные произведения в 2 томах. Том 1. Стихотворения.— Поэмы. 368 стр. Цена 9 р. 20 к. Том 2. Повести и рассказы.— Почти три года (Ленинградский дневник).— Очерки. 544 стр. Цена 10 р.

Г. Караславов. Рассказы и повести. Перевод с болгарского. 268 стр. Цена 5 р. 50 к.

Мария Конопницкая. Рассказы. Перевод с польского. 367 стр. Цена 6 р. 40 к.

Вилис Лацис. Собрание сочинений в шести томах. Перевод с латышского. Том 4. Бурия. Роман в трёх частях. Часть 2. 680 стр. Цена 11 р. 50 к.

Л. М. Леонов. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Взятие Великошумска. Повесть.— Нашествие. Лёнушка. Пьесы.— Статьи. 440 стр. Цена 9 р. 50 к.

Лу Синь. Собрание сочинений в четырёх томах. Перевод с китайского. Том I. 462 стр. Цена 8 р.

А. С. Новиков-Прибой. Рассказы. 264 стр. Цена 5 р.

Э. Ожешко. Сочинения в пяти томах. Перевод с польского. Том 4. Вепе паці (Благородные).—Прерванная идиллия.—Аргонавты. 504 стр. Цена 10 р. Том 5. Рассказы. 532 стр. Цена 10 р.

П. А. Павленко. Счастье. Роман. 292 стр. Цена 7 р. 75 к.

М. Н. Пархоменко. Иван Франко и русская литература. Издание второе, дополненное. 244 стр. Цена 7 р.

Е. Поповкин. Семья Рубанюк. Роман в двух книгах. Книга 1. Чистая Криница. 464 стр. Цена 9 р. 10 к. Книга 2. Дорога домой. 536 стр. Цена 10 р.

М. М. Пришвин. Лесной хозяин. 312 стр. Цена 4 р. 65 к.

В. Реймонт. Мужики. Роман в двух томах. Перевод с польского. Том 1. 464 стр. Цена 7 р. 70 к. Том 2. 528 стр. Цена 8 р. 60 к.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Избранные сочинения. 600 стр. Цена 21 р.

Ион Славич. Клад.—Счастливая мельница. Перевод с румынского. 224 стр. Цена 3 р. 75 к.

И. Соколов-Микитов. На тёплой земле. 852 стр. Цена 20 р. 85 к.

А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Трилогия. Книга 1. Сёстры. Книга 2. Восемнадцатый год. 580 стр. Цена 10 р. 70 к. Книга 3. Хмурое утро. 376 стр. Цена 7 р. 50 к.

Андрей Упит. Северный ветер. Роман. Перевод с латышского. 394 стр. Цена 7 р. 70 к.

А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах. Том 2. Рассказы. 1883—1884 гг. 504 стр. Цена 12 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. Д. Андреев. Ясные дали. Повесть.—Широкое течение. Роман. 416 стр. Цена 9 р. 50 к.

Николай Асанов. Ветер с моря. Роман. 504 стр. Цена 8 р. 85 к.

А. Грачёв. Тайна Красного озера. Повесть. 328 стр. Цена 5 р. 90 к.

В. Ладис. Бескрылые птицы. Роман. 580 стр. Цена 12 р. 20 к.

Леонид Леонов. Русский лес. Роман. 653 стр. Цена 13 р. 75 к.

Лев Линьков. У заставы. Рассказы. 184 стр. Цена 3 р. 80 к.

В. Овечкин. Районные будни. Очерки. 152 стр. Цена 2 р. 20 к.

Лев Ошанин. Тебе, мой друг! 126 стр. Цена 2 р. 95 к.

С. Смирнов. На полях Венгрии. 216 стр. Цена 5 р. 45 к.

А. Степанян. Золотая медаль. Повесть. Авторизованный перевод с армянского. 304 стр. Цена 5 р. 85 к.

А. Фадеев. Молодая гвардия. Роман. 576 стр. Цена 14 р. 80 к.

А. Ф. Фёдоров. Подпольный обком действует. Литературная запись Евг. Босняцкого. 610 стр. Цена 12 р. 90 к.

ДЕТГИЗ

Я. Брыль. Рассказы. Авторизованный перевод с белорусского. 112 стр. Цена 2 р. 55 к.

А. Волков. Зодчие. Исторический роман. 376 стр. Цена 6 р. 70 к.

Л. Воронкова. Беспокойный человек. Повесть. 208 стр. Цена 4 р. 30 к.

Ю. Гаецкий. Гоголь. Биографическая повесть. 326 стр. Цена 7 р. 80 к.

М. Горький. Избранные литературно-критические произведения. Статьи, доклады, речи, письма. 304 стр. Цена 6 р. 40 к.

Звено. Рассказы и стихи польских писателей. Перевод с польского. 224 стр. Цена 6 р. 50 к.

Н. Калинин. Малыши. Рассказы. 72 стр. Цена 2 р. 70 к.

Л. Карелин. На Тихой улице. Повесть. 200 стр. Цена 5 р. 15 к.

И. Карнаухова. Повесть о дружных. 246 стр. Цена 5 р. 25 к.

Г. Кублицкий. По материкам и океанам. 328 стр. Цена 6 р. 5 к.

А. Кузнецов. Гельголанд зовёт. Драма. 96 стр. Цена 2 р. 50 к.

С. Маршак. Кошкин дом. Сказка. 48 стр. Цена 4 р. 40 к.

Г. Мирошниченко. Юнармия. Повесть. 192 стр. Цена 3 р. 90 к.

Н. Островский. Как закалялась сталь. Роман. Подготовка текста А. А. Егорова и Р. П. Островской. 328 стр. Цена 9 р. 15 к.

Б. Полевой. Золото. Роман. 494 стр. Цена 10 р. 40 к.

С. Розанов. Приключения Травки. Повесть. 160 стр. Цена 3 р. 65 к.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. 40 стр. Цена 1 р. 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Б. В. Асафьев. Избранные труды. Композиторы «Могучей кучки». Том III. В. В. Стасов. 333 стр. Цена 30 р.

А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. Том I. Произведения 1829—1841 годов. 573 стр. Цена 15 р. Том 2. Статьи и фельетоны. 1841—1846. Дневник 1842—1845. 513 стр. Цена 15 р.

Горьковские чтения. 1949—1952 гг. Сборник. 448 стр. Цена 20 р. 40 к.

А. Г. Дживилегов. Итальянская народная комедия. 294 стр. Цена 13 р. 25 к.

История русской литературы. Том X. Литература 1890—1917 годов. 804 стр. Цена 44 р.

Кампанелла. Город Солнца. 225 стр. Цена 6 р.

Очерки истории белорусской советской литературы. 399 стр. Цена 11 р. 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Авлеенко. Над Тиссой. Из пограничной хроники. 244 стр. Цена 3 р. 50 к.

И. Е. Всеволожский. В морях твои дороги. Повесть. 496 стр. Цена 9 р. 40 к.

В. Гроссман. За правое дело. Роман. 655 стр. Цена 14 р. 50 к.

Т. К. Журавлёв. Рядовой Антипов. Записки офицера. 144 стр. Цена 1 р. 50 к.

В. М. Кожевников. Живой мост. (Люди нового Китая). Очерки и рассказы. 160 стр. Цена 1 р. 70 к.

И. Падерин. На главном направлении. Издание 2-е, дополненное и переработанное. 239 стр. Цена 5 р. 45 к.

Аркадий Первенцев. Люди одного экипажа. Рассказы. 152 стр. Цена 1 р. 65 к.

Д. Ткач. Крутая волна. Повесть. Авторизованный перевод с украинского. 240 стр. Цена 4 р. 80 к.

Д. А. Фурманов. Чапаев. 276 стр. Цена 6 р. 30 к.

Н. Н. Шпанов. Это было на Севере. Повесть. 48 стр. Цена 50 к.

Юань Цзинь, Кун Цзюэ. Спаянные на жизнь и смерть. Повесть. Перевод с китайского. 62 стр. Цена 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жоржи Амаду. Подполье свободы. Роман. Перевод с португальского. 862 стр. Цена 31 р.

А. Д. Гравина. Границы, открытые ветру. Роман. Перевод с испанского. 317 стр. Цена 10 р.

Дин Лин. Избранное. Перевод с китайского. 350 стр. Цена 10 р. 60 к.

Мирослав Жулавский. Красная река. Роман. Перевод с польского. 178 стр. Цена 4 р. 95 к.

Х. К. Лакснесс. Атомная станция. Роман. Перевод с исландского. 254 стр. Цена 6 р. 25 к.

Иван Мартинов. Повести. Перевод с болгарского. 104 стр. Цена 2 р. 80 к.

Пабло Неруда. Всеобщая песнь. Поэма. Перевод с испанского. 344 стр. Цена 12 р. 15 к.

К. С. Причард. Золотые мили. 2-е издание. Перевод с английского. 471 стр. Цена 14 р. 25 к.

К. С. Причард. Девяностые годы. 2-е издание. Перевод с английского. 510 стр. Цена 15 р. 65 к.

«ИСКУССТВО»

А. Арбузов. Годы странствий. Пьеса. 100 стр. Цена 1 р. 80 к.

Вопросы кинодраматургии. Выпуск 1. 318 стр. Цена 15 р. 50 к.

И. Луковский. Марат. Пьеса. 127 стр. Цена 2 р. 40 к.

К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. 543 стр. Цена 16 р.

Х. Херсонский. Борис Щукин. 275 стр. Цена 15 р. 25 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Ю. Л. Акимов. Проблема типического в художественной литературе. 80 стр. Цена 1 р. 40 к.

Н. Н. Матвеев-Бодрый. Николай Алексеевич Островский. 48 стр. Цена 90 к.

Е. Привалова. Основные черты советской детской литературы. 59 стр. Цена 1 р. 35 к.

З. В. Рубашева. Образ советской женщины в художественной литературе. 40 стр. Цена 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГУ

А. И. Ефимов. История русского литературного языка. 430 стр. Цена 12 р.

Славянская филология. Сборник статей. 184 стр. Цена 8 р. 85 к.

Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир. Сборник статей. 224 стр. Цена 8 р. 70 к.

ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ

А. Бек, Н. Лойко. Молодые люди. Роман. 343 стр. Цена 6 р. 95 к.

АЙПЕТРАТ

Армянские рассказы. В двух книгах. Перевод с армянского. Книга 1. 479 стр. Цена 10 р. 10 к. Книга 2. 563 стр. Цена 10 р. 50 к.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. Коничев. В местах отдалённых. Повесть. 220 стр. Цена 4 р. 40 к.

ВЛАДИМИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Ганабин. Избранное. Стихи. 120 стр. Цена 3 р.

ЛАТГОСИЗДАТ

Пётр Стальной. Гроза на Даугаве. Роман. Книга 1. 418 стр. Цена 7 р. 70 к.

Ян Райнис. Собрание сочинений в трёх томах. Перевод с латышского. Том 1. Лирика. 1890—1929. — Поэма «Ave Sol!». 655 стр. Цена 8 р. 25 к.

А. Упит. Писатель о себе. Перевод с латышского. 139 стр. Цена 2 р. 65 к.

ЛЕНИЗДАТ

М. Водопьянов. Полярный лётчик. Рассказы. 200 стр. Цена 4 р. 70 к.

Е. Воеводин, Э. Талунтис. Совсем недавно. Повесть. 296 стр. Цена 4 р. 15 к.

Ю. Клименченко. Истинный курс. Повесть. 232 стр. Цена 4 р. 65 к.

С. Подъячев. Избранные произведения. 392 стр. Цена 6 р.

Е. Фёдоров. Большая судьба. Роман. 444 стр. Цена 8 р. 80 к.

МОЛДАВГИЗ

А. М. Липкан. Пробуждение. Роман. Авторизованный перевод с молдавского. 415 стр. Цена 6 р. 95 к.

НОВОСИБИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В боевом строю. Сборник произведений писателей-сибиряков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. 224 стр. Цена 5 р. 40 к.

В. Лаврентьев. Пьесы. 132 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. А. Мисюрев. Предания и сказы Западной Сибири. 108 стр. Цена 2 р. 75 к.

МОЛОТОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Александр Макаров. Отвагою богаты. Роман. 367 стр. Цена 6 р. 80 к.

Н. Сластиников. Счастливые дни Алёши Багрянцева. Повесть. 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

ПЕНЗЕНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Нефёдов. Зелёная улица. Повесть. 150 стр. Цена 2 р. 55 к.

ПРИМОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Павлухин. Серебряная страна. Стихи. 92 стр. Цена 1 р. 25 к.

М. Самунин. Здравствуйте, Курилы! Повесть. 96 стр. Цена 3 р. 25 к.

«РАДЯНСКИЙ ПИСЬМЕННИК»

Пётр Гуцал. Австралийская трагедия. Записки советского моряка. 332 стр. Цена 4 р. 65 к.

Г. Квитка-Основьяненко. Повести. 592 стр. Цена 12 р. 60 к.

ТАДЖИКГОСИЗДАТ

Таджикская советская литература. Сборник статей. Перевод с таджикского. 416 стр. Цена 9 р. 60 к.

УДМУРТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Молодые голоса. Сборник стихов молодых поэтов. Перевод с удмуртского. 60 стр. Цена 1 р.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“ за 1954 год

★

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ, ПЬЕСЫ, КИНОСЦЕНАРИИ

- Нора Адамян.** Трудная встреча. Рассказ. VI—98.
- Сергей Антонов.** Новый сотрудник. Рассказ. III—50.
- Борис Бедный.** Старший возраст. Рассказ. VII—96.
- А. Бек, Н. Лойно.** Молодые люди. Роман. VII—3; VIII—57; IX—63.
- В. Беспалов.** В воскресный день. Рассказ. VII—128.
- М. Ганина.** Первые испытания. Повесть. IV—3; V—82.
- Фёдор Гладнов.** Лихая година. Повесть. I—35; II—3; III—60; IV—100.
- Олесь Гончар.** Пусть горит огонёк. Повесть. Перевод с украинского С. Григорьевой. X—69.
- Борис Горбатов.** Прощание. Из второй книги романа «Донбасс». VII—76.
- Борис Горбатов.** Донбасс. Из второй книги романа. Послесловие В. Галина и К. Симонова. XII—18.
- Джованни Джерманетто.** Серебряная туфелька. Рассказ. Перевод с итальянского З. Потаповой. IX—140.
- С. Журахович.** Дела весенние. Рассказ. Перевод с украинского А. Островского. IX—8.
- С. Залыгин.** Весной нынешнего года. Очерки. VIII—3.
- Луиджи Инкорonato.** В день выборов. Рассказ. Перевод с итальянского З. Потаповой. IX—133.
- Вадим Кожевников.** Встречи в Китае. I—123.
- Александр Корнейчук.** Крылья. Пьеса. Перевод с украинского. XI—3.
- Ли Чжунь.** Не по тому пути. Рассказ. Перевод с китайского Д. Воскресенского, М. Шнейдера. X—103.
- В. Некрасов.** В родном городе. Повесть. X—3; XI—97.
- Валентин Овечкин.** В том же районе (Продолжение очерков «Районные будни» и «На переднем крае»). III—8.
- Анна-Мария Ортезе.** Очки. Рассказ. Перевод с итальянского З. Потаповой. IX—124.
- Сергей Остроумов.** Рассказы об Иране: Задержка в пути; Джемшид; Конец старого Касыма; Она не окончила школу. V—170.
- Александр Письменный.** В селе Унгорянца. Рассказ. IX—42.
- М. Пришвин.** Корабельная чащѣ. Повесть-сказка. V—12; VI—117.
- Матей Сломчинский.** Рассказ о непослушном сыне. Перевод с польского Валериана Арцимовича. VIII—128.
- С. Смирнов.** Сталинград на Днепре (К 10-летию Корсунь-Шевченковской битвы). II—149; III—113.
- В. Тендряков.** Ненастье. Очерк. II—66.
- В. Тендряков.** Не ко двору. Повесть. VI—42.
- Г. Троепольский.** Один день. Из записок агронома. I—99.
- Г. Троепольский.** Соседи. Рассказ. IV—80.
- Г. Троепольский.** У Крутого Яра. Рассказ. IX—22.
- Майкл Уилсон.** Соль земли. Киносценарий. Перевод с английского И. Кулаковской, М. Тарховой. VII—140.
- Говард Фаст.** Подвиг Сажко и Ванцетти. Роман. Перевод с английского Е. Голышевой и В. Изакова. I—135; II—91.

ПОЭМЫ И СТИХИ

- Илья Авраменко.** До встречи на Енисее. Стихотворение. IX—122.
- Маргарит Аллигер.** Первое стихотворение. I—3.
- Павел Антокольский.** В переулке за Арбатом. Поэма. XI—51.
- Петрусь Еровна.** Новые стихи: Теплоход «Украина»; Такая пора...; Криница; Где двадцать лет...; Гармонист на улице играет...; Счетовод; Бондарь. Перевод с белорусского Дмитрия Осина. II—62.
- Константин Ваншенкин.** Сердце матери. Поэма. XII—9.
- Расул Гамзатов.** У очага. Стихи. Перевод с аварского Н. Гребнева. VI—186.
- Николаас Гильен.** Новые стихи: Поэтическое искусство; Колыбельная,— чтобы разбудить маленького негра. Перевод с испанского О. Савича. VII—74.
- Николай Грибачёв.** Своему сердцу. Стихи. XI—182.
- Из марийских народных песен.** Перевод с марийского С. Поделкова. XII—97.
- Сайфи Кудаш.** Присвоив насильственно славу поэта... Стихи. Перевод с башкирского М. Петровых. XI—184.
- Аркадий Кулешов.** Есть у каждого бор. Стихи. Перевод с белорусского Якова Хелемского. X—66.

Абулькасим Лахути. Страница славы. Стихи. Перевод с фарси Т. Спендиаровой. II—86.

М. Луконин. Два стихотворения: Знакомой красавице; «Люблю без памяти...» IX—59.

Марк Максимов. Сказка. Стихи. XI—179.

Андрей Малышко. Из «Книги братьев». Стихи: Вступление (отрывок). Перевод с украинского М. Максимова. Корсунское поле (песня). Перевод с украинского Александра Прокофьева. За речкою, за Самаркою. Перевод с украинского Марии Комиссаровой. Баллада про беду; Вдова; Дорога. Перевод с украинского М. Максимова. Танец. Перевод с украинского Александра Прокофьева. V—3.

С. Маршак. Времена и люди. Из книги «Начало века». Стихи: Владимир Стасов; Начало века; Молодой Горький; Шалапин; Ялта. XII—37.

Сергей Михалков. Дядя Стёпа милиционер. Поэма. XII—3.

Алексис Парнис. Сказание о Белоюниине. Перевод с греческого Н. Разговорова. VI—3.

Леонид Первомайский. На крутых берегах. Поэма. Авторизованный перевод с украинского Марии Комиссаровой. I—6.

Н. Первалов. Четыре стихотворения: Пройденное поле; Начало; Дума сибиряка; Иня. VIII—125.

Александр Прокофьев. Заречье. Стихи: Земляки; На солнечном плёсе; Зима идёт...; Предвеснее; Радуга. IV—77.

Борис Рабичкин. Два стихотворения: Оливия; Мы здесь каждому гостю рады.. VI—96.

Аркадий Рыалин. Туча. Стихотворение. IX—62.

В. Семёнов. На берегах Оки. Стихи. VII—138.

В. Сергеев. В этом доме привыкли ко мне... Стихи. VII—139.

Константин Симонов. Из новой книги стихов: 1 октября 1949 года (Памяти погибших друзей); Переправа через Янцзы; В гостях у Шоу; Письмо из Аргентины. V—70.

Константин Симонов. Три стихотворения. Памяти Бориса Горбатова. XI—185.

А. Твардовский. Ленинское знамя. Стихи. I—3.

А. Твардовский. За далью—даль (См. «Новый мир» № 6 за 1953 год). III—3.

Яков Ухсай. Дед Кельбук. Из повести в стихах. Переводы с чувашского Льва Пеньковского, Николая Чуковского. V—158.

Степан Щипачёв. Тень облачка скользит по раме... Стихи. IV—99.

Степан Щипачёв. Вот она, деревня Щипачи... Стихи. VIII—56.

Тамара Ян. Возница. Стихи. VI—95.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Из китайской классической поэзии: Цюй Юань. Плачу по столице Ину. Тао Юаньмин. В год гуймао в начале весны думаю о старом деревенском доме. Мэн Хао-жань. В конце года я вернулся на гору Чжуннань. Ли Бо. На Озере Персиковых Цветов (Ван Луню). Гао Ши. Ночью расстаюсь с другом. Чжан Цзи. Я ночую в доме рыбака. Бо Цзюй-и. Я впервые на Тайханской дороге; Я смотрю, как убирают пшеницу. Перевод Л. Эйлина. X—114.

С. Маршак. Из латышской народной поэзии: Колыбельная; Рижский замок; Песня про Саню; Пьяный хмель и старый дед...; Чёрен пахарь в день рабочий...; Коту не водиться среди горностаев...; Что ты, барин, делать будешь...; Кто там воет...; Думу думал я...; Огонёк горит в светлице...; Мне милее этот свет; Матушка моя; Совушка; Что за грохот...; Перед печкой вечером...; Серый кот сидит на камне...; Петушок; Всем деревьям по подарку; Поле чёрное...; Друзья и братья. VII—193.

Юлиан Тувим. Из цикла стихов «Цветы Польши». Перевод с польского Николая Чуковского. XII—106.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Д. Краминев. Американские встречи. III—157; IV—154.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ольга Берггольц. Поездка прошлого года. X—122.

Курй Герман. Будем строгими к себе. XI—214

И. Горбунов. Между Окой и Волгой. XII—135.

Дин Лин. О литературе и писателях. Перевод с китайского Г. Головнева. V—253.

Юрий Долгушин. Поговорим всерьёз. XII—155.

С. Залыгин. Работая над очерком... XII—114.

В. Каверин. Поиски и решения. XI—187.
Г. Макгоменно. Против «тления слова-сырца!» XII—124.

Константин Паустовский. Большие надежды. XI—198.

М. Пришвин. Завлекающий рассказ. XI—203.

В. Тэндрыков. В защиту положительного героя. XI—209.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Иван Зыков. В лесном краю. VIII—144.

С. Морозов. Близкая Арктика. Из дневников. IX—143.

ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

Роберт Бёрнс о себе. Перевод и примечания Р. Райт-Ковалёвой. VI—187.

М. Дрездова. Из воспоминаний об А. П. Чехове. VII—211.

Между двумя съездами. XI—222; XII—162.

Р. Островская. Из воспоминаний о Николае Островском. X—177.

Советская литература за рубежом. XII—225.

Н. Федоренко. Встречи с китайскими писателями. IX—177; X—197.

ПУБЛИЦИСТИКА

Б. Абрамов, инженер. Энергия великих рек. VIII—183.

В. Владко. Накануне всенародного праздника (Письмо из Киева). V—214.

Великий продолжатель дела Ленина. К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина. XII—100.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

А. Аликин. Стихи молодого поэта (Ваагн Давтян. «Рассвет в горах»). V—264.

В. Аникин. Новое исследование о Бажове (М. А. Батин. «Творчество П. П. Бажова»). IX—259.

Ник. Арденс. Л. Н. Толстой в Китайской Народной Республике (Материалы для настоящей статьи были собраны по указанию товарища Го Мо-жо научными сотрудниками Комитета по делам культуры и просвещения при Центральном Народном Правительстве КНР товарищами Ли Сы-ми, Ци Чжи-фын и другими). V—269.

С. Бабёнышева. Повесть о колхозе (Анна Вальцева. «Осень в Щеглах». Повесть). I—263.

Я. Билинкис. Творческий путь Некрасова (В. Е. Евгеньев-Максимов. «Творческий путь Н. А. Некрасова»). III—253.

З. Богуславская. Творчество Тренёва (Е. Сурков. «К. А. Тренёв»). II—270.

В. Борисов. Новые веяния в арабской литературе (Жорж Ханна. «Жрецы храма»). V—266.

Дм. Брудный. Киргизский театр (Н. Львов. «Киргизский театр»). VIII—246.

М. Вовченко. Патриотическая пьеса Ивана Франко (Иван Франко. «Сон князя Святослава». Драма-сказка в пяти действиях). III—248.

Ю. Гаврилов. «Избранное» Сватоплука Чеха (Сватоплук Чех. «Избранное». Перевод с чешского). VIII—257.

Е. Герасимов. Больше творческой смелости! (А. Шаров. «Путешествие продолжается». Повести и рассказы). X—257.

Ю. Герман. Повесть о русских полярных мореходах (К. Вадигин. «Путь на Грумант. Поморская быль»). II—264.

Е. Городецкая. «Дорога в жизнь» (Ф. Вигдорова. «Дорога в жизнь». Повесть). VIII—245.

В. Гура. Литература и библиография (Н. Мацуев. «Советская художественная литература и критика 1949—1951 гг. Библиография»). IV—260.

Н. Денисов, полковник. Три книги о советских лётчиках (В. Мельник. «Истребители». Повесть. В. Тимофеев. «Штурмовики (записки авиационного командира)». Документальная повесть. Г. Семенихин. «Испытание». Повесть). III—240.

Н. Дьяконова. «История английской литературы» («История английской литературы». Том II, выпуск первый). X—263.

И. Зайцев. Повесть о Прокофии Нектове (С. Кузменко. «Снова в строю». Повесть). VIII—241.

Ю. Карасёв. «Звезда Востока» (Журнал «Звезда Востока». № 8, 1952 г.—№ 10, 1953 г.). II—255.

В. Кардин. «Советское Приморье» (Альманах «Советское Приморье», №№ 12 и 14 за 1952 год и № 15 за 1953 год). III—232.

В. Кардин. Серый роман (Илья Кремлёв. «Солдаты революции»). VI—265.

И. Козлов. «Под Наро-Фоминском» (Вл. Соловьёв. «Под Наро-Фоминском». Литературная обработка А. Субботина). I—267.

И. Козлов. «Когда крепости не сдаются» (С. Голубов. «Когда крепости не сдаются». Роман). IV—243.

М. Козьмин. За научную биографию Фёдора Волкова («Ф. Г. Волков и русский театр его времени». Сборник материалов). VII—257.

В. Ланшин. О мастерстве драматурга (В. Ромашов. «Драматург и театр»). IV—256.

К. Лапин. «Дети большого дома» (Рачия Кочар. «Дети большого дома». Часть первая. Авторизованный перевод Арусь Тадеосян). VI—272.

Г. Ленобль. Удачный рассказ (А. Мусатов. «Надежда Егоровна». Рассказ). IX—265.

Н. Леонтьев. Альманах «Север» («Север». Литературно-художественный альманах, №№ 13 и 14 за 1953 год). IV—237.

И. Липпай. Венгерская художественная проза («Венгерские повести и рассказы»). VIII—254.

Л. Лозинская, Е. Фраднина. Роман о рабочих демократической Германии (Эдуард Клауднус. «О тех, кто с нами». Перевод с немецкого В. Станевич и И. Татариновой). IV—264.

С. Малошицкий. Новый украинско-русский словарь («Українсько-російський словник»). I—269.

Л. Михайлова. Сочинения А. И. Куприна (А. И. Куприн. Сочинения в 3 томах). IX—252.

Н. Муравина. «Её судьба» (П. Дудочкин. «Её судьба». Роман). VII—254.

А. Наркевич. Детская литература в изложении А. Гречишниковой (А. Д. Гречишниковой. «Советская детская литература»). IV—252.

Вл. Николаев. Новый друг (Лев Кассиль. «Ранний восход»). IV—250.

А. Павловский. «В дальней стороне» (Пётр Воронин. «В дальней стороне». Роман). VI—263.

Е. Пивторадни. Книга о Ярославе Галане (Ю. Мельничук. «Ярослав Галан. Життя, революційна і літературна діяльність»). IX—261.

К. Поздняев. Первая повесть (Наталья Давыдова. «Будни и праздники». Повесть). VII—246.

Г. Рабинович. Книга о Ванде Василевской (Е. Усиевич. «Ванда Василевская». Критико-биографический очерк). VI—274.

М. Рыльский. «Энеида» И. П. Котляревского на русском языке (И. П. Котляревский. «Энеида». Перевод с украинского И. Брагинина). III—245.

М. Соловьёв, кандидат исторических наук. В древнем царстве Урарту (К. Моисеева. «В древнем царстве Урарту». Историческая повесть). III—255.

П. Топер. «Новая немецкая литература» («Neue deutsche Literatur» №№ 1—10 за 1953 год). III—258.

И. Трофимов. Художник слова (Александр Перегудов. «Новиков-Прибой. Повесть о писателе-друге»). IV—247.

Ярослав Галан. О чём нельзя забывать. Перевод с украинского Л. Шапино. II—192.

Л. Делюсин. Народный Китай — великая держава. X—149.

О. Добролюбский, кандидат химических наук. Неиспользованные резервы. II—197.

В. Доброхвалов, кандидат биологических наук. Реальные возможности. Перед Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой. VII—198.

Олег Накропин. Угроза европейской безопасности. I—234.

Н. Немов. Об экономии и бережливости. I—220.

С. Сутоцкий. Под знаменем ленинизма (К 30-летию со дня смерти В. И. Ленина). I—181.

С. Сутоцкий. Начало большого года (Внутреннее обозрение). V—194.

В. Шутой. Воссоединение Украины с Россией (Историческая справка). I—213.

В. Щербина. В. И. Ленин и проблема народности литературы (К 30-летию со дня смерти В. И. Ленина). I—198.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

А. Винтер, академик; **А. Маркин,** инженер. Энергетика в борьбе за изобилие. IV—143.

А. Несмеянов, кандидат химических наук. Метод меченых атомов. VIII—195.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Г. Абов, проф. В борьбе за реализм. К 125-летию со дня рождения М. Налбандяна. XII—258.

Ф. Абрамов. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки). IV—210.

Мухтар Ауэзов. Жизнь и творчество Абая. VII—233.

С. Васильюк. За передовую науку о народном поэтическом творчестве (О советском фольклоре). VIII—226.

И. Верцман. Генри Филдинг, великий просветитель и гуманист. X—245.

Е. Городецкая. Украинская поэзия для детей. V—242.

А. Дементьев. Партия и вопросы литературного языка (Краткий обзор материалов). VI—215.

А. Дементьев, С. Сутоцкий. Партия — руководитель советской печати и литературы. IX—209.

Ф. Евнин. «Счастье» (Об одном рассказе А. П. Чехова). VII—223.

П. Карп, Б. Томашевский. Высокое мастерство (Вопросы перевода). IX—233.

А. Кондратович. Живые заветы. X—219.

Зоя Крахмальникова. Перевод и подлинник (Вопросы перевода). IX—244.

Мих. Лифшиц. Дневник Мариэтты Шагинян. II—206.

С. Машинский. Украинские классики в русских переводах. III—223.

Т. Мотылёва. Мария Пуйманова. VI—248.

А. Нечаев, Н. Рыбанова. О пользе критики и о вреде нигилизма (О советском фольклоре). VIII—216.

Об ошибках журнала «Новый мир». Резолюция президиума правления Союза советских писателей. От редакционной коллегии журнала «Новый мир». IX—3.

От редакции (О советском фольклоре). VIII—237.

В. Паннов. Роман Ф. Панфёрова «Волгататюшка река». I—247.

Л. Перцетская. Фольклор советского времени (О советском фольклоре). VIII—224.

Максим Рыльский. Из размышлений переводчика (Вопросы перевода). Перевод с украинского. IX—227.

Е. Трущенко. Социалистический реализм и прогрессивная литература зарубежных стран. X—234.

В. Чичеров. Проблемы изучения советского народного поэтического творчества (О советском фольклоре). VIII—203.

Корней Чуковский. От дилетантизма к науке. Заметки текстолога. II—232.

Марк Щеглов. «Русский лес» Леонида Леонова. V—220.

По страницам журнальной прозы

З. Гусева. На главном направлении (Галина Николаева. «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», Журнал «Знамя», № 9 за 1954 год). XI—258.

В. Кардин. Мелкое решение глубокой темы (Леонид Борисов. «Утро обещает», Журнал «Звезда», № 6 за 1954 год). XI—280.

Г. Петухов. Неоправданные положения и надуманные конфликты (В. Ревунов. «Меж крутых берегов». Повесть. Журнал «Октябрь», №№ 1, 2 за 1954 год). XI—273.

Б. Рунин. О славном походе (Роман Палехов. «Через перевалы». Журнал «Дальний Восток», №№ 2, 3, 4 за 1954 год). XI—268.

Л. Скорино. Начало пути (А. Сахнин. «Тучи на рассвете». Роман. Журнал «Знамя», №№ 2, 3 за 1954 год). XI—276.

В. Сурвилло. Идея гуманизма (Николай Чуковский. «Балтийское небо». Роман. Журнал «Знамя», №№ 6, 7, 8, 9 за 1954 год). XI—262.

Ю. Суворцев, М. Щеглов. Новаторство — это борьба! (Д. Гранин. «Искатели». Роман. Журнал «Звезда», №№ 7, 8 за 1954 год). XI—250.

Ю. Шарапов. Повесть о работниках торговли (Н. Аргунова. «Двери раскрыты настежь». Журнал «Знамя», №№ 4, 5, 6 за 1954 год). XI—284.

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

С. Гиацинтова. У книжной полки. XII—246.
Н. Жуков. Воспитание вкуса: Заметки художника. X—159.

Галина Уланова. Школа балерины. III—210.

Галина Уланова. Париж — Берлин. IX—163.

Трибуна читателя

О культуре речи. IV—232.

Слово к писателям. XII—266.

С. Турæв. Героическая трагедия Фридриха Вольфа. (Friedrich Wolf. „Thomas Münzer. Der Mann mit der Regenbogenfahne“. Ein Schauspiel. Фридрих Вольф. «Томас Мюнцер. Человек с радугой на знамени». Драма). X—260.

Я. Фрид. Пьер Гамарра и его роман «Розали Брусс» (Pierre Gamarra. „Rosalie Brousse“. Roman. Пьер Гамарра. «Розали Брусс». Роман). VII—263.

А. Чернов. Очерки о колхозной деревне (И. Рябов. «Новый горизонт». Очерки). X—254.

А. Штейн. Драматургия Пушкина (Б. П. Городецкий. «Драматургия Пушкина»). VIII—250.

М. Щеглов. Жизнь замечательного человека (М. Ильин и Е. Сегал. «Александр Порфирьевич Бородин»). I—258.

М. Щеглов. Перо вальдшнепа (Виталий Бианки. Рассказы и сказки). VII—251.

Я. Эльсберг. Язык писателя (А. И. Ефимов. «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина»). IX—267.

Политика и наука

Ю. Арбатов. Кому нужна «холодная война» (Carl Marzani. We Can Be Friends*. Карл Марзани. «Мы можем быть друзьями»). I—276.

А. Асеев. Основоположник научного степного лесоразведения (А. Г. Исаченко. «Георгий Николаевич Высоцкий — выдающийся отечественный географ»). IV—283.

Л. Баграмов. Слово очевидцев («Двјетј свјдјкјв. Розповјдј про Америку»). IV—271.

Л. Безыменский. Мемуары военного преступника (Franz von Papen. „Der Wahrheit eine Gasse“. Франц фон Папен. «Дорогу правде»). I—280.

Руд. Бершадский. Без ясной цели (Б. В. Ляпунов. «Из глубины веков»). V—284.

Ф. Бублейников, инженер-геолог. Советская наука о строении Земли (В. Ф. Бончковский. «Внутреннее строение Земли»). IV—280.

В. Волгин, А. Алексеенко. Разоблачение политики боннских реваншистов („Voll be-reitet Revanchekrieg vor“. «Бонн готовится к реваншистской войне»). VI—276.

С. Воробьёв, кандидат сельскохозяйственных наук. Книга об освоении целинных земель (М. А. Павловский. «Освоение земель нечернозёмной полосы»). V—280.

И. Греков, кандидат исторических наук; **А. Мальцев,** кандидат исторических наук. Единство навсегда («Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах»). V—271.

М. Грецов, кандидат военных наук. Очерк истории Великой Отечественной войны (Ф. Д. Воробьёв и В. М. Кравцов. «Победы Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткий очерк)»). VII—265.

А. Гулыга, кандидат исторических наук. Уроки прошлого (William Appleman William*. „American-Russian Relations. 1781—1947“. Вильям Эпплемен Вильямс. «Американо-русские отношения. 1781—1947»). VII—275.

В. Дворцов. Америка в прошлом и настоящим (Уильям З. Фостер. «Очерк политической истории Америки». Перевод с английского). IV—274.

В. Дмитриев, кандидат экономических наук. Русские новаторы железнодорожной техники («Очерки развития железнодорожной науки и техники. Сборник статей»). IV—277.

О. Добролюбский, кандидат химических наук. Книга о русских химиках (С. А. Валезин, С. Д. Бесков. «Выдающиеся русские учёные-химики»). X—277.

М. Дурденевская. Первый русский геолог (Д. И. Гордеев. «М. В. Ломоносов — основоположник геологической науки»). VIII—277.

Л. Еремеев. Энциклопедия современных знаний о Мировом океане («Морской Атлас. Том II — физико-географический»). VII—268.

В. Жаров. Сражающийся Вьетнам (Т. Николаев. «Великие перемены во Вьетнаме»). II—279.

В. Завадский. По твёрдому курсу (Вл. Пьянков, П. Мельников. «В новой Румынии»). IV—267.

Вал. Зорин. «Остановите печатные машины!» (G. Marion. „Stop the press!“ Д. Марион. «Остановите печатные машины!»). II—276.

Вал. Зорин. Всевластие монополий в США („Billionaire corporation“. «Корпорации-миллиардеры»). X—268.

И. Иноземцев. В мире минералов (А. Е. Ферсман. «Занимательная минералогия»). II—283.

И. Кожевникова. Путь предательства (В. Н. Никифоров. «Гоминдановские реакционеры — предатели Китая»). VII—278.

И. Крупеников. Теория и практика северного земледелия (В. П. Дадыкин. «Как живёт растение на Крайнем Севере»). VI—282.

Б. Кузнецов, кандидат экономических наук. Крестьянский вопрос во Франции (Вальдек Роше. «Путь к освобождению крестьянства»). IX—275.

С. Кузнецова, кандидат исторических наук. Славная жизнь (Stanley Harrson. „Good to be alive. The story of Jack Brant“. Стэнли Харрисон. «Хорошо быть живым. История Джека Брента»). X—272.

Д. Лебедев, доктор географических наук; **Л. Каманин,** кандидат географических наук. Открытия советских географов (Н. А. Гвоздецкий. «Как были стёрты «белые пятна» с карты СССР»). III—278.

В. Лейкина-Свирская, кандидат исторических наук. Публицистика петрашевцев («Философские и общественно-политические произведения петрашевцев»). IX—278.

Вен. Мотылёв. Американские женщины на работе и дома (Grace Hutchins. „Women who Work“. Грейс Хатчинс. «Трудящиеся женщины»). III—265.

Е. Немировский. Журнал советских полиграфистов (Журнал «Полиграфическое производство». №№ 1—9 за 1953 год, 1—2 за 1954 год). X—281.

А. Николаева, кандидат исторических наук. Уникальные памятники (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)»). I—283.

А. Николаева, кандидат исторических наук. Москва в XVIII веке («История Москвы. Том второй. Период феодализма XVIII в.»). III—272.

О. Писаржевский. Новые элементы в периодической системе (В. И. Гольданский. «Новые элементы в периодической системе Д. И. Менделеева»). IX—231.

В. Покшишевский, доктор географических наук. Неизбежные спутники капитализма («Вопросы географии капиталистических стран. 1. Расхищение природных ресурсов»). VIII—266.

Б. Розен, кандидат химических наук. Создатель современной физической химии (А. И. Беллев. «Николай Николаевич Бекетов — выдающийся русский физико-химик и металлург. 1827—1911»). VII—283.

Н. Симонов. Опыт передового совхоза (М. Г. Ширман. «Совхоз имени Сталина»). II—273.

М. Соловьёв, кандидат исторических наук. К истории древней Руси («По следам древних культур. Древняя Русь»). VIII—274.

А. Стадниченко. Молодёжь нового Китая (М. Капица. «Молодёжь великого Китая»). III—262.

А. Стадниченко. География великого Китая (Чу Шао-тан. «География нового Китая». Перевод с китайского) IX—272.

А. Султанов, кандидат исторических наук. Разоблачение феодальной реакции в Египте (Халед Мухаммед Халед. «Отсюда начнём!» (На арабском языке). VII—281.

М. Сустанов, А. Пятницкий. О научно-популярной технической литературе. X—273.

Д. Уманский. Правда о войне во Вьетнаме (Günter Halle. «Légion étrangère». Гюнтер Галле. «Иностраннный легион»). VI—279.

П. Федоренко. Техника древней Руси (Б. А. Колчин. «Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период»). III—281.

И. Халифман, кандидат биологических наук. Родина картофеля (В. Н. Черкасов. «Об истории картофеля»). VII—272.

Е. Черняк, кандидат исторических наук. Исторические корни англо-американских противоречий (E. John. «Atlantic impact 1801». Э. Джон. «Атлантическое столкновение 1861 года». H. Roberts and P. Wilson. «Britain and the United States. Problems in cooperation». Г. Робертс и П. Вильсон. «Британия и Соединённые Штаты. Проблемы сотрудничества»). VIII—262.

А. Шарнов, кандидат экономических наук. Бедствия трудящихся Японии (А. Кожин. «Япония сегодня»). VIII—270.

Е. Шведов. Друзья и враги немецкого народа (Karl Wittel. «Die Feinde der deutschen Nation». Карл Виттель. «Враги немецкой нации»). V—276.

Ю. Шилин. Экономика современного капитализма («Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». Статистический сборник). III—269.

С. Шмидт, кандидат исторических наук. Интересное исследование (Н. А. Пенчко. «Основание Московского университета»). VIII—280.

В. Яковлев. Недостатки монографии о передовом колхозе (М. П. Осадько. «Экономический очерк о колхозе имени Ленина»). I—271.

Книжные новинки: I—287; II—286; III—284; IV—286; V—286; VI—285; VII—285; VIII—284; IX—286; X—286; XI—287; XII—279.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

С. П. Антонов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),
А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора), **Б. А. Лавренёв,**
М. К. Луконин, С. Б. Сутоцкий, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 4/XI-54 г.

А 08356. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

9 бум л.—24,66 печ.

Подписано к печати 9/XII-54 г.

Тираж 140.000. Заказ № 2742.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 7 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1955 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Н О В Ы Й
М И Р

Журнал „Новый мир“ выходит
в переплёте и без переплёта

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1955 год:

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
В переплёте	108 р.	54 р.	27 р.
Без переплёта	84 р.	42 р.	21 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

„Союзпечать“, всеми почтовыми конторами
и уполномоченными железнодорожных
издательств на транспорте.